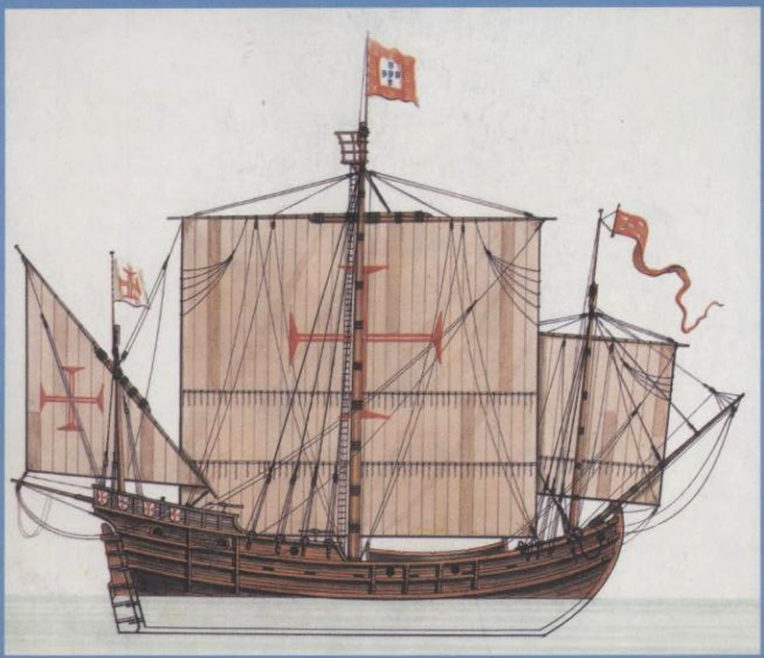
А. М. ХАЗАНОВ

Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.)



Институт востоковедения РАН
Российская Академия естественных наук
Международная Академия наук и искусств

А. М. ХАЗАНОВ

Португалия и мусульманский мир (XV—XVI вв.)

Москва 2003

УДК 327(469)
ББК 66.4(4Пор)
Х 14

Ответственный редактор:
академик РАЕН, профессор В.А. Заир-Бек

Хазанов А.М.
Португалия и мусульманский мир (XV—XVI вв.)
М.: РАУ-Университет, 2003. — 320 с.

Аннотация

Книга знакомит читателей с историей колониальной экспансии Португалии в мусульманских странах Азии и Африки в XV—XVI вв. Основываясь на широком круге источников, которые автор изучал в архивах и библиотеках Португалии, в живой и увлекательной форме описаны португальские попытки завоевания Марокко, Восточной Африки, бассейнов Красного моря и Персидского залива, Индии и Юго-Восточной Азии; борьба португальцев с арабами, мамлюками и турками за обладание Индийским океаном.

В книге даны яркие характеристики архитекторов португальской колониальной империи — Франсишку де Алмейды, Афонсу де Албукерки и других. Книга рассчитана на читателей, интересующихся историей.

Карт — 1, рис. — 4, библ. назв. — 390.

ББК 66.4(4Пор)

ISBN 5—86014—146—7

© Хазанов А.М., 2003.
© РАУ-Университет, 2003.

ВВЕДЕНИЕ

Причины ранней колониальной экспансии Португалии связаны с особенностями ее исторического развития. Португалия завершила Реконкисту в середине XIII века, почти на два с половиной столетия раньше, чем соседняя Кастилия. В борьбе с маврами (арабами) окрепла королевская власть, опиравшаяся на мелкопоместных дворян (фидалгу), купечество Лиссабона и Порту. В результате значительно раньше, чем в других пиренейских государствах, в Португалии сложилась абсолютистская форма монархического правления. Правящая верхушка побудила королевскую власть вступить на путь колониальных захватов.

Несмотря на поразительные успехи Португалии — создание огромной колониальной империи — ее внешняя политика оказалась по сути дела грандиозной авантюрой. Колониальные завоевания Португалии не были вызваны непосредственными потребностями ее экономического развития (в отличие от раннебуржуазной колониальной экспансии Англии, Голландии и других стран). Они осуществлялись под руководством и в интересах класса феодалов. Колоссальные средства, выкачивавшиеся из колоний, шли не на развитие производства, а на воспроизводство окостеневшей феодальной организации общества. Богатствами, награбленными конкистадорами, воспользовалась нарождавшаяся буржуазия других стран Западной Европы, а Португалия осталась страной не производящей, а потребляющей с отсталыми средневековыми производственными отношениями. Поэтому она впоследствии не смогла противостоять натиску более передовых капиталистических стран.

Открытие морского пути в Индию сразу же выдвинуло Португалию на авансцену международной политики, сделав ее перворазрядной мировой державой. В ее руках оказался контроль над важнейшими торговыми путями, связавшими Европу и Азию. Кроме того, открытие морского пути в Индию существенно изменило баланс сил в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

У Португалии появилась реальная возможность стать монопольной обладательницей индийской торговли. Для этого ей необходимо было блокировать торговую деятельность своих соперников — мамлюкского Египта, а после 1517 года — Османской империи и Венеции на старом пути через Красное море. С этим, в частности, были связаны начавшиеся с 1520 года контакты Португалии с Эфиопией, приведшие вскоре к попыткам поставить эту африканскую страну под свой политический и идеологический контроль, не допустив ее завоевания мусульманами.

В стремлении осуществить свою программу овладения Индийским океаном с его торговыми путями Португалии пришлось вступить в острую конфронтацию с мусульманским миром, проявившуюся в кровопролитных войнах, экономическом соперничестве и дипломатической борьбе.

Все перипетии отношений Португалии с мусульманским миром в XV—XVI веках подробно рассматриваются в данной монографии.

Особое внимание в ней уделено периоду с 1509 по 1515 годы, когда вице-королем Индии был жестокий и властолюбивый Аффонсу де Албукерки. Это был «звездный час», триумфальный взлет португальской колониальной экспансии, когда она добилась наибольших успехов. Но это было время не только славы, но и позора Португалии, отмеченное невиданными по своей жестокости и масштабам преступлениями португальских конкистадоров.

Албукерки сумел почти полностью осуществить свою широкую программу колониальной экспансии, поставив под португальский контроль торговые пути в Индийском океане. В созданной им системе крепостей и опорных баз, покоившейся главным образом на Гоа и Ормузе, важнейшую роль играли также португальские крепости в Каликуте, Кочине и Кананоре. Албукерки силой заставил многих султанов западного побережья Индостана признать власть португальского короля. Он подготовил португальскую экспансию и в Юго-Восточную Азию (экспедиции на Молукки) и завязал тесные связи с правителями Бенгалии, Пегу (Бирма), Сиама, Суматры и побережья Коромандела. Однако Албукерки не удалось подчинить мусульманские шейхства в бассейне Красного моря. Аден оказал стойкое сопротивление захватчикам и отстоял свою независимость. Тем не менее к середине XVI века португальцы контролировали весь Индийский океан: от Восточной Африки до Индонезии и

от Персидского залива до Бирмы. Они создали огромную колониальную империю, представлявшую собой систему военно-морских баз, опоясывавших дугой Индийский океан, расположенных на основных торговых путях и разбросанных на большом расстоянии друг от друга.

Богатства непрерывным потоком потекли в Португалию.

XVI век стал веком, когда португальское колониальное могущество достигло наивысшей точки.

Рассеяние португальских баз от Бразилии до Индонезии не было источником слабости Португалии вплоть до середины XVII века, ибо португальский флот, многочисленный и маневренный, был сильнее флотов потенциальных врагов.

Однако с самого начала португальской колониальной экспансии обнаружилась также слабость Португалии и крайняя ограниченность ее людских и материальных ресурсов.

Феодальная Португалия не располагала необходимыми возможностями, чтобы до конца претворить в жизнь грандиозный план Албукерки по подчинению и удержанию под своим господством всех стран, прилегающих к Индийскому океану.

Португальский королевский двор осуществлял завоевания в Азии и Африке ценой огромного напряжения сил всей страны, добывая средства на колониальные экспедиции за счет безжалостной эксплуатации трудящегося населения своей страны, ограбления и истребления народов стран, ставших жертвами португальской экспансии.

В самих успехах португальской завоевательной политики XVI века, приведших к созданию огромной колониальной империи, были заложены причины ее будущего неизбежного распада и краха.

В отличие от более поздней колонизации, осуществлявшейся молодыми капиталистическими странами — Голландией, Англией и Францией, колониальная политика феодальной Португалии не содействовала развитию производительных сил в метрополии и колониях.

В этом состояло главное отличие португальской феодальной колониальной политики от раннекапиталистической колониальной экспансии Голландии и Англии, под натиском которых неизбежно должна была рухнуть грандиозная португальская империя.

Основные районы колониальной активности Португалии на Востоке в XVI веке

Глава первая

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ В МАРОККО

1.1. Португальцы в Марокко в XV веке

Уже в конце XIV века в Лиссабоне возникла идея завоевания Северной Африки. В те времена шло острое соперничество между Португалией и Кастилией, частью которого была торговля Португалии с экономически развитой мусульманской Гранадой. Политика португальского королевского двора в отношении Гранады вскоре была распространена и на другие мусульманские территории, прежде всего в Северной Африке. А с ними у Португалии с давних пор были тесные связи. Уже в конце XIV века в Португалии жили и торговали мусульманские купцы. Это видно из лицензии, предоставленной в 1383 году мусульманским резидентам для того, чтобы они отправились "за море в землю мавров" без оставления залога[1].

Как свидетельствует хронист Азурара: "При прежних королях мавры из-за моря всегда вели торговлю в этих королевствах, ежегодно покупая большую часть фруктов из Алгарви, за которые они платили исключительно золотом, причем большая часть этих монет была изготовлена в Тунисе"[2]. Эти золотые марокканские монеты имели широкое хождение в Португалии.

В торговле с Марокко участвовали не только португальцы, но и другие европейские купцы. Наиболее активные из них — итальянцы, арагонцы и каталонцы бывали в Сеуте, Танжере, Сале, Сафи и других городах северо-западного побережья Африки. В источниках мы находим упоминания о том, что короли Португалии и Кастилии издавали строгие указы, ограничивав-

---

[1] *Diffie B.W., Winius G.D.* A. Fundação do Imperio Portugûes. 1415—1580. Vol. I. Lisboa, s.d. P. 64.

[2] *Azurara Gomes Eanes de.* Cronica do Conde D. Pedro de Menezes. Lisboa, 1842.

шие торговлю с мусульманами и запрещавшие продавать им оружие, яды и некоторые другие товары. Христианская церковь постоянно демонстрировала свою враждебность к торговле с неверными. Однако все это не давало ожидаемого эффекта.

Правда, следует отметить, что подданные португальского и испанского королей были одновременно вовлечены не только в торговлю, но и в бесконечный конфликт с мусульманами Северной Африки. В источниках есть много упоминаний о том, что в XIV веке моряки португальского королевского флота, действуя как корсары, участвовали в нападениях на суда мусульман с целью захвата невольников. Обычной практикой того времени было взимание выкупа за невольников. Королевский указ 1388 года устанавливал даже специальный порядок разделения пленных на захваченных на суше и в море, а также распределения их между королем, адмиралом, моряками и офицерами[3].

Практика выкупа пленных была столь широко распространенной и хорошо организованной, что даже существовали специальные чиновники, задачей которых было ведение переговоров о выкупе. Помимо этих чиновников (“*энкаррегадуш душ презуш*”) вопросами, связанными с выкупом пленных, часто занимались монахи-францисканцы, которым поручалось вести переговоры с мусульманами Северной Африки. В Португалии даже был построен францисканский собор, ставший своего рода центром этой деятельности.

В начале XV века португальский королевский двор решил предпринять крупномасштабную военную операцию для завоевания Марокко.

Каковы были причины этого решения?

Их было несколько. Одна из них состояла в том, что португальскому королю необходимо было срочно занять делом большое число своих солдат, оказавшихся “безработными” после окончания войны с Испанией по договору 1411 года. Вначале для решения этой проблемы португальский король Жуан I предложил Кастилии совместную войну против Гранады, но та расценила это как вмешательство в ее внутренние дела и отказалась: Гранада рассматривалась Кастилией как объект ее будущего завоевания (что и было реализовано в 1492 г.).

---

[3] *Diffie B.W., Winius G.D.* Op. cit. P. 63.

Тогда Жуан I обратился к Африке. Его решение завоевать Марокко имело серьезные политические и стратегические основания. По соглашению 1291 года между Кастилией и Арагоном о разделе Северной Африки Португалия не получала ровным счетом ничего. Андалузская экспедиция на Канары (1393 г.) и предпринятая в 1400 г. кастильская атака на Марокко, где был взят и разграблен Тетуан, вызвали подлинную панику в Лиссабоне. Там всерьез опасались, что в результате этих акций соперников Португалия лишится всех связей и контактов с Северной Африкой, а главное — возможностей осуществить там в будущем завоевания.

В Лиссабоне не без оснований полагали, что если Португалия сумеет создать плацдарм в Северной Африке прежде, чем Кастилия прочно утвердится на Канарах, то будущие завоевания превратят мусульманские территории в португальские, а не в кастильские или арагонские владения.

Марокко представляло для Португалии большой интерес с точки зрения своего стратегического положения. Находясь в непосредственной близости от метрополии, оно могло послужить удобной базой для развертывания португальской экспансии в Африке.

Хронист Азурара называет следующие причины португальского вторжения в Марокко: обезопасить Иберийский полуостров от какого-либо вторжения из Африки; защитить побережье Алгарви от мусульманских атак; обеспечить безопасность итальянских судов при проходе в Англию и Фландрию, а также безопасность португальской торговли в Средиземном море; создать на Средиземноморье португальскую базу для христианских корсар, нападающих на мусульманских купцов; избежать кастильского проникновения в Марокко и создать центр для господства над торговыми путями в Сахаре[4].

В этом объяснении Азурарой причин завоевания Сеуты акцент явно сделан на геополитические расчеты Жуана I и его советников. Действительно, Сеута — очень древний город, всегда имевший благодаря своему местоположению огромное стратегическое значение. Сеута и Танжер владеют двумя уникальными бухтами в северной части Марокко, которые смотрят на Испанию, и именно из них последователи Мухаммеда отплывали для завоевания Иберийского полуострова. Именно отсюда вышел

[4] *Godinho.* Documentos. I. Lisboa, s.d. P. 56—57.

арабский полководец Тарик, захвативший гору, названную в честь него Гибралтаром.

По свидетельству Льва Африканского, Сеута была более важным городом, чем Фес. Например, в Сеуте было 1000 мечетей и 360 гостиниц, а в Фесе соответственно 700 и 200. Правда, сравнение других данных дает картину в пользу Феса: в Фесе — 100 общественных бань и 400 мельниц, а в Сеуте — только 22 и 103[5].

Особо следует упомянуть о военно-стратегической ценности Сеуты. Географическое местоположение делало Сеуту легко обороняемой со стороны суши, с которой она связана лишь узкой полоской земли. Сеута находится на перешейке, что делает ее неприступной крепостью, почти со всех сторон окруженной морем. Это своего рода смотровая площадка в западной части Средиземного моря и, овладев ею, Португалия могла бы следить за судами, пересекавшими Гибралтарский пролив и направлявшимися как в Атлантический океан, так и в Средиземное море. Эта навигация имела значительные масштабы, так как Венеция и Генуя поддерживали тесные торговые связи со странами Западной Европы и прежде всего с Фландрией, которая была своего рода посредником в торговле восточными специями.

Политическое значение Сеуты было связано и с другими факторами. В течение веков Сеута была тем пунктом, через который мусульмане осуществляли свои вторжения на Иберийский полуостров. Марокко всегда было резервуаром людских ресурсов для таких грабительских экспедиций. Когда могущество мусульман на полуострове было подорвано и в их руках осталась только Гранада, стало очевидно, что захват Сеуты христианами затруднит поступление подкреплений в Гранаду и замкнет клещи. Это в свою очередь помогло бы Кастилии развернуть наступление на Гранаду и задушить это мусульманское государство. Правда, борьба продолжалась еще почти целое столетие и завершилась лишь в 1492 году.

Таким образом, Сеута для португальцев — это христианский центр в сердце вражеской страны для наблюдения за важнейшими стратегическими морскими коммуникациями. В случае взятия португальцами Сеуты навигация мусульман была бы существенно затруднена.

---

[5] Цит. по: *Lopes D.* A expansao em Marrocos. Lisboa, 1989. P. 7.

Несомненно, Марокко интересовало Лиссабон и с экономической точки зрения. Дело в том, что города, расположенные вдоль марокканского побережья, были центрами процветающей торговли зерном. Такие города, как Сеута, Танжер, Сале и Аземмур, установили хорошие отношения с глубинными районами северного Марокко — производителями пшеницы и служили пунктами вывоза зерна за границу. С давних пор португальские купцы закупали в этих портах для перепродажи на Иберийском полуострове хлеб, лошадей и "амбелы" (название происходит от арабского слова, означающего ткань, покрывало, в которое можно завернуться, чтобы спать, но оно может служить также и одеждой). Марокканские порты были крупными торговыми центрами и охотно посещались купцами из многих стран. В Арсиле часто бывали еврейские и арабские торговцы из ближневосточных стран; в Танжере, Сеуте, Арсиле и Фесе можно было встретить кастильцев и женевцев, привозивших туда европейские товары: английские и фламандские ткани, испанские и португальские вина и оливковое масло, андалузских лошадей, а также шелк, хлопок, специи и скобяные изделия из разных стран[6]. В Агадир и Сафи часто заходили английские, французские и голландские суда, привозившие туда ткани, а также порох и оружие, которое они обменивали на золото, шкуры, лошадей и т.д.[7]. "Итак, с точки зрения португальцев Марокко рассматривалось не как самоцель, а как часть огромной экономической империи, которую Португалия настойчиво создавала на берегах Атлантики и Индийского океана", — справедливо отмечал известный исследователь истории Северной Африки Ш.Андре Жюльен[8]. Интерес правящих кругов Португалии к Марокко возник еще на заре португальской колонизации. Близость Марокко и выращиваемые там злаки создавали у португальской аристократии неодолимое искушение завладеть богатой территорией, выгодное стратегическое положение которой к тому же делало ее незаменимым плацдармом для развертывания дальнейшей заморской экспансии. Повод найти было совсем просто: в Марокко жили мавры, то

---

[6] Arcila durante la ocupacion portuguesa (1471—1549). Tanger, 1940. P. 55—56.

[7] *Brignon J., Amine A. etc.* Histoire du Maroc. Paris, Casablanca, 1967. P. 195.

[8] *Жюльен Ш.А.* История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко от арабского завоевания до 1830 г. Т. II. М., 1961. С. 239.

есть "неверные", а дух крестовых походов в Европе был еще достаточно силен.

В 1415 году, уступая нажиму со стороны воинственной португальской аристократии, сидевшей без дела после подписания мира с Кастилией (1411 г.), а также стремившихся к захвату новых рынков купцов, король Жуан I (1357—1433 гг.) отправил военную экспедицию в Сеуту.

Подготовка к завоеванию Сеуты проводилась очень тщательно. По свидетельству Азурары, Жуан I готовил эту экспедицию шесть лет. Подготовка велась одновременно на севере Португалии — в Порту и на юге — в Лиссабоне. В Порту ею руководил инфант Энрики, а на юге — инфант Педру. В этих городах строились корабли и шел набор матросов и солдат. Принц Энрики (будущий Генрих Мореплаватель), которому тогда было 20 лет, поражал всех своей энергией и выдающимися способностями.

Наконец, флот из Порту соединился с флотом в Лиссабоне, и объединенная армада вышла в море 25 июля 1415 года. Мы не знаем точного количества кораблей и плывших на них людей. Азурара не называет этих цифр. Но другой современник Матеуш Пизану сообщает, что судов было 242. В эпитафии Жуана I в соборе Баталла говорится, что флот состоял из более, чем 220 кораблей[9]. Но ни тот, ни другой не упоминают о числе людей. Жероним де Зурита называет цифру 50000, которая представляется явно завышенной[10].

Многие из судов, входивших в португальскую армаду, были приобретены вне Португалии — в Бискайе, Бретани, Англии и во Фландрии.

10 августа флот прибыл в Альхесирас, а 12 августа подошел к Сеуте. Среди жителей города возникла страшная паника. Они стали спешно запирать ворота, укреплять крепостные стены и послали гонцов в соседние города, прося помощи, так как намерение короля Португалии было очевидным. Арабские воины со стен города стреляли из арбалетов, но корабли были далеко и стрелы до них не долетали[11].

Буря и густой туман сделали невозможным немедленный штурм Сеуты, и флот вынужден был вернуться в Альхесирас. Эта потеря

---

[9] *Mascarenhas Jeronimo de.* Historia de ciudad de Ceuta. Malaga, 1995. P. 80.

[10] *Lopes D.* Op. cit. P. 6.

[11] *Mascarenhas Jeronimo de.* Op. cit. P. 82.

времени вызвала уныние среди португальцев и даже высказывалось мнение, что следует сначала взять Гибралтар или вернуться в Португалию. Однако Жуан I и инфанты настояли на своем плане взятия Сеуты. 20 августа весь флот снова отправился в путь и на следующий день начался штурм.

Генрих Мореплаватель

"Разграбление города было потрясающим зрелищем, — пишет О.Мартинш. — Как центр торговли с Индией Сеута превосходила Венецию, а та — Лиссабон. Улицы Сеуты напоминали ярмарку. Солдаты с арбалетами, деревенские парни, вывезенные из гор Траж-уш-Монтиш и Бейры, понятия не имели о ценностях тех вещей, которые они уничтожали... В своем варварском практицизме они алчно жаждали лишь золота и серебра. Они рыскали по домам, спускались в колодцы, ломали, преследовали, убивали, уничтожали, и все из-за жажды обладания золотом. Они опорожняли винные погреба и магазины, опустошая все. Улицы были набиты мебелью, тканями и покрыты корицей и перцем, сыпавшимся из сваленных в кучи мешков, которые солдатня разрубала, чтобы посмотреть, не спрятано ли там золото или серебро, драгоценности, перстни, серьги, браслеты и другие украшения, а если на ком-нибудь их видели, часто вырывали их вместе с ушами и пальцами несчастных... Всю ночь вокруг Сеуты были слышны... стоны и скорбные призывы матерей и детей"[12].

Поздно вечером Сеута была во власти португальцев. Самая большая мечеть была превращена в церковь, и 25 августа в воскресенье была отслужена месса в честь победы. Жуан I посвятил своих сыновей в рыцари, а те в свою очередь посвятили в рыцари многих фидалгуш (дворян), отличившихся в битве.

---

[12] *Martins O.* Los hijos de Don Juan I. Buenos Aires, 1946. P. 133.

После взятия города король назначил в нем новые власти. Педру де Менезиш стал капитаном и губернатором. На протяжении его долгого правления (около 22 лет) Сеуте пришлось отбивать нескончаемые атаки арабов, пытавшихся освободить город. Для обороны Сеуты Жуан I оставил в ней гарнизон в 2500 человек, а с остальными вернулся в Португалию.

По возвращении на родину он решил вознаградить за заслуги в этой экспедиции многих фидалгуш и своих сыновей. Дон Педру получил титул герцога Коимбры, а дон Энрики — герцога Визеу. Старший сын Дуарти не получил титула, поскольку был наследником престола.

В Сеуте португальский гарнизон чувствовал себя обитателем острова, на который то и дело накатываются волны враждебного бушующего моря. Время от времени португальцам приходилось делать вылазки из крепости, так как надо было раздобыть дров для печей и травы для скота. Несколько раз Сеута подвергалась осадам арабских войск. Особенно большая угроза нависла над португальским гарнизоном в 1418 году, когда арабы подошли по суше и пытались окружить город, но их атака была отбита. В следующем году арабы вернулись и атаковали город и с суши, и с моря с помощью правителя Гранады. Узнав об этом, король Жуан I отправил в Сеуту большое подкрепление во главе с принцами доном Энрики и доном Педру. Когда это подкрепление прибыло в город, арабы вынуждены были оставить надежду его отвоевать и сняли осаду[13].

Одним из факторов, облегчивших завоевание Сеуты португальцами, были непрерывные раздоры в империи Фес (или Марокко). Начиная с XIII века в Фесе правила династия Мериниды, которые были энергичными и активными правителями вплоть до конца XIV века.

Ко времени португальского завоевания Сеуты в Фесе правил Абу Сайде, безвольный и не имевший авторитета шериф. Поэтому португальцы легко сумели овладеть Сеутой. Это событие сделало Абу Сайде крайне непопулярным правителем. Безуспешные осады Сеуты 1418 и 1419 годов обнаружили слабость империи Фес и оказались фатальными событиями для Абу Сайде. Жители столицы восстали и убили его в 1421 году. Шерифом был провозглашен его годовалый сын Абде Алак, а регентом при нем

---

[13] *Azurara Gomes Eanes de*. Cronica da tomada de Ceuta. Lisboa, 1842.

стал Яхья, могущественный вождь из семейства Ваттасидов. Именно он и его потомки отстояли независимость Марокко и изгнали захватчиков из ряда завоеванных ими территорий. Имя Яхьи звучало для ушей португальцев как погребальный звон колокола по португальскому господству в Марокко.

Сын регента Яхьи Мухаммед аш-Шейх стал надеждой жителей Феса. С их помощью он сформировал войско и открыто претендовал на трон Меринидов. Во главе этого войска он вышел из Арсилы и предпринял осаду Феса. Эта осада продолжалась еще и в 1471 году.

Кровавая трагедия в Сеуте положила начало величайшей трагедии в истории народов Африки, Азии и Америки. Началась эпоха колониальной экспансии европейских держав. Завоевание Сеуты не принесло, однако, португальским правящим классам особых выгод. После падения Сеуты торговля, которую вели мавры, переместилась в другие порты, и город утратил былое экономическое значение. Жуан I до конца своей жизни больше не решался предпринимать новые попытки расширить свои завоевания в Марокко, сосредоточив усилия на том, чтобы укрепиться в Сеуте. Но один из его сыновей тщеславный и энергичный принц Энрики (известный под именем Генриха Мореплавателя), получивший от взятых в Сеуте пленных сведения о богатстве внутренних районов Африки и о легендарном королевстве пресвитера Иоанна[14], становится фанатичным проповедником идеи продолжения экспансии в Марокко. Одержимый этой идеей, отметая все возражения, принц стремится к единственной цели — новой экспедиции в Марокко. Даже в своих инициалах (*I.D.A.*) принц был склонен видеть божественное предначертание, расшифровывая их словами "*Ida a Africa*" — "Отъезд в Африку".

Энрики явился выразителем интересов и настроений мелкопоместного дворянства и нарождавшейся торговой буржуазии, которые требовали новых колониальных захватов. Однако многие высшие представители правящих кругов, в том числе сам Жуан I и остальные его сыновья, не были склонны немедленно поддержать принца Энрики, обосновывая свой отказ отсутствием денег в казне. Смерть Жуана I (1433 г.) и вступление на пре-

---

[14] *Хазанов А.М., Райт М.В.* Попытки колониальной экспансии Португалии в Эфиопию (XVI—XVII вв.). Народы Азии и Африки. 1973. № 2.

стол его честолюбивого сына Дуарти I (1433—1438 гг.) пробудили надежды Энрики. Но все его аргументы вновь разбиваются о непоколебимую стену скептицизма осторожного брата, которого поддерживал и инфант Педру. "Предположим, — говорил Дуарти I, — что вы захватите Танжер, Алькасер — Сегир, Арсилу. Хотел бы я знать, что вы с ними будете делать? Заселить их, имея такое бедное людьми королевство, как наше, невозможно. Если вы захотите уподобиться тому, кто меняет хороший плащ на плохой капюшон, то вы наверняка потеряете Португалию и не приобретете Африку". "Можно себе представить, — пишет О.Мартинш, — отчаяние дона Энрики перед этим пассивным сопротивлением... К отцу он питал большое уважение и принимал в расчет его возраст, который давал ему великую надежду на скорую перемену вещей. Но теперь! В самом начале нового царствования! Получить отказ от брата, о слабоволии которого знали все. Такое ослепление и упрямство выводили его из себя. Королевство бедное и маленькое? Так он как раз и хочет превратить его в большое и богатое"[15]. Как видно из хроники Руи де Пина[16], являющейся главным источником сведений об этом периоде, Энрики хорошо знал, что инфант Педру имел влияние на короля, но он также учитывал, что еще большее воздействие на Дуарти оказывала его властная супруга королева Леонор и что она испытывала неприязнь к своему шурину Педру за то, что тот женился на дочери врага ее семьи. Зная, что королева не упустит случая насолить Педру, Энрики посвятил ее в свои планы и приобрел в ее лице союзника. 18 сентября 1436 года родилась инфанта Катарина, и королева воспользовалась радостью супруга, чтобы вырвать у него согласие на экспедицию в Танжер.

Эта версия событий, приводимая хронистом Руи де Пина, представляется весьма сомнительной, так как противоречит архивным документам, опубликованным Домингушем Маурисиу[17]. Кроме того, вызывает сомнение и распространенное мнение о слабоволии и психических расстройствах у короля Дуарти I в последние годы

---

[15] *Martins O.* Op. cit. P. 161.

[16] *Pina Rui de.* Cronica d'El-Rei D. Duarte. Lisboa, Mello d'Äzevedo. 1901 (Есть издание Porto, 1914).

[17] *Mauricio Domingos.* D.Duarte e as reponsibilidades de Tanger. Broteria, Janeiro-Setembro, 1931.

его жизни. В свете этих документов трактовка хрониста Руи де Пина причин экспедиции против Танжера представляется несостоятельной. Для него эта экспедиция родилась из страстного желания двух инфантов — Энрики и Фернанду, которые использовали влияние королевы Леонор на своего мужа. Думается, что в основе согласия дона Дуарти на экспедицию против Танжера лежали отнюдь не эмоции, а строгий политический расчет.

В 1435 году Португалия добилась от папы Римского признания ее права на владение Канарскими островами. Это вызвало резкий протест Кастилии, которая считала, что имеет больше прав на владение островами, чем Португалия. Протест Кастилии напугал папу и он вскоре аннулировал свое решение о признании права Португалии на Канары. Это побудило Кастилию к дальнейшим решительным акциям. На международном "совете" в Базилеа делегат Кастилии епископ Бургоса Афонсо де Картахена заявляет о претензиях Кастилии на земли по обоим берегам Гибралтара, "поскольку короли Кастилии — наследники королей готов". Эти кастильские претензии противоречили португальским планам экспансии в северной Африке и создавали угрозу для португальского присутствия в Сеуте. Дав согласие на экспедицию против Танжера, король Дуарти I хотел опередить Кастилию и поставить ее перед свершившимся фактом. Оккупация Танжера, по понятиям того времени, легитимизировала бы португальские претензии на эту территорию точно так же, как это имело место в 1415 году в отношении Сеуты.

Конечно, благоприятным фактором для Португалии была продолжавшаяся война испанцев против арабов на Пиренейском полуострове. Руки Кастилии были в то время связаны, ей хватало забот с Гранадой. Но Дуарти понимал, что как только эта война окончится, Кастилия тотчас же примет участие в завоевании Марокко, и поэтому следует спешить, чтобы опередить ее.

Очевидно, этим объясняется и та поспешность, с которой была осуществлена подготовка португальской экспедиции против Танжера. Как и в случае Сеуты, в Лиссабоне этой подготовкой руководил Энрики, а в Порту — инфант Педру и граф Арайолуш. Сочтя недостаточными рекомендации и советы своих приближенных, дон Дуарти созвал в апреле 1436 года в Эворе кортесы, которые проголосовали за сбор специальных пожертвований с христиан и двойных пожертвований с иудеев. Согласс-

но проведенным подсчетам, для экспедиции было необходимо 14000 солдат (не считая моряков). У Португалии не было достаточного количества кораблей, и поэтому решено было зафрахтовать суда у Астурии, Бискайи, Фландрии и Англии[18]. Все фидалгуш записались в эту экспедицию, которую возглавили принцы Энрики и Фернанду. В августе 1436 года король собрал королевский совет (ассамблею). На нем прозвучали самые разные мнения. Дон Педру и граф Барселуш высказались против планируемого предприятия. Однако большинство членов ассамблеи не осмелились открыто выступить против воли короля[19].

Сказав "да", король заручился, однако, обещанием дона Энрики, что он будет в точности следовать королевским инструкциям. После прибытия на место Энрики должен был разделить свой флот на три части, послав первую на Танжер, другую — на Арсилу и третью — в Алькасер-Сегир с тем, чтобы помешать маврам объединить силы для защиты Танжера. Принцу было предписано предпринять не более трех атак на Танжер и, если крепость не будет взята, вернуться и перезимовать в Сеуте. "Явный страх короля, осмотрительные советы и настойчивость, с которой он рекомендовал дону Энрики их пунктуальное выполнение, показывают его сомнения в осторожности брата. Действительно, дону Энрики было мало дела до благоразумных советов брата... Он помнил о легкости взятия Сеуты; так будет и с Танжером"[20].

В августе 1437 года из Португалии в направлении Сеуты отдельно друг от друга вышли два флота: один — из Порту, другой — из Лиссабона.

27 августа оба флота соединились. Главнокомандующим был принц Энрики. Он имел в своем распоряжении 2000 кавалеристов, 1000 арбалетчиков, 3000 пехотинцев. Таким образом, в португальской армии было всего лишь 6000 человек вместо необходимых 14000. Эти сведения сообщает хронист Руи де Пина, и они подтверждаются опубликованным в 1931 году письмом дона Дуарти[21].

Как это могло произойти? Дело в том, что вербовка солдат в малолюдной Португалии была трудным делом. Денег, отпускав-

---

[18] *Baiao A., Cidade H., Murias M.* Historia da expansao Portuguesa no Mundo. Lisboa, 1937. Vol. 1. P. 144.

[19] Ibid. P. 145.

[20] *Martins O.* Op. cit. P. 161.

[21] *Pina Rui de.* Op. cit. Cap. XXI; *Mauricio D.* Op. cit. P. 171.

шихся двором на армию, было явно недостаточно. Не хватало также судов для транспортировки завербованных солдат.

Как бы то ни было, через четыре дня войско высадилось в Сеуте. От Сеуты к Танжеру есть два сухопутных пути: один проходит через Алькасер-Сегир. Этот путь короче (60 км), но он более опасный, так как проходит между крутыми горами, и поэтому местным воинственным племенам легко его защищать. Второй — длиннее (110 км) и проходит через Тетуан, Айн Джедида и Бегайя. Именно этим путем воспользовался принц Энрики. Пренебрегая инструкциями короля, он со всем своим войском двинулся 9 сентября по суше, а флот отправил морем в направлении Танжера. С флотом находился принц Фернанду, который из-за плохого здоровья мог не выдержать тягот долгого марша по пустыне. В бухте Танжера Фернанду ждал прибытия брата. Энрики во главе своего войска подошел к Танжеру 13 сентября. Весть о вторжении португальцев быстро распространилась по всему северо-западному африканскому побережью[22].

Попытки отговорить Энрики от штурма Танжера ни к чему не привели. На возражения, что его войско слишком мало, чтобы взять Танжер, он отвечал: "Ну и что из того, что людей мало... Зато на это есть воля божья. Даже если бы было еще меньше, я бы все равно двинулся вперед".

Тотчас по прибытии Энрики начал штурм крепости. Однако через несколько дней из Арсилы и Алькасер-Сегира на помощь осажденным прибыли 10000 кавалеристов и 30000 пехотинцев. Они окружили португальскую армию. 9 октября арабы получили новые крупные подкрепления. Со всех концов Магриба на подмогу Танжеру спешили вооруженные отряды. Португальцы, окруженные многочисленным войском марокканского правителя Абу Закария Яхья аль-Ваттаси, сдались на милость победителя.

Португальские историки, как правило, или вовсе умалчивают, или сквозь зубы скороговоркой упоминают об экспедиции в Танжер не только потому, что она закончилась поражением португальцев, но главным образом из-за того, что с нею связаны пикантные обстоятельства, лишающие всякого правдоподобия

---

[22] *Rui de Pina*. Op. cit. Cap. XXI.

бытующую в португальской историографии легенду о Генрихе Мореплавателе как об одной из "величайших и благороднейших личностей португальской истории". Досадная для его биографов в этой истории деталь состоит в том, что сдавшись со всей армией в плен марокканцам, он вступил с ними в переговоры, добиваясь, прежде всего, собственного освобождения. Марокканцы потребовали возвращения им Сеуты. Энрики принял это условие, отдав в качестве заложника своего брата инфанта Фернанду, и был освобожден. По свидетельству очевидцев, уезжая, Энрики заверил брата, что убедит короля вернуть Сеуту*. Однако по прибытии в Португалию он "забыл" свои обещания и энергично выступил против возвращения Сеуты. Основываясь на документах, португальский автор XVII века М. де Соуза Фариа писал, что Энрики, "освободившись и оставив в плену дона Фернанду, был, однако, в числе первых, кто стал говорить, что сохранить Сеуту важнее, чем освободить брата".

Трагическое известие о разгроме армии Энрики и о сопровождавших его печальных обстоятельствах вызвало подлинную панику в королевском дворце в Лиссабоне. Король Дуарти срочно созвал кортесы в Лейриа в январе 1438 года. Он просил у кортесов совета, как ему следует поступить: должен ли он вернуть маврам Сеуту и тем самым спасти жизнь инфанта и выполнить данное слово? Или же не возвращать Сеуту и тем самым обречь дона Фернанду на мучительную смерть в неволе и нарушить обещание, данное под присягой? Было зачитано написанное в Арсиле письмо инфанта Фернанду, в котором он умолял вызволить его из неволи, вернув маврам Сеуту. На кортесах мнения разделились, поставив дона Дуарти в трудное положение. Дон Педру, граф де Барселуш и некоторые другие фидалгуш придерживались того же мнения, что и дон Фернанду. Они считали, что следует выполнить условия договоренности с маврами, вернуть Сеуту и спасти принца. Договоры подписываются для того, чтобы их выполнять, — утверждали они. Кроме того, возвратив Сеуту,

---

*Португальские историки, пытаясь оправдать этот поступок Энрики, уверяют, будто вначале он предложил в качестве заложника себя вместо брата, но Фернанду якобы убедил его не делать этого (*Martins O.* Op. cit. P. 175). Однако источники опровергают эту версию. По свидетельству монаха, который остался вместе с Фернанду, Энрики не предлагал ничего подобного. (*Souza M. Faria de* . Africa Portuguesa. Lisboa, 1681. P. 47.).

мы спасем не только инфанта, но и тысячи наших солдат, также томящихся в плену. Как можно нарушать договор, под которым стоит подпись инфанта Энрики? Как можно так быстро забыть о трагедии тысяч наших солдат, явившихся жертвами чужих ошибок?

Однако граф Аррайолуш, который играл важную роль в авантюре в Танжере, и многие другие высокопоставленные лица придерживались противоположного мнения. Они заявили, что вовсе необязательно выполнять договор, который был навязан силой, что возвращение Сеуты было бы плохой услугой Богу, королевству и королю. По словам хрониста, граф, оспаривавший доводы несчастного инфанта Фернанду, забыл, что обязан жизнью самопожертвованию этого принца, который томился в неволе, будучи закован в кандалы!

Один из доводов графа Аррайолуша состоял в том, что, потеряв Сеуту, Португалия поощрит амбиции Кастилии, а в условиях, когда Гранада становится все более слабой, Кастилия может решиться на вторжение в Марокко.

Какой моральной пыткой для короля Дуарти была необходимость выслушивать все эти противоречивые мнения! Перед ним стояла поистине шекспировская по своему трагизму альтернатива: потерять брата из-за любви к Сеуте или потерять Сеуту из-за любви к брату?

Выслушав эти противоположные мнения, король Дуарти не смог принять никакого решения и написал письма папе и христианским королям, прося их дать совет и помощь. На это они ответили, по словам хрониста Р. де Пина, "сладкими и обтекаемыми словами", "просили Бога сжалиться над добрым принцем и восхваляли явленный им пример святости и благочестия"[23].

Между тем израненное сердце дона Дуарти разрывалось между любовью к брату и государственным долгом. Когда он заболел оспой, эпидемия которой свирепствовала тогда в королевстве, его подточенное волнениями здоровье не смогло сопротивляться болезни, и он умер в сентябре 1438 года. Дон Дуарти не нашел в себе мужества выполнить договор и оставил эту проблему в наследство своему преемнику. После шестилетнего плена, проведенного в невероятно тяжелых условиях, дон Фернанду умер в Фесе (1443 г.).

---

[23] *Pina Rui de.* Cronica de Don Joao II.Coimbra, 1950.

Вся католическая Европа чтила его как христианского мученика, отдавшего жизнь за "святую веру", а церковь причислила его к лику святых[24].

Обуреваемый жаждой мести, португальский король Аффонсу V в ответ на призыв папы, который после взятия турками Константинополя (1453 г.) объявил новый крестовый поход против неверных, собрал могучее войско, насчитывавшее 24 000 солдат. Лично возглавив экспедицию и взяв с собой сына принца Жуана, а также многочисленных представителей придворной знати, Аффонсу V повел к берегам Марокко армаду[25], в которой, по свидетельству хронистов, насчитывалось 400 судов*.

Этот сверхмощный по тем временам флот внезапно появился в гавани Арсилы 20 августа 1471 года. Войска высадились севернее реки Дульсе и подвергли крепость штурму. С помощью бомбард им удалось пробить бреши в крепостных стенах и ворваться в город. Осажденные, проявлявшие чудеса мужества и стойкости, понимая бесполезность сопротивления, выбросили белый флаг и послали парламентеров, чтобы узнать у португальцев их условия сдачи, но те отклонили предложение о сдаче и начали обычную в таких случаях кровавую резню, не щадя ни детей, ни стариков, ни женщин. Беззащитное население и гарнизон искали убежище в мечетях. Там они дорого продали свои жизни, убив много португальцев. В числе убитых был и принц Жуан. Португальцы в свою очередь уничтожили 2 тысячи и угнали в неволю 5 тысяч арабов[26]. В числе последних были две жены и сын имама Мухаммеда аш-Шейха. Сам имам в это время осаждал Фес и не предвидел эту внезапную атаку португальцев на Арсилу. Что он должен был делать в этой сложной ситуации? Пойти на помощь осажденной Арсиле для него было равнозначно потере престола, поскольку не было шансов победить столь могущественного врага, который владел в Марокко уже тремя крепостями. Был ли смысл отвоевывать Арсилу, если христиане в любом случае остались бы хозяевами Сеуты и Алкасер–Сегира (*порт.*)? Конечно, это произвело бы большое психологическое

---

[24] *Жюльен Ш.А.* История Северной Африки. Т. II. С. 234.

[25] Arcila durante la Ocupacion portuguesa (1471—1549). Tanger, 1940. P. 10.

* *Жюльен Ш.А.* приводит цифру в 477 судов, на которых было 30000 солдат.

[26] Ibid. P. 11.

воздействие на народ Марокко и помогло бы ему укрепиться на престоле, но сумеет ли он отобрать Арсилу у португальцев? Это было весьма сомнительно. Все попытки отвоевать у португальцев Сеуту и Алкасер–Сегир неизменно терпели неудачу. Если португальцы захватывали какой-то город, выбить их оттуда было невозможно. А потеря арабами Арсилы и Феса означала бы окончательное и полное поражение.

Поэтому Мухаммед аш-Шейх решил смириться с потерей Арсилы. Однако он упорно продолжал осаду Феса и добился успеха. Через некоторое время город сдался, и Мухаммед аш-Шейх стал правителем Марокко.

После столь сокрушительного поражения Мухаммеду аш-Шейху пришлось согласиться на подписание 20-летнего перемирия с Португалией, которое распространилось только на равнинную часть страны и не касалось городов-крепостей[27]. Аффонсу V воспользовался ловко составленными статьями договора и 29 августа 1471 года без всякого сопротивления занял Танжер.

С этого времени он принял титул "Король Португалии и Алгарви по эту и ту сторону моря в Африке".

Мухаммед аш-Шейх был вынужден признать португальский суверенитет над Сеутой, Аль-Ксар ас-Сегир (*араб.*), Танжером и Арсилой, взамен чего португальский монарх обещал ему поддержку в борьбе против сильно досаждавших ему претендентов на трон. Вскоре Португалия добилась нового дипломатического успеха в своих попытках закрепиться в Марокко. В 1479 году был подписан договор с Кастилией, согласно которому она признала за Португалией исключительные права на побережье Африки против Канарских островов, включая Фесское государство, а также португальскую монополию торговли с этой территорией.

В 1487 году португальский король Жуан II, продолжая продвижение вдоль побережья на запад, организовал экспедицию против Аземмура, которая, однако, не увенчалась успехом. Через два года он вышел к реке Луккос, где планировал построить крепость на острове Грасиоза, которая должна была стать своего рода связующим звеном между португальскими крепостями в Марокко.

Попытку построить эту крепость Жуан II предпринял спустя 8 лет после вступления на престол. Договор о мире, подписан-

---

[27] *Brignon J., Amine A. etc.* Histoire du Maroc. Paris, Casablanca, 1967. P. 174.

ный его отцом с Мухаммедом аш-Шейхом на 20 лет, и в еще большей мере глубокий внутренний политический кризис в Португалии препятствовали в течение всех этих лет какой-либо активной экспансионистской деятельности Лиссабона в Марокко. Конечно, этот договор нарушался обеими сторонами. Арабы укрепили людьми и фортификациями Аль-Ксар аль-Кебир, превратив его в сильную военную базу, и одновременно предпринимали атаки на португальские гарнизоны в Арсиле и Танжере. В этих условиях португальский королевский двор принял решение о строительстве крепости на острове Грасиоза.

В 1489 году были посланы один за другим два флота с людьми и строительными материалами, чтобы построить крепость на острове Грасиоза (в нескольких милях от Лараша вверх по течению реки Луккос, между Арсилой и Аль-Ксар аль-Кебиром). Место для строительства крепости было выбрано крайне неудачно: климат был нездоровым, а река была судоходной лишь часть года. Узнав о строительстве крепости португальцами, Мухаммед аш-Шейх поспешил туда с войсками и начал осаду еще недостроенной крепости. Подкрепления, посланные Жуаном II из Тавира, не смогли отбить натиск арабов, и защитники крепости вынуждены были принять почетные условия мира, которые им предложил Мухаммед аш-Шейх, поскольку арабы тоже страдали от нездорового климата этих мест. В соответствии с условиями мира осажденные свободно вышли из крепости с оружием и имуществом. События, связанные с осадой Грасиоза, помогли арабам оценить военно-стратегическую значимость Лараша. Они усилили его гарнизон и обнесли стенами, превратив его в плацдарм против Арсилы[28]. Хотя попытка построить крепость Грасиоза провалилась, Португалия все еще прочно удерживала в своих руках 4 марокканских города-крепости: Сеуту, Алкасер–Сегир, Танжер и Арсилу, а также примыкающие к ним окрестные районы. Население захваченных в Марокко земель было обложено португальцами огромными налогами, причем португальские власти строго следили за тем, чтобы ни один житель оккупированных районов не уклонялся от налогов, для чего они проводили специальные "переписи" населения. О том, что представлял собой режим, насажденный португальцами в Марокко, дает представ-

---

[28] *Pina R. de.* Crónica de D.João II; *Resende Garcia de.* Crónica de D.João II e Miscelãnea. Lisboa, 1973.

ление ценный документ 1472 года. В нем король приказывает посылаемому в Марокко веедору (финансовому и налоговому инспектору): "Вы получите от наших капитанов городов, населенных пунктов этого королевства письменный список всех поселений мавров — наших данников, находящихся под нашим суверенитетом, а также их вождей, с указанием числа людей, живущих в каждом поселении и... формы контракта, по которому эти мавры обязаны платить налоги"[29].

Португальская экспансионистская политика в Марокко достигла своего апогея при короле Мануэле I (1495—1521 гг.). В 1495 году в начале своего правления он снабдил в изобилии португальские крепости в Африке солдатами, оружием и продовольствием. Было увеличено жалованье офицерам и солдатам. В 1502 году Мануэл I распорядился ежегодно выделять для крепостей в Африке 20 тысяч реалов и 36 арроб сахара (в том числе Арсиле и Танжеру по 5 тысяч реалов и 10 арроб, а Алкасер–Сегиру и Сеуте — по 5 тысяч реалов и 8 арроб).

В 1503 году кортесы в Лиссабоне одобрили просьбу Мануэла I о выделении 50 тысяч крузадуш на военные расходы в Африке. В 1514 году после того как на южном марокканском побережье было построено много крепостей, там были учреждены миссии Ордена Христа, которые получали ежегодно 20 тысяч крузадуш из суммы пожертвований в церквях португальской империи для распределения их среди фидалгуш, служивших в гарнизонах в Марокко. Дон Мануэл ввел также порядок награждения ста наиболее отличившихся в войне офицеров титулами и земельными пожалованиями[30].

В северной части Марокко дон Мануэл не смог увеличить португальские владения. Они сохранились в том виде, в каком их оставил его предшественник Жуан II. Зато от реки Мамора или Себу и до южной окраины Марокко португальцы овладевали новыми городами и строили новые крепости. На протяжении всего своего правления дон Мануэл был бичом Марокко.

В 1491 году истекал 20-летний срок перемирия, заключенного португальцами с арабами. В конце 1489 года перемирие было продлено еще на 10 лет. К 1500 году кончился с трудом поддерживаемый мир.

---

[29] Arcila durante la Ocupacion... P. 13.
[30] *Gois D. de.* Cronica de D. Manuel. Lisboa, 1566.

Мухаммед аш-Шейх хотел продлить перемирие и с этой целью послал в Арсилу своего эмиссара, однако это предложение было отклонено португальским губернатором де Борба. Переговоры быстро зашли в тупик и окончились резким разрывом отношений между португальскими и арабскими властями.

Португалия, укрепив свои позиции в ключевых пунктах марокканского побережья, чувствовала себя уже достаточно сильной, чтобы начать широкое наступление на юг для захвата Сафи и Аземмура.

Разрыв с Португалией совпал со смертью имама Феса Мухаммеда аш-Шейха, который основывал свою политику на стремлении сохранить мир, заключенный в 1471 году.

После смерти аш-Шейха трон наследовал его сын Мухаммед II аль-Буртукали (1504—1524 гг.). Новый имам был тем мальчиком, который вместе с братьями и родственниками был взят в плен Афонсу V при завоевании Арсилы в 1471 году. Он был привезен в Лиссабон и оставался при королевском дворе два года. За это время он выучил португальский язык и узнал местные обычаи. Жены и сын Мухаммеда аш-Шейха были возвращены ему португальцами в обмен на останки "святого" инфанта Фернанду вскоре после того, как Мухаммед аш-Шейх взял в 1472 году Фес, где они находились. После возвращения будущий Мухаммед II получил у своих родственников прозвище "Буртукали", то есть "Португалец". Под этим именем он и вошел в историю Марокко.

1.2. Португальская экспансия в Марокко в начале XVI века

В 1509 году Португалия и Испания заключили конвенцию в Синтре о разграничении зон влияния в Марокко. Между двумя коронами давно шел спор о праве владения Канарскими островами и о праве завоевания марокканского побережья к востоку от Гибралтарского пролива и на Средиземном море. Португальские короли Дуарти и Аффонсу V предпринимали даже три экспедиции на Канары, но не смогли их оккупировать. Кастильцы достигли большего успеха и сумели обосноваться на Канарах. Право Кастилии на владение Канарами было признано португальско-кастильским договором, подписанным в Алкасовас в 1479 году. В то же время этот договор признал за Португалией право на завоевание "королевства" Фес (хотя папская булла 1454 года, гарантировав Португалии право на завоевание афри-

канского побережья южнее мысов Нау и Божадор, видимо, исключила из португальской конкисты атлантическое побережье Марокко). Договор Алкасовас, однако, не определил границы "королевства" Фес, и, воспользовавшись этим, Кастилия попыталась приобрести некоторые территории на севере Марокко под тем предлогом, что они находятся вне этого "королевства".

По Тордесильясскому договору 1494 года марокканское побережье оказалось в сфере интересов Португалии, однако, Кастилия уже в 1497 году завладела Мелильей, а в 1506 году — Касаса. Что касается южных границ "королевства" Фес, то договор установил, что лузокастильская комиссия определит их в течение трех лет. Неопределенность этих границ стала причиной ряда инцидентов между двумя коронами. Кастильцы захватили и укрепили остров Пиньян де Белес. Португалия заявила решительный протест, так как считала оккупацию Пиньян де Белес нарушением договоров 1479 и 1494 годов. Из этих жалоб и родилась упомянутая конвенция в Синтре (1509 г.), согласно которой Португалия признала за Кастилией право на владение Пиньян де Белес и право на завоевание в "королевстве" Фес земель к востоку от Белес де Гомейра, но к западу и к югу от этого пункта весь марокканский берег остался в сфере влияния Португалии[31].

В 1508 году португальский королевский двор принял решение захватить Аземмур. Один моряк из Тавира по имени Родригиш Берриу, который ежегодно плавал туда, чтобы ловить рыбу, снабдил дона Мануэла важной информацией о численности и состоянии арабского гарнизона Аземмура. Дон Мануэл сформировал флот более чем из 50 судов с 2500 солдатами и офицерами во главе с Жуаном де Менезишем и Берриу. С учетом информации Берриу эти силы казались достаточными для овладения городом. Когда португальский флот встал на якорь в гавани Аземмура, крепость приготовилась к обороне. Несколько мавров с ее стен с издевкой спрашивали: "Неужели, Берриу, ты собираешься с этими жалкими каравеллами взять Аземмур?"[32]. Эти шутки не понравились дону Мануэлу. Он решил проучить самонадеянных шутников. Если 50 судов заставили смеяться жителей Аземмура, он пошлет 500 судов, которые заставят их плакать.

---

[31] *Cenival*. Les Sources inedites. Portugal. T. I. Paris, 1948. P. 203—212.

[32] *Azevedo Lucio de* (ed). Documentos das Chancelarias reais anteriores a 1531 relativos a Maroccos. T. II. Lisboa, 1934. P. 589.

И это действительно произошло, когда дон Мануэл отправил против Аземмура большое войско из 13 тысяч человек и 2000 лошадей под командованием герцога Жайме де Браганса.

В письме к папе Льву X дон Мануэл объяснил это предприятие тем, что оно облегчит завоевание "королевств Феса и Марокко", поскольку Аземмур был ключом к ним. Ясно, что это было большим преувеличением. В основе экспедиции лежало лишь стремление дона Мануэла присоединить к своей короне еще одну крепость.

Автору этой работы удалось обнаружить в Лиссабоне в Национальном архиве Торре ду Томбу любопытный документ — письмо Жоржи Пириша дону Фернанду ди Каштру от 4 сентября 1513 года, в котором содержится подробнейший рассказ о взятии Аземмура. В нем сообщается, что король Мануэл отправил из Португалии против Аземмура войско, предводительствуемое герцогом Браганса, капитаном Жуан де Менезишем, графом Борба и "многими другими фидалгуш". Вначале флот с этим войском не смог произвести высадку в Аземмуре из-за отсутствия лоцманов и вынужден был пройти к Мазагану. Благополучно высадившись там, войска прошли две лиги до Аземмура, разгромили арабский гарнизон и захватили город, "куда герцог вошел триумфально, овладев Аземмуром"[33].

В городе возникла страшная паника и жители в ужасе искали спасения в бегстве. В воротах города возникла такая пробка, что 80 человек умерли от удушья, как рассказывает об этом Лев Африканский. 3 сентября 1513 года город сдался. Командовать португальским гарнизоном и городом было поручено Жуану де Менезишу и Руи Баррету.

В связи со взятием Аземмура в Португалии были устроены великие празднества, организовывались пышные праздничные процессии. Даже в Риме праздновалась эта победа португальского оружия и прославлялись "великие услуги, оказанные Португалией Христианству"[34].

Большой интерес представляет обнаруженное нами в том же архиве письмо короля Мануэла архиепископу и камаре Лисса-

---

[33] Arquivo Nacional da Torre do Tombo. Cartas dos governadores dos Lugares de Africa. Doc. № 102.

[34] *Lima Pires de.* Azamor: os precedentes da conquista e a expedição do duque D. Jaime; *Cenival.* Les Sources inedites…I. P. 394—402.

бона от 19 сентября 1513 года, в котором он с нескрываемым восторгом и гордостью сообщает радостную весть о том, что "милостью Божьей достигнуто завоевание этого города (Аземмура — *Авт.*), и это совершил герцог Браганса"[35].

В тот же день герцог Браганса отправляет королю письмо, в котором уведомляет о том, что город нуждается в пшенице и ячмене, а также о том, что необходимо построить тюрьму[36].

Вскоре, как это видно из другого документа, обнаруженного нами в том же архиве, приор Лагуша Г.Рибейру де Алмейда направил в Аземмур своих представителей для учреждения там церкви[37]. После их прибытия некий Антониу Лейти сообщил в письме королю Мануэлу, что падре Педру из Ордена Св. Августина начал сооружать в Аземмуре церковь Св. Марии[38].

Стратегическое, военное и экономическое значение Аземмура хорошо понимали и португальцы, и арабы. Это видно, в частности, из имеющегося в том же архиве письма королю коменданта Сафи Нуно Фернандиша де Атайде, в котором он, подчеркивая важность удержания в руках португальцев Аземмура, рекомендовал королю усилить его гарнизон не только людьми, но и военным флотом, "поскольку король Феса может воспылать желанием вернуть этот город себе". Учитывая это, комендант Сафи советовал королю "уделить этому наибольшее внимание"[39].

О том же предупредил короля Лобу Кабрейра в письме от 11 декабря 1513 года, в котором он, в частности, сообщал, что "Мулей Мафамеде (так в оригинале — *Авт.*) собирается атаковать". Аналогичные предупреждения королю мы находим в письмах Жуана де Менезиша от 1 и 5 декабря 1513 года.

Документы, обнаруженные нами в архиве Торре ду Томбу, позволяют со всей определенностью утверждать, что король Мануэл I прислушался к этим рекомендациям. В своем письме от 5 января 1514 года Жуану Соаришу он предписывает ему разместить в Аземмуре с помощью Жуана де Менезиша 1000 стрелков, вооруженных арбалетами и ружьями, и кавалеристов[40]. Ше-

---

[35] Arquivo Nacional da Torre do Tombo. Doc. 56.
[36] Ibid. Doc. 62.
[37] Ibid. Doc. 332.
[38] Ibid. Doc. 104.
[39] Ibid. Doc. 331.
[40] Ibid. Doc. 48.

стого января король дает аналогичные предписания Жуану де Менезишу[41]. 31 марта 1514 года Жуан де Менезиш пишет королю письмо, в котором сообщает о том, что против Аземмура движется армия мавров, "которую ведут Мулей Насер и Мулей Мафамед (то есть Мухаммед)".

После взятия Аземмура герцог Жайме Браганса в письме королю утверждал, что это "лучший порт в мире" и предлагал построить там крепость[42]. Это предложение было принято, и в 1514 году вокруг Аземмура были возведены крепостные стены.

Как видно из ряда писем, направленных королю из Аземмура в марте–июле 1514 года, в эти месяцы в городе велись интенсивные работы по сооружению оборонительных укреплений. Так, в письме Нуно Гату от 31 марта сообщается о работах по возведению крепости, а в письме Антониу Лейти от 27 июля о строительстве крепости и хранилища соли[43].

Одновременно португальцы приняли спешные меры по укреплению Мазагана и Сафи, где велись интенсивные работы по возведению оборонительных сооружений в связи с известиями о наступлении армии марокканского шерифа. Об этом, в частности, свидетельствуют обнаруженные нами в архиве Торре ду Томбу указ короля Мануэла от 6 июля 1514 года о передаче овидору (управляющему) строительством в Мазагане 800 тысяч крузадуш для сооружения крепости[44], а также королевский указ от 24 сентября 1516 года о передаче дополнительно 600 крузадуш помимо ранее выделенных 1000 крузадуш на строительство оборонительных сооружений в Сафи[45].

О значении, какое придавали португальские колонизаторы строительству этих крепостей, свидетельствует письмо герцога Браганса королю, в котором он писал: "В Мазагане крепость необходима больше, чем жизнь"[46].

Первым комендантом крепости в Мазагане был назначен Мартин Афонсу де Мелу (10 августа 1514 года). Эта крепость находилась в 16 км от крепости Аземмур и была гораздо важнее. В 1542 году

---

[41] Arquivo Nacional da Torre do Tombo. Doc. 50.
[42] Ibid. Doc. 15.
[43] Ibid. Doc. 97.
[44] Ibid. Corpo Cronologico. Doc. 82.
[45] Ibid. Doc. 105.
[46] *Lopes D.* Op. cit. note. P. 93.

она была расширена. Мазаган часто посещался португальскими судами, которые везли оттуда пшеницу в метрополию, как это видно, например, из расписки-квитанции (1500 г.) и из письма Перу Мендиша, написанного в 1502 году (год голода в Португалии)[47].

По словам португальского историка Давида Лопиша, "дон Мануэл был ненасытен. Его план, очевидно, состоял в том, чтобы, не считаясь ни с какими человеческими и финансовыми потерями, которых ему стоил Восток, заковать атлантическое побережье Марокко в панцирь сильных крепостей, которые воспрепятствовали бы передвижениям противника и вынудили бы его сдаться"[48].

Однако политика строительства сильных крепостей привела к результатам, прямо противоположным ожидавшимся. Христианский кнут вызвал в Марокко реакцию, выбившую португальцев с их позиций. Последней каплей терпения была Мамора. В соответствии со своим планом король Мануэл построил в 1515 году седьмую крепость в Мамора.

Задолго до этого португальцы облюбовали и основательно изучили место для ее строительства. Папа Лев X издал специальную буллу, разрешавшую завоевать это место, как его о том просил португальский король.

Сформированный для этого флот состоял из 200 кораблей, на борту которых было 800 человек. Ими командовал Антониу де Норонья (Позже граф Линьяриш). Флот вышел из Лиссабона 13 июня 1514 года и прибыл в Мамора 23 июня. На следующий день люди высадились в месте, выбранном для крепости. Вначале был построен деревянный частокол, а потом уже внутри его стали возводить сооружения из камня. Однако еще до окончания работ на португальцев напало большое арабское войско. Португальцы потерпели сокрушительное поражение. Как свидетельствует хронист Гоиш, они потеряли 100 кораблей из 200 и около 400 людей из 800. Это было самое крупное военное поражение в Марокко за все время правления Мануэла I. Его влияние на арабов было огромным. Так называемые "замиренные мавры" были таковыми только потому, что чувствовали силу хрис-

---

[47] Arquivo historico portugues. T. V. Lisboa, s.d. P. 76; *Baiao Antonio*. Documentos do Corpo cronologico relativos a Marrocos. Lisboa, s.d. P. 11.

[48] *Lopes D.* Op. cit . P. 39.

тиан. Как только эта сила была потеряна, они повернули свое оружие против португальцев. Поэтому возникли серьезные проблемы для гарнизонов Аземмура и Сафи. Нуно де Атайде писал королю, что он стремится любой ценой удержать крепость Мамора, поскольку в случае ее потери могут серьезно пострадать и доброе имя португальцев и безопасность крепостей и всей зоны, уплачивающей дань королю[49].

Сокрушительный разгром португальцев в Мамора отрезвляюще подействовал на дона Мануэла. Он отказался от планов строительства новых крепостей и от фантазий о крестовых походах на Востоке.

Как видно из документов, после взятия Аземмура правитель Марракешского государства был вынужден просить у португальцев мир. В коллекции документов из Национального архива Торре ду Томбу, опубликованной Коэлью, имеется любопытное письмо короля Мануэла Марракешскому султану (8 августа 1514 года)[50]. В этом письме португальский монарх выражает радость в связи с получением письма султана, в котором он просит заключить договор о мире с Португалией (для этого султан собирался направить послов в Лиссабон). Дон Мануэл отклоняет предложение султана об отправке послов и сообщает, что он сам пошлет к султану своего посла Фернана Диаша Родригеса с полномочиями на заключение мирного договора[51].

В том же сборнике документов имеется "инструкция, которую получил Фернан Диаш для мира с королем Марокко" от дона Мануэла 10 августа 1514 года. В этой инструкции ему предписывалось соглашаться на заключение мирного договора лишь на следующих условиях: марракешский султан должен признать себя вассалом короля Португалии и платить ему в знак вассалитета определенную дань; должен разрешить португальцам построить крепость на своей территории и отдать в качестве заложника одного из своих сыновей и еще трех–четырех знатных лиц[52].

Таким образом, португальский монарх фактически предлагал не мир, а капитуляцию.

---

[49] *Cenival.* Les Sources inedites. Portugal. I. P. 696—702.

[50] Alguns documentos do Archivo Nacional da Torre do Tombo a cerca das Navegaçoes e conquistas Portuguezas. Lisboa, 1892. P. 362.

[51] Ibid.

[52] Ibid.

К сожалению, мы не располагаем документами, которые бы дали возможность судить о результатах миссии Фернана Диаша. Однако есть некоторые косвенные данные, которые позволяют предполагать, что предложения Лиссабона были отвергнуты и мир не был заключен.

Вряд ли марракешский султан мог согласиться на мирный договор на тех тяжелых и унизительных условиях, которые были предложены доном Мануэлем.

О том, что мир не был заключен, свидетельствует, в частности, тот факт, что война между португальцами и арабами скоро возобновилась: угроза арабского нападения нависла над португальским гарнизоном Сафи. В письме от 19 июля 1515 года некий учитель Дуарти сообщал королю Мануэлу о том, что против Сафи двигается с армией "король Феса"[53]. 15 декабря того же года Нуну Фернандиш де Атайде направил королю письмо, в котором рассказывал "о войне, которую он ведет против мавров в этом городе" (Сафи)[54].

Документы, обнаруженные нами в архиве Торре ду Томбу, позволяют сделать вывод о том, что осенью 1515 года португальский гарнизон в Аземмуре оказался в крайне сложном положении, поскольку к городу подошла армия султана Мухаммеда, а в самом городе назревало восстание местного арабского населения. О серьезности внешней и внутренней угрозы португальскому гарнизону сообщал королю, в частности, Афонсу Ваз Каминья в письме от 30 сентября 1515 года[55].

Однако, как видно из документов, длительная осада города не принесла успеха арабам, а в январе 1517 года в Аземмур прибыло сильное подкрепление во главе с неким капитан-мором. В письме от 25 января 1517 года некий Адибе с нескрываемой радостью пишет королю о том, что "огромную пользу этому городу принесло прибытие капитан-мора, который скоро отбросит мавров"[56].

Решающее сражение произошло в апреле 1517 года. Португальцы нанесли серьезное поражение марракешскому султану. Подробное описание этой битвы мы находим в письме португальского военачальника королю от 27 апреля 1517 года, в котором сообщается

---

[53] Arquivo Nacional da Torre do Tombo. Corpo Cron. Doc. 39.
[54] Ibid. Corpo Cron. Doc. 55.
[55] Ibid. Doc. 108.
[56] Ibid. Doc. 19.

о "победе, которую одержали защитники города над маврами", а также о числе убитых и о захваченной португальцами добыче[57].

О том же свидетельствует следующий документ, который имеется в сборнике Коэлью: Письмо Ихеа Тафу Королю дону Мануэлю о победе, которую португальцы одержали над королем Марокко и об огромной добыче, оставшейся от его войска.

"...Бог дал нам победу над этим народом. Мы взяли столько, сколько смогли унести, захватили палатки короля Марокко — владыки гор и палатки его братьев... Они оставили 200 лошадей, из которых 104 имели мертвых хозяев. 120 лошадей принадлежали королю Марокко и его родственникам. Из пехотинцев, я думаю, было убито 200 человек..."[58].

Война в Марокко приняла чрезвычайно затяжной характер. Она проходила главным образом в форме мелких стычек между португальцами и арабами, набегов португальских гарнизонов на окружающие селения и попыток марокканцев завлечь португальских солдат в засаду. Взбешенная сопротивлением и ослепленная фанатичной ненавистью к "неверным" португальская солдатня учиняла в марокканских поселениях кровавую резню, не щадя стариков, детей и женщин. Приведем в качестве примера леденящий душу документ — письмо капитана крепости Сафи от 8 июля 1541 года, в котором он, докладывая королю о результатах внезапной атаки гарнизона на два мавританских лагеря, сообщал: "Мы застигли их врасплох и убили около 400 человек, большинство из коих были женщины и дети. Большинство солдат не щадили никого, и только после того, как они устали убивать, мы захватили в плен примерно 80 душ"[59].

В 1538 году был заключен мир между королями Португалии и Феса. Султан Феса пошел на это в связи с тем, что был обеспокоен быстрым продвижением войск шерифов, угрожавших отнять у него страну. Шерифы разгромили португальские войска, занимавшие крепости на юге Марокко и нанесли поражение войскам султана Феса. Для того чтобы сопротивляться шерифам, султану нужен был мир с Португалией. Этот договор о мире был подписан на берегу реки Досе сроком на 11 лет. Согласно этому

---

[57] Arquivo Nacional. Corpo Cron. Doc. 93.

[58] Alguns documentos. P. 398—399.

[59] D. Rodrigo de Castro a rei D. Joao III. Safim. 8. VII 1541-Gulbenkiana. As gavetas da Torre do Tombo. Lisboa, 1960. T. I. P. 771.

договору все поселения на севере Марокко (на юг договор не распространялся) должны были быть под юрисдикцией султана Феса. Арабы, которые в будущем переселятся туда, должны будут платить королю Португалии одну добру (старинная португальская монета) за каждую соху, а султан Феса отдаст королю Португалии по 10 хороших лошадей за каждое поселение, перешедшее под его юрисдикцию. Этот договор о мире должен был действовать до 1549 года, но ни арабы, ни христиане долгое время не выполняли его. На это жаловался уже в 1540 году португальский агент в Фесе Себастьян де Варгаши в письме Жуану III, прося его наказывать тех португальцев, которые нарушают договор, поскольку иначе невозможно будет сохранить мир. В Фесе недвусмысленно высказывалось недовольство несоблюдением португальцами договора 1538 года[60].

Виновными в нарушениях договора были как португальцы, так и арабы. Португальцев договор о мире не устраивал, так как они не хотели делить свою власть над севером страны с султаном Феса, а арабов он не устраивал, поскольку союз султана с христианами умножал число его противников и сторонников шерифов. Антихристианский "джихад", возглавленный шерифами, находил все больший отклик даже среди подданных султана Феса, открыто выражавших симпатии шерифам, неутомимо сражавшимся против христиан. Ситуация в Фесе стала резко ухудшаться, моральный дух его подданных падал и, наконец, султан Феса вынужден был в одностороннем порядке аннулировать (1543 г.) договор о мире 1538 года. После этого начался период непрерывной войны между португальцами и марокканцами.

Правда, в 1545 году предпринимались попытки реанимировать договор о мире (1538 г.), но даже в тех случаях, когда это удавалось, арабы не выполняли договор[61].

---

[60] *Rodrigues B.* Anais de Arzila. Lisboa, s.d. T. II. P. 309.
[61] *Lopes D.* Historia de Arzila. Lisboa, s.d. P. 383.

Глава вторая

ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВАСКО ДА ГАМЫ

2.1. Второе путешествие Васко да Гамы (1502—1503 гг.)

20 мая 1498 года португальский флот Васко да Гамы впервые прибыл в Индию.

В Индии португальцы с удивлением обнаружили большие богатые и процветающие города.

Прибрежные районы Малабара располагали густой сетью судоходных рек. По этим рекам в порты доставлялись специи и ценные породы деревьев, которые обменивались на драгоценные металлы и деньги. Богатство этих земель составляли не только специи и дерево, но также разнообразная фауна и рубины, которые здесь были в изобилии. Малабарское побережье, славившееся перцем, другими специями, богатой торговлей и навигацией, испытывало нужду в главном продовольственном продукте — рисе. Но, несмотря на отсутствие риса, города-государства Малабарского берега были очень богатыми. Прибыв в Индию, португальцы с удивлением увидели, что грубо сделанные (на индийский взгляд) европейские товары не имеют для сказочно богатой индийской знати никакой ценности. Оказалось, что торговать европейцам нечем[1].

Васко да Гама

[1] *К.А. Антонова, Г.М.Бонгард-Левин, Г.Г.Котовский.* История Индии. М., 1979. С. 201.

Например, в Кананоре выращивали имбирь и корицу. Там развивались ремесла, в особенности ткачество, изготовляли одежду из хлопка, мебель и глиняную посуду. В Кананор ежегодно прибывали около 200 кораблей из других городов Индии, а также из Аравии и Африки.

В Коулан и Каликут еще в начале XV века добирались китайские купцы, а порт саморина имел тесные торговые связи с Меккой[2]. На ткацких станках в Каликуте изготовляли шелк, индийцы умели делать примитивные консервы.

Соперником Каликута в торговле перцем был Кочин, который иногда на целые десятилетия брал верх в этой борьбе над своим конкурентом. Пристани Кочина были желанным конечным пунктом для многих купеческих кораблей, шедших от восточных берегов Африки и от Мальдивских островов. Но к концу XV века Каликут снова добился первенства в торговле перцем. Кроме специй на Малабарском побережье были в большом количестве и другие богатства — медь, киноварь, ртуть, кораллы, парча, бархат, ярко-красные ткани, ковры, шафран, розовая вода и золотые монеты[3].

Что касается климата побережья, то 6 месяцев продолжалось жаркое лето и 6 месяцев зима с проливными тропическими дождями и ветрами, дувшими с запада на восток и вызывавшими большие наводнения.

Если двигаться вдоль Малабарского побережья с юга на север, то первым большим городом-государством был Коулан. Там царил матриархат, а верховным правителем был раджа, имевший сердечные дружеские отношения с саморином Каликута. В Коулане были большие плантации перца.

Севернее Коулана был расположен город-государство Кочин. Из всех городов-государств Малабарского побережья Кочин имел наибольшее число рек. Вблизи Кочина располагались земли так называемого "короля (раджи) перца", который владел большими плантациями, где выращивалась эта культура. Границы владений "короля перца" сейчас определить трудно, но, возможно, его территория была расположена не только у морского побережья, но и простиралась вглубь материка севернее города Кочин. "Король

---

[2] *Correia Jose Manuel.* Os. Portugueses no Malabar (1498—1580). Lisboa, 1997. P. 18.

[3] *Godinho Vitorino Magalhaes.* Mito e Mercadoria. Utopia Pratica de Navegar Seculos XIII—XVIII. Lisboa, Difel, 1990. P. 397—398.

перца" часто вел войны против раджи Кочина. У него было много денег и сокровищ, накопленных благодаря торговле перцем, и поэтому он имел возможность нанимать большое число хорошо вооруженных воинов. Его военная сила проистекала из его экономического могущества и богатства, базировавшегося на обладании огромными перечными плантациями. Поскольку его земли граничили с землями раджи Кочина, последний претендовал на них, утверждая, что перечные плантации находятся на территории, находящейся под его юрисдикцией.

Еще севернее на Малабарском побережье был расположен город-государство Кранганор. Там выращивались специи, которые отправлялись в порт могущественного Каликута. Другое малабарское поселение Шале подобно Кранганору отправляло специи в Каликут, так как его раджа был вассалом саморина.

Самым могущественным и влиятельным из всех городов-государств Малабара был Каликут.

Государство, столицей которого был Каликут, называлось Эрнад, и его суверен носил династический титул "самутири" или "самури" (португальцы называли его "саморин").

В 1343 году Ибн Баттута упоминал о Каликуте как о важном порте, который посещали люди из Китая, Явы, Цейлона, Мальдивских островов, Йемена и Персии. В следующем веке Каликут упоминался Николо ди Конти, Абдулом Раззаком и Афанасием Никитиным как огромный рынок снадобий и специй. Быстрому развитию Каликута благоприятствовало несколько факторов: наплыв товаров из соседних речных портов Эли и Кранганор, уничтожение соперничавшего с Каликутом Коулана, разграбленного выходцами из Короманделя (до этого Коулан был главным торговым центром региона), усиление позиций мусульман, которые с начала XIV века установили монополию на торговлю в Индийском океане*. Саморины решительно поддерживали мусульманскую торговлю, и эта политика принесла им огромные богатства. Именно эта тесная связь между саморином Каликута и исламскими торговыми интересами объясняет враждебный прием, оказанный там португальцам, и целую серию конфликтов, которой отмечены первые 15 лет португальского присутствия в Индийском океане.

---

*Дело дошло до того, что мамлюкский султанат в Каире запретил немусульманским судам заходить в порты на Красном море.

Здесь, как и в других портах Малабарского побережья, вначале мусульманам разрешалось лишь посещать порт, но они не должны были селиться на этой земле. Однако практика "мута'а" или "временной женитьбы" (отвергаемая суннитским, но допускаемая шиитским правом) позволила им иметь жену в каждом порту.

В результате с XII века стала формироваться местная исламская община, состоявшая по существу из метисов, "мавров этой земли", как называли их португальские источники XV века. В Индии они известны как "мопла" (сын — пилла, мать — ма). У Дуарти Барбозы встречается термин "мапулур". Эти названия иногда употребляют в отношении местных христиан (или "христиан Св. Фомы"). Знатные люди этой общины иногда использовали титул "меркар" или "маракар" (от малайского "мароккан" — "вождь"), который в некоторых районах распространили на всю общину, заменив им общее название "мапилла".

Мопла по существу выполняли функции торговых посредников и маклеров арабских и персидских купцов, которые часто посещали порт Каликут. К мапилла ("маврам этой земли") позже добавились общины эмигрантов из Аравии и Египта, (вероятно, главным образом, "карими" — члены шиитской гильдии торговцев, изгнанные мамлюками), а впоследствии также беженцы из Гранады, мусульмане из Магриба, Балкан и Гуджарата. Португальские источники называют их всех "маврами из Мекки", а иногда "пардеши" или "пардети" (от "парадеша", что на хиндустани означает "чужая страна"). Именно они в конце XV века вели грандиозную морскую торговлю в Индийском океане и обеспечили экспорт специй на Ближний Восток. Видимо, они оттеснили мапилла на вторые роли, заставив их ограничиться местной торговлей, что создало латентную напряженность между двумя общинами.

Специализация государства Эрнад на морской торговле своеобразно отразилась в особом культе, воздаваемом саморином богине моряков Капалотта (от дравидского "капал" — "корабль"), покровительстве мусульманам и в церемонии "мананкам", во время которой саморин возглавлял исламских паломников и получал цветы из рук трех девочек — мапилла. Об этой церемонии упоминают Дуарти Барбоза, Томе Пириш, Каштаньеда, Барруш, Г.Коррейа, Зинадин и в поэтической форме Камоэнш в своей поэме "Лузиады" (песнь VII).

В XV веке Каликут был городом в определенном смысле космополитическим. Там обосновались торговцы из разных стран. Существовала, например, важная торговая колония мусульман-гуджаратцев, которые установили в числе прочих тесные связи с Малаккой.

Из индусов наиболее преуспевающими были торговцы из Короманделя (восточное побережье Индостана), которые занимались наряду с торговлей драгоценными камнями также ростовщичеством. Как и другие общины торговцев, они пользовались особым почетом и считались, как и брахманы, неприкосновенными, что позволяло им циркулировать даже между воевавшими друг против друга княжествами.

Верный индусской традиции, согласно которой "земля принадлежит суверену, а море — торговцам", саморин не имел флота, предоставив купцам самим организовывать в море защиту своих кораблей.

Порт Каликута был по существу открытым портом, а саморин действовал как арбитр в спорах между различными общинами. В его дворце было четыре зала, где он давал отдельные аудиенции индусам, мусульманам, христианам и иудеям.

К этим четырем общинам, вероятно, в XIV веке добавилась китайская торговая колония (которой приписывается введение рыболовных принадлежностей, еще и сегодня используемых рыбаками Малабара).

Саморин претендовал на роль верховного светского суверена всего Малабарского побережья. Город саморина был расположен между двумя реками, впадавшими в Индийский океан. В государстве саморина земли были сухие и песчаные, за исключением нескольких горных вершин, где жили мусульмане. В государстве существовала кастовая система, высшей и наиболее уважаемой кастой, как и всюду в Индии, были брахманы. Следует отметить, однако, что хотя религиозная и социальная стратификация общества в Каликуте, как и в Малабаре, в целом была достаточно сильной, она все же не была столь жесткой и нерушимой, как ее описывает Дуарти Барбоза[4].

Последнее крупное поселение называлось Кананор. По сравнению с соседними княжествами там было меньше перца, но боль-

---

[4] *Barbosa Duarte*. Livro em que da a Relação do que viu e ouviu no Oriente. Lisboa, Agencia Geral das Colonias, 1946. P. 118—173.

ше имбиря и корицы. Удобное месторасположение благодаря горам, защищающим берег от ветров, благоприятный климат и чистая вода сделали Кананор любимым местом отдыха и лечения многих малабарцев.

После прибытия португальцев многие из малабарских городов были заселены так называемыми "новыми христианами" и евреями. Они жили компактно в особых кварталах, которые можно было встретить по всему Малабару, но больше всего их было в Кочине, Кранганоре и Кананоре.

Васко да Гама был не первым португальцем, побывавшим в Каликуте. Этот город, по-видимому, посетил еще в 1488 году португальский шпион и авантюрист Перу да Ковильян в ходе его странствий по Индии до того, как он попал в Эфиопию. Поэтому торговое значение этого малабарского порта должно было быть известно в Португалии еще до отплытия Васко да Гамы, которого привел туда лоцман, полученный им от султана Малинди.

Успех великой экспедиции Васко да Гамы убедил даже самых неисправимых скептиков в том, что решена проблема, в которой была заинтересована Европа, долго и упорно искавшая морской путь в Индию. В Лиссабоне уже строили грандиозные планы создания Великой Португальской империи на Востоке, а король, исполненный гордости и амбиций от сознания своей новой роли господина Востока и жаждавший завладеть восточными сокровищами, был намерен продолжать столь счастливо начатое предприятие, превратив открытие в конкисту.

Уже 28 августа 1499 году король Мануэл добавил к своему титулу упоминание о владении восточными регионами, доступ к которым открыло ему путешествие Васко да Гамы: "Сеньор Гвинеи, навигации, конкисты и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии". Одновременно он объявил о своем плане установить монополию на торговлю и поставить Индийский океан под португальский контроль. Поэтому уже на следующий год после возвращения Васко да Гамы 9 марта 1500 года он отправил в Индию большой флот из 13 кораблей, командование которым было поручено Педру Алваришу Кабралу.

С отплытием второго флота в Индию началась новая фаза португальской экспансии — фаза завоевания, в ходе которой Португалия превратилась в великую торговую и морскую дер-

Педру Алвариш Кабрал

жаву. Реализация поставленных задач потребовала, чтобы навигаторы превратились также и в воинов, поставивших свой меч на службу войн во имя славы Креста и возродивших идеалы рыцарства, которые Европа уже забыла. Таковы герои Камоэнша в его поэме "Лузиады". И таковы также те, о которых пишут хронисты XV века. Ими движут романтические идеалы, смешанные со стремлением к славе. В то же время они способны на жестокость, которая кажется несовместимой с их благородными целями, но вполне соответствуют менталитету той эпохи. Таким образом, географические открытия в Индийском и Тихом океанах не только расширили географические представления и принесли в Европу конкретные знания о народах и культурах, которые до этого времени фигурировали лишь в легендах и мифах, но и расчистили путь для второй фазы экспансии, которая имела главным образом торговые и военно-политические цели[5].

По дороге в Индию из-за бури, вынудившей корабли взять курс на запад, Кабрал открыл Бразилию, которой дал название "остров

[5] Literatura dos descobrimentos e da expansao portuguesa. Lisboa, 1993. P. 20—21.

Вера Круш". Объявив эти земли владением короля Португалии, в знак чего он поставил на холме большой деревянный крест, он двинулся через Атлантический океан к берегам Африки. Во время бури недалеко от мыса Доброй Надежды четыре корабля утонули, а шесть кораблей добрались до Малинди, а оттуда прошли к Каликуту.

События, произошедшие после прибытия Кабрала в Каликут, напоминали те, что случились после прибытия Васко да Гамы, хотя и были еще более драматическими.

Кабрал вез с собой королевские инструкции назначить администратора фактории (фейтора) в Каликуте, а также священников и монахов для распространения христианского вероучения в Индии. Кроме того, инструкции дона Мануэла предписывали Кабралу вести войну против "мавров из Мекки", захватывать их товары и имущество с тем, чтобы обеспечить полную монополию Португалии на торговлю специями. В то же время экспедиция Кабрала пыталась добиться таких условий, при которых португальские миссионеры могли бы осуществлять свою деятельность без противодействия мусульман[6].

Кабрал привез саморину письмо дона Мануэла, в котором король пытался убедить его с помощью аргументов, взятых из Священного Писания, войти в союз с португальцами против мусульман и сотрудничать в бойкоте торговли из Красного моря. (Содержание этого письма пересказывает Каштаньеда)[7]. После трудных переговоров в атмосфере подозрительности дело не пошло дальше обещаний саморина предоставить португальцам право учредить факторию на участке, предоставленном им китайцами, а также лицемерных обещаний содействовать развитию торговли между Португалией и Каликутом[8].

Послание дона Мануэла саморину, переданное Кабралом на исторической торжественной церемонии, недвусмысленно заявляло о далеко идущих и амбициозных планах и претензиях португальцев на Востоке.

Португальцы, привыкшие к простому торговому обмену, рассчитывали обменивать индийские специи на те товары, кото-

---

[6] Documentacao para a Historia das Missoes do Padroado Portugues do Oriente India (1499—1522). Pub. *Antonio da Silva Rego*. Lisboa, Agencia Geral das Colonias, 1947. Vol. 21. Doc. 3. P. 12—14.

[7] *Castanheda F.L.* Historia dos descobrimento. Lisboa, 1924. Liv. I, Cap. XXXV.

[8] Ibid; *Zinadim*. Historia dos portugueses no Malabar. Lisboa, Imprensa Nacional, 1898. P. 35—36.

рые были в изобилии в Португалии — пшеницу, ткани и железо. Однако эти товары индийцам были не нужны. Они хотели обменивать перец, имбирь и гвоздику на драгоценные металлы — золото, серебро, а также на ярко-красные ткани и кораллы.

Как свидетельствует источник, граф Вимпозу спросил вернувшегося в Португалию Васко да Гаму, какие товары интересуют индийцев. Адмирал ответил: "Они хотят получить от нас золото, серебро, бархат, ярко-красные ткани". И граф сказал ему: "Получается, что они нас открыли, а не мы их"[9]. Кроме того, саморин испытывал сильное давление со стороны мусульманских купцов, которые опасались потерять монополию на торговлю специями.

"Мавры из Мекки" начали чинить всевозможные препятствия продаже специй португальцам. Отношения с саморином, правда, несколько улучшились, когда Кабрал по его просьбе захватил гуджаратское судно, на котором перевозили из Кочина в Кананор похищенные у него ценности, в том числе его лучшего боевого слона.

Тем не менее из-за обструкции мусульман и фактического бойкота, устроенного португальцам под предлогом отсутствия специй, погрузка кораблей Кабрала шла с огромными трудностями. Тогда фейтор Айриш Коррейа предложил капитан-мору (командующему) захватить один корабль мавров, который, загрузившись, был готов к отплытию в Красное море, и завладеть грузом. В ответ на эту акцию мавры внезапно напали на португальскую факторию и убили 50 португальцев (в том числе фейтора, секретаря Перу Ваза де Каминья и трех монахов-францисканцев). В отместку португальский флот захватил и сжег дюжину мусульманских судов, стоявших на якоре в порту, и бомбардировал город в течение трех дней, убив полтысячи людей.

После этого Кабрал, убежденный посланцами раджей Кочина, Кананора и Коулана взять груз специй в их портах, покинул Каликут и перебрался в Кочин, где португальцы обнаружили, хотя и менее могущественное, но зато более приветливое и гостеприимное княжество. Исламизация здесь еще не зашла так далеко, как в Каликуте.

Брахманы, создавшие морскую лигу между княжествами Каликут и Кочин, находились даже в определенной конфронтации с

---

[9] *Fonseca L.A. da.* Vasco da Gama. Lisboa, 1997. P.313.

мусульманами[10]. Недовольство брахманов засильем мусульман побуждало их объединяться с португальцами для того, чтобы общими усилиями нейтрализовать мусульманское присутствие.

Вызов, который Португалия бросила Каликуту, стал тотчас же известен во всем Малабаре. Слабые княжества, которым саморин навязал вассальную зависимость, увидели в португальцах возможных союзников, на которых можно опереться в борьбе за свою самостоятельность. Поэтому они поспешили направить в Кочин, где находилась португальская эскадра, своих послов, предложивших Кабралу хорошие условия торговли и дипломатическое признание[11].

Кочин со своей стороны позволил Кабралу основать торговую факторию. Португальцы сумели таким образом закрепить торгово-экономические позиции в Малабаре и получить плацдарм для возможных столкновений с саморином, который, испытывая нажим со стороны мусульман, проявлял все большую враждебность по отношению к португальцам.

Завязав торговые связи с индийскими городами Кочин и Кананор и загрузив свои суда пряностями и тканями, Кабрал двинулся в обратный путь[12].

В июле 1501 года эскадра Кабрала вернулась в Лиссабон. Несмотря на потерю нескольких судов, ценность доставленных ею грузов была так велика, что вдвое превысила расходы на экспедицию. Кабралу за оказанные им услуги была назначена пенсия в 30 тысяч реалов[13].

Таким образом, путешествие Педру Алвариша Кабрала дополнило путешествие Васко да Гамы, дав португальцам более реалистическое представление о трудностях, которые предстояло преодолеть в деле создания империи на Востоке. Им стало ясно, что требовалось не только искусство в навигации, которым владели открыватели новых путей (после путешествия да Гамы португальские лоцманы заимствовали некоторые навигационные приборы у мавров, плававших в Индийском океане);

---

[10] *Barros J.D.* Asia, Decad. I, Liv. V, Cap.VII, P. 206.
[11] *Castanheda F.* Op. cit. Liv. I, Cap. XLI, P. 92—93.
[12] *Barros J.* Decad. I, Parte I, P. 179, 222.
[13] Alguns documentos do Archivo Nacional da Torre do Tombo a cerca das Navegaçoes e Conquistas portuguezas. Lisboa, 1892. C. 132.

требовалось еще и умение опытных воинов, которые были бы способны, соблюдая дисциплину королевских полков, несмотря на отдаленность от метрополии, подчиняться командирам, беспрекословно исполнять их приказы и сохранять верность и преданность своей родине. Требовались также компетентные губернаторы и вице-короли, которые, помимо всего прочего, должны были обладать дипломатическим тактом и умением руководить, а также честностью и знанием экономики, необходимыми для исполнения своих обязанностей[14].

Плавание Педру Алвариша Кабрала не принесло, однако, португальской короне гегемонии в Индии. Почти все его люди погибли в результате стычек с местным населением, а португальская фактория была разграблена. Позиции Португалии в Индии оказались под серьезной угрозой, и тогда король вновь вспомнил о Васко да Гаме.

Фактически в Индию было одновременно отправлено три флота. Первый состоял из пяти кораблей, командование им было поручено дяде адмирала Висенти Содре, который имел инструкции остаться в Индии и заниматься там борьбой против мусульман.

Другой, под командованием Васко да Гамы, состоял из десяти кораблей. Кроме того, король дон Мануэл приказал готовить третий флот из пяти кораблей, которым командовал двоюродный брат адмирала Эштеван да Гама и который вышел из Лиссабона почти на два месяца позже второго.

Перед отплытием флота Васко да Гамы король в сопровождении всего своего двора прослушал мессу в лиссабонском кафедральном соборе. После торжественной мессы он вручил Васко да Гаме адмиральское знамя. Из кафедрального собора новый "адмирал Индийского моря" торжественно проследовал к берегу Тежу, сопровождаемый огромной толпой.

Флот Васко да Гамы отплыл из Лиссабона 10 февраля 1502 года. Благодаря попутному ветру уже 28 февраля он достиг Кабу Верди. В пункте, который Барруш называет Порту Дали, Васко да Гама встретил каравеллу, которой командовал капитан Фернан де Монтарройо и которая везла из Сан-Жоржи да Мина большой груз золота. Эта встреча очень обрадовала адмирала, так как предоставила ему удобный случай наглядно проде-

[14] Literatura dos descobrimentos... P. 22—23.

монстрировать послам из индийских княжеств (Кочина и Кананора), возвращавшимся на родину на его кораблях, какие огромные богатства король Португалии извлекает из своих африканских владений. Это было весьма кстати для адмирала, так как ему было необходимо во что бы то ни стало опровергнуть то неблагоприятное мнение о Португалии, которое сложилось у индийцев в результате бесед, которые вел с ними в Лиссабоне посол Венецианской республики. Посол посеял семена сомнения в душах доверчивых малабарцев. Он всеми силами старался их убедить, что Португалия — очень маленькое и бедное королевство, не способное своими силами осуществлять плавания и торговлю на Востоке и что она решилась на эти предприятия только благодаря помощи могущественной державы — Венеции, первой и самой крупной морской и торговой державы во всем христианском мире, которой уже долгое время принадлежит вся торговля специями на Востоке. Этот исторический анекдот, упоминаемый только Ж.Баррушем[15], может иметь под собой, несмотря на молчание других хронистов, вполне реальное основание, так как хорошо известны те чувства зависти и ненависти, которые питали венецианцы после открытия морского пути в Индию к португальцам как к более удачливым конкурентам в торговле специями.

Взяв запас пресной воды на Кабу Верди, Васко да Гама 6 марта высадился на острове Палма и там вместе со всеми своими людьми прослушал мессу. В мае флот адмирала обогнул мыс Доброй Надежды, а в июне бросил якорь в бухте Софалы.

Томе Лопиш, который плыл в составе флота под командованием Эштевана да Гамы, вышедшего из Лиссабона 1 апреля 1502 года, оставил весьма живое описание морского перехода у мыса Доброй Надежды: "В первый день июня, когда ветер усилился, приближая нас к мысу Доброй Надежды, дни стали уменьшаться так, что на восьмой день, судя по корабельным часам, день от восхода до захода солнца составлял 8 1/2, а ночь 15 1/2 часов, а причина того, что в столь малый период времени так уменьшились дни, заключалась в том, что за эти восемь дней корабль прошел большой путь"[16].

---

[15] *Barros J.* Decad. I. Parte I. Liv.VI. Cap.II.

[16] *Lopes Tome.* Navegacao as Indias Orientais-Colecçao de Noticias para a historia e geografia das nacoes ultramarinas, publicada pela Academia das Ciencias, T. II, P.169—170.

В Софале флот Васко да Гамы соединился с ждавшим его там флотом Висенти Содре. Теперь под командованием адмирала было уже 15 кораблей, на которых, по сведениям Г.Коррейа, было около 800 вооруженных людей.

Правитель Софалы, потрясенный видом столь могущественной армады, поспешил заключить с Васко да Гамой договор о мире и откупиться золотом[17].

Когда флот вошел в порт Мозамбик, он был весьма гостеприимно встречен местным правителем, который, согласно информации Барруша и Гоиша, был преемником того негостеприимного правителя, с которым Васко да Гама встречался во время первой экспедиции.

Адмирал задержался в Мозамбике на несколько дней, чтобы отремонтировать корабли, а затем продолжил путь к Килве. Он считал своей важной задачей принудить к вассалитету правителя этого города-государства, который причинил ему столько неприятностей во время первого путешествия, и заставить его платить дань королю Португалии. До Васко да Гамы в Килве побывал Педру Алвариш Кабрал, которого правитель встретил крайне враждебно[18].

Адмирал со своим флотом вошел в порт Килвы под грохот залпов корабельных орудий, что должно было служить предупреждением для правителя Килвы, которому достаточно ясно давалось понять, что он должен выразить полную покорность*.

Вскоре после этого в Килву прибыл флот Эштевана да Гама, состоявший из пяти кораблей. Этот флот соединился с флотом адмирала.

Когда жители Килвы увидели, что в их порт вошло такое число португальских кораблей, их охватили страх и ужас. Вначале Васко да Гама как осторожный политик пытался добиться принуждения правителя Килвы к повиновению и вассалитету только с помощью демонстрации силы, не прибегая к военным действиям. Как только корабли встали на якорь, адмирал приказал уведомить правителя,

---

[17] *Barros J.* Decad. I. Parte I. Liv.VI. Cap.II; *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv.I. Cap. XLIV; *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXVIII; *Correia G.* Op. cit. T. I. Parte I. P. 272—273.

[18] *Barros J.* Decad. I. Parte I. Liv.VI. Cap.III; *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXVIII.

* Барруш пишет, что корабли вошли в Килву, стреляя из всей артиллерии. Другие хронисты умалчивают об этом обстоятельстве. Однако весьма вероятно, что Васко да Гама, чтобы запугать жителей Килвы, прибег к этому методу (*Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.III).

чтобы он немедленно пришел для переговоров и подписал договор о мире и дружбе с королем Португалии.

Хронисты резко расходятся в описании способа, каким адмирал принуждал правителя Килвы к уплате дани и вассалитету в отношении короля Португалии. Вот как описывает эти события Дамьян де Гоиш: "Султан был напуган прибытием этих судов, так что добровольно послал человека передать Васко да Гаме, что если он хочет его видеть, он это устроит. Когда он по морю подплыл к кораблям, Васко да Гама его задержал, предупредив, что если он не станет вассалом и данником короля, его сеньора, то он будет взят в плен, отвезен в Индию, а оттуда в Португалию"[19].

Демонстрация военно-морской силы и неприкрытые угрозы возымели действие на правителя Килвы, и он согласился стать данником Португалии и ежегодно уплачивать ей 1500 метикалов золота. Венецианец Са Массер, который писал несколькими годами позже в Лиссабоне, приводит несколько иную версию этих событий. Возможно, что, будучи не столь зависимым от давления португальского общества, как хронист Д. де Гоиш, он имел больше возможностей сообщить правду. Итальянец пишет, что султан Килвы при виде португальской военно-морской армады оцепенел от ужаса: уже много лет здесь не видели такого количества христианских судов и христиан. Тогда Васко да Гама приказал артиллерии бомбардировать город. Жесткие действия адмирала заставили султана капитулировать.

Существует анонимный доклад об этом путешествии, в котором содержится, вероятно, лучшее описание пребывания Васко да Гамы в Килве. Согласно этому источнику, прибыв туда 12 июля, флот встал на якорь около города, и "адмирал приказал артиллерии поработать, и она это сделала". Тогда к кораблю капитан-мора подплыл один христианин, который передал ему письмо Жуана да Нова, сообщавшего, что когда он загрузился в Кананоре, он подвергся блокаде людей из Каликута, а также жаловавшегося "на этого короля Килвы". Васко да Гама отправил местному правителю свои предложения о торговле, но тот, получив записку, "прикинулся больным и медлил с отправкой ответа". Тогда адмирал отдал приказ приблизиться к городу и, созвав совет капитанов, обрисовал им сложившуюся ситуацию.

---

[19] *Gois D. de.* Cronica do D. Manuel. Coimbra, 1949. Parte I. Cap. LXVIII.

Было решено провести на следующий день демонстрацию силы и предъявить "королю" Килвы ультиматум. В результате тот пошел на уступки и через полчаса встретился с адмиралом на его судне. "Король" Килвы согласился стать данником португальского монарха[20].

Версия анонимного доклада таким образом в основных моментах не отличается от той, которую дают хронисты.

Итак, не подлежит сомнению, что адмирал встречался с "королем" Килвы. Во время этой встречи Васко да Гама арестовал его и сказал ему, что если он не станет вассалом и данником короля, его сеньора, то он увезет его как пленника в Индию, а оттуда в Португалию. Заманив правителя Килвы в ловушку, Васко да Гама заставил его признать свою вассальную зависимость от португальского короля и платить ему ежегодную дань. Такой метод действий был типичен для португальских конкистадоров. Обычно они требовали от местных правителей уплаты дани и признания вассальной зависимости от короля Португалии, в случае же отказа подвергали города разрушению и разграблению, а затем сжигали. Если же местный правитель принимал их условия, они взимали с него дань и оставляли в покое, но только пока он послушно выполнял их приказы, желания и прихоти.

Говоря о пребывании Васко да Гамы в Килве, хронисты приводят любопытный рассказ о Мафамеде. Так они называют знатного мавра, который жил при дворе правителя Килвы. Настоящее имя этого мавра было, видимо, Мухаммед Альконе. Все хронисты пишут о том, что между правителем и этим вассалом существовала глубокая вражда, так как Мафамеде верил в свое божественное и законное право быть правителем Килвы.

Когда "король" Килвы согласился стать данником португальского монарха и покинул корабль адмирала, он оставил в его руках в качестве заложника Мафамеде. При этом он рассчитывал, что поскольку у Васко да Гамы нет времени ждать, когда ему пришлют обещанную дань, так как он должен продолжать свой путь, волей-неволей платить эту дань придется Мафамеде. А если он не сможет это сделать, адмирал прикажет его убить и тогда "король" Килвы избавится от опасного соперника. Когда Мафамеде узнал о вероломстве своего суверена, он либо добро-

---

[20] *Fonseca L.A. da.* Op. cit. P. 196.

вольно заплатил из своей мошны дань за этот год, либо был принужден к этому насильственными способами. Как бы то ни было, все хронисты сходятся на том, что он уплатил две тысячи метикалов золота, после чего Васко да Гама отпустил его на свободу, и он вернулся в город*.

Правитель Килвы получил от Васко да Гамы особое свидетельство, в котором он, от имени короля дона Мануэла, объявлял его вассалом и обещал ему покровительство и защиту. Адмирал послал ему шелковое знамя, отделанное золотом, с гербом Португалии, которое португальцы торжественно привезли на лодках. Дружественно встреченные местными жителями, они пронесли это знамя по улицам города, громко выкрикивая: "Португалия! Португалия!". В конце концов, они торжественно водрузили это знамя на башню на Центральной площади в Килве[21].

Описывая эти события, Г.Коррейа, давая волю своему богатому воображению и подчиняясь своей неистребимой страсти к романтическим приключениям, вставляет в свой рассказ любопытный эпизод, напоминающий сцену похищения сабинянок. Он уверяет, будто португальцы пленили сердца местных женщин, которые, по его словам, были "очень красивы". Более того, Коррейа пишет, что множество женщин бежало на корабли, где их спрятали португальцы. На недоуменные вопросы мусульман португальцы ответили, что их жены и дочери предпочитают быть христианками и невольницами христиан, чем законными женами мавров. Как утверждает Коррейа, Васко да Гама некоторое время находился во власти сомнений и колебаний. Как добрый христианин он не мог отказать мавританкам в крещении, но как строгий начальник не мог допустить, чтобы на его кораблях находились женщины, которые могли "опорочить души тех, кто нуждался в том, чтобы их души были непорочными и освобожденными от грехов". В конце концов, адмирал принял трудное решение. Он приказал всех мавританок вернуть их королю с торжественным обещанием, что их мужья, получив их назад, не будут мстить за свою обиду под страхом сурового наказания. Однако некоторые ортодоксальные мусульмане отказались полу-

---

*Каштаньеда и Гоиш пишут, что Мафамеде уплатил дань добровольно. *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv.I. Cap. XLIV; *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXVIII.

[21] *Barros J.* Decad. I. Parte I. Liv.VI. Cap.III; *Lopes Tome.* Op. cit. P. 169—170.

чить своих жен обратно. Тогда Васко да Гама снова принял на борт 40 мавританок и, надежно спрятав их в каютах, отплыл из Килвы, везя груз из странного и необычного товара[22].

Такова версия Г. Коррейа. Это один из тех фрагментов его "Легенд", который заслуживает некоторого доверия в главной сути события, так как скромность и воздержание в ту эпоху не относились к числу главных добродетелей португальцев. Представляется абсолютно неправдоподобным утверждение Коррейа о том, что мавританки добровольно бежали на корабли. Логичнее предположить, что португальцы насильно захватывали женщин и уводили их на свои корабли.

После "похищения сабинянок" португальский флот направился в порт Малинди. Васко да Гама хотел навестить правителя, которого он считал единственным на всем восточноафриканском побережье настоящим другом Португалии. Но на траверзе Малинди стремительное течение увлекло португальский флот, и он прошел вдоль берега, пока не вошел в одну бухту, отстоявшую на 8 лиг от Малинди. Туда правитель Малинди прислал представителей, чтобы приветствовать адмирала, написав ему письмо, которое он послал с португальцем по имени Луиш де Моура. Это был один из дегредадуш (ссыльных), оставленных там Алваришем Кабралом. Запасшись водой и всем необходимым, Васко да Гама продолжил свое путешествие, взяв курс на Малабарское побережье.

Когда флот подошел к берегу, произошла кровавая трагедия. Леденящие кровь свидетельства о ней мы находим в сочинениях хронистов. Васко да Гама поставил флот в 15 лигах от берега, чтобы перерезать маршруты кораблей, шедших от Ормузского пролива к Малабарскому побережью. Патрулирование западного побережья Индии было чисто военной акцией португальцев, свидетельствовавшей о том, что они уже тогда приступили к реализации плана установления своей абсолютной монополии и господства над Индийском океаном. Курсируя вдоль побережья, огромный португальский флот захватил несколько лодок и мелких суденышек ("замбукуш"). Тех, которые были из Кананора, они отпустили, оставив в своих руках только суда, принадлежавшие Каликуту, с которым португальцы считали себя в состоянии войны[23].

---

[22] *Correia G.* Lendas da India. Porto, 1975. T. I. Parte I.

[23] *Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.III; *Lopes Tome.* Op. cit. P. 173—174.

Через некоторое время в руки португальцев попал большой корабль "Мери", которым командовал капитан Жоар Факин. На нем, помимо моряков и солдат, плыли многочисленные паломники, возвращавшиеся на родину после хаджа в Мекку. Португальцы неожиданно напали на мирный корабль и, не встретив никакого сопротивления, захватили людей, не догадывавшихся о том, какая страшная участь их ждет. Допросив капитана, Васко да Гама узнал, что все они были из Каликута. После этого он просил показать образцы товаров, которые они намерены были обменять на специи. Мавры, приняв португальцев за пиратов, и решив, что Васко да Гама хотел получить в обмен на их освобождение большой выкуп, принесли ему деньги и драгоценности. Васко да Гама принял эти подарки и попрощался с маврами, пообещав, что на следующий день их отпустит[24].

Однако на следующий день Васко да Гама приказал, чтобы после того, как все товары будут перегружены на португальские корабли, предать огню корабль из Каликута вместе с находившимися на его борту маврами. Мусульмане сносили насилие с величайшим терпением и покорностью судьбе до тех пор, пока это касалось их имущества. Но теперь они обнаружили волю и способность к сопротивлению. Вооружившись, как могли, они вступили в последнюю смертельную схватку с португальцами, окружившими на лодках охваченное пламенем судно. Отчаявшиеся люди, решившие продать свою жизнь за возможно более дорогую цену, сражались героически. Они убили трех или четырех и ранили многих португальцев. Морское сражение продолжалось до наступления ночи. И хотя силы были неравными, Васко да Гама приказал отвести корабли, но не выпускать каликутское судно из кольца окружения. На следующий день разыгрался последний акт этой трагедии. Португальцы вернулись и вновь подожгли несчастное судно. Многие мавры были сожжены заживо, другие утонули вместе с затонувшим кораблем, а третьи, бросившиеся в воду, были убиты ударами копий или застрелены[25]. Из нескольких сотен людей адмирал даровал жизнь только одному мавру, который был лоцманом,

---

[24] *Correia G.* Lendas da India. T. I. Parte I. P. 292—293.
[25] *Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.III; *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv.I. Cap. XLV.

и нескольким детям, которых позже он приказал обратить в христианство*.

По сведениям Д. де Гоиша, в этом морском сражении погибли более 300 мавров. У Томе Лопиша описание этого события занимает полностью две главы его обширного сочинения. Даже современного читателя не могут не потрясти душераздирающие сцены и эмоциональный накал рассказа. Особенно впечатляют те эпизоды, которые свидетельствуют о высоком мужестве и стойкости мавров, до конца боровшихся за свою жизнь. Кроме человеческой трагедии, о которой повествует этот хронист, он позволяет судить также о некоторых малоизвестных аспектах военной тактики португальцев, в частности, о применявшейся ими в начале XVI века в Индийском океане тактике морского боя. Перед нами типичная пиратская операция. Подобно пиратам португальцы, перерезав маршруты кораблей, шедших от Ормузского пролива к Малабарскому берегу, долгое время поджидали корабль из Мекки. Это заставляет вспомнить о морской тактике, которую португальцы применяли уже очень давно в районе Гибралтарского пролива. Как видно из случая с судном "Мери", эта тактика заключается в ожидании вражеского судна на пересечении морских коммуникаций. И, — как читаем в других главах сочинения Томе Лопиша, — в заботе о том, чтобы, заняв позицию между берегом и кораблем, атаковать его и не допустить, чтобы враг сошел на берег и бежал.

Таким образом, Васко да Гама, положивший начало португальскому проникновению в восточные моря, принес туда комбинацию техники сближения и абордажа, унаследованной от корсаров позднего Средневековья, привыкших действовать в закрытых морях, с одной стороны, с систематическим использованием артиллерии, которое стало возможным благодаря техническим достижениям в этой области в начале XVI века, с другой стороны.

После уничтожения корабля "Мери" флот Васко да Гамы бросил якорь в Кананоре. Местный правитель оказал ему дружелюбный и гостеприимный прием. Васко да Гама передал ему посла, которого этот правитель отправил в Португалию с флотом Алвариша Кабрала, и вручил ему подарок от короля дона

---

* Гоиш сообщает, что Васко да Гама сделал их потом монахами в монастыре Св. Марии в Белене. (*Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXVIII).

Мануэла[26]. Затем, не учредив фактории в Кананоре из-за интриг мусульманских купцов и колебаний самого правителя, адмирал направился в Каликут*.

Он прибыл туда в конце октября. Там, демонстрируя, что он прибыл отнюдь не с мирными намерениями, он захватил в гавани несколько лодок, на которых плыли около полусотни мирных индийских рыбаков, и стал ждать дальнейшего развития событий.

Рассказы хронистов о последовавших за этим трагических событиях рисуют впечатляющую картину того страшного психологического шока и тех гибельных для восточных цивилизаций последствий, которые принесло с собой установление португальской гегемонии в Индийском океане.

Правитель Каликута, до которого уже дошли известия о захвате и уничтожении корабля "Мери", узнав о входе в его порт могущественной португальской армады и понимая бесполезность сопротивления, попытался прибегнуть к дипломатической хитрости. Он решил просить у Васко да Гамы прощения за прежние обиды и за разгром португальской фактории, во время которого погиб администратор фактории (фейтор) Айриш Коррейа. Для этого он послал к португальцам одного мавра, который, как рассказывает Гоиш, переоделся в одежду монаха-францисканца. Вначале португальцы приняли его за одного из помощников Айриша Коррейа, но мавр признался, что переоделся в одежду убитого во время беспорядков монаха для того, чтобы получить дружеский прием от португальцев. Этот мавр принес послание от саморина Каликута, уверявшего адмирала в своем желании иметь с ним мир и дружбу. Васко да Гама, подозревая, что саморин затевает новые козни, ответил, что очень рад его предложениям, но что саморин должен подтвердить искренность своих мирных намерений, вернув товары, которые его люди награбили при нападении на португальскую факторию. Последовали бесконечные переговоры и обмен посланиями, но стороны не могли прийти ни к какому соглашению.

---

[26] *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. I. Cap. XLV.

*Гоиш сообщает, что Васко да Гама заключил с «королем» Кананора договор о мире (*Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXVIII). Но Барруш утверждает, что адмиралу не удалось уговорить «короля» Кананора продать ему специи по тем ценам, по которым их продавали маврам, и он «отплыл, поссорившись с королем Кананора» (*Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.IV).

Требования адмирала становились все более и более вызывающими и оскорбительными. Он потребовал чрезмерной компенсации за убытки, которые потерпели португальцы в предшествующие годы, а также изгнания из Каликута мусульман. В ответ саморин потребовал, чтобы португальцы не вели торговлю в других портах, кроме Каликута.

В конце концов Васко да Гама, "почувствовав, что все это обман", направил саморину ультиматум: если до полудня не будут возвращены украденные из фактории товары, то он казнит пленных малабарцев и с помощью корабельной артиллерии опустошит весь город. Не получив ответа, "дон Васко приказал казнить малабарцев", повесив их на реях, представив ошеломленному городу ужаснувшую его картину. После этого жестокий адмирал приказал отрубить казненным руки и ноги и отправить их в двух лодках на берег с запиской на арабском языке саморину, что такова будет судьба всех жителей города, если он не выполнит его требований. Не получив ответа, разъяренный адмирал приказал ночью приблизить корабли к городу и обрушить на него шквал артиллерийского огня.

Многочисленные здания в Каликуте, включая дворец саморина, были разрушены, а населением овладели паника и смятение*.

Оставив в соответствии с инструкциями, полученными в Лиссабоне, 6 кораблей под командованием Висенти Содре в Каликуте, Васко да Гама с остальной эскадрой двинулся к Кочину.

Из-за нехватки источников (особенно документальных) трудно восстановить действительную картину отношений между адмиралом и правителями княжеств на Малабарском берегу. Согласно версии Барруша и Томе Лопиша, саморин Каликута — главный враг португальцев — пытался втянуть в свою вражду с ними правителей Кочина и Кананора. На первых порах его попытки были успешными. Все трое составили своего рода "тройственный союз" или лигу, объединив свои флоты с тем, чтобы уничтожить чужеземцев, узурпировавших господство в Индийском океане. Они создали громадный объединенный флот из более чем 200 больших и малых судов и с множеством хорошо вооруженных солдат. Но судьба и на этот раз была милостива к

---

* Все хронисты единодушны в описании жестокой мести адмирала саморину Каликута и зловещего подарка, который он прислал ему в лодках, где были руки и ноги казненных.

Васко да Гаме. Неожиданно начавшийся шторм уничтожил громадный индийский флот. Приведенные в отчаяние этим несчастьем, индийские правители отказались от своего намерения оказать вооруженное сопротивление португальским конкистадорам.

Правители Кочина и Кананора прибегли к тактике проволочек и затяжек. Они всячески пытались затянуть время, делая вид, что стараются договориться с Васко да Гамой по вопросу о ценах на пряности. Их цель состояла в том, чтобы португальский флот остался в Индии до того времени, когда подует муссон. Тогда, как они рассчитывали, многие португальцы будут вынуждены сойти с кораблей на берег и появится возможность незаметно подплыть к португальским кораблям и сжечь их. Именно этим объяснял Жил Барбоза, португальский фейтор, прибывший в Кочин еще с флотом Алвариша Кабрала, те препятствия, которые чинил правитель Кананора погрузке пряностей на корабли адмирала[27]. Как рассказывает Каштаньеда, раджа Кочина получил от саморина Каликута письма, в которых он призывал его отказываться размещать в своих владениях фактории и торговать с "франками", которых он называл врагами. При этом саморин угрожал суверену Кочина в случае, если он не послушает его совета, объявить ему войну. В своем ответе саморину раджа Кочина в вежливых выражениях отказался плохо обращаться с португальцами, которых он принял и укрыл в своем порту[28].

Васко да Гама установил дружеские отношения с правителем Кочина. В знак дружбы произошел обмен подарками, что отмечено в ряде Хроник. Приведу в этой связи перечень подарков, составленный королем доном Мануэлем в письме к испанскому королю: от имени короля Васко да Гама подарил радже "золотую корону с глазурью и драгоценными камнями, золотое ожерелье из колечек, сделанных в форме луны, большие серебряные кувшины" и т.д. и т.п.

В свою очередь правитель Кочина передал для дона Мануэла "два золотых браслета со многими драгоценными камнями, серебряный канделябр, высотой в десять пядей, красиво украшенный, два куска хлопчатой ткани, большой камень величиной с лесной орех..."[29].

---

[27] *Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.VI.
[28] *Castanheda F.L.* Op. cit; *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXIX.
[29] *Fonseca L.A.* Op. cit. P. 203.

Как контрастируют эти роскошные подарки с теми скромными и бедными подарками, которые адмирал привез во время своего первого путешествия саморину Каликута!

Впрочем, когда Каликут посетил Педру Алвариш Кабрал, он подарил саморину не менее богатые подарки.

Стремление раджи Кочина к дружбе и миру с португальцами объяснялось прежде всего тем, что появление могущественного португальского флота и акты террора, прежде всего захват и сожжение "Мери", вселили страх и ужас в душу этого правителя, который сознавал свою слабость и полную беззащитность перед могуществом чужеземцев.

Как сообщает Барруш, в это время в Кочин из Цейлона пришел корабль, принадлежавший Каликуту. Правитель Кочина просил Васко да Гаму разрешить этому судну войти в порт. Адмирал ответил ему с рыцарской галантностью, что, хотя Каликут — главный враг Португалии, учитывая просьбу правителя Кочина, он будет обращаться с этим судном так, как если бы оно было из Кочина[30].

Как отмечают Гоиш и Каштаньеда, уже во время своих первых встреч Васко да Гама и правитель Кочина договорились о ценах на специи и о количестве груза. Адмирал оставил в фактории нового фейтора Диогу Фернандиша Коррейа и несколько других португальцев.

В то время, когда Васко да Гама и команда были заняты погрузкой, на его корабль пришел один брахман из Каликута, который сказал, что хотел бы отправиться в Португалию для того, чтобы изучать религию и обычаи христиан. Вначале Васко да Гама принял его дружественно, не заподозрив у него дурных намерений. Однако через несколько дней, припертый к стенке дотошными расспросами адмирала, этот брахман признался, что явился сюда по приказу "короля" Каликута, и его цель — добиться, чтобы адмирал, забыв прежние обиды, возобновил с ним переговоры и дружбу, за что саморин обещал вернуть товары, украденные из фактории.

Поверив коварному брахману, Васко да Гама решил, что саморин, убедившись в могуществе португальского флота, превратившего значительную часть его города в руины, и видя, что правители Кочина и Кананора установили с адмиралом дружеские

---

[30] *Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.VI.

и мирные отношения, боясь остаться в полной изоляции, тоже стремился к соглашению с португальцами[31].

Вопреки мнению всех своих капитанов, опасавшихся новой ловушки, адмирал пустился в явную авантюру, отправившись в Каликут только со своим кораблем и еще одной каравеллой. Это было в середине февраля. Как только Васко да Гама прибыл в Каликут, ему пришлось очень скоро убедиться в том, что опасения его капитанов имели под собой серьезные основания. Саморин начал с ним переговоры, причем посредником был коварный брахман, который во время своих хождений с борта корабля на берег и обратно собирал информацию о численности и вооружении португальцев и передавал ее саморину. Убедившись в том, что, как пишет Гоиш, Васко да Гама "находился там с очень маленькой компанией", хитрый саморин внезапно ночью атаковал португальские корабли, окружив их 30 лодками*. Поскольку индийские лодки оказались очень близко от португальских судов, адмирал не мог использовать артиллерию. Стало очевидно, что целью индийцев было взять корабли на абордаж. Когда им это не удалось, они стали бросать зажженные факелы с целью поджечь судно адмирала. Уже носовая часть корабля была охвачена пламенем. Гибель адмирала и его спутников, попавших в искусно расставленную для них западню, казалась неотвратимой. Пытаясь найти выход из безвыходной и безнадежной ситуации, великий навигатор снова обнаружил поразительное мужество и самообладание. Он приказал перерубить швартовые и развернуть к ветру паруса. Корабль стал быстро уходить от берега, однако в погоню за ним устремились быстроходные индийские лодки. Возможно, это были минуты самой большой опасности, с которой адмирал встретился в своих путешествиях. Однако и на этот раз, как это ни раз бывало в прошлом, судьба пришла ему на помощь в самый критический для него момент. Когда, казалось бы, уже все было потеряно и не было другой альтернативы, кроме смерти, неожиданно появился флот Висенти Содре, которого проинформировали люди с каравеллы, шедшей из Кочина. Индийские лодки в панике бежали, преследуемые португальца-

---

[31] *Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap. VII.

* Барруш пишет, что их было 100 (*Barros J.* Decad. I. Liv.VI. Cap.VII), Каштаньеда — 33 (*Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. I. Cap. XLVI), Гоиш — 34 (*Gois D. de.* Op.cit. Parte I. Cap. LXIX).

ми, потеряв при этом много людей. Морское сражение закончилось победой португальцев.

Адмирал приказал повесить на рее брахмана, заманившего его в ловушку, казнить других пленных и снова подверг Каликут артиллерийскому обстрелу. Трупы казненных были отправлены в лодке в город с запиской Васко да Гамы, составленной на местном языке. "Это наказание, которого вы заслуживаете. Когда я вернусь, я заплачу вам пошлины без всяких денег", — писал адмирал.

После этого Васко да Гама вернулся в Кочин. Загрузив пряностями 10 кораблей, он направился с ними в Кананор. Казалось, что военная миссия великого навигатора кончилась, и он мог спокойно вернуться к торговле пряностями. Пришло время вложить мечи в ножны и заняться чисто торговыми операциями.

Однако саморин не смирился со своим поражением и, видимо, отнюдь не считал его окончательным. Он отправил против португальцев 29 или 30 судов, считая, что перегруженным португальским судам будет очень трудно использовать артиллерию. Однако он жестоко просчитался. Португальцы взяли на абордаж два вражеских корабля, на которых убили около 300 человек и взяли богатую добычу, в числе которой хронисты упоминают золотую фигуру идола, усыпанную драгоценными камнями. Освободив суда от поклажи, Васко да Гама в соответствии с обычаем португальских конкистадоров приказал их сжечь.

Следует признать, что у индийских правителей, в том числе и у саморина Каликута, были все основания оказывать сопротивление португальскому проникновению в Индию. Это проникновение было первым шагом, прелюдией, к установлению тиранического португальского колониального господства над некоторыми районами Индии, которое продолжалось ни много ни мало четыре с половиной века!

По свидетельству Томе Лопиша, когда Васко да Гама был в Кананоре, он получил письмо от португальского фейтора в Кочине Гонсалу Жил Барбозы. В этом письме фейтор сообщал о том, что "король" Каликута написал "королю" Кочина, что армада Васко да Гамы пришла для того, чтобы "причинить вред и ущерб всей этой стране и что этого не смогло избежать ни одно судно, которое им (португальцам – *Авт.*) встретилось на пути, и что этот вред будет еще больше, если христиане смогут стать господами какого-либо пункта на этой земле и что по здравому размышлению есть только одно средство, без которого все погибнут или будут поко-

рены. Это средство заключается в том, чтобы во всей Индии не продавать им пряности ни за какую цену. Ибо в действительности наша (то есть португальская — *Авт.*) цель ничто иное, как приобретение пряностей и, если мы убедимся в том, что ни за какую цену не можем ее достичь, мы больше не вернемся в эти моря"[32].

Здесь по существу поставлена ключевая проблема португальского присутствия в Индии в XVI веке.

Великие географические открытия явились прологом к колониальному завоеванию многих стран. Колониальная политика Португалии представляла собой не обычный торговый обмен, как утверждают некоторые историки, а расхищение природных и человеческих ресурсов колоний, захват и разграбление целых стран, установление монополии в торговле между Западом и Востоком.

Португальская торговля с самого начала приобрела характер колониальной, разбойничьей торговли. Торговый обмен часто сопровождался, а иногда и заменялся, внеэкономическим присвоением. Сильный торговый партнер при всякой возможности грабил слабого. Захватив контроль над морским путем из Европы в Азию, Португалия сконцентрировала усилия на том, чтобы извлечь максимальные выгоды из своей монополии на торговлю специями. Эта торговля приносила португальцам фантастические прибыли. Так перец, который привез Васко да Гама, возвращаясь из Индии, окупил его первое путешествие в 60 раз. После первых же рейсов португальских купцов в Индию цены на перец в Европе поднялись в несколько раз и остановились на средней цене 30 крузадо за кинтал, в то время как в Индии один кинтал перца стоил всего 2 крузадо[33].

Но вернемся к Васко да Гаме. Прибыв в Кананор, он заключил с раджой наступательный и оборонительный союз и договорился о ценах на специи. Договор был подписан и скреплен печатями адмирала и раджи. В качестве фейтора в Кананоре был оставлен Гонсалу Жил Барбоза, который раньше выполнял те же функции в Кочине. Секретарями фактории были утверждены Себастьян Алвариш и Диогу Годинью. Им в помощь были даны еще около 20 португальцев. 28 декабря 1502 года Васко да Гама отправился в обратный путь в Португалию. В составе его флота было 10 кораблей,

---

[32] *Fonseca L.A.* Op. cit. P. 205.

[33] *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость XVI—XVIII вв. М., 1976. С. 233.

нагруженных специями и другими восточными богатствами. Остальным кораблям под командованием Висенти Содре адмирал приказал остаться у Малабарского берега с особой миссией защищать раджу Кочина, если саморин Каликута начнет против него войну. Такая война скоро действительно началась.

Как только Васко да Гама вернулся в Португалию, войска саморина вторглись в Кочин, вынудив его раджу — союзника португальцев — покинуть столицу и бежать на священный остров Вайпи, где было запрещено сражаться[34].

Висенти Содре не смог защитить раджу Кочина, так как он нарушил приказ адмирала и отправился в поисках богатой добычи в Красное море. Лишь посланные из Португалии в 1503 году два флота, которыми командовали кузены Франсишку и Аффонсу де Албукерки, смогли освободить Кочин от гнета Каликута и вернуть союзного португальцам раджу в его столицу. Для его защиты было решено построить крепость. Это была первая крепость, возведенная португальцами в Азии[35].

Из Кананора Васко да Гама продолжил свой путь и пересек Индийский океан. Первым портом, где он остановился, был Мозамбик. Затем, продолжая свое путешествие, да Гама обогнул Мыс Доброй Надежды. Из-за сильного шторма от его флота отделился и был потерян из виду корабль Эштевана да Гама, который пришел в Лиссабон спустя шесть дней после прибытия туда флота. Адмирал прибыл в Лиссабон 1 сентября 1503 года*. Король и двор устроили ему торжественную встречу. Васко да Гама передал дону Мануэлу дань, уплаченную Килвой, на которую португальский монарх приказал соорудить знаменитую дароносицу в Белене.

Второе путешествие Васко да Гамы в Индию (1502—1503 гг.), таким образом, положило начало торговой и военно-политической гегемонии Португалии в бассейне Индийского океана. Отныне король дон Мануэл по праву носил титул "Счастливый", поскольку Васко да Гама заключил эффективные союзы с раджами Кочина и Кананора и наложил на султана Килвы дань (золотые изделия, торжественно врученные им королю по возвращении в Лиссабон).

---

[34] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. Lisboa, 1994. P. 165.

[35] Ibid.

* Барруш (*Barros J. de.* Decad. I. Liv.VI. Cap.XIV) указывает дату 10 ноября 1503 г., Каштаньеда (*Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. I. Cap. XLVIII) и Гоиш (*Gois D. de.* Op. cit. Parte I. Cap. LXIX) — 1 сентября.

2.2.Третье путешествие

9 апреля 1524 года Васко да Гама в третий раз отплыл в Индию. Его флот состоял из 7 больших кораблей, 3 галеонов, и 4 каравелл[36]. На борту было 3 тысячи человек. 14 августа флот прибыл в Мозамбик. Там взяли запас воды, продовольствия и произвели кое-какой ремонт кораблей. Когда флот продолжил свой путь, подул очень сильный встречный ветер, разыгралась буря и на траверзе Малинди четыре корабля потерпели кораблекрушение. На остальных кораблях, спасшихся во время бури, многие страдали от болезней, нанесших большие потери команде.

Васко да Гама продолжал свое путешествие, держа курс на Камбей. Когда он был уже близко от берега, произошло сильное землетрясение, которое вызвало панику среди моряков. Васко да Гама прибыл в порт Чаул, где был официально представлен как вице-король. В этом порту адмирал оставался только три дня. Там он обнаружил два корабля, которые вышли из Португалии в 1523 году и капитанами которых были Антониу де Алмейда и Педру де Афонсека, а также корабль, которым командовал Нуно Ваз де Кастелу Бранку, который курсировал между Индией и Африкой и пришел в Чаул, чтобы запастись товарами для обмена на золото в Софале. Все три корабля Васко да Гама включил в состав своего флота.

Проведя в Чауле необходимые переговоры, он приказал коменданту крепости, чтобы в случае прибытия туда из Ормуза прежнего вице-короля Индии Дуарти де Менезиша не давать ему разрешения на разгрузку и на пребывание в Чауле более четырех дней[37]. Коменданту было предписано не выполнять никаких приказов прежнего вице-короля[38].

Вскоре новый вице-король отплыл в Гоа, где происходили серьезные беспорядки. Оставив флот, который он доверил Жоржи де Менезишу, Васко да Гама сошел на берег и был принят в городе со всеми почестями и знаками внимания, соответствовавшими его высокому рангу. Он посетил кафедральный собор, откуда прошел осмотреть крепость, которую ему показал комендант Гоа Франсишку Перейра. Узнав о больших злоупотребле-

---

[36] *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. VI. Cap. LXXI; *Barros J. de.* Decad. III. Liv. IX. Cap. I.
[37] *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. VI. Cap. LXXI.
[38] *Correia G.* Lendas. T. II. Parte II. P. 817.

ниях служебным положением и о фактах коррупции, вице-король отстранил Франсишку Перейра от занимаемой должности и назначил на его место Энрики де Менезиша, который позже стал губернатором Португальской Индии.

Кроме того, Васко да Гама приказал Франсишку Перейра ежегодно выплачивать в казну определенные суммы, чтобы возместить похищенные им средства. Для борьбы с коррупцией, принявшей в Индии огромные масштабы, вице-король прибег к чрезвычайно суровым мерам. Точно так же, как во время второго путешествия в Индию, он показал себя жестоким и безжалостным в отношении индийцев и мавров. Во время своего правления в "португальской" Индии в качестве вице-короля он обнаружил необычайную жестокость и беспощадность в отношении тех, кто был уличен в коррупции или проявлял чрезмерную алчность и страсть к стяжательству. На сей раз ярость и жестокость адмирала были направлены не против малабарцев и мусульман, а против португальцев и христиан, занимавших военные и административные посты в аппарате португальского колониального управления.

Для того, чтобы все убедились в его непреклонной суровости и неумолимости, вице-король демонстративно приказал привести в исполнение жесточайшее наказание, повергнувшее Гоа в состояние ужаса и шока.

Дело в том, что незадолго до отплытия из Лиссабона Васко да Гама издал приказ, что в случае обнаружения на кораблях его флота спрятавшихся там женщин, они должны быть наказаны бичеванием кнутом. Несмотря на этот суровый приказ, две или три женщины, не желая расставаться надолго со своими женихами, решили сопровождать их в плавании и спрятались на кораблях.

Узнав об этом, адмирал был крайне разгневан. Вступив в должность вице-короля Индии, он приказал поступить с этими женщинами так, как предписывал его приказ, то есть подвергнуть их бичеванию. Это распоряжение вице-короля вызвало многочисленные протесты. За несчастных женщин вступились фидалгуш (дворяне), простые граждане, епископ, монахи, миссионеры, купцы. Были даже такие, кто за прощение этих женщин предлагали выкуп в три тысячи парданов[39]. По свидетельству

---

[39] *Correia G.* Op. cit. T. II. Parte II. P. 820.

Каштаньеды, они умоляли вице-короля отменить свой жестокий приказ и отказаться от наказания несчастных женщин, учитывая, что они собирались выйти замуж, а после такого позорного наказания женихи вряд ли захотели бы на них жениться[40].

Однако, несмотря на все уговоры и мольбы, вице-король оставался непреклонным. На все протесты и просьбы он отвечал, что, если он не накажет этих женщин, мужчины воспользуются его слабостью и будут считать, что он и к ним будет столь же снисходителен и будет прощать им все их злоупотребления. Исходя из этих соображений, он настоял на выполнении своего приказа. Васко да Гама никогда не менял своих решений и сурово наказывал без всякой надежды на прощение всех тех в Индии, кто был уличен в преступлениях[41]. Его угрозы относились, прежде всего, к фидалгуш, так как, по словам Коррейа, "они были очень распущенными и склонными к причинению зла"[42].

За Васко да Гамой укрепилась репутация жестокого вице-короля. Видя, как он непреклонен и скор на расправу, местные португальцы испытывали перед ним величайший страх, а чиновники, привыкшие к коррупции и злоупотреблениям, стали значительно осторожнее и осмотрительнее[43]. Репутация сурового и беспощадного правителя утвердилась за Васко да Гамой во всеобщем мнении еще больше, когда он приказал не принимать в больницу в Гоа больных, из-за чего многие люди умерли от голода[44]. Мотивом этого жестокого запрета было то, что многие солдаты и моряки стремились всеми правдами и неправдами попасть в больницу, где они имели гарантированное питание и отдых. Чрезмерное злоупотребление повлекло за собой и чрезмерное наказание. Хотя средства исправления пороков, к которым прибег Васко да Гама, были суровыми, но, тем не менее, он сумел искоренить некоторые из этих пороков. Во всяком случае, за то короткое время, что он оставался в Гоа, он добился пресечения многих злоупотреблений, призвав к порядку тех чиновников, которые были уличены в хищениях и присвоении государственных доходов. Кроме того, он сумел восстановить разграб-

---

[40] *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. VI. Cap. LXXI.
[41] *Correia G.* Op. cit. T. II. Parte II. P. 820.
[42] Ibid. T. II. Parte II. P. 821.
[43] Ibid.
[44] *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. VI. Cap. LXXI; *G. Correia*. Op. cit. T. II. P. 819.

ленные артиллерийские склады, вернув туда пушки, оказавшиеся в руках торговцев, которые вооружали ими свои корабли[45]. Он сумел также прекратить многочисленные грабежи, совершавшиеся в море.

Завершив все самые необходимые дела в Гоа, Васко да Гама отправился в Кочин, приказав коменданту Гоа в случае, если бывший вице-король Индии Дуарти де Менезиш вернется из Ормуза, не разрешать ему высадиться на берег и от имени вице-короля предписать ему, чтобы он тотчас же отправлялся в Кочин[46].

Плывя из Гоа в Кочин, вице-король остановился в Кананоре, где был радушно принят в португальской крепости. Васко да Гама назначил новым комендантом этой крепости Симау де Менезиша в связи с тем, что закончился срок комендантства прежнего коменданта крепости Жуана да Силвейра[47].

Из Кананора вице-король отправился в Каликут, где был хорошо принят в основанной португальцами крепости, комендантом которой был Жуан де Лима. Саморином Каликута был преемник того правителя, с которым Васко да Гама имел дело во время своего второго путешествия в Индию. Отношения между саморином и жившими в крепости португальцами были открыто враждебными.

Когда Васко да Гама появился в крепости в Каликуте, в городе тотчас же стало известно, что в Индию в третий раз прибыл ужасный навигатор, имя которого стало в этих местах нарицательным и наводило на всех ужас и страх[48].

Во время путешествия из Гоа в Кочин адмирал имел возможность убедиться в резком ослаблении военной силы, влияния и позиций португальцев в Индии за время правления его предшественника вице-короля Дуарти де Менезиша. Мавры вновь почувствовали свою силу и пытались вернуть свое влияние на Малабарском берегу. Они перестали считаться с португальцами, претендуя на господство в Индийском океане и восстановили свою торговлю специями, которые они везли из Каликута в Мекку[49].

---

[45] *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. VI. Cap. LXXI; *G. Correia.* Op. cit. T. II.P. 821.
[46] *Barros J.* Op. cit. Decad. III. Liv.IX. Cap.II; *Correia G.* Op. cit. T. II. Parte II. P. 822.
[47] Ibid.
[48] *Barros J.* Op. cit. Decad. III. Liv.IX. Cap.II.
[49] *Barros J.* Op. cit. Decad. III. Liv. IX. Cap. II; *Castanheda F.L.* Op. cit. Liv. VI. Cap. LXXIV.

Когда адмирал плыл в Кочин, к его кораблю подплывали в своих очень легких суденышках на веслах мавры, которые осыпали его оскорблениями; всячески показывая, что в море они его не боятся. Решив наказать мавров, адмирал поручил своему сыну Эштевану взять несколько лодок и дать им морское сражение. Это сражение произошло около Кананора: 8 мавританских судов из Каликута вышли из этой битвы с большими потерями. Другое еще более жестокое сражение, в котором участвовали 12 мавританских судов, также окончилось их поражением, хотя и португальцы понесли тяжелые потери[50].

По прибытии в Кочин вице-король узнал, что мавры готовятся к очередной морской битве. Тогда он выслал против них несколько судов с 300 португальцами на борту под командованием Жеронимо де Соуза. В морском сражении было уничтожено более 40 мавританских судов, которые по существу блокировали португальскую крепость в Каликуте, препятствуя подвозу туда продовольствия и других необходимых товаров. Кроме того, Васко да Гама направил 4 корабля под командованием Симау Содре в район Мальдивских островов, и они уничтожили в разыгравшемся там морском сражении 6 мавританских судов, а 2 взяли в плен.

Вице-король планировал также направить в Красное море большой флот под командованием своего сына Эштевана. Однако этому и другим предприятиям, которые задумывал Васко да Гама, не суждено было осуществиться: этому помешала болезнь вице-короля.

Он успел отдать последние распоряжения, в том числе о том, чтобы Лопу Важ принял на себя управление "португальской" Индией до того, как король назначит нового вице-короля. Васко да Гама умер в рождественскую ночь, или утром 25 декабря 1524 года, пробыв на посту вице-короля менее четырех месяцев.

---

[50] *Barros J.* Op. cit. Decad. III. Liv. IX. Cap. II.

Глава третья

КТО СТОЯЛ ЗА «ЧЕРНОЙ МЕТКОЙ» МАМЛЮКСКОГО СУЛТАНА РИМСКОМУ ПАПЕ?

Неизвестная страница истории борьбы за торговлю индийскими специями в XVI веке

В конце XV — начале XVI веков римские папы добились небывалого могущества и власти. Александра VI, избранного в 1492 году папой, помимо церкви воспевала и светская литература, утверждавшая, что «Цезарь некогда сделал Рим великим, величайшим же ныне его делает Александр VI, ибо первый был — человек, а второй — бог».

Поэтому громом среди ясного неба была потрясшая христианский мир в конце 1503 года новость о том, что новый папа Юлий II получил «черную метку» — письмо полное угроз от мамлюкского султана Египта.

Автор этой книги, работая в архивах и книгохранилищах Португалии, обнаружил материалы, позволяющие ответить на вопрос: «Кто стоял за этой "черной меткой" и какова была подоплека этого удивительного и беспрецедентного исторического факта?».

В конце XV века португальцы в своем стремлении овладеть контролем над торговлей в Индийском океане столкнулись с мамлюками.

Первые отряды солдат-рабов были ввезены в Египет Саладином (1138—1193 гг.), основателем династии Айюбидов (1174—1249 гг.). Вначале мамлюки были по происхождению турками с южного побережья Черного моря, но позже большинство мамлюков составляли курды, греки и другие европейцы. В 1244 году египетские мамлюки во главе с Бейбарсом разгромили крестоносцев, а в 1250 году — свергли Айюбидов и основали династию мамлюкских султанов, правившую Египтом и Сирией около трех веков — вплоть до османского завоевания (1516—1517 гг.).

В 1425—1426 годах мамлюки распространили свою власть на Мекку и на остров Кипр. Богатство мамлюков пришло к ним прежде всего благодаря контролю над торговлей специями между Индией и христианским миром через Красное море. Даже в конце XV века главным источником доходов мамлюкского султана были пошлины, получаемые от этой торговли. Поэтому не приходится удивляться тому, что после своего прибытия в Индию португальцы, стремясь направить торговлю между Европой и Азией по иному пути — вокруг мыса Доброй Надежды, вошли в конфликт с мамлюкским султаном. Будучи покровительницей халифа и святых мест ислама, мамлюкская династия, хотя и вступила в эпоху упадка, в момент прибытия Васко да Гамы в Индию была еще, однако, наиболее влиятельной силой мусульманского мира. В непосредственном соседстве с мамлюками быстро укреплялись и стремились стать сильнейшими державами в исламском мире две великие империи — османских турок и персов. Португальское проникновение в восточный мир внезапно изменило сложившийся баланс сил между этими тремя державами.

Мамлюки, хотя и боялись османской экспансии, считали своим главным врагом шиитскую Персию.

Натолкнувшись на яростное сопротивление мусульманских торговцев в Индийском океане, португальцы положили в основу своей стратегии задачу блокады Красного моря. Препятствуя ввозу специй в Каир и оттуда в Европу, они добились резкого роста спроса на эти товары на европейском рынке и стали удовлетворять его сами, доставляя специи из Индии по открытому ими морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды. Таким образом они перекрыли канал поступления доходов в казну мамлюкского султана.

Португальский королевский двор был заинтересован не только в прибылях от торговли перцем, но и в разрушении мамлюкского султаната в Египте, мечтая о союзе со «священником Иоанном» (а контакты с христианской Эфиопией можно было установить только войдя в Красное море) и о завоевании Иерусалима.

Будучи не на шутку обеспокоен слухами о том, что мощная португальская армада готовится войти в Красное море, мамлюкский султан аль-Гури (1501—1516 гг.) попытался шантажировать римского папу, угрожая ему тем, что снесет с лица земли христианские святые места, если португальцы не уйдут из Индийского океана.

Папа Юлий II (1503—1513 гг.), дипломат и воин, мечтал о сильном и независимом Папском государстве и не останавливался ни перед чем для осуществления этой мечты. Как говорили современники, Юлий, опоясав себя мечом и шпагой, бросил в Тибр первосвященнические ключи от неба и гневно воскликнул: «Пусть же меч нас защитит, раз ключи Св. Петра оказываются бессильными».

Папа Юлий II занимал папский престол лишь несколько месяцев, взойдя на него 31 октября 1503 года, когда султан Египта шериф (то есть «благородный») Кансавх аль-Гури направил ему следующее послание: «Сообщаю Вам, что король Португалии полностью ликвидировал судоходство из Индии, что наносит большой ущерб нашим доходам и большой вред и разрушение нашей вере»*.

«Султан Вавилона» (так называли тогда в Европе мамлюкского султана Египта)** протестовал также против плохого обращения короля Испании с маврами Андалузии, обвиняя его в том, что он принуждал «некоторых из них силой становиться христианами, что незаконно». Султан призывал папу использовать свой авторитет, чтобы положить конец всем этим безобразиям и угрожал в случае, если его требование не будет выполнено, отомстить христианам Египта и Сирии, а также разрушить могилу Иисуса Христа, монастырь на горе Сион и все христианские церкви в своих владениях.

В письме упоминалось имя знаменитого пирата Средиземного моря Карталаго, которого итальянцы называли Куртоголи, что означало еще одну дополнительную скрытую, но страшную угрозу. В длинной череде мусульманских пиратов, терроризировавших берега Италии с 1500 по 1560 годы, имена которых зафиксированы в европейских хрониках в итальянском написании (Куртоголи, Камали, Гаддали, Моро, Гиудео, Каччиадиаволи, Ораччио, Барбаросса, Морат, Драгутте, Счирокко, Луччиати), не было пирата, который бы внушал больший ужас, чем Карталаго[1]. Эти люди были не корсарами, а пиратами.

Корсар в соответствии со знаменитым средневековым кодексом морского права (Консолато дель Маре) был воином, имев-

---

* Д.Гоиш дает полный перевод этого письма султана папе (*Gois D. De.* Cronica de D.Manuel. Parte. I. P. 245—247).

** А.Батлер объясняет происхождение этого названия (*Butler A.J.* Babylon of Egypt, a Study in the History of the Old Cairo. Oxford, 1914).

[1] *Guglielmotti A.* La guerra lei Pirati. Roma, 1880. P. 200.

шим определенный легальный статус и право во время войны нападать на вражеские корабли на собственный страх и риск в целях получения военной добычи. Пираты же были вне закона, они считались морскими разбойниками и преступниками, которые вели военные действия в мирное время с целью грабежа и, будучи схвачены, казнились как преступники.

Пираты нападали как на христианские, так и на мусульманские поселения в Средиземноморье, и даже в свое время захватили арабские города Алжир, Тунис, Триполи, Танжер, Александрию и крупные острова в Греции.

Несколько позже в 1516 году Карталаго (Куртоголи) едва не захватил в плен папу Льва X, когда осенью папа и несколько его друзей рыбачили на берегу Тибра у замка Маглиана на полпути между Римом и Остией. У богатой семьи Борджиа, к которой принадлежал папа, имелись заклятые враги во многих европейских странах. Некоторые из них, видимо, вошли в сговор с Куртоголи и помогали ему подготовить пленение папы. Это объясняет, почему Куртоголи имел в своем распоряжении 18 кораблей и многочисленных людей, подготовивших засаду для папы на берегах Тибра. Однако своевременно поднятая тревога позволила папе спастись бегством[2].

В то время, когда мамлюкский султан Египта аль-Гури писал «черную метку» папе, его друг Куртоголи вероятно готовился напасть на прибрежные города Италии. Курд по происхождению (подлинное его имя — Курдогли), он поддерживал тесные связи с султаном Египта и хафсидским султаном Триполи, стремясь извлечь из этих контактов наибольшую выгоду для себя, и в то же самое время он был другом генуэзцев, которые даже предоставили ему право пользоваться портом Бизерта. Оттуда он мог нанести удар по Трапани в Сицилии правым флангом своего флота, захватить Кальяри в Сардинии левым флангом, а центральную часть флота разместить перед Римом, Неаполем и берегом Тосканы. Из всего сказанного совершенно очевидно, что папа Юлий II имел серьезные основания для беспокойства.

Кроме того, одним из следствий открытия новых миров в Атлантическом и Индийском океанах было то, что Португалия

---

[2] *Muratori J.* Annali d'Italia ad annum. Milano, 1818—1821.

и Испания стали меньше уделять внимания Средиземному морю и меньше ощущать турецкую опасность в Европе. Испанцы не встретили мусульман в Америке и полностью покончили с мавританской Гранадой. Португальцы были полностью поглощены войной с приверженцами ислама на Востоке и смотрели на Средиземноморье как на второстепенную сферу своих интересов. Вследствие этого папа остался по существу в опасном одиночестве и в случае атаки мусульман вряд ли мог рассчитывать на своевременное прибытие помощи из Португалии.

Однако папа задолго предвидел эту опасность и подготовился к ее отражению. Для этого он пригласил командовать папской военно-морской эскадрой знаменитого генуэзского флотоводца, потомственного моряка, маркиза Бальдасара да Бьясса.

«Черная метка» мамлюкского султана аль-Гури была доставлена из Каира в Рим монахом-францисканцем, испанцем по происхождению, Мауро. Он служил в монастыре на горе Сион в Иерусалиме, но был подданным мамлюкского султана[3].

Выполнивший роль курьера простодушный монах Мауро был крайне напуган угрозами султана в адрес папы, так как ему продемонстрировали широкомасштабные приготовления египтян к войне.

Однако папа Юлий II не придал большого значения угрозам, содержавшимся в письме султана. Он тотчас же переслал его с тем же курьером Мауро в Лиссабон португальскому королю Мануэлу вместе со своим письмом, в котором осторожно говорил о «неких письмах, написанных на гладкой бумаге, которые, как утверждает монах Мауро, прислал султан Вавилона». Папа не упоминает о том, что эти письма пришли не по дипломатическим каналам. Он хорошо знал, что с 1390 года султаны Египта были марионетками в руках мамлюкского войска, которое истребляло и местных мусульман, и христиан-коптов. В то же время они старались поддерживать хорошие отношения с европейскими христианами, так как зависели от торговли христианских купцов.

Аль-Гури, ставший султаном Египта в1501 году, был физически крепким энергичным стариком, который восстановил железной рукой порядок в стране и придал своему двору в Египте поражавшие иностранцев пышность и блеск ценой беспощадной эксплуатации и деградации народа Египта.

---

[3] *Gobulovich G.* Serie cronologica dei superiori di Terra Santa. Doc. 128—180.

Аль-Гури был последним сильным мамлюкским султаном Египта. В 1517 году турки нанесли удар по мамлюкам, положивший конец их государству[4].

«Черная метка» аль-Гури папе была его попыткой восстановить прерванную Португалией прибыльную для Египта торговлю, маршрут которой пролегал из Индии через Красное море в Европу.

Представляет большой интерес вопрос о том, кто стоял за этой «черной меткой», то есть кто был инициатором отправки письма султана папе, кто подтолкнул его на это рискованное предприятие. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, как мне кажется, проследить маршруты торговли с Востоком. Легко сообразить, что все те, по чьей территории проходили эти маршруты, все, кто были экспортерами, импортерами, сборщиками таможенных пошлин и всевозможных поборов, были заинтересованы в восстановлении старой «допортугальской» торговли. Этот торговый путь, как видно из источников, шел от Гуджарата и Малабара (Индия) через Аден, Красное море, Джидду, Суэц, Каир и Александрию[5].

Именно этим путем ежегодно 10—15 судов перевозили грузы из индийских портов в Венецию. В Каликуте (Индия) было так много мусульманских торговцев, что Дуарти Барбоза, который был там с Кабралом в 1500 году, подсчитал, что они составляли пятую часть купцов Малабара. Все это дает достаточные основания предполагать, что в восстановлении «допортугальской» торговли наиболее заинтересованными лицами были — раджа Каликута, правитель Гуджарата Махамед,шейх Адена Ахмед и шериф Баракате из Мекки. В Британском музее хранится любопытнейший манускрипт под названием «Книга Государства Индии». В нем черным по белому написано, что завоевания первых пяти португальских экспедиций на Востоке заставили этих правителей написать «султану Каира» письмо, прося его о помощи[6].

Как видно из источников, раджа Каликута отправил к султану аль-Гури самого знатного представителя мусульманской общины, которого португальцы называли Маимане Маркар, чтобы просить его сформировать объединенную армаду из флотов

---

[4] *Lane-Pool S.* The History of Egypt. London, Vol.VI, s.d. P. 349—351.
[5] The book of Duarte Barbosa. London, 1918. Vol. I. P.76—78.
[6] O Livro do Estado da India (рукопись в Британском Музее). Sloane. 197. Folio 4.

Египта, Каликута и Камбея (княжество в северо-западной Индии). У нас есть все основания предполагать, что об этом же просили мамлюкского султана также Куртоголи и другие известные пираты Средиземноморья, лишившиеся значительной доли добычи в результате прекращения «допортугальской» торговли. Наверняка не осталась в стороне от этих переговоров и Венеция, которая понесла самые чувствительные потери. Венеция имела обширные и разветвленные международные связи и чувствовала себя как дома и в Каире, и в Стамбуле.

В источниках имеются указания на то, что венецианский дож направил в 1503 году в Каир одного из своих самых способных дипломатов для того, чтобы обсудить с султаном аль-Гури их общие интересы в торговле специями. В то время существовал глубокий антагонизм между мамлюкским Египтом и Османской империей. Этот конфликт был воистину божьим благословением для Португалии. Большой удачей для португальского короля Мануэла явилось также восшествие на престол в Персии молодого шаха, враждебного Стамбулу[7]. Молодой шах Исмаил, обосновавшись у входа в Персидский залив, отрезал таким образом туркам Османской империи проход в Индийский океан. Венеция оказалась изолированной от своего союзника — султана в Стамбуле, и ее практическая политика оказалась ограниченной лишь влиянием, которое она могла оказывать на своего мусульманского союзника в Каире. Но когда допортугальский торговый путь почти перестал функционировать, и португальцы повезли специи из Индии вокруг Африки и стали продавать их не в Венеции, а в Германии, Голландии и Англии, венецианские дожи забили тревогу[8].

В 1502 году Совет Десяти решил направить в Каир самого способного венецианского дипломата посла Сануто и назначил специальную комиссию, которая должна была выработать инструкции, как ему следует вести переговоры с мамлюкским султаном. Дело дошло даже до того, что всерьез обсуждался проект прорытия канала через Суэцкий перешеек*. Сеньория учредила в качестве подкомиссии

---

[7] *Sykes P.* History of Persia. London, 1930. Vol. II. P. 158—164.

[8] *Santarem Visconde de.* Apontamento sobre as antigas relações politicas e comerciaes de Portugal com a republica de Veneza. Lisboa, 1893. P. 6.

* Проект удалось осуществить только в 1869 году.

Совета Десяти «Совет по специям»[9], задачей которого была выработка мер, необходимых для сохранения монополии Венеции на покупку специй, «ибо не существует события более опасного для нас, чем открытие пути вокруг мыса Доброй Надежды». Можно предполагать с большой долей вероятности, что именно этот «Совет по специям» предложил в качестве одной из мер, чтобы воспрепятствовать растущей торговле Португалии в Индийском океане, инспирировать письмо мамлюкского султана Египта аль-Гури к папе.

Как уже говорилось, папа переслал письмо аль-Гури в Лиссабон. По свидетельству хрониста Ж.Барруша, угрозы султана лишь позабавили короля Мануэла, ибо «он знал, что этот султан зависит от христианства, поскольку имеет в своем государстве святые реликвии и ему выгоднее почитать их, чем полностью разрушить». Дело в том, что пошлины от паломников-христиан в Святую Землю приносили султану несравненно большие доходы, чем «все специи, которые могли пройти через его порты из Индии».

Решительный ответ, который дон Мануэл послал папе, не оставлял ни малейших сомнений относительно боевого настроя Лиссабона[10].

В своем ответном письме дон Мануэл писал, что сожалеет о том, что дерзкая нота султана стала возможной из-за эгоизма некоторых христианских государей. Это был явный намек на венецианского дожа, который за два года до этого заключил договор с султаном Османской империи, бросив на произвол судьбы папу и Венгрию[11]. Дон Мануэл также сообщил в своем письме папе, что он не прекращает усилий, чтобы объединить христианскую Европу против исламских держав, угрожающих христианской цивилизации на этом континенте. По его словам, Португалия в полной мере осознавала свой долг в этом деле и не успокоится до тех пор, пока ее солдаты не взберутся на стены Джидды. Это письмо было отправлено 12 июня 1505 года[12].

Францисканский монах Мауро, который привез письмо папы, прибыл в Лиссабон в конце 1504 года. Для того, чтобы его успокоить, ему показали грандиозные приготовления к отправке на Вос-

---

[9] *Fulin R.* Il Canale di Suez e la Republica de Venezia. Archivo Veneto. 14.06.1871.
[10] *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P. 247—250; *Barros J.* Op. cit.Dec. II. P. 191.
[11] *Pastor L.* History of the Popes. Vol. VI. London, 1901. P. 99.
[12] Alguns documentos. P. 145; *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P. 244.

ток армады Алмейды, которая должна была стать подлинным ответом Португалии мамлюкскому султану Египта. За два года, прошедшие после второй экспедиции Васко да Гамы, Португалия отправила на Восток четыре эскадры (две первые, которыми командовали кузены Албукерки отплыли в апреле 1503 года и основали крепости в Кочине и Коулане, третья эскадра из трех кораблей под командованием Антониу де Салданья, отплывшая в мае 1503 года, патрулировала море от мыса Гвардафуй до Персидского залива, четвертая во главе с Лопу Соаришем де Албергария состояла из 13 кораблей и 1200 хорошо вооруженных солдат и имела своей задачей окончательно расправиться с Каликутом, поскольку по возвращении из своего второго путешествия Васко да Гама высказал мнение, что это необходимо, так как дипломатия в отношении саморина Каликута — пустая трата времени)[13].

После отплытия эскадры Лопу Соариша из Лиссабона пришли письма от мамлюкского султана аль-Гури и папы. Это убедило дона Мануэла в том, что Португалии на Востоке противостоит не один только враждебно настроенный саморин Каликута, а целая коалиция мусульманских держав. Стало ясно, что ими разработан широкий стратегический план, предусматривающий мобилизацию всех военно-морских сил Красного моря и Индийского океана против Португалии.

Чтобы противостоять этой угрозе, дон Мануэл приказал подготовить новую могучую эскадру из 22 кораблей. Командовать ей было поручено вице-королю Индии Франсишку де Алмейде, который должен был координировать все усилия Португалии и ее союзников на Востоке. Видя эти интенсивные приготовления, монах Мауро воспрял духом и вернулся в Иерусалим с твердым убеждением, что христиане Египта и Сирии получили надежный щит в виде португальской армады.

Убедившись в том, что его угрозы не произвели ожидаемого впечатления на папу и дона Мануэла, аль-Гури приступил в 1505 году к строительству большого флота для изгнания христиан из Индийского океана. Строительство кораблей было весьма трудным и дорогостоящим делом. В Египте не росли деревья, пригодные для судостроения. Ближайший источник снабжения находился в Ливане. Деревья транспортировали сначала по Среди-

---

[13] *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P. 207, 253.

земному морю, а потом волоком по суше до Суэца, где находились военно-морская база и судостроительная верфь султана.

Венеция закрывала глаза на транспортировку деревьев, но у португальцев были надежные друзья на острове Родос. Великим магистром Ордена Св.Иоанна на острове Родос был португалец Андре ду Амарал. Рыцари этого ордена имели сильную эскадру, которая атаковала конвой, сопровождавший груз из Ливана: 5 кораблей были потоплены,6 захвачены, 4 сели на мель и только 10 достигли Египта. Это была неоценимая услуга Португалии, которая в большой степени облегчила ее победу над мамлюками. Однако султан сумел построить флот из 13 галер[14]. Материалы для 8 из этих галер предоставила Венеция. Дерево и железо сплавлялись по Нилу, затем перевозились из Александрии в Каир и оттуда на верблюдах — в Суэц.

Некоторые трудности султан Египта испытывал также в приобретении оружия. В Египте современное оружие не производилось. Один голландец-артиллерист (его имя неизвестно), плававший с Васко да Гамой в его втором путешествии, оставил любопытные записки, проливающие свет на то, как египтяне раздобыли артиллерию для своей новой эскадры. В 1501 году он плыл на корабле, который был захвачен пиратами около Марс-эль-Кебира в Алжире. После потери арабами Гранады (1492 г.) Марс-эль-Кебир превратился в центр мусульманского пиратства. «Этот замок, — сообщает анонимный автор, — находится в миле от города Оран, здесь есть рынок и множество порочных христиан — торговцы из Венеции и Генуи приезжают сюда продавать туркам оружие, аркебузы и боеприпасы, с которыми они сражаются против христиан».

Марс-эль-Кебир был захвачен испанцами 23 октября 1505 года. Однако и после этого там все еще функционировал рынок, где, несмотря на запрет церкви, турки и египтяне легко могли покупать бомбарды и другое оружие.

Многие моряки и артиллеристы, находившиеся на службе у турок, были попавшими к ним в плен итальянцами и греками, принявшими ислам. Португальцы обнаружили это, когда начали захватывать мусульманские корабли в Индийском океане. Они нашли там книги на латыни, итальянском и даже португальском языках.

---

[14] *Lopes D.* Historia dos portugueses no Malabar por Zinadim. Lisboa, 1898. P. 40.

К этому времени португальцы сохраняли под своим контролем порты Марокко, а испанцы смежный берег — от Мелильи до Триполи, за исключением Орана и Бизерты. Все остальное побережье Северной Африки находилось под господством пиратов, которые номинально признавали себя вассалами Египта и Порты. Они постоянно нападали на прибрежные города Италии. Самым знаменитым из пиратов был Куртоголи, базой которого была Бизерта — отличный порт, «мусульманская Венеция» без дворцов и церквей. Куртоголи пользовался полным доверием мамлюкского султана аль-Гури и обещал свое участие в войне против Португалии в обмен на хорошую оплату услуг и богатую военную добычу.

Аль-Гури разработал хитроумный план предстоявшей войны. В его основу была положена идея создания широкой антипортугальской коалиции из Египта, пиратов и индийских государств. Он выбрал двух людей, которые должны были командовать вооруженными силами коалиции. Оба были иностранцами. Адмирал эмир Хусейн аль-Мукриф был курдом. Он имел репутацию жестокого военачальника и любителя радостей жизни типа Гаргантюа. Аль-Гури почувствовал себя счастливым, когда тот выехал из Каира, так как в душе всегда опасался этого опасного и талантливого интригана.

Командующим всеми своими военно-морскими силами аль-Гури назначил русского, известного под именем Малик Айаз[15]. Он был взят в плен турками во время одного из набегов в России и продан одному купцу в Стамбуле. Совершив множество побегов, он попал в Камбайю, где был продан правителю Гуджарата. Заметив выдающиеся способности Айаза, тот назначил его губернатором Диу. Именно Диу султан Египта аль-Гури выбрал в качестве пункта, где должны были соединиться эскадра адмирала эмира Хусейна аль-Мукрифа и флоты индийских правителей Каликута, Камбея и других, которые вошли в антипортугальскую коалицию.

Русский губернатор Диу пользовался уважением даже у врагов, так как очень гуманно обращался с пленными, а когда в морском сражении при Чауле погиб сын португальского вице-короля Алмейды Лоуренсу, Айаз направил ему прочувствованное послание с соболезнованием в связи с гибелью сына.

---

[15] *Barros J.* Op.cit. Dec. II. Liv. 2. Cap. 9; Book of Duarte Barbosa. Vol. I. P. 130—134; *Wustenfeld F.* Die chroniken der Stadt Mekka. IV. Gottingen, 1890. S. 298.

Глава четвертая

ПЕРВЫЙ ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИНДИИ ФРАНСИШКУ ДЕ АЛМЕЙДА

Арабы восточноафриканского побережья не могли оказать активную поддержку антипортугальской коалиции. Некоторые из арабских правителей не имели ни малейшего желания помогать султану Египта. К их числу относился, например, султан Малинди, который став другом и союзником португальцев, обеспечил себе беспрецедентную безопасность.

Многие из восточноафриканских арабских правителей страдали от карательных рейдов кораблей мамлюкского султана. Связи, которые имели Килва, Момбаса и Мозамбик с Гуджаратом и Малабаром, не выходили за рамки чисто торговых связей. Они хорошо запомнили урок, который преподал им Васко да Гама, показавший, какими неприятными последствиями чреваты для них попытки присоединиться к индийцам — врагам Португалии.

В результате даже те, кому было не по душе присутствие португальцев в Восточной Африке, как, например, шейх Килвы Ибрагим, ограничили свои враждебные действия интригами и пассивным сопротивлением.

В то же время в позиции Португалии в Индии была действительно "ахиллесова пята" — там не было достаточно авторитетного и решительного руководителя, который мог быстро и эффективно принимать решения в неожиданно возникавших чрезвычайных ситуациях.

Этот недостаток обнаружился, в частности, во время осады португальского гарнизона Кочина войсками саморина Каликута в 1504 году.

Раджа Кочина был лучшим другом Португалии в Индии. Один историк называет его даже "утесом верной дружбы в море враждебно настроенных и сомневающихся султанов и раджей"[1].

---

[1] *Welch Sydney R.A.* Africa do Sul sob El-Rey D. Manuel. Lourenco Marques, 1950. P. 164.

Стремление раджи Кочина к дружбе и миру с португальцами объяснялось прежде всего тем, что появление могущественного португальского флота и жестокие акты террора португальцев вселили страх и ужас в душу этого правителя, который сознавал свою слабость и полную беззащитность перед могуществом чужеземцев[2].

Когда 28 декабря 1502 года Васко да Гама отправился из Индии в обратный путь в Португалию, он оставил у Малабарского берега часть флота под командованием Висенте Содре с особой миссией защищать раджу Кочина, если саморин Каликута начнет против него войну.

Висенте Содре не смог защищать раджу Кочина, так как он нарушил приказ адмирала и отправился в поисках богатой добычи в Красное море[3]. Лишь посланные из Португалии в 1503 году два флота, которыми командовали кузены Франсишку и Афонсу де Албукерки смогли разгромить войска Каликута и вернуть союзного португальцам раджу в его столицу. Для его защиты была построена крепость, в которой был размещен гарнизон из 150 португальцев и четырех судов под командованием Пашеку Перейра[4]. Как только А. Албукерки отплыл на родину, Каликут неожиданно предпринял атаку на Кочин с суши и с моря. Осада продолжалась пять месяцев, за это время произошли семь больших сражений. Но "крылатый Пашеку", как его называет Камоэнш, умело организовал оборону крепости. Судя по описаниям хронистов, Пашеку имел незаурядные организаторские способности, был эрудитом, талантливым военачальником и храбрым воином. Индийцы считали его даже сверхчеловеком. Благодаря его полководческому таланту атаки саморина были отбиты, и его войска сняли осаду крепости в июле 1504 года. Пашеку вернулся в Лиссабон 22 июля 1506 года. Устроив в его честь грандиозный прием, Мануэл I назначил Пашеку главнокомандующим флотом в Индии и удостоил дворянского титула. Пашеку был автором "Изумрудной книги о местоположении земли", которая является выдающимся произведением географической науки первой половины XVI века[5].

---

[2] *Хазанов А.М.* Тайна Васко да Гамы. М., 2000. С. 128.

[3] Там же, с.133; *Gois D. de.* Cronica de D. Manuel. Coimbra, 1949. Parte I. P. 193.

[4] Ibid. P. 243, 270.

[5] *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость. XVI — XVIII вв. М. 1976. С. 10.

В 1505 году король Мануэл принял решение об учреждении должности вице-короля Индии. К этому решению его побудило то ожесточенное сопротивление, которое вызвала португальская колониальная экспансия на Востоке, начиная от экспедиций Васко да Гамы. Монополия на торговлю с Индией в то время была в руках мусульман, которые после прибытия португальцев в Индию справедливо увидели в них торговых конкурентов и при поддержке венецианцев пытались воспрепятствовать их экспансии. В этих условиях король Мануэл пришел к выводу, что, только установив военный контроль над Индийским океаном путем захвата важнейших стратегических пунктов, Португалия могла обеспечить свою монополию над торговлей с Востоком. В отличие от того, что было на берегах Африканского континента, где португальцы были торговыми монополистами, в Индии им необходимо было разрушить монополию мусульман.

По свидетельству Барруша, король несколько раз созывал Совет, чтобы обсудить итоги и опыт первых четырех флотов, побывавших в Индии. Члены Совета пришли к единодушному выводу о том, что для успеха последующих далеких экспедиций на Восток необходимо учредить в Индии два департамента: "для войны с маврами" и "для торговли с язычниками".

Португальская Индия в те дни охватывала обширный регион, включавший в себя Южную и Восточную Африку, Индию и Цейлон. Она начиналась на мысе Доброй Надежды и заканчивалась на острове Цейлон.

Первым вице-королем Индии был назначен адмирал армады 1505 года Франсишку де Алмейда[6].

Между тем, первоначально выбор короля пал не на него. Этот пост был предложен Триштану да Кунья, но он неожиданно ослеп (позже эта слепота оказалась временной). Ф. де Алмейда был вызван из Коимбры, где проводил отпуск со своим братом епископом.

К этому времени Алмейда был уже известным флотоводцем. Его военная карьера началась в Испании, где еще юношей он сражался против мавров Гранады[7]. За 10 лет до назначения вице-королем Индии Алмейда командовал португальской эскадрой, которой предстояло померяться силами с Испанией, если бы пе-

[6] *Gois D. de.* Op. cit. Parte II. Cap. 1—8.
[7] Ibid. Parte I. P. 484.

реговоры после открытий Колумба не закончились мирным исходом — подписанием Тордесильясского договора (Тордесильяс, 1494 г.). Таким образом, Алмейда был опытным воином и флотоводцем и имел, в частности, опыт войны с маврами.

Король Мануэл высоко ценил его как за личные заслуги, так и за знатное происхождение. Его дед был "ведор да фазенда" (правительственный инспектор, проверявший состояние финансов, запасы съестных припасов в португальских крепостях) в правление Афонсу V, а отец получил титул графа Абрантиша за свои выдающиеся заслуги.

Старший брат был настоятелем монастыря Крату и был одним из тех, кто принимал королевскую присягу Жуана II. Имея такую долгую семейную традицию верной службы королю, Ф. де Алмейда с энтузиазмом воспринял грандиозный проект дона Мануэла и поскольку в частых беседах с ним он многократно обсуждал его детали, он лучше, чем кто-либо другой, был подготовлен к осуществлению плана своего суверена в Индии. Педру Баррету де Резенди (рукопись его труда имеется в Британском музее) замечает, что идеи дона Мануэла и Ф. де Алмейды заложили основу новой системы управления людьми[8].

"Мы можем добавить, — пишет в этой связи Сидней Уэлч, — что эту систему скопировали все европейские империалистические державы, которые пришли в Индию вслед за Португалией: Голландия, Англия и Франция"[9].

Назначив Ф. де Алмейду вице-королем Индии, король поставил перед ним следующие задачи:

1. Установить контроль над входом в Красное море с тем, чтобы воспрепятствовать вывозу оттуда товаров на Восток;

2. Овладеть Цейлоном, Малаккой и другими стратегическими пунктами, существенно важными для торговли;

3. Проводить политику союзов с туземными правителями.

В день отплытия эскадры Ф. де Алмейда в составе 22 кораблей и 2500 человек из Лиссабона (март 1505 г.) король лично явился на площадь Рестелу в Лиссабоне.

Франсишку де Алмейда вез с собой инструкцию короля Мануэла, предписывавшую ему сделать восточноафриканское побере-

---

[8] Цит. по: *Welch S.* Op. cit. P. 168.

[9] Ibid.

жье абсолютно безопасным для португальской торговой экспансии. Инструкция содержала приказ Ф. де Алмейде построить крепость в Софале, причем следовало добиться согласия на это от местного правителя, а в крепости должен был постоянно оставаться португальский комендант при поддержке нескольких военных кораблей. С шейхом Софалы надлежало обращаться как с другом, его власть следовало уважать, и португальцы даже должны были платить пошлины. Однако в то же время королевская инструкция предписывала Ф.Алмейде арестовать всех "турок", а если шейх будет протестовать, ему следовало объяснить, что эти люди из Индии и Египта готовят "беспощадную войну" против Португалии.

В Килве Ф. де Алмейда должен был построить другую крепость. Если шейх будет регулярно выплачивать дань, то с ним следовало обращаться как с союзником. Если же он откажется это делать, то его надлежало сместить и разместить в Килве гарнизон и корабли для защиты любого местного правителя, который будет сотрудничать с португальцами. Из Килвы следовало отправить две бригантины вдоль побережья до мыса Гвардафуй, а оттуда — к Анджедива, чтобы информировать португальские власти о ситуации. Король Мануэл считал, что этих мер будет достаточно, чтобы предотвратить возможное участие мусульман восточноафриканского побережья в надвигавшейся войне с султаном Египта и его союзниками.

Накануне отплытия эскадры Алмейды из Лиссабона внезапный порыв ветра потопил на якорной стоянке корабль, которым командовал Перу да Найа. Поскольку ему было поручено учредить факторию в Софале, то от этой части маршрута пришлось отказаться, чтобы не задержать реализацию других важных задач экспедиции.

22 июля 1505 года эскадра Алмейды встала на якорь в гавани Килвы.

В течение веков до прибытия португальцев Килва господствовала над другими городами суахили на восточноафриканском побережье и благодаря этому процветала. Торговля с жителями глубинных районов велась арабами.

После долгих месяцев плавания в пустынном океане процветающий город радовал глаз и души португальских моряков.

Как только португальская эскадра бросила якорь в гавани Килвы, появился с подарками богатый араб Мухаммед Анкони

— посланец султана Ибрагима, который от имени своего суверена приветствовал Алмейду. Тот в свою очередь поблагодарил его и подарил ему разноцветный плащ с капюшоном. "Почему ваш король не ответил на приветственный салют моей артиллерии и не поднял королевское знамя, подаренное ему Васко да Гамой, в знак лояльности его сюзерену и нашему королю дону Мануэлу?" — спросил Алмейда.

Анкони не сумел ответить на этот вопрос и сказал, что задаст его самому султану Ибрагиму. Через несколько часов он вернулся с ответом: "Ибрагим не смог поднять знамя, потому что оно было отнято одним португальским капитаном, ограбившим корабль, возвращавшийся под защитой этого знамени из Софалы". Тогда Алмейда попросил Анкони уведомить султана, что он сам сойдет на следующий день на берег, чтобы лично выяснить подробности дела и имена тех, кто нанес оскорбление. "Если какой-либо португальский капитан напал на мусульманское судно, шедшее под флагом короля Мануэла, — сказал Алмейда, — он дорого за это заплатит, а судно будет возвращено владельцам".

На следующее утро Алмейда сошел на берег, взяв с собой в качестве переводчика итальянца Бонайуто ди Альбано, хорошо знавшего арабский и другие восточные языки, так как он имел долгий опыт торговли в Египте и в Индии. Он жил в Каире, а затем вместе с венецианским консулом Франсиско Морелло отправился в Каликут и 22 года провел в Индии. Он женился на яванке. Дон Мануэл высоко ценил его знания и заслуги и, поручив сопровождать Алмейду, установил ему высокое жалованье и разрешил взять с собой семью.

Султан Ибрагим согласился встретиться с Алмейдой, но предпочел, чтобы встреча была в море у берега напротив его дворца. При этом выдвигались условия: султан приплывет туда в "замбуко", а вице-король — в лодке, но непременно без оружия. Это показалось Алмейде подозрительным, но он все же после некоторых колебаний согласился.

На следующий день Алмейда и сопровождающие его люди прибыли в назначенный час на место встречи. Они оделись в праздничные одежды в знак почтения к султану, но предусмотрительно одели под праздничные наряды кольчуги и спрятали несколько копий. Однако, по свидетельству очевидца, султан Ибрагим "прислал письмо, сообщив, что он не сможет прибыть, так как у

него гости, но что если нужно, он пошлет дань королю Португалии. Это письмо было доставлено группой из пяти мавров, которые были немедленно схвачены"[10].

Алмейда собрал капитанов на совет. Все согласились с тем, что вежливость с этим "коварным арабом" — пустая трата времени, что его надлежит заставить выполнять договор, который он заключил с Васко да Гамой. Капитаны пришли к единому мнению, что единственная гарантия постоянного неукоснительного выполнения договора о торговле заключалась в сооружении в Килве португальской крепости, которая была нужна и для индийской торговли, и для безопасности королевской эскадры на побережье Мозамбика.

Поскольку на ультиматум вице-короля ответа не последовало, "на рассвете 24 июля все поплыли в лодках к берегу. Первым высадился на берег командующий, за ним последовали другие"[11].

Начался штурм города. Заиграли музыкальные духовые инструменты (тромбеты), артиллерия начала обстрел города. Арабы отступили к городу в надежде, что будут иметь преимущество в уличных боях в знакомом им месте. Но португальцы проявили смелость, решительность и упорство. Во время уличных боев на башне арабской крепости появилось то самое португальское королевское знамя, которое, как утверждал султан Ибрагим, было захвачено "одним португальским капитаном". К полудню была одержана полная победа и "только тем маврам, которые не сражались, была сохранена жизнь".

По свидетельству Барруша, Алмейда низложил султана Ибрагима. Узнав, что Мухаммед Анкони бежал к соседним племенам, Алмейда послал к нему своего старого друга Жуана да Нова, пригласив принять султанат над Килвой при покровительстве португальцев[12]. Дамьян де Гоиш так описывал эти события: "Алмейда послал к нему (Анкони) сказать, что он намерен сделать его королем Килвы, что он может вернуться и со своей стороны сказать всем, кто бежал, что он им разрешает вернуться и будет обращаться с ними справедливо как с вассалами короля Португалии... Махамед (Sic) проехал на красивой лошади, а все другие шли пешком, при-

[10] Цит. по: *Хазанов А.М.* Экспансия... С. 103.
[11] Там же.
[12] *Barros J.* D'Asia. Dec.I. Liv. III. Lisboa, 1945. P. 323—328.

чем впереди шел Гаспар, крича громким голосом по-арабски: "Это ваш король, которому вы должны повиноваться от имени короля Португалии дона Мануэла, нашего сеньора, вассалами которого вы являетесь". Так он проехал по всем главным улицам города, пока не подъехал к крепости..., где дон Франсишку де Алмейда на виду у всего народа и знати этого города водрузил ему на голову золотую корону, которую вез для короля Кочина, провозгласив его королем королевства Килва, а тот присягнул по своему закону быть верным королям Португалии и быть их вассалом и платить дань"[13]. Эти события были зафиксированы в нотариальных документах, подписанных всеми капитанами, и отправлены с первым же кораблем в Лиссабон. Дамьян де Гоиш, который был с 1548 года главным хранителем королевского архива Торре ду Томбу, писал, что эти документы уже до его времени исчезли.

По просьбе Анкони Алмейда освободил всех взятых в плен при штурме Килвы. Другая просьба Анкони крайне удивила вице-короля. Объяснив, что он был близким другом султана Ал Фудайла, которого Ибрагим убил, чтобы стать его преемником, Анкони умолял объявить его наследником сына Фудайла, хотя сам имел взрослых сыновей[14]. Этого юношу отыскали и объявили вероятным наследником Анкони, поскольку Алмейда считал, что он будет так же лоялен к Португалии, как и его старый друг.

Для того чтобы укрепить португальские позиции в Восточной Африке, Алмейда построил в Килве форт, который был укреплен несколькими бастионами, снабженными бомбардами, и имел гарнизон из 80 солдат, командовать которыми Алмейда поручил Перу Фогаса. Все дома вокруг португальского форта, по свидетельству очевидца, были сравнены с землей"[15]. Докладывая о своем успехе королю и сознательно сгущая краски, чтобы повысить в глазах монарха значение своих заслуг, Алмейда писал: "Сеньор, из всех мест в мире, которые я знаю, Килва имеет самую лучшую гавань и самую прекрасную землю... Остров тянется на две лиги в длину и менее чем на одну — в ширину... Там, Сеньор, мы построили крепость, и я бы отдал несколько лет своей жизни, если бы это было

---

[13] *Gois D. de.* Cronica de D. Manuel. Parte II. P. 7—8.

[14] *Amerigo Vespecci.* Voyage from Lisbon to India 1505—1506. London, 1894. P. 6.

[15] Documentos sobre os portugueses em Moçambique e na Africa Central, 1497—1840. 6 vols. Lisboa, 1962—1969. Vol. 1. Doc. 71. P. 527.

возможно, за то, чтобы Ваше Величество ее увидело, ибо она столь сильна, что ее не смог бы взять даже французский король. Там имеются прекрасные жилые дома, в которых можно разместить вдвое больше людей, чем там находятся сейчас"[16].

Килва оставалась резиденцией португальских командующих до 1509 года, когда было решено перевести штаб-квартиру и гарнизон в Софалу[17].

После захвата и разграбления Килвы Ф. Алмейда с эскадрой из 11 судов отплыл 9 августа 1505 года в Момбасу. Через четыре дня эскадра вошла в гавань Момбасы. Город был расположен на небольшом коралловом острове в бухте. Алмейда приказал Гонсалу де Пайва вместе с двумя лоцманами-арабами обследовать эту бухту.

Один из лоцманов имел поручение передать султану Момбасы письмо Алмейды, в котором он уведомлял султана о своих мирных намерениях. Вот как описывает эти события Д. де Гоиш: Алмейда "направил через одного из лоцманов-мавров послание королю Момбасы, что он прибыл не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы привести его к повиновению королю Португалии, своего господина, дружба с которым, если он ее пожелает, даст ему почет и любовь, которые она дает многим королям и сеньорам Африки и Индии, его вассалам и друзьям..."[18]. Однако первые же арабы, которых Алмейда встретил на этой земле, сказали ему, что любая попытка португальцев высадиться на берег будет пресечена, ибо в Момбасе они встретят солдат, а не куриц, как в Килве[19].

По свидетельству Гоиша, взятый в плен мавр, "упав к ногам Алмейды, рассказал, что король Момбасы, получив известие о взятии Килвы, начал готовиться к битве и что для этого в городе уже 4000 солдат и много артиллерии, установленной на стенах и башнях, и что, кроме этих людей, он ожидает еще 2000 человек... На другой день Алмейда приказал поджечь город с двух сторон, от чего загорелось несколько домов, причем его намерением было взять город штурмом прежде, чем его уничтожит огонь"[20].

---

[16] Documentos sobre os portugueses em Mocambique e na Africa Central, 1497—1840. 6 vols. Lisboa, 1962—1969. Vol. 1. Doc. 31. P. 327—328.
[17] *Ingrams W.H.* Zanzibar. Its History and its people. London, 1967. P. 99—100.
[18] *Gois D. de.* Op. cit. Parte II. P. 10.
[19] *Welch S.* Op. cit. P. 174.
[20] *Gois D. de.* Op. cit. Parte II. P. 10.

Вот как описывает эти и последовавшие события один из участников экспедиции: "Мавры Момбасы построили форт со многими пушками у входа в гавань, который очень узок. Когда мы вошли, первый корабль, которым командовал Гонсалу де Пайва,... был обстрелян маврами с обеих сторон. Мы тотчас ответили на огонь, и с такой интенсивностью, что в их крепости загорелся порох... Мавры побежали, позволив таким образом всему флоту войти и встать на якорь перед городом... Город был обстрелян из всех пушек, но и оттуда на наш огонь ответили пушки. Когда командующий высадился на берег, он захватил одного мавра, который оказался членом королевской семьи, и получил от него хорошую информацию... 15 августа командующий разместил 8 судов с одной стороны Момбасы и 3 судна во главе со своим сыном Лоуренсу де Алмейдой — с другой и приказал начать высадку, как только будет дан сигнальный залп из большого орудия. Все ждали в спущенных на воду лодках. Когда раздался выстрел, все тотчас устремились к берегу, соблюдая при этом отменный порядок. Лучники и канониры двигались впереди, поднимаясь в город по крутому склону. Когда они вошли, то обнаружили, что некоторые дома были покинуты... Командующий направился прямо к королевскому дворцу: его вел мавр, захваченный накануне. Когда командующий прибыл во дворец, капитан Бермудес тотчас поднялся наверх и вывесил наш флаг, восклицая: "Португалия, Португалия!!!". По дороге туда было убито много мавров. Они увидели оттуда примерно 60 мавров, покидавших город, одетых в роскошные халаты и тюрбаны. Говорили, что король был среди них"[21].

Источники не оставляют сомнений в том, что жители Момбасы, имевшие в своем распоряжении лишь самое примитивное оружие, тем не менее оказали героическое сопротивление вооруженным, по последнему слову техники, конкистадорам[22]. Так, участник этих событий свидетельствует, что когда португальцы перед штурмом попытались поджечь город, "мавры вышли и встретили их стрелами и камнями, которые обрушились на них как град"[23].

По свидетельству Гоиша, португальцы, "проходя по улицам, понесли большой урон от камней, дротиков и копий, которые

---

[21] *Freeman-Grenville G.S.* The East African Coast. Select Documents from the First to the Earlier XIX th Century. Oxford, 1962. Doc. 22. P. 108—109.

[22] *Barros J.* Op. cit. Dec. I. Cap. VIII. P. 332—336.

[23] Documentos sobre os portugueses. Vol. I. Doc. 71. P. 531.

бросали мужчины и женщины из окон и террас домов в таком количестве, что наши вынуждены были прятаться под балконами... и из-под них стреляли в тех, кто был в окнах и террасах"[24].

Взятие Момбасы сопровождалось страшными жестокостями колонизаторов. По свидетельству Барруша, во время этой кровавой бойни португальцы убили "1530 мавров и 200 из более, чем тысячи невольников, которых они захватили потом при грабеже города"[25]. Аналогичные данные о количестве потерь при штурме города приводит очевидец событий, который пишет, что "на улицах и в домах было много трупов, коих, как говорят, насчитывалось 1500"[26].

В то же время сами португальцы потеряли всего: по Гоишу — пять, а по Баррушу — четыре человека убитыми и немногим более 70 ранеными.

Следуя традиции португальских конкистадоров, Ф.Алмейда приказал разграбить город, причем, по словам очевидца, "каждый должен был нести на свой корабль все, что найдет, с тем, чтобы позже, когда будет раздел добычи, каждый получил одну двадцатую того, что им было принесено. То же правило было установлено для золота, серебра и жемчуга. Тогда все бросились грабить город, обыскивать дома, выламывая двери топорами и железными ломами. В городе было много хлопчатой одежды для Софалы, так как это место снабжает одеждой весь берег.

Командующий взял себе большую часть товаров, предназначенных для Софалы. Было захвачено большое количество дорогого шелка и расшитой золотом одежды и ковров. Один из них, не имеющий себе равных по красоте, был отправлен королю Португалии вместе с другими ценными вещами... Утром 16 августа они снова грабили город, но так как люди устали от сражения и от отсутствия сна, многое было оставлено... Они также увезли провизию, рис, мед, масло, маис, бессчетное число верблюдов, скота и даже двух слонов"[27].

Самым ценным трофеем португальских конкистадоров были, однако, возвращенные ими пушки с потерпевшего кораблекру-

---

[24] *Gois D. de.* Op. cit. Parte II. P. 11.
[25] *Barros J.* Op. cit. Dec. I. Cap VIII. P. 334.
[26] Documentos sobre os portugueses. Vol. I. Doc. 71. P. 535.
[27] *Freeman -Grenville G.S.* Op. cit. Doc. 22. P. 110.

шение корабля "Санчо де Товар", которые за два года до этого вытащили ныряльщики Момбасы и которые использовались против португальцев в начале битвы за город[28].

Не довольствуясь кровавой резней и варварским грабежом Момбасы, Алмейда "после двух дней пребывания в городе, решив на третий день уйти, приказал предать город огню о многих сторон и поскольку дома стояли тесно прижатые друг к другу, пламя разгорелось так быстро, что когда он отплывал, дым и языки огня настолько отравили воздух, что невозможно было дышать"[29].

Яркое описание этой трагедии мы находим в письме султана Момбасы, которое он направил сразу же после этих событий султану Малинди: "Да хранит тебя Аллах, саид Али. Сообщаю тебе, что здесь прошел великий господин, выжигающий огнем. Он ворвался в город с такой яростью и жестокостью, что не пощадил никого: ни женщин, ни молодых, ни старых, ни детей, как бы малы они не были. Никто не спасся, кроме тех, кому удалось бежать. Не только людей они убивали и сжигали, но даже птиц в небе они сбивали на землю. Зловоние от трупов такое, что я не решаюсь войти в город. Невозможно даже подсчитать, какие огромнейшие богатства они вывезли из нашего города. Я счел необходимым сообщить тебе эти печальные новости, чтобы ты мог позаботиться о своей безопасности"[30].

Мы приводим так много выдержек из источников потому, что в западной исторической литературе отмечается тенденция преуменьшить масштабы и значение ущерба, который был нанесен народам Востока португальской колониальной экспансией, и представить в искаженном свете ее последствия для исторических судеб этих народов. В частности, предпринимаются попытки преуменьшить масштабы и последствия разрушения португальцами процветавших городов-государств суахили на восточноафриканском побережье в начале XVI века.

Так, К.Р.Боксер и К.Азеведу в своей книге "Форт Жесус и португальцы в Момбасе" всем ходом изложения, а также с помощью тенденциозно поданных фактов и аргументов стремятся подвести читателя к мысли о том, что колонизаторы не должны

---

[28] *Welch S.* Op. cit. P. 175.
[29] *Barros J.* Op. cit. Dec. I. Liv. VIII. P. 335.
[30] Documentos sobre os portugueses. Vol. I. Doc. 71. P. 537.

нести бремя исторической ответственности за разрушение африканских цивилизаций в Восточной Африке, поскольку их опустошительные набеги ничем, в сущности, не отличались от опустошительных набегов и войн, которые вели друг с другом сами африканцы. Развивая этот тезис, авторы дают понять, что португальцы не более виновны перед историей, чем сами африканцы, ибо они не были единственной разрушительной силой в Восточной Африке в XVI и XVII веках, и утверждают, что упадок суахилийских городов не был полностью их делом, ибо нашествия племен из Центральной и Северо-Восточной Африки нанесли даже более жестокие удары по поселениям суахили, чем португальское разграбление Килвы и Момбасы[31].

По существу, той же точки зрения придерживается и М. Невитт, который в своей "Истории Мозамбика" утверждает: "Несмотря на насильственные конфронтации, нельзя считать, что именно прибытие португальцев и их грубый захват Софалы и Килвы привели к упадку этих двух древних торговых городов"[32].

Эти утверждения противоречат историческим реалиям. Именно португальские колонизаторы нанесли смертельную рану африканским цивилизациям, существовавшим в зоне их экспансии. В частности, на них история должна возложить ответственность за разрушение и уничтожение своеобразных городов-государств суахили, находившихся на весьма высоком уровне социально-экономического и политического развития, а также за искусственный разрыв исторически сложившихся связей между народами Африки и Азии.

В 1505 году португальский флот во главе с Перу Фогасой получил приказ осуществлять блокаду арабского торгового судоходства вдоль восточноафриканского побережья вплоть до Софалы. Этот флот блокировал район Мозамбика — Софалы, стараясь помешать арабской торговле.

Еще в королевских инструкциях вице-королю Ф.Алмейде подчеркивалась необходимость строительства крепостей в разных местах и предписывалось приравнять гарнизоны крепостей в жалованье и привилегиях с экипажами военных судов[33]. Инст-

---

[31] *Boxer C.R.* and *Azevedo C.* Fort Jesus and the Portuguese in Mombasa, 1593—1729. London, 1960. P. 19.

[32] *Newitt M.A.* History of Mozambique, Indianapolis, 1995. P. 20.

[33] Documentos sobre os portugueses. Vol. I. Doc. 18. P. 179—261.

рукцией предусматривалось, в частности, строительство форта в Софале. Это должно было, по расчетам королевских советников, нанести удар по арабской торговле в Восточной Африке и поставить торговлю золотом под португальский контроль. "И там весь флот сможет бросать якорь в полной безопасности, — писал король, — а этих мавров вы сделаете невольниками, но туземцев этой страны, их рабов и собственность не трогайте... расскажите им, что, обращая в неволю мавров и забирая их собственность, мы делаем это по той причине, что они враги нашей святой католической веры"[34]. Выполняя этот приказ, Перу де Анайя, назначенный комендантом Софалы, вступил в переговоры с султаном Софалы, добиваясь его согласия на строительство в городе португальской фактории и крепости. Опасаясь как бы его не постигла судьба других суахилийских правителей, султан Софалы принял это предложение. Определенную роль здесь, видимо, сыграли посулы и подарки, на которые не скупились португальцы. В сохранившемся приказе Перу де Анайи перечисляются эти подарки, среди которых фигурирует позолоченный кожаный ковер, мавританский плащ, медные котелки из Германии, коралловые и янтарные бусы, венецианские стеклянные бусы, английские и португальские скатерти и т.п."[35].

Заручившись согласием султана Юсуфа, португальцы построили в Софале крепость и основали факторию.

В военно-экономической системе, созданной Португалией в Восточной Африке, Софале отводилось особое место. Она должна была стать не только главным портом для вывоза африканского золота, но также и главной военной крепостью для защиты этой торговли от соперников — арабов. "Это истинная правда, сеньор, — писал королю в декабре 1506 году Перу Фогаса, — что Софала относится и всегда будет относиться к лучшему из того, что Ваше Величество здесь имеет"[36].

Как только Перу де Анайя обосновался в Софале, он начал создавать собственную сеть торговых контактов, посылать подарки местным вождям, принимать от них посланцев и товары. Попытка оттеснить на вторые роли торговцев-арабов вызвала их крайнее

---

[34] Documentos sobre os portugueses. Vol. I. Doc. 18. P. 181.
[35] Ibid. Doc. 23. P. 299.
[36] Ibid. Doc. 116. P. 757.

недовольство. В результате власть и жизнь султана Юсуфа оказались под угрозой, и в августе 1505 года он вынужден был покинуть Софалу и искать убежище у соседних племен. В сентябре местные арабы и народность каранга, руководимая вождем Мокондо, доведенные до отчаяния произволом и насилиями португальских властей, напали на форт и предприняли попытку его разрушить. Однако гарнизон во главе с Перу де Анайей отбил атаку, а в ходе контратаки был захвачен и убит султан Юсуф. Португальцы посадили на султанский трон в Софале свою марионетку Сулеймана[37].

Португальцы стремились укрепиться на восточном побережье Африки, прежде всего, чтобы монополизировать торговлю золотом. Для этого им нужно было устранить конкурентов-арабов, выступавших в качестве торговцев-посредников, и самим вступить в прямой контакт с жителями хинтерланда, привозившими золото в прибрежные порты. С этой целью специальная эскадра должна была патрулировать побережье между Килвой и Софалой, задерживая все мусульманские суда, которые намеревались вести торговлю. В Килве и Софале фейторы должны были действовать как королевские агенты, скупая все золото, поступавшее из внутренних районов, и продавая одежду и другие товары местным торговцам[38].

Однако эти усилия португальцев принесли на первых порах лишь частичный успех. Арабы обосновались в Восточной Африке слишком давно и были слишком многочисленны, чтобы их можно было легко одолеть с теми незначительными военными силами, которыми располагали португальцы. Один из португальских военачальников писал королю в 1521 году, что "по его мнению, мавров Софалы не следует выгонять, а лучше оставить их в покое и позволить им посещать дома кафров, и что требуется много людей, чтобы изгнать мавров. И что даже если они будут изгнаны, от этого ничего не изменится, ибо он узнал, что в стране Мономотапы находятся более 10000 мавров, которые там всюду бывают, и изгнать их невозможно"[39].

К этому мнению, в конечном счете, пришли и советники короля. Их идея состояла в том, что следует не изгонять мусульманских торговцев из Восточной Африки, а заставить их и их

---

[37] *Newitt M.* Op. cit. P. 20.
[38] Ibid. P. 19.
[39] Documentos sobre os portugueses. Vol. III. Doc. 3. P. 16.

африканских помощников работать в качестве посредников на португальцев, стремившихся установить контроль над международной торговлей[40]. Но даже в этой сфере они не могли быть монополистами. Они вступили в союз с султаном Малинди, позволив его судам продолжать торговать под португальским покровительством и защитой.

Однако этот план Лиссабона оказался трудновыполнимым на практике. Первая трудность состояла в том, что у португальцев не было товаров, которые бы пользовались спросом на восточноафриканском рынке. Там не было спроса на европейскую одежду, а индийские ткани и одежды продавали там еще до прибытия португальцев арабские купцы. Некоторые индийские ткани, награбленные в Килве или захваченные на мусульманских судах, были доставлены в Софалу, но местная фактория не могла постоянно работать только на ворованных товарах, и были предприняты большие усилия, чтобы наладить бесперебойную торговлю индийскими тканями с помощью султана Малинди.

С еще большими трудностями столкнулись португальцы при попытке контроля над Килвой и Софалой. Португальские власти неизбежно вошли в глубокий конфликт с традиционными правителями этих городов, лишившихся своего прежнего права выдавать торговые лицензии, разрешать продажу ряда товаров, назначать цены, взимать пошлины и в целом контролировать обширную и разветвленную торговую сеть, функционировавшую не только внутри Африки, но и в бассейне Индийского океана.

В Килве португальцы надеялись решить эту проблему, посадив марионеточного правителя, но в 1506 году вспыхнуло восстание, и купеческие семьи, боявшиеся потерять свою торговлю, ушли из города. К 1513 году торговцы перестали приезжать в Килву, и португальцам пришлось покинуть свою факторию и разрешить вернуться в Килву семье прежнего султана.

После взятия и разграбления Момбасы Алмейда с попутным ветром проследовал в Индию. 13 сентября 1505 года его флот достиг острова Анджедива. Там богатая добыча, захваченная в Момбасе, была в соответствии с действовавшим "морским кодексом" распределена между капитанами, моряками и солдатами. 22 октября флот Алмейды прибыл в Кананор. Королевский фейтор в этом

---

[40] *Newitt M.* Op. cit. P. 19.

городе Гонсалу Жил Барбоза настаивал на безотлагательном строительстве крепости, поскольку местный раджа без португальской поддержки был не в состоянии воспрепятствовать активной деятельности многочисленных мусульманских торговцев. К этому времени под властью мусульман находились Гуджарат, Дели, Берар, Биджапур и великая империя Виджайанагар со столицей Хампе.

В Кананоре Алмейду посетил посол индийского государства Нарсинга, которое препятствовало мусульманским завоевателям захватить юг Индии. Посол предложил Алмейде заключить союз против мусульман. После своей 150-летней борьбы против ислама Нарсинга видело в прибывших в Индию христианах естественных союзников. Адмирал быстро оценил важность миссии посла Нарсинги и решил принять его по-королевски. С этой целью он даже решил досрочно принять титул вице-короля Индии, хотя согласно королевской инструкции должен был сделать это лишь после завершения строительства трех крепостей (в Кананоре, Кочине и Коулане).

На борту адмиральского корабля в честь посла был устроен роскошный прием. Палуба была устлана дорогими коврами, мачты были увешаны бриллиантами и красивыми тканями из Фландрии. Все капитаны сошли на берег для торжественной встречи посла, а Алмейда приветствовал его на палубе корабля. Они подписали договор о дружбе и взаимной защите. По этому договору от имени императора Нарсинги португальцам было дано право строить крепости в его портах[41].

1 октября 1505 года от имени короля Мануэла был коронован и получил богатые подарки раджа Кочина.

Таким образом, на первых порах дела в Индии складывались благоприятно для португальцев. Однако в 1506—1507 годах у них возникли большие трудности. Произвол и насилия, чинимые португальскими колонизаторами в отношении мусульманских купцов и местного населения, не могли не вызвать конфликт. Когда Алмейда прибыл в Индию, Кананор был настроен дружественно к португальцам. Однако действия португальских капитанов и чиновников породили враждебность местного населения. Гонсалу Важ де Гоиш ограбил и потопил мусульманское судно, вышедшее из Кананора, хотя оно получило от португальских властей лицензию

[41] *Gois D. de.* Cronica. Parte 1. P. 313—319.

на торговлю. В ответ на это разгневанные мусульманские купцы уговорили раджу Кананора атаковать португальскую крепость. Осада продолжалась четыре месяца, и лишь прибытие флота Триштана да Куньи спасло осажденных от истребления. Защитникам крепости очень помог также артиллерист из Антверпена Р.Гельдрес, которого хорошо знал знаменитый хронист Д. Гоиш, живший по соседству с Гельдресом в Антверпене[42].

В это время Алмейда получил информацию о том, что египетский султан Аль-Гури разработал план получения специй окольным путем. Предполагалось везти их с Молуккских островов, обогнуть юг Индии через Мальдивы и оттуда подняться к Красному морю.

Для того чтобы воспрепятствовать реализации этого плана, вице-король отправил флот под командованием своего сына Лоуренсу, который должен был заблокировать для мусульманских купцов морской путь к югу от Индии. В ходе этой военной экспедиции португальцы открыли остров Цейлон (Шри-Ланка). В этой экспедиции участвовал Ф.Магеллан, которому суждено было прославиться благодаря первому кругосветному путешествию.

С этого времени Ф.Алмейда сконцентрировал свои усилия на подготовке к отражению нападения мамлюкско-турецко-гуджаратской коалиции.

В ноябре 1507 года у Понане (между Каликутом и Кочином) произошло морское сражение. Португальцы загружали свои корабли специями в Кочине, когда Ф.Алмейда получил информацию о том, что мусульманские торговцы из Каира и Каликута делают то же самое в Понане под руководством своего храброго флотоводца и блестящего лоцмана Кутиали. Ф.Алмейда приказал кораблям Триштана да Кунья соединиться с кораблями Лоуренсу де Алмейды и, когда они подошли к Понане, объединенный флот был поставлен под общее командование юного адмирала — сына вице-короля. Несмотря на отчаянную храбрость и упорное сопротивление мусульман, техническое превосходство португальского флота принесло ему победу (португальский гуманист XVI века Озориу восхваляет умелую тактику и стратегию юного адмирала). Объединенные эскадры Египта и Каликута были потоплены в порту Понане. Специи, подготовленные на берегу для погрузки, были уничтоже-

---

[42] *Gois D. de.* Cronica. Parte 1. P. 356.

ны, но солдатам не было позволено грабить город, так как в нем жили не мусульмане, а индусы.

Эта битва была подробно описана ее участником, странствующим итальянцем Людовико ди Вартема, который за проявленную в ней храбрость был возведен в дворянское звание.

Вартема был уникальным путешественником, странствовавшим по миру только из "любопытства". Когда он прибыл в Аден, арабы обвинили его в том, что он шпион христиан, и хотели убить. Вартему спасло лишь то, что он принял ислам. Это дало ему возможность посетить Мекку и пересечь внутреннюю Аравию.

Вартема в одиночку совершил смелое путешествие, занявшее пять лет, через Египет, Сирию, Персию, Гуджарат, Бенгалу, Пегу, Малакку и Суматру. Он чудом избежал смерти в Кананоре, с трудом вырвавшись из рук мусульман, и бежал в Кочин, где предоставил ценную информацию вице-королю. После морского сражения при Понане, в котором он участвовал, Вартема вернулся в Европу на предоставленном ему Триштаном да Кунья корабле "Сан Висенту". Он даже был принят в конце 1507 года королем доном Мануэлем. В 1510 году вышло первое издание книги Л.Вартемы "Путеводитель"[43].

Между тем мусульманский флот, вышедший из Адена в августе 1507 года, прибыл в Индию и был там усилен гуджаратскими кораблями под командованием Малика Айза.

В феврале 1508 года в порту Чаул (в 40 км к югу от Бомбея) произошло одно из самых важных морских сражений в истории войн на море, ставшее трагедией для Португалии. В этой битве, подробно описанной несколькими хронистами, португальский флот под командованием Лоуренсу де Алмейды сражался с мамлюкско-гуджаратской эскадрой под командованием эмира Хусейна. Накануне битвы вице-король Ф. Алмейда послал своего сына с 8 судами конвоировать вдоль индийского берега корабли со специями из Кочина. Когда Лоуренсу приблизился к Чаулу, ему сообщили, что около этого порта наблюдается большое скопление вражеских судов. Это предупреждение было подтверждено посланием от его отца, содержавшим ту же информацию, которое привез Перу Кан. Однако Лоуренсу де Алмейда не придал значение предупреждениям, поскольку недооценил сложность

---

[43] *Varthema Ludovico.* Itinerario.Lisboa, 1949; *Temple R.C.* Itinerario of Varthema. London, 1928.

ситуации. Он не знал, что у Чаула сконцентрировалась могучая объединенная эскадра, состоявшая из флотов Египта, Камбея, Каликута и Гуджарата.

Командовавший этой эскадрой эмир Хусейн решил атаковать флот Лоуренсу внезапно своими тремя эскадрами с базы в Диу. Авангард мусульманского флота был уже в зоне видимости, когда Лоуренсу начал маневрировать и перестраивать свои корабли в боевой порядок. Все свои надежды он возлагал на ожидавшееся прибытие из Ормуза эскадры Аффонсу де Албукерки.

Первые же артиллерийские залпы мусульман вывели из строя адмиральский корабль и ранили самого Лоуренсу де Алмейду.

Португальцы заметили, что среди артиллеристов на мусульманских судах были греки и итальянцы — вероятно, бывшие христианские солдаты, взятые в плен мамлюками.

Португальцы сражались с удивительным упорством и отчаянной храбростью. Одной из первых жертв их артиллерии стал мусульманский военачальник Маимане Маркар из Каликута (он был послом саморина Каликута к султану аль-Гури, уговаривавшим его создать коалицию из флотов Египта, Камбея и Каликута).

Хотя морское сражение продолжалось два дня, португальцы так и не смогли оправиться от первой внезапной атаки эмира Хусейна. Лоуренсу был ранен четыре раза. Обливаясь кровью, он продолжал руководить битвой. В конце концов, адмиральский корабль вместе с юным адмиралом на борту пошел ко дну, а остальные португальские суда отступили и взяли курс на Кананор.

В результате этого сражения португальцы потеряли 140 человек, в том числе 13 фидалгуш, 124 человека были ранены.

Эмир Хусейн отступил на свою базу в Диу.

Горе вице-короля, когда он узнал о смерти сына и о сокрушительном поражении при Чауле, было безутешным. Оставшиеся в живых офицеры рассказали ему, что поведение Лоуренсу было весьма достойным: когда его корабль был оттеснен огнем египетской галеры в маленькую бухту, они умоляли его покинуть пока не поздно обреченное на гибель судно, но он сказал, что не сделает этого, пока там будет хоть один человек, способный продолжать сражаться. "Все чувствовали, что старый адмирал не заслужил такого несчастья", — свидетельствует Озорио[44].

---

[44] *Osorio*. De Nobilitate Civili. Lisboa, 1542. II. P. 309.

Раджа Кочина прибыл, чтобы выразить соболезнования Франсишку де Алмейде, но тот скрывал свои чувства под личиной стоицизма, порожденного глубокой верой. "Я никогда не просил Бога о долгой жизни для моего сына, а просил наделить его достойными уважения добродетелями", — сказал он.

Единственное, о чем он попросил своих друзей, — помочь ему отомстить за смерть сына.

Вице-король не стал терять время на оплакивание сына и на личные переживания. Несколько следующих месяцев он посвятил интенсивной подготовке новой мощной эскадры. Он надеялся на скорое прибытие ежегодного флота из Лиссабона, который усилит его эскадру.

В эти же самые месяцы проходили пышные празднества в Лиссабоне и в Риме по случаю победы Лоуренсу де Алмейды над мусульманским флотом в сражении при Понане (о поражении португальцев при Чауле еще не было известно). Папа Юлий II лично возглавил благодарственную процессию к Собору Св. Петра 25 июля 1508 года[45].

Рим рассматривал эти победы как великий триумф христианства над мусульманами. Христиане на Малабарском побережье с давних пор были объектом особой заботы и покровительства папы. В декабре 1508 года Рим получил обнадеживающую и вдохновляющую информацию от Л.Вартемы, который прибыл туда 10 декабря, завершив свое кругосветное путешествие. На основе своих богатых впечатлений и размышлений он высказал следующее мнение: "Из всего, что я видел в Индии и в Эфиопии (то есть в Восточной Африке — *Авт.*), у меня сложилось мнение, что король Португалии, если Богу будет угодно, и если он и впредь будет столь же удачлив, как был до сих пор, станет богатейшим королем в мире. И действительно он заслуживает всяческих благ, ибо в Индии, особенно в Кочине, каждый божий день 10—12 язычников или мавров принимают крещение в христианской вере. Их число будет расти изо дня в день благодаря этому королю. За это Бог и дал ему эту победу, и в будущем он всегда будет процветать".

Однако Вартема оказался плохим предсказателем. Уже в феврале 1508 года флот Лоуренсу де Алмейды потерпел сокрушительное поражение, а он сам трагически погиб.

---

[45] Annales Ecclesiastici. Vol. II. Lucca, 1754. P. 517.

В октябре того же года в Кочин прибыли первые корабли ежегодного пополнения флота из Лиссабона. Однако вместе с надеждой на военный реванш они привезли нечто, что Алмейда счел оскорблением со стороны короля — приказ о назначении Аффонсу де Албукерки его преемником.

Хотя трехгодичный срок пребывания Алмейды на посту вице-короля истек, он считал, что этот срок должен быть продлен по меньшей мере по двум причинам:

1. Эскадра была почти готова к атаке на Диу, причем все нити управления флотом были сосредоточены в его руках и не могли быть переданы кому-либо другому без ущерба для службы королю.

2. Адмиральский корабль ежегодного пополнения флота из Лиссабона потерялся по дороге в Индию, а вместе с ним потерялись все подлинники писем и инструкций короля[46].

Приглашенный на ужин Алмейдой Аффонсу де Албукерки сначала согласился с этими доводами.

Если бы эти два великих человека остались одни, вероятно, был бы достигнут компромисс. Однако ссору между ними спровоцировал известный интриган фидалгу Дуарти де Соуза, который был ранен в обе ноги при осаде Триштаном да Кунья острова Ожа у берегов Восточной Африки. "Жаль, — писал Барруш, — что этот человек был ранен в ноги, а не в язык"[47]. Из-за уколов жала этого языка компромисса достигнуть не удалось.

В результате Алмейда отплыл на морское сражение против эмира Хусейна, оставив на Малабарском побережье своих соотечественников, разделившихся на два враждебных лагеря. Но при этом португальцы были едины в приготовлениях к сражениям против общего врага — против мусульман. Аффонсу де Албукерки даже предложил свои услуги в качестве участника морского сражения при Диу, но Алмейда отверг его предложение.

22 декабря 1508 года Алмейда отплыл в Диу во главе эскадры из 19 судов, 1300 португальских солдат, 400 солдат из Кочина и т.п.[48].

По пути к Диу флот Алмейды сделал несколько остановок, чтобы наказать города Онор, Дабул и другие за помощь мусуль-

---

[46] *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P.451; *Barros J.* Op. cit. Dec. III. P. 25.

[47] *Barros J.* Op. cit. Dec. III. P.25.

[48] *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P.453—457; Kinloch. Ras Mala or Hindu Annals of the Province of Goozerat., London, 1856. Vol. I. P. 371.

манской эскадре из Египта. В Чауле Алмейда потребовал от местного раджи Низамалука уплаты дани, которую он задолжал за три года, в знак признания своей вассальной зависимости от короля Португалии. Низамалука согласился, надеясь на поддержку португальцев в войне против своего соседа и соперника раджи Биджапура, а также на их защиту от пиратов, базировавшихся в Дабуле, и на прибыль от торговли лошадьми через свой порт[49].

2 февраля 1509 года эскадра Алмейды достигла бухты Диу. Навстречу ей отважно вышел эмир Хусейн со своими большими галерами, за ними плыли парау Каликута и фуста Малика Айаза — более 100 больших и маленьких вооруженных судов.

Противники сблизились на достаточное расстояние для того, чтобы португальцы снова смогли заметить, что среди офицеров и артиллеристов вражеской эскадры было много бывших христиан.

Едва суда противников успели обменяться несколькими артиллерийскими залпами, как наступила ночь.

В эту ночь, по словам Ж. Барруша, на португальских кораблях никто не спал. "Все были заняты: одни приводили в порядок свое оружие, другие — свою совесть, чтобы на следующий день встретить врагов, будучи подготовленными к этому и телом и душой"[50].

Следующий день был дорогим для моряков днем Св. Браза. Капитан Жуан да Нова напомнил им, что в честь этого святого была сооружена первая христианская часовня в Южной Азии в бухте Мосселя.

Как только на следующее утро подул попутный бриз, португальские суда, построившись клином, устремились в атаку, ведомые кораблем Нуну Важ Перейры. Мусульманские суда раздвинулись, освободив им морскую тропу. Одновременно они открыли артиллерийский огонь, нанеся португальцами некоторый ущерб. Однако португальские суда, умело маневрируя, окружили мусульманскую эскадру, взяв ее в клещи.

Корабли противников пошли на абордаж. Яростное сражение продолжалось с середины дня и до поздней ночи. От потоков

---

[49] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. Lisboa, 1994. P. 672, 240.
[50] *Barros J.* Op. cit. Dec. III. P. 399.

крови море стало коричнево-красным. Когда темнота спустилась на место битвы, все корабли египетского султана были потоплены или взяты в плен. Эмир Хусейн бежал в бригантине к берегу и опасаясь довериться на милость Малика Айаза, попросил убежища у правителя Камбея. В этом грандиозном морском сражении мусульмане потеряли убитыми 3000 человек, а португальцы — только 32 (в том числе капитана Нуну Важ Перейра)[51].

Малик Айаз поспешил прислать письмо Алмейде, умоляя его о заключении мира. По условиям договора Малик Айаз согласился стать вассалом короля Португалии, а 18 португальцев, взятых в плен мусульманами в сражении при Чауле, были освобождены. Это было начало конца мамлюкского Египта. Португальцы лишили его главного источника богатства — торговли специями, и через семь лет Египет попал под власть турок.

По свидетельству Дуарти Барбозы, через 10 лет Суэц заметно пришел в упадок[52]. Эта победа сыграла также решающую роль в установлении господства Португалии в Индийском океане в XVI веке.

Возвращаясь после сражения при Диу, Франсишку де Алмейда поставил свой флот на якорь перед Кананором и "салютовал из пушек, чтобы отпраздновать свою победу, но чтобы завершить месть за смерть сына, приказал привязать пленных к жерлам пушек и на город как пушечные ядра посыпались головы и куски тел этих несчастных"[53].

Не довольствуясь этим, жестокий конкистадор опустошил берег Гуджарата[54].

Алмейда с триумфом вернулся в Кочин 8 марта 1509 года и был встречен со всеми подобающими почестями раджой и португальцами. Он настаивал на сохранении за ним поста вице-короля до прибытия маршала Фернанду Коутинью, которого отправил в Индию король, снабдив его широкими полномочиями для разрешения возникшего конфликта. Коутинью прибыл в Кочин в октябре 1509 года. За эти несколько месяцев конфликт между сторонниками Алмейды и Албукерки крайне обострился.

---

[51] *Welch S.* Op. cit. P. 186.

[52] The Book of Duarte Barbosa. P. 42—45.

[53] *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P. 450.

[54] *Olivera Martins.* Historia de Portugal. Lisboa, 1972. P. 234.

Португальцы в Индии разделились на два лагеря — сторонников Алмейды и сторонников Албукерки. Это была распря, в которой, как писал Барруш, "и победители и побежденные могли потерять большую часть своих привилегий"[55].

Оба соперника — и Алмейда и Албукерки, несомненно, были личностями незаурядными, наделенными выдающимися способностями.

Один из недостатков Аффонсу де Албукерки состоял в том, что он часто испытывал необоснованные подозрения к людям, которые искренне хотели ему помочь, в то время как Алмейда нередко ошибался, доверяя тем людям из своего окружения, которые не заслуживали его доверия. По крайней мере так считал Барруш, который имел доступ ко всем документам, относящимся к конфликту между ними.

Когда 3 февраля 1509 года была разгромлена объединенная мусульманская эскадра во главе с эмиром Хусейном, единый фронт португальцев в борьбе против общего врага — мусульман перестал существовать. Ссора между сторонниками Алмейды и Албукерки резко обострилась и переросла в грубую перебранку.

18 октября 1509 года в Кананор прибыл посланец короля Мануэла Фернанду Коутинью, имевший подробнейшее описание всего спора и его причин, представленное королю Гаспаром Перейра, который был секретарем и Аффонсу де Албукерки и Франсишку де Алмейды. Прирожденный интриган Перейра был последовательно горячим сторонником то одного, то другого. Назначенный позже на ответственную должность секретаря Индии, он воспользовался этим, чтобы написать подробное письмо королю о конфликте Алмейды и Албукерки. Король решил поручить деликатную миссию по улаживанию конфликта племяннику и личному другу Алмейды Фернанду Коутинью. Именно с ним были связаны надежды короля на справедливое и мирное разрешение этого спора.

Коутинью решил спор в пользу Аффонсу де Албукерки и предписал ему немедленно занять должность вице-короля. Оскорбленный до глубины души этим несправедливым, по его мне-

[55] *Barros J.* Op. cit. Dec III. P. 323—328.

нию, решением королевского эмиссара Франсишку де Алмейда отправляется на свой корабль и уже не покидает его вплоть до отплытия на родину 19 ноября 1509 года.

В конце февраля под командованием Франсишку де Алмейды корабли прибыли в Агуада ду Салданья (нынешний Кейптаун). Это место показалось португальцам подлинным раем. Но ему суждено было стать ареной трагедии, потрясшей Португалию.

Конфликт с готтентотами возник не вследствие злого умысла португальских моряков, а в результате роковой случайности. Алмейда поручил моряку Ф. Лабаредешу пойти с готтентотами в загон для скота и купить у них быков и баранов, необходимых для продолжения путешествия. Тот выполнил поручение, но когда уже вернулся на корабль, появился готтентот с целым стадом баранов.

"Видимо Дьявол устроил так, чтобы произошло трагическое событие", — пишет по этому поводу Дамьян де Гоиш. Лабаредеш не собирался делать новые покупки, но позвал готтентота на корабль, чтобы дать ему какую-то компенсацию. Туземцы ошибочно истолковали это как желание португальцев взять в плен их соплеменника. Завязалась драка. Готтентоты стали бросать в португальцев камни, убив нескольких из них, а остальные стали искать спасения на кораблях.

Португальцы среагировали на этот инцидент с присущей им жестокостью. Алмейда решил утолить обуревавшую его жажду мести кровью готтентотов. Напрасно некоторые благоразумные капитаны пытались отговорить его от этого. Не вняв их доводам, Алмейда на следующий день во главе большого отряда отправился в ближайшую деревню, чтобы примерно наказать готтентотов. Однако португальцы недооценили военное искусство готтентотов и смертоносную точность их примитивного оружия. Они удивительно эффективно использовали свои копья. Португальцы осознали грозившую им опасность только тогда, когда было уже слишком поздно.

Разочарование ждало и тех, кто сумел бежать к берегу. Там они с ужасом увидели, что оставшиеся на борту португальцы вывели корабли в открытое море.

Песок на пляже и прибрежные волны стали красными от крови португальцев. Во время этой ужасной бойни от рук готтентотов пало больше португальцев, чем в знаменитом морском сра-

жении при Диу. В числе убитых были 11 капитанов и первый вице-король Индии Франсишку де Алмейда[56].

Смерть Алмейды избавила его от, возможно, не менее трагической участи, которая ожидала его в Португалии. За отказ подчиниться приказу короля, сместившего его с должности вице-короля, а также за многочисленные эксцессы и злоупотребления, его ждала подземная тюрьма, в которой в 1524—1526 годах пришлось сидеть Дуарти Пашеку Перейре.

[56] *Gois D. de.* Op. cit. Parte I. P. 467.

Глава пятая

АФФОНСУ ДЕ АЛБУКЕРКИ — АРХИТЕКТОР ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Аффонсу де Албукерки — одна из крупнейших фигур в португальской истории. Его личность и деяния безмерно идеализируются португальскими историками. Один из них — Луиш Тейшейра писал: "Васко да Гама, Франсишку де Алмейда, Аффонсу де Албукерки. Эти три человека, избранные Провидением, появились в том поворотном пункте истории, когда XV век передал свою тяжкую миссию XVI веку: первый должен был найти морской путь к далекому Востоку, второй — заложить основу морского могущества Португалии, третий — создать Португальскую Восточную империю. Эти гиганты и гении должны были превратить XVI век в величайшую эпоху нашей истории"[1].

Альфонсу де Албукерки

С этим утверждением вряд ли можно согласиться.

Эпоха Албукерки — это эпоха не столько славы, сколько позора Португалии.

Наибольших успехов в колониальной экспансии на Востоке Португалии удалось добиться, когда вице-королем Индии был назначен Аффонсу де Албукерки.

---

[1] *Teixeira L.* Pequena crónica da India. Lisboa, 1954. P. 51.

ИЗ БИОГРАФИИ АФФОНСУ ДЕ АЛБУКЕРКИ. Сын советника короля Аффонсу V Гонсалу де Албукерки и Леоноры де Менезиш знаменитый конкистадор Аффонсу де Албукерки родился в 1462 году. Свое воспитание и образование он получил при королевском дворе. Участвовал в битве при Торо на стороне принца Жуана, который, став королем Жуаном I, назначил его своим оруженосцем и офицером конной гвардии. Албукерки служил в Арсиле (Марокко), а в 1503 году отправился в Индию. Там он участвовал в ряде сражений против саморина Каликута, в строительстве крепости в Кочине и фактории Коулан.

Об этих событиях нам известно из писем А.Албукерки, а также из книги "Комментарии великого Аффонсу де Албукерки", написанной сыном великого завоевателя Бразом де Албукерки на основе докладов отца королю Мануэлу и впервые опубликованной в 1557 году[2]. Как свидетельствует Браз Албукерки, его отец "решил построить крепость в Кочине, так как имел на сей счет приказ короля дона Мануэла...В июле 1504 года Албукерки, прибыв в Португалию, информировал короля дона Мануэла о положении дел в Индии и о том, что было крайне необходимо помешать маврам снова стать хозяевами Малабарского побережья"[3].

В 1506 году он во второй раз отплыл в Индию в составе военной экспедиции Триштана да Кунья в чине капитан-мора. Он вез секретные инструкции, полученные им лично от короля, которые он обязался хранить в строжайшей тайне, предписывавшие ему стать преемником вице-короля Франсишку де Алмейды с 1508 года.

В апреле 1507 года португальский флот подошел к острову Сокотра. Знаменитый лоцман Васко да Гамы Ахмад ибн-Маджид в своих "Лоциях" дает интересное описание Сокотры в период, предшествовавший прибытию португальцев. "На Сокотре, — пишет он, — живут ахмадж аль-насара, смешанный сброд христиан". Термин "ахмажд (или хамадж)" в Нигерии, например, употребляется для описания язычников. Ахмад ибн-Маджид говорит также об "ахмадж суфалах", что может быть переведено как "христианские язычники Софалы"[4].

Португальцы атаковали Сокотру, захватили остров и построили там крепость.

Арабский хронист Тарик Шанбал свидетельствует: "Год 912 Хиджры (1506—1507 гг. — *Авт.*). В этом году неверные франки взяли Сокотру, убили там сына Тавари аль-Зувайди и 50 мусульман и построили там форт"[5].

Говоря о событиях года 915 Хиджры (1509—1510 гг.) Тарик Шанбал отмечает, что "шейх райи аль-Тавари аль-Зувайди умер в Кишн". Слово "райи" означает конфедерацию племен[6]. Вероятно, сын этого шейха и был убит португальцами во время их атаки на Сокотру в апреле 1507 года.

---

[2] The Commentaries of the great Afonso d'Albuquerque. London, 1875.
[3] Ibid. P. 7, 19.
[4] *Serjeant R.B.* The Portuguese off the South Arabian Coast. Hadrami chronicles. Oxford, 1963. P. 157.
[5] Ibid. P. 43.
[6] Ibid. P. 158.

После строительства крепости на Сокотре Аффонсу де Албукерки покинул Триштана да Кунья. Он направился в Красное море, но в пути изменил свой маршрут и осуществил военную экспедицию в Персидский залив. Подчинив силой Калайат, Куриат, Маскат, Соар и Орфасан, он, наконец, подошел к могущественному Ормузу.

Ормуз был хорошо укрепленным персидским городом на острове Герум у входа в Персидский залив. Он имел исключительно важное значение как с торговой, так и с военно-стратегической точек зрения. По словам Томе Пириша, "кроме того, что он богат и благороден, это еще и ключ для персов"[7]. В начале XVI века Ормуз был одним из главных центров торговой сети Индийского океана, которая соединялась там с великими караванными путями, связанными с Центральной Азией и со Средиземноморьем. Ормуз господствовал тогда над прибрежными территориями Персидского залива как с персидской, так и с арабской стороны, а также над всеми островами (среди которых выделялся остров Бахрейн — крупный экспортер жемчуга), контролировал порты Оманского побережья.

Правитель Ормуза был очень богат, главным образом, благодаря взиманию высоких пошлин с огромного объема товаров, проходивших через таможню порта. Из всех видов торговли, которые контролировал Ормуз, самой важной была торговля лошадьми, которые экспортировались в Индию в обмен на золото. Эти животные были незаменимы в бесконечных войнах, которые велись в Декане, но они плохо адаптировались к индийскому климату.

Флот Аффонсу де Албукерки, включавший в себя 6 кораблей и экипажи с общей численностью около 400 человек, встал на якорь напротив Ормуза 25 сентября 1507 года. Албукерки потребовал от правителя Ормуза признания себя вассалом короля дона Мануэла. Получив отказ, Албукерки начал действовать с обычными для него решительностью и жестокостью. Только в один из дней осады португальский флот потопил большую часть из 60 кораблей и 200 галер защитников города. Албукерки потребовал уплаты ежегодной дани в 15000 серафимов, а также выплаты компенсации за свой ущерб в ходе этой экспедиции в размере 5000 серафимов.

Кроме того, Албукерки потребовал выделить ему территорию для строительства крепости, которое началось 24 октября 1507 года. Оно было в разгаре, когда ситуация неожиданно резко ухудшилась для португальцев. Несколько капитанов фактически вышли из подчинения Албукерки, не оказывали ему никакой помощи, а вместо этого предпочитали охотиться за кораблями богатых мусульманских торговцев. В январе 1508 года три корабля покинули флот Албукерки без его разрешения, и он вынужден был отступить на Сокотру[8].

Таким образом, португальцы оставили Ормуз и в ожидании новой возможности для атаки на город Албукерки счел необходимым обеспечить себя надежной базой снабжения войск продовольствием. Он решил, что такой базой может стать Малинди[9]. Из Сокотры в ожидании новой атаки Албукерки послал

---

[7] *Pires Tome*. Suma Oriental. Lisboa, 1944.

[8] *Barros J.* Op. cit. Dec. III. P. 223; *Osorio*. Op. cit. II. P. 375—376.

[9] *Africanus Leo*. History and Description of Africa. Vol. I. P. 55.

в Малинди Франсишку де Тавора, чтобы получить пополнение запасов пшеницы, в которых он крайне нуждался.

Малинди производил рис, кукурузу, мясо, различные фрукты, но пшеницу сам импортировал из Камбайи. Любопытно, что персы дали Албукерки прозвище Аль-Малинди, "человек из Малинди", так как впервые услышали разговоры о нем, когда он отплыл из этого города на север[10].

Албукерки вернулся в Персидский залив только летом 1508 года. Между тем, его противники продолжали плести интриги против него, в результате чего вице-король Индии Франсишку де Алмейда написал письмо правителю Ормуза, в котором сообщил об увольнении Албукерки со всех его постов. Правивший Ормузом от имени малолетнего правителя Сайфуддина евнух Кожеатар показал Албукерки этот документ, но он отказался подчиниться приказу вице-короля. Вице-король напомнил ему о границах его полномочий. Упорствуя в осуществлении своих планов, которые он считал исключительно важными ("Король не сможет оплатить мне эту услугу", — писал он.), Албукерки изгнал из Ормуза оппозиционеров и подготовил крепость к обороне. Вице-король приказал штурмовать крепость. В разгар битвы Албукерки был предан несколькими офицерами и потерпел поражение. Ему было предъявлено обвинение в том, что он действовал по своему усмотрению для того, чтобы быть титулованным "королем Ормуза". Албукерки в свою очередь объявил Франсишку де Алмейда ответственным за потерю Персидского залива, обвинив его в провоцировании конфликта между Албукерки и королем ("делая меня вашим соперником").

Когда в декабре 1508 года Албукерки прибыл в Кананор и, согласно королевской инструкции, пытался сменить Франсишку де Алмейда на посту вице-короля, тот приказал его арестовать.

Только после прибытия маршала Фернанду Коутинью, имевшего поручение разрешить этот конфликт, Албукерки стал, наконец, вице-королем Индии в ноябре 1509 года с задержкой на 11 месяцев.

В отличие от первого вице-короля Индии Франсишку де Алмейды, который писал королю: "Пока Вы будете могущественным на море, Вы будете удерживать Индию"[11], Албукерки, напротив, считал, что одного сильного флота недостаточно для установления эффективного португальского контроля в бассейне Индийского океана. Чтобы Португалия могла стать "владычицей Востока", он предлагал создать цепь опорных баз и крепостей на побережье Атлантики и Индийского океана. Эта новая концепция португальской колониальной стратегии, выдви-

[10] *Barros J.* Op. cit. Dec. III. P. 329—372; *Osorio.* Op. cit. II. P. 409—422.
[11] *Teixeira L.* Pequena cronica da India. Lisboa, 1954. P. 51.

нутая Албукерки, была в наиболее полном виде сформулирована им в письме королю (1513 г.): "Если бы члены Вашего совета знали дела Индии так, как я, то они бы поняли, что Ваше Величество не может управлять такой огромной страной, как Индия, даже используя все свое могущество и силу на море"[12].

В то время португальские купцы, торговавшие пряностями и специями, полностью зависели от местных правителей в Азии и Африке, без разрешения которых они не могли иметь стоянки для кораблей, склады и т.п. Албукерки предлагал покончить с этой зависимостью, построив собственные крепости и форты, которые позволят Португалии поставить под свой контроль главные торговые пути в Индийском океане. Предложенный им план предусматривал не захват обширных территорий, а, так сказать, "точечную оккупацию" — создание опорных пунктов на побережье. Албукерки считал, что в этом случае португальский флот станет безраздельным хозяином Индийского океана.

Особое внимание в плане Албукерки придавалось усилению португальского влияния на восточном побережье Африки, в бассейнах Красного моря и Персидского залива, в Индии, на далеких Молуккских островах, где выращивались наиболее ценные специи, и в Китае, о богатствах которого в Европе знали из рассказов Марко Поло.

Свой грандиозный и амбициозный план создания на Востоке великой португальской империи он стремился осуществить с помощью строительства цепи неприступных крепостей в Гоа, Диу, Ормузе, Адене, Кочине, Кананоре и т.п.

Он имел в виду не просто защитить португальскую прибрежную торговлю, но и с помощью своих фортов намеревался господствовать над туземными правителями и силой заставить их признать себя вассалами португальского короля[13]. Резиденцией вице-короля он решил сделать Гоа, и поэтому его первой военной акцией в этой должности стало завоевание Гоа (1510 г.).

К этому времени Гоа принадлежал одному из возникших на развалинах государства Бахманидов пяти княжеств — княжеству Биджапур. Правители этого княжества были ревностными мусуль-

---

[12] Documentos sobre os portugueses en Mocambique e na Africa Central, 1497—1840. 6 vols. Lisboa, 1962—1969. Vol. III. Doc. 71. P. 402.

[13] *Serjeant R.B.* The Portuguese off the South Arabian Coast. P.15—16.

манами и преследовали на захваченных ими территориях индусское население. Правда, воинами и начальниками отрядов княжества Биджапур часто были индусы. Большинство населения княжества по-прежнему исповедовало индуизм. Поэтому, когда государства, подобные Биджапур, называют мусульманскими, имеют в виду, прежде всего, государственную религию, исповедуемую правителями и знатью[14]. Португальцы называли их "маврами".

По свидетельству Браза де Албукерки, Аффонсу де Албукерки с флотом из 20 кораблей, на борту которых было 2000 португальцев, в январе 1510 года прибыл в Каликут. Высадившиеся на берег португальские солдаты "убили много мавров и захватили шесть больших пушек"[15]. "В это время, — сообщает Браз де Албукерки, — подошел двигавшийся вдоль берега маршал Фернанду Коутинью со своими людьми (их было 1600 — *Авт.*), которые были страшно усталыми, так как высадились далеко и из-за ужасной жары уже были не в состоянии нести тяжелое оружие. Известие (о том, что Албукерки действовал без его приказа) привело маршала в ярость и с его уст сорвалось много таких слов, которые я вынужден опустить... Албукерки объяснил ему, что пытался удержать людей от высадки, но не смог. Не сказав ему ни слова, маршал приказал штурмовать Каликут"[16].

Албукерки пытался возражать, сказав маршалу, что людям необходимо отдохнуть. Напрасные потуги! Браз де Албукерки весьма красочно и живо описывает последовавшие события, и мы не можем удержаться от того, чтобы не привести это описание полностью: "Маршал был наполнен недоверием, и он раздраженно ответил Албукерки: "Я прекрасно знаю, чего вы хотите, — чтобы я не сдвинулся с этого места. Но я намерен атаковать город саморина и разрушить Каликут прежде чем возьму в рот какую-либо пищу...". Маршал во главе войска пробился к дворцу саморина и атаковал 200 наиров, которые охраняли дворец. Он убил 80 из них, коменданта города и двух крокодилов саморина. После этого маршал вошел через ворота во дворец, но так устал, что сел на большой камень и долгое время был не в

---

[14] *Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. М., «Мысль». 1979. С. 199.

[15] The Commentaries of the Great Afonso d'Albuquerque. P. 65.

[16] Ibid. P. 66.

состоянии двигаться. В это время его люди стали выламывать двери и рассеялись по дворцу, грабя все, что находили. Но неожиданно на помощь саморину подоспели новые наиры, которые ранили стрелами многих наших людей. И хотя подоспевший Албукерки отбил их атаку, наиры убили маршала, его заместителя и 10—12 наших видных военачальников. Албукерки был ранен. Он вернулся на свой корабль и приказал своему флоту отплыть к Кочину, оставив на рейде Каликута несколько судов"[17].

По сведениям Браза де Албукерки, во время штурма Каликута погибли 80 португальцев и более 3000 малабарцев[18]. Саморин тяжело переживал эту трагедию. "Он приказал собрать перед своим дворцом главных мавров города и ужасно стыдил их за чрезвычайную слабость, которую они проявили при обороне города, и поклялся, что уничтожит их и выгонит из своего королевства"[19].

Когда Албукерки получил известие о завершении строительства крепости на острове Сокотра, он решил направиться в Красное море. Вот как описывал эти события его сын: "Когда его флот был полностью подготовлен, Албукерки созвал капитанов и сказал им: "Сеньоры, теперь, когда дела на Малабаре, как вы знаете, в полном порядке, я решил отправиться к Сокотре и соединиться с Дуарти де Лемушем в соответствии с приказами, которые я получил от короля, нашего господина, а после этого направиться к проливам Красного моря, чтобы найти флот великого (османского) султана, а в том случае, если он не окажется в этом море, пойти к Суэцу и сжечь его там. Я считаю, что лучше всего пойти и искать (турок) там и помешать им отправиться и обосноваться в Индии, где они наверняка получат благосклонность и помощь мавров против нас...". После того, как было выслушано много предложений по этому вопросу, было решено, что он должен направиться к проливам Красного моря"[20].

10 февраля 1510 года Албукерки с флотом из 23 кораблей вышел из Кочина. Когда его флот встал на якорь в бухте Марган, к его кораблю на парусном судне подплыл старый индийский союзник португальцев Тиможа.

---

[17] The Commentaries of the Great Afonso d'Albuquerque. P. 66—71.
[18] Ibid. P. 72.
[19] Ibid. P. 72.
[20] Ibid. P. 80.

Как пишет Браз де Албукерки, "Тиможа спросил у Албукерки, с чем связано прибытие столь могучего флота, и тот ответил, что намерен пройти к проливам в поисках флота Великого Султана и, найдя его, сразиться с ним, а в случае, если он не найдет врагов в этом море, пройти к Суэцу и сжечь все их корабли и галеры"[21].

Тиможа в свою очередь проинформировал Албукерки о том, что мусульманский правитель княжества Биджапур, которому принадлежал остров Гоа, отсутствует. Албукерки немедленно собрал всех своих капитанов, фидалгуш и лоцманов и передал им все, что узнал от Тиможи. "После продолжительных дебатов, — сообщает Браз де Албукерки, — было единогласно решено, что если Гоа действительно находится в положении, описанном Тиможей, план экспедиции к проливам должен быть отброшен и португальцы должны постараться захватить Гоа и выбить оттуда "руме"[22].

Албукерки сказал своим офицерам, что, если Тиможа сообщил правду, то португальцев ждет много неприятностей, если они упустят сейчас возможность захватить Гоа. К этому он добавил, что если "руме" обоснуются в Гоа и укрепятся там, то саморин, который был союзником Гоа, никогда не уйдет оттуда и доставит много хлопот королю Португалии, если он когда-либо пожелает захватить этот город[23].

Албукерки попросил Тиможу принять участие в штурме Гоа. Поскольку тот надеялся получить свою долю от грабежа богатого города, он отправил на берег 2000 людей во главе со своим кузеном. Как только подошел флот Албукерки из 23 судов, люди Тиможа напали на крепость Синтакора, расположенную между Гоа и Онором. "Когда (индийцы) увидели наш флот, — рассказывает Браз, — все они обратились в бегство, так что люди Тиможи обнаружили безлюдную крепость. Они разрушили часть крепости, сожгли здания и захватили несколько пушек, которые поставили там турки". После этой удачи Албукерки отправился дальше и бросил якорь напротив Гоа. Как пишет Браз, Тиможа взял "языка" — одного мавра из Гоа и привел его к Албукерки. Мавр сообщил, что в городе нет никого из семейства биджапурских правителей и что ко-

---

[21] Commentaries... P. 81.
[22] Ibid. P. 83.
[23] Ibid. P. 83.

мандир гарнизона имеет в своем распоряжении не более 100 "руме". Правда, у него есть много туземных солдат, но все они ненавидят этого командира. "В городе столько разношерстных групп, ссорящихся друг с другом, что многие молят Бога, чтобы пришли франки и забрали его себе"[24]. По сведениям того же информатора, в Гоа находились 12 больших кораблей и много других парусных судов. 4 корабля стояли в порту, нагруженные товарами, из них один должен был идти в Аден, а два — в Ормуз.

Получив это сообщение, Албукерки 1 марта 1510 года захватил крепость Панджин, господствовавшую над входом в гавань Гоа. Этой операцией руководил Антониу де Норонья. В крепости он обнаружил 18 пушек, много копий, мечей и щитов. Норонья приказал сжечь крепость и вернулся на корабли. Албукерки был обрадован известиями об успехе и публично похвалил Норонью.

В это время прибыли два эмиссара с посланием от командира гарнизона Гоа. Он сообщал, что жители города согласны сдаться без боя и стать вассалами короля Португалии. Албукерки потребовал, чтобы ему была сдана крепость Гоа и были переданы все турки и "руме", поскольку они являются его смертельными врагами. Командир гарнизона согласился выполнить и это требование. "Когда наступило утро, они вступили в город, не встретив никакого сопротивления, с крестом, который несли впереди. Великий Албукерки встал на колени и, пролив много слез, возблагодарил нашего Господа за ту всемилостивейшую доброту, которую он проявил, отдав в его руки столь большой и могущественный город без кровопролития. Крест нес монах-доминиканец, за ним несли королевский флаг, изготовленный из белого сатина и с изображением Христа посередине, и в таком порядке процессия вошла в ворота замка, где стояли, ожидая их прибытия, главные мавры города и командир гарнизона. Эти люди бросились в ноги португальцев и вручили им ключи от города"[25].

Албукерки тщательно осмотрел крепости и дворец биджапурского правителя. В арсеналах и складах он обнаружил много всевозможных припасов, оружия, пороха, 40 больших пушек и 160 лошадей. В руки португальцев попали также 40 больших и малых кораблей, 16 парусных судов. Когда стало известно, что в одном из

---

[24] The Commentaries of the Great Afonso d'Albuquerque. P. 87.
[25] Ibid. P. 98.

замков засели турки, Албукерки направил туда А.Норонью с флотом. Поняв бессмысленность сопротивления, турки сдались[26]. Провинции Салсетте и Бардес вокруг Гоа без боя подчинились Албукерки. Албукерки приказал построить в Гоа королевский госпиталь, который позже перешел в управление иезуитов. По приказу вице-короля был основан монетный двор, где чеканились португальские монеты. Одновременно под руководством архитектора Томаша Фернандиша были начаты работы по строительству крепости в Гоа[27]. Административная столица португальского "Государства Индии" была переведена из Кочина в Гоа. Для этих целей Гоа подходил больше Кочина, так как был главным портом Индии и для Европы, и для Востока и, кроме того, лучше снабжался провизией. Сверх всего, обладание португальцами Гоа давало им отличную опорную базу в Индии и в то же время лишало мавров их главной судостроительной верфи. Гоа стал центром всех португальских владений на Востоке. Во внутренние районы Индии португальцы проникнуть не смогли. В своих индийских владениях португальцы жестоко эксплуатировали местное население, хотя в близлежащих районах от Гоа в деревнях они сохранили сельскую общину. Религиозная нетерпимость португальцев настраивала против них местное население (особенно после того, как в 1560 году в Гоа была учреждена инквизиция, начавшая жестокие религиозные преследования)[28].

В западной и особенно португальской историографии прочно утвердилось мнение о религиозной терпимости Албукерки. Доказательствами "духа терпимости" Албукерки считают его союз с индусами Тиможей и Мадхав-Рау, а также получение от него индийскими военачальниками после взятия Гоа вознаграждения. Однако эти факты свидетельствуют лишь о том, что Албукерки был не в состоянии справиться с мусульманской верхушкой Гоа своими собственными силами и оказался перед необходимостью искать помощь у индийцев против мусульман, эксплуатируя их религиозную вражду.

В длинном письме дону Мануэлу он обнаруживает свое истинное отношение к индийским суверенам и методы, которые он

---

[26] The Commentaries of the Great Afonso d'Albuquerque. P. 100.

[27] *Morais Carlos Alexandre de.* Cronologia geral da India Portuguesa. Macau, 1993. P. 33—34.

[28] *Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* Цит. соч. С. 202.

использовал, общаясь с ними. Он пишет, что приказал отравить саморина Каликута после того, как не будучи в состоянии победить его в войне, обещал уважать индуистскую религию. В частности, он сообщает королю: "Я уверен, что Намбиадири убил саморина ядом, ибо во всех моих письмах я просил его убить саморина ядом, чтобы в мирном договоре можно было придти к соглашению, а в этом случае Вы пожелали, чтобы уважались индуистская религия и церемонии короля Кочина."[29].

В течение 5 лет правления Албукерки в Индии сносились мечети и беспощадно разрушались индуистские храмы. Флорентийский путешественник Андре Корсали в письме из Гоа 6 января 1515 года заклеймил как вандализм разрушение индуистского храма в Диваре, который был самым красивым сооружением и руины которого сохранились до наших дней[30].

Что касается отношения Албукерки к мусульманам, то о нем дает исчерпывающее представление письмо королю от 22 декабря 1510 года, в котором он похваляется своими подвигами: "В захвате Гоа, уничтожении его хозяйств и входе в форт нам очень помогал Господь Бог, ибо ему было угодно, чтобы мы осуществили это великое дело, и лучше, чем мы могли просить, ибо там были убиты более 300 турок и... на всем пути лежало много трупов тех, кто будучи ранеными, пытались бежать, много лошадей утонуло при переправе через реку. Затем я сжег этот город и предал всех мечу, в течение нескольких дней ваши люди непрерывно выпускали из них кровь, где бы ни находили, ни одному мусульманину не сохранили жизнь, а их мечети были заполнены ими и преданы огню. Я приказал не убивать только земледельцев и брахманов. Мы насчитали 6000 убитых мусульман, мужчин и женщин... Это было, мой сеньор, великое дело, хорошо выполненное и хорошо завершенное. Но хотя Гоа огромный и важный город, мы всё же ещё не отомстили мусульманам за предательство и зло, причинённое Вашему Величеству. Однако об этом услышат все вокруг, и страх и изумление заставят большие города подчиниться Вам без завоевания, они не причинят зла, зная, какую огромную цену за это пришлось бы заплатить"[31].

---

[29] Цит. по *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. Bombay, 1961. P. 61.
[30] Ibid. P. 63.
[30] Ibid. P. 61.

В 1511 году Албукерки направляется с флотом к Малакке. Португальцы в то время знали, что Малакка была одним из крупнейших государств на их пути к островам пряностей (Молуккским островам) и что султаном Малакки был мусульманин. Однако его династия, основанная за сто лет до этого, происходила из Индии. Любопытно, что когда мусульманский султан Малайского государства Перак совершает церемонию восшествия на престол, придворный герольд произносит формулу "чири" на испорченном санскрите. Исследователи установили, что ислам появился в этом регионе в XV веке, предварительно проделав путь через Индию, и поэтому королевская традиция в Малайе приобрела "индианизированную форму": монарх был вице-регентом Бога на земле — концепция, чуждая ближневосточной родине ислама[32].

По свидетельству уроженца Малакки Годиньо де Эредиа, "эти мавры (Малакки) нарушают предписания Аль-Корана, ибо они пьют вино и едят свинину, что запрещено этой верой, и они мало привержены ее церемониям и ритуалам. Они постоянно предаются увеселениям и роскоши, плохо понимают по-арабски и едва ли когда-либо изучают тексты Корана. Исключение составляют только некоторые «"муллы" или "кази" из Аравии»[33].

Албукерки прибыл в Малакку в начале июля 1511 года с 15 кораблями и около 1600 воинами. В это время в Малакке было 100 000 вооруженных защитников. Малайцы имели сильные укрепления, а также значительный военный флот, которым командовал капитан из Гуджарата, имевший опыт войны с португальцами.

Прежде чем покинуть Кананор для вторичного захвата Гоа, Албукерки написал королю Мануэлу 19 октября 1510 года: "Я только что получил сообщение из Малакки о том, что губернатор Бендара убит по приказу короля неизвестно по какой причине. Я посылаю туда 8 судов под командованием Диогу Мендиша, человека, к которому я испытываю величайшее доверие, и Руи де Араужу в качестве фейтора. Если Ваше Величество желает получить богатства, я бы настоятельно советовал прислать сюда дополнительные корабли, так как их здесь не хватает. Что нам здесь требуется, так это большой ассортимент оружия, аму-

---

[32] *Gullick J.M.*. Adventures and Encounters. Europeans in South-East Asia. Kuala Lumpur, 1995. P. 21.

[33] Eredia's Description of Malaca. Meridional India and Cathay. Kuala Lumpur, 1997. P. 50.

ниции и военных материалов. Я обращаю внимание Вашего Величества на крайнюю необходимость прислать... копья для защиты крепостей Вашего Величества, ибо я никогда еще не видел столь плачевного положения дел, каковое существует здесь сейчас. Форты практически безоружны."[34].

Когда Албукерки, покинув Гоа, прибыл в Кочин, (на пути к Малакке), правитель Кочина посетил его на корабле и пытался отговорить от продолжения путешествия. Он уверял Албукерки, что ситуация в Гоа была в столь критическом состоянии, что требовала его личного контроля. Более того, он утверждал, что саморин Каликута поднимет антипортугальское восстание, как только узнает об отплытии Албукерки из Индии. Эта попытка правителя Кочина задержать отплытие флота Албукерки в Малакку была предпринята по совету двух арабских торговцев из Кочина, которые послали свои корабли в Малакку и опасались их захвата португальцами.Более того, в случае взятия Малакки Албукерки они могли лишиться доходов от своей торговли с этой крепостью. Албукерки, однако, проигнорировал советы правителя Кочина и покинул город с флотом из 18 парусных судов.

Султан выслал к Албукерки послов, которые сообщили ему о желании султана быть в мире с португальцами, а также о том, что Бендара был убит по приказу султана, поскольку именно он атаковал португальский отряд под командованием Диогу Лопиш де Секейра. Албукерки, притворившись, что поверил этой версии, просил султана освободить из плена тех португальцев, которые еще были живы, и оплатить захваченные малайцами португальские товары за счет собственности Бендара. В ответном письме султан просил Албукерки сначала заключить с ним мир, после чего обещал вернуть христиан и компенсировать захваченные товары. Албукерки ответил жестким ультиматумом: полная компенсация должна быть сделана до заключения мира, иначе он атакует Малакку. Султан пытался продолжить переговоры с явной целью выиграть время, поскольку он одновременно возводил оборонительные сооружения.

Узнав об этом, Албукерки послал султану решительное требование немедленно освободить пленных португальцев и ком-

---

[34] Цит. по *Danvers Ch.* The Portuguese in India. 2 vols. London, 1894. Vol. I. P. 220.

пенсировать награбленную собственность, угрожая в случае отказа разгромить его и лишить города. Поскольку это требование не было выполнено, Албукерки через 6 дней послал 10 кораблей с вооруженными людьми, которые открыли огонь по нескольким хижинам на берегу. Напуганный султан тотчас же вернул Албукерки всех пленных португальцев и повторил просьбу о заключении мира[35].

В то же время султан ускорил свои приготовления к обороне города.

В это время в гавани Малакки находилось 5 китайских джонок, капитаны которых, будучи злы на султана за грабежи и поборы, которым они подвергались, предложили свои услуги Албукерки, чтобы помочь ему в войне против малайцев. Однако вице-король с благодарностью отклонил их предложение и разрешил им покинуть Малакку. Перед отплытием они обещали в случае, если Малакка попадет в руки португальцев, ежегодно присылать туда более 100 джонок с огромным количеством товаров. В то же время они советовали Албукерки быть крайне осторожным при штурме города, сказав ему, что в нем было более 20 000 вооруженных людей[36] (против 1600 португальцев).

За два часа до рассвета 25 июля 1511 года португальцы начали высадку на берег. Красочное описание этих событий оставил участник экспедиции Албукерки Томе Пиреш[37]. Согласно его свидетельству, Албукерки вначале направил султану Малакки предложение о мире, "пытаясь, насколько он мог, избежать войны". "Однако легкомыслие малайцев, безрассудное тщеславие и высокомерные советы яванцев и самонадеянность короля... — все это вместе взятое заставило его отказаться от нашего желания мира. Они лишь попытались оттянуть время с помощью малайских посланий, укрепляя, как могли, свои позиции, ибо им казалось, что в мире не существует народа, достаточно сильного, чтобы уничтожить их."[38].

Начался штурм Малакки. Султан подоспел с подкреплением и несколькими боевыми слонами. На помощь малайцам подо-

---

[35] *Danvers Ch.* The Portuguese in India. Vol. I. P. 223.
[36] Ibid.
[37] A «Suma Oriental» de Tome Pires e o Livro de Francisco Rodrigues. Coimbra, 1978. P. 98.
[38] Ibid.

шло также подкрепление из 700 яванских солдат, но Албукерки послал против них отряд своих воинов, который напал на яванцев и обратил их в бегство. Многие были сброшены в море и утонули. Видя, что султан пытается отступить и укрыться в горах, португальский отряд под командованием Жуана де Лима бросился его преследовать. Султан и его сын, поднимавшиеся в горы на слонах, увидев погоню, повернули назад с 2000 воинов. Португальцы атаковали слонов со своими пиками, и слоны, будучи ранены, дали стрекача и врезались в середину малайского войска, вызвав страшную панику и хаос. Слон, на котором ехал султан, будучи ранен, схватил погонщика хоботом и разорвал его на куски. Султан, который был тоже ранен, сполз со спины животного и, не будучи узнан в толчее, сумел спастись бегством вместе со своим сыном и зятем — королем Паханга. После преследования малайцев по улицам города и убийства многих из них Албукерки отступил к мосту и, возведя частоколы на обоих берегах реки, подверг артиллерийскому обстрелу город, в результате чего большая его часть, включая султанский дворец, были разрушены. На следующее утро султан послал спросить Албукерки, по какой причине он атаковал город, и что он еще хочет. На это вице-король ответил, что если Его Величество не станет вассалом короля Португалии, он сожжет весь город. Султан прислал уклончивый ответ, стараясь выиграть время, и тотчас же отдал приказ восстановить укрепления и снабдить их двойным числом пушек. Мост также был сильно укреплен, и были сделаны всевозможные приготовления, чтобы противостоять второй атаке португальцев[39].

Албукерки находился в состоянии сомнений и неопределенности, не зная, что делать дальше. Однако он чувствовал, что если он отступит и оставит Малакку во власти малайцев, торговля в Индийском океане будет навсегда потеряна для португальцев.

В этой ситуации Албукерки решил заручиться поддержкой могущественных союзников. Он попросил капитанов двух китайских джонок, направлявшихся в Сиам, захватить с собой Дуарти Фернандиша, снабдив его письмом к правителю Сиама с предложением мира и дружбы.

---

[39] A «Suma Oriental» de Tome Pires e o Livro de Francisco Rodrigues. Coimbra, 1978. P. 225–226.

В то время, когда Албукерки готовился к новому штурму Малакки, среди капитанов возникло недовольство, они были против строительства крепости в Малакке.

Поэтому Албукерки созвал собрание капитанов и в длинной речи изложил свою точку зрения, которая заключалась в том, что если португальцы возьмут Малакку, Каир и Мекка придут в полный упадок, и Венеция не сможет получать специи, вследствие чего ее купцы вынуждены будут покупать их в Португалии. Большинство капитанов согласились с точкой зрения Албукерки, и было решено предпринять второй штурм Малакки. Малайцы бежали с моста и отступили к частоколу. Но там Албукерки высадил своих людей, которые обрушились на них, и после жестокой битвы выбили их оттуда. После этого Албукерки сам обосновался на мосту и послал две роты с приказами, чтобы одна из них заняла мечеть, а другая — позицию у входа в улицу, ведущую к мосту. Эта последняя позиция была занята без особого труда, но защитники мечети, среди которых был султан с большим отрядом воинов и слонов, сражались героически. Однако, в конце концов, их сопротивление было сломлено, и они бежали, преследуемые португальцами, которых самих в свою очередь преследовали большие отряды малайцев. Когда Албукерки узнал, что его люди подверглись нападению с тыла, он поспешил к ним на помощь с ротой солдат, и когда два португальских отряда соединились, они пробили себе путь назад.

Вот как описывал английский историк Дэнверс в книге "Португальцы в Индии" эти события: "Как только мавры были изгнаны из Малакки, Албукерки дал разрешение на разграбление города... Он приказал, чтобы все малайцы и мавры предавались смерти. Огромное число мужчин, женщин и детей было убито и при этом было захвачено 3000 пушек, 2000 из которых были отлиты из бронзы... Среди других взятых вещей были 6 огромных бронзовых львов, которых Албукерки намеревался сохранить для своей будущей могилы, и много других вещей, которые он предполагал послать в Португалию королю Мануэлу, но все это утонуло во время кораблекрушения "Флор де ла мар" на обратном пути в Индию"[40].

---

[40] *Danvers F.Ch.* The Portuguese in India. 2 Vols. London, 1894. Vol. I. P. 237.

Албукерки начал строительство крепости в Малакке. Когда строительство было завершено, португальцы получили в свое распоряжение одну из лучших и хорошо укрепленных крепостей на Востоке с двумя водохранилищами для свежей воды в башнях и с 3 водохранилищами в бастионах. С одной стороны крепость была защищена морем, с другой — рекой. Крепостные стены имели большую толщину. Сооружение было пятиэтажным. Большие и маленькие пушки были направлены во все стороны[41].

Вскоре мечеть и частокол были захвачены португальскими войсками. Албукерки укрепил мосты и послал 4 большие корабля с бомбардами вверх по реке с заданием выбивать противника с обоих берегов. Когда наступила ночь, португальцы обосновались внутри своих укреплений на мосту, внимательно наблюдая за прилегающей местностью. Албукерки приказал своим кораблям встать напротив города и обстреливать его всю ночь из бомбард[42].

Султан бежал и послал гонца на остров Линга просить помощи у местного правителя, но тот, хотя и был вассалом султана, боясь мести Албукерки, отказался прислать помощь. Тогда султан Малакки бежал в государство Паханг, откуда отправил посла к китайскому императору, прося о помощи в войне против португальцев.

Его посол Туан Насень Мудамар сумел добраться до Пекина и был удостоен аудиенции у императора, который, однако, воздержался от согласия на просьбу султана Малакки на том основании, что занят войной с монголами. Но, по слухам, подлинной причиной отказа было плохое отношение малайцев к китайским купцам и доброжелательность, проявленная Албукерки к китайцам в Малакке.

После смерти султана Малакки многие знатные люди из его окружения вернулись в город. Албукерки послал отряд яванцев обследовать окрестности, и они привели к нему 1500 рабов, принадлежавших султану. Он заставил их работать над сооружением крепости. Большая часть камней, использовавшихся для этой цели, была извлечена из древних могил прежних султанов и из мечетей.

---

[41] *Gullick J.M.* Op.cit. P. 10.

[42] *Хазанов А.М.* Восток глазами востоковеда. Ч. I. М., 1995. С. 111.

которые были разрушены. В результате была построена мощная крепость, которую Албукерки назвал "А Фамоза" ("Славная")*.

Прибывший в Сиам в китайских джонках посол Албукерки Дуарти Фернандиш был хорошо принят местным правителем. Он сказал, что уже слышал о доблести Албукерки и поэтому очень рад принять его посла. Во время беседы с королем Сиама Дуарти Фернандиш вручил ему письмо Албукерки, а также шпагу, которую тот прислал в качестве подарка. Правитель Сиама сказал, что очень рад письму и подарку, и приказал обращаться с Дуарти Фернандишем с наивысшим почтением, а также показать ему весь город. Когда Дуарти Фернандиш отправился из Сиама в обратный путь, король направил с ним посла к Албукерки, везшего письмо к королю Мануэлу, рубиновое кольцо, корону и меч из золота. В письме к Мануэлу король Сиама выражал чувства дружбы и предлагал свое королевство и себя к услугам короля Португалии, а также всевозможные товары и людей для его страны. Отправляя посла короля Сиама в Португалию, Албукерки одарил его подарками и отправил с ним своего посла с инструкциями проинформировать Его Величество, как он захватил Малакку, и выразить надежду, что суда и купцы Сиама будут торговать с этим городом.

Кроме того, Албукерки принял посла султана Кампара — зятя последнего султана Малакки, выразившего желание стать вассалом короля Португалии. Прибыл также посол и от султана Явы, который прежде был во враждебных отношениях с султаном Малакки. При его возвращении на родину Албукерки послал с ним султану Явы, помимо других подарков, слона, который был им захвачен в Малакке.

По случаю взятия португальцами Малакки в сентябре 1513 году в Риме были устроены пышные торжества. В Ватикан прибыло португальское посольство, возглавляемое Триштаном да Кунья, который сам руководил экспедицией на Восток и приобрел своими подвигами и храбростью великую славу и почет. Процессию сопровождали также три сына Триштана да Куньи, его многочисленные родственники и друзья.

---

* Португальцы были в Малакке 130 лет. В 1641 году их разгромили голландцы. Во время атаки они разрушили португальскую крепость Фамоза и только в 1670 году восстановили ее, переименовав в Фок и водрузив над воротами крест, который можно видеть и сегодня. (*Хазанов А.М.* Восток глазами востоковеда. Ч. I. М., 1995. С. 111.).

К папе, окруженному кардиналами и прелатами церкви, в присутствии послов иностранных государств и всех высших должностных лиц папского двора обратился на латыни член португальского посольства профессор права Жаку Пашеку. Папа Лев X ответил ему также на латыни, всячески расхваливая короля Португалии за его преданность Святой Вере[43].

В 1511 году, воспользовавшись отсутствием Албукерки, который был занят завоеванием Малакки, 60 000 войско индийцев во главе с Адил-ханом осадило Гоа и захватило Бенастарин.

Собрав флот у Панджина, Албукерки переждал там муссон и 15 августа подошел к Анджедива. Получив подкрепление из Португалии, он направился с флотом к Кананору и стал готовиться к решающей битве.

В национальном архиве Торре ду Томбу хранится обширный доклад Албукерки королю, в котором он сообщает, что, выйдя из Кананора, он направился к Гоа, "решив выгнать мавров из Бенастарина". Это очень ценный документ, содержащий множество подробностей кампании[44]. Как видно из доклада, прибыв в гавань Гоа с 14 кораблями, Албукерки приказал им атаковать Бенастарин. "Битва продолжалась 8 дней и 8 ночей, и все это время турки (индийцы –*Авт.*) не прекращали стрелять из своей артиллерии, от которой наши суда были хорошо защищены... За эти 8 суток турки произвели по нашим более 4000 выстрелов из больших пушек, не считая мелких, а со стен по ним стреляли из луков и ружей, которыми ранили многих наших. Мачты, реи и снасти были так повреждены стрелами, что на них было страшно смотреть."[45].

Чтобы продемонстрировать свою силу, 3000 индийцев вышли из Бенастарина. Тогда Албукерки приказал 4000 своим солдатам и 25 кавалеристам сойти на берег и ворваться в крепость. Вскоре она была взята. Албукерки торжественно въехал в Гоа.

Доклад о взятии Бенастарина и Гоа помечен датой 23 ноября 1512 года и заканчивается такими словами: "Индия утихомирена, напугана и подчинена Вашему Величеству."[46].

---

[43] *Danvers F.* Ch, Op. cit., vol. I. P. 237.

[44] Cartas de Afonso de Albuquerque. Vol. I. Lisboa, 1884. P. 101—116.

[45] Ibid.

[46] Ibid. P. 116.

Получив приказ от короля Мануэла попытаться захватить Аден и проникнуть в Красное море, Албукерки отплыл из Гоа в феврале 1513 года с флотом из 20 кораблей.

Аден был в то время хорошо укрепленным и процветающим центром мусульманской торговли. Он служил убежищем для мусульманских купцов, опасавшихся португальских военных судов и своего рода складом транзитных товаров из Индии. Португальцы теперь уже пришли к пониманию того, что именно Аден, а не Сокотра (как они думали раньше) был воротами к Красному морю, и что, владея Аденом, они легко могли заблокировать арабскую торговлю в Красном море и пресечь всякие попытки мусульман подорвать португальскую монополию на торговлю с Индией. Албукерки планировал захватить Аден и другие стратегические пункты на побережье, помешать приготовлениям Египта к вторжению в Индию, наладить связи со страной "священника Иоанна".

Наконец-то, этот процветающий город должен был перейти в руки португальцев, а с ним и все его богатства, о которых мечтали солдаты и офицеры.

Из Кочина были привезены специальные лестницы, достаточно широкие для того, чтобы позволить шести человекам взбираться рядом, но они сослужили плохую службу для португальцев. Энтузиазм и решительность, с которой они бросились на штурм крепости 26 марта 1513 года, стали, как это ни парадоксально, главной причиной неудачи этого штурма. По свидетельству хронистов, все лестницы, поставленные чтобы взобраться на стены крепости, развалились на части, так как все хотели подняться по ним первыми, и после починки лестницы снова развалились все по той же причине.

Лишь немногим португальцам удалось проникнуть в город. Это были те, кто поднялся на стены до того, как лестницы развалились, и те, кто пролезли через две низкие амбразуры для пушек. Все проникшие в город были убиты. Общее число погибших в источниках отсутствует[47].

Вот как описывал эти события арабский хронист Тарик аль-Шихри: "25 марта в пятницу 891 года Хиджры франки (то есть пор-

---

[47] *Norris H. T., Penhey F. W.* The Historical Development of Aden's Defences. Geographical Journal. CXXI. London, 1955. P. 11—20.

тугальцы –*Авт.*) прибыли к порту Аден. В субботу они двинулись на город, пытаясь с помощью лестниц взобраться на стены. Тех, кто принимал в этом участие, насчитывалось около 2000 и они имели много оружия. Люди бежали от франков, и все сердца были переполнены страхом. Но потом Аллах дал мусульманам победу, и они обратили франков в бегство, подвергнув их страшной резне. Много мусульман приняло мученическую смерть за веру, среди них был и Умар бин Муса аль-Маджиди, Аллах да упокоит его душу, ибо он был одним из тех, к кому Аллах проявил свою милость, он получил несколько ран, но умер лишь после того, как битва была закончена. Из франков были убиты около 200"[48].

Так, неудачей окончилась португальская атака на Аден к великому разочарованию Албукерки, который часто говорил, что для владения Индией и всем Востоком королям Португалии необходимы четыре вещи: захват и удержание Адена, чтобы контролировать вход в Красное море; удержание Ормуза, чтобы контролировать вход в Залив; удержание Диу и удержание Гоа, чтобы господствовать над всей Индией.

Албукерки отступил в Красное море, но до этого приказал сжечь все корабли, стоявшие в Аденском порту. Уже будучи в Красном море, он захватил корабли из Берберы и Зейлы, приказав "отрубить руки и отрезать носы и уши" маврам экипажей этих кораблей и бросить их на землю шейха Адена.

Португальский флот был задержан у Камарана встречными ветрами до середины июля 1513 года. Прежде чем покинуть Красное море, Албукерки отправил письмо королю с крещеным мавром через Африку и, чтобы не вызывать подозрений у туземцев, ему одели на ноги кандалы, так что его можно было принять за беглого раба. Этот посланец добрался до Португалии. Король был обрадован добрыми вестями и поручил ему доставить ответ Албукерки.

Отступив, Албукерки двинулся к Оманскому заливу, где легко подчинил себе порты Калайате, Куриате, Маскат, Сохар и Орфасан. Вскоре после этого он захватил Ормуз, где начал строить крепость, что вызвало протесты его капитанов, которые предпочитали захватывать в море мусульманские суда из Мекки.

---

[48] *Serjeant R.B.* Op. cit. P. 47.

В письме королю Мануэлу 4 декабря 1513 года Албукерки так сообщал об ужасе и панике, которые он вызвал в этом районе: "Еще несколько дней назад во всем проливе узнали о нашем прибытии, и все места были оповещены об этом таким образом, что я могу сообщить Вашему Величеству, что ни один корабль и ни одно каноэ никогда не выходят в море, и даже птицы не осмеливаются летать, настолько Красное море напугано нашим прибытием и настолько оно стало пустынным."[49].

В этом письме Албукерки сообщал подробные сведения о всем Красном море, о портах Эфиопии и Аравии, об их торговом и стратегическом значении и о тех правилах, которые соблюдались при навигации в Красном море. Он изложил также королю свой план: взять Аден, построить крепость в Массауа, чтобы получить доступ к "золоту страны священника Иоанна", а затем направить военную экспедицию против Мекки. В основе этого плана Албукерки лежала идея конкисты и дух крестового похода.

Но в 1515 году Албукерки умер, не осуществив свои планы.

Перед кончиной он продиктовал секретарю следующее письмо: "Это письмо Вашему Величеству написано не моей рукой, ибо меня мучает икота — верный признак близкой смерти. То малое, чем я владею, завещаю сыну. Наши успехи в Индии говорят сами за себя, а также и за меня. Главный город Индии я оставляю во власти Вашего Величества. Единственное мое пожелание — запереть ворота проливов. Я прошу Ваше Величество не забывать, что я сделал для Индии, и помочь прославиться моему сыну. 6 декабря 1515 года.".

* * *

Еще первый вице-король Индии Франсишку де Алмейда применил на Востоке уже опробованный ранее португальцами на восточноафриканском побережье стратегический принцип оккупации "невралгических торговых центров" вдоль морского торгового пути Лиссабон — мыс Доброй Надежды — Кочин. Но вскоре обнаружилась фундаментальная разница между атлантическим и восточным отрезками этого пути. В то время как в Атлантике мусульманские торговые пути не пересекались с португальским, в Индийском океане они не только перекрещивались с ним, но и накладывались

[49] Цит. по Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol.1. P. 81.

на него. Сознавая эту реальность, Албукерки с самого начала понимал, что было бы нереально ставить перед собой цель — уничтожить мусульманскую торговлю. Поэтому он, по совету короля, стал избавляться от тех людей в своем окружении, которые выступали за войну против "неверных".

Стратегическая концепция, предложенная Албукерки для португальской политики в отношении Востока, была основана на тех же самых принципах, что и их атлантическая стратегия, но имела более воинственный экспансионистский характер. Стратегический план Албукерки был проектом завоевания многих восточноафриканских и азиатских государств и создания огромной португальской колониальной империи. Она должна была включать в себя восточное побережье Африки, Красное море и Персидский залив, Индостанский полуостров, далекие Молуккские острова, где выращивались самые ценные специи, и Китай, о богатствах которого знали из рассказов Марко Поло. Когда Албукерки вступил в должность вице-короля, португальцы владели в Индийском океане только 7 крепостями: Софала, Мозамбик, Килва на африканском побережье, крепость на острове Сокотра, а также Кочином и Кананором на малабарском берегу и, наконец, маленьким фортом на островах Анджедиве около Гоа[50]. К концу губернаторства Албукерки смог осуществить почти полностью ту часть своей программы, которая касалась Индийского океана.

К середине XVI века португальцы создали огромную колониальную империю, представлявшую собой систему военно-морских баз, опоясывавших дугой Индийский океан и разбросанных на большом расстоянии друг от друга: Софала, Мозамбик, Момбаса — в Восточной Африке; Ормуз и Маскат — в Персидском заливе; Диу, Даман, Бассейн, Гоа, Кочин — в Индии; Коломбо — на Цейлоне; Малакка — в Малайе; Амбоина, Тернате, Тидоре, Соло — в Индонезии (позже Макао — в Южно-Китайском море).

Военное присутствие португальцев в бассейне Индийского океана положило конец торговой деятельности арабов, которые выступали в качестве главных посредников, обеспечивавших интенсивность, прочность и бесперебойность этих связей.

---

[50] *Lannoy Ch., Linden H.* Histoire de l'expansion coloniale des peoples europeens. Bruxelles. 1907. P. 64.

Четыре века спустя английский адмирал Баллард писал в книге "Правители Индийского океана": "После смерти Албукерки белый человек...стоял подобно колоссу, расставившему ноги над Индийским океаном, одной ногой на Малайском архипелаге и другой — у ворот Персии; между этими пунктами ни одно судно не осмеливалось показать свои паруса без согласия португальцев."[51].

Один из самых трагических результатов португальской экспансии в Индийском океане в XVI веке состоял в том, что на много веков были разорваны исторически давно существовавшие традиционные торговые и культурные связи между Африкой и странами Красноморского бассейна, с одной стороны, и Индией и странами Восточной и Юго-Восточной Азии, с другой.

После захвата Малакки Албукерки не добавил никаких завоеваний к востоку от нее. Для этого ему не хватило времени. Но он подготовил дальнейшую португальскую экспансию на восток, послав экспедиции на Молуккские острова и в Китай и завязав отношения с правителями Бенгалии, Пегу (Бирма), Сиама, Суматры и берега Короманделя[52].

В то же время Албукерки потерпел полную неудачу в своих попытках уничтожить мусульманские государства в Красном море. Аден, являющийся ключом к этому морю, отразил его атаку, и эта неудача помешала Албукерки выполнить приказ короля Мануэла разрушить Мекку и Суэц и подчинить Берберу или Зейлу в Сомали.

Каковы же были причины неудачи великого завоевателя?

Начать следует с того, что Албукерки не располагал достаточными силами, чтобы взять штурмом такую хорошо укрепленную крепость, как Аден. Его упорное стремление атаковать Аден объясняется настоятельными требованиями Мануэла, который страстно желал разрушить религиозные центры мусульман, а также важностью, которую он сам придавал захвату Адена.

Недостаточность сил была, прежде всего, результатом чрезмерного распыления военной мощи на огромном географиче-

---

[51] Цит. по *Teixeira L.* Pequena cronica da India. Lisboa, 1954. P. 50.

[52] Письмо губернатора Малакки Руи де Бриту королю Мануэлу от 6.01.1514. Alguns documentos do Archivo Nacional da Torre do Tombo acerca das navegações e conquistas Portuguesas. Lisboa, 1902. P. 345—350.

ском пространстве, которое предпринял Мануэл и которое Албукерки поощрял. Завоевания были только начаты, а завоеватели уже явно обнаруживали признаки усталости.

Албукерки постоянно требовал присылки новых людей и материалов. Но король отвечал лишь жалобами на непомерные расходы, которые он несет из-за Индии. Однако проекты Албукерки соблазнили и увлекли его. Он страстно желал распространения португальского господства на "Индию", но без больших расходов. Он поощрял Албукерки в его широкой колонизаторской активности, но находил расходы на нее слишком высокими и хотел их уменьшить, однако таким образом, чтобы это не повредило предприятию в целом. Отсюда — непоследовательность и противоречивость в королевских приказах, направлявшихся Албукерки: король приказывает покинуть Гоа после того, как оно завоевано; он требует подчинить "короля" Каликута, но находит обременительным строительство крепости там; он рекомендует Албукерки проявлять бережливость и экономность, но в то же время предписывает разрушить мусульманское могущество в Красном море[53].

Несоответствие между проектами Албукерки и теми средствами, которыми располагала Португалия для их реализации, не беспокоило ни Мануэла, ни его преемника Жуана III. Ни один из них не хотел ни сокращать программу завоеваний, основные контуры которой наметил Албукерки, ни выделять на ее выполнение больше средств, ни отказываться от Бразилии или каких-либо других португальских владений в Африке. У португальского колониализма по-прежнему был хороший аппетит, но уже были плохие зубы. Жуан III, правда, не продолжал завоеваний Мануэла в Марокко, он даже оставил там несколько крепостей. Он полностью пренебрегал Анголой, которую его отец начал оккупировать в 1520 году[54]. Но силы Жуан III экономил, главным образом, для того, чтобы расширить завоевания в Бразилии, о которых его предшественник мало думал.

---

[53] Alguns documentos... P. 303.

[54] Ibid. P. 436.

Глава шестая

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ АЛБУКЕРКИ

В 1515 году, не зная еще о смерти Албукерки, король дон Мануэл назначил новым губернатором Индии Лопу Соариша де Албергариа.

ИЗ БИОГРАФИИ ЛОПУ СОАРИША ДЕ АЛБЕРГАРИА. Он родился около 1460 года и был сыном канцлера при дворе Аффонсу V. Будучи еще молодым человеком, Албергариа был назначен комендантом крепости Жоржи да Мина на западноафриканском побережье, а затем командующим эскадрой, которая вышла из Лиссабона в апреле 1504 года и направилась к Индии, чтобы оказать помощь осажденным войсками саморина Каликута португальцам в Кочине во главе со знаменитым Дуарти Пашеку Перейра. После выполнения этой миссии Албергариа долгих десять лет томился при дворе, не получая от короля никаких серьезных поручений.

Он стал главной фигурой "прагматической партии" в Лиссабоне, решительно выступавшей против "империалистической партии" и добивавшейся смещения Аффонсу де Албукерки с поста губернатора Индии. В конце концов, доводы "прагматиков" убедили короля Мануэла, и он назначил Лопу Соариша де Албергариа третьим губернатором Индии. Это назначение означало, в конечном счете, уступку королем значительной части своей власти в Индии португальскому дворянству, особенно крупным фидалгу, а также коммерсантам и всем, кто рассматривал усиление королевского налогового пресса как ограничение своей деятельности. Введение королевской монополии на торговлю некоторыми товарами, например, на перец и золото и обложение налогами фидалгу и военных содействовали появлению сплоченной оппозиции против Албукерки. Его империалистическая политика завоевания ключевых крепостей (Гоа в 1510 г., Малакка в 1511 и Ормуз в 1515 г.), осуществленная без ясно выраженной поддержки монарха, хотя и содействовала расширению и укреплению Португальского государства Индии, в то же время дискредитировала его в глазах короля. Видя растущее

стремление Албукерки непомерно расширить свои полномочия, дон Мануэл, в конце концов, уступил нажиму его противников. Эта могущественная группа, которая отстаивала более прагматичную политику в отношении различных государств Востока, даже пыталась отговорить короля после первого путешествия Васко да Гамы продолжать авантюры на Востоке. Она яростно критиковала деятельность Албукерки в Индии, в том числе его попытки сформировать настоящую регулярную армию, организованную по современным стандартам, хорошо обученную и дисциплинированную и непосредственно подчиняющуюся его приказам. Высшая португальская знать не скрывала своего глубокого презрения к этим военным формированиям, руководимым плебеями, рассматривая их как явное вторжение в сферу своей юрисдикции, а также как ослабление уз зависимости португальских военных на Востоке, ставящее под угрозу всю систему клиентальных связей.

Но хотя все эти обстоятельства в большой мере содействовали назначению Лопу Соариша де Албергариа на должность губернатора Индии, в то же время при всем при этом выбор его кандидатуры был связан для короля Мануэла со многими сомнениями и раздумьями. В результате уже вскоре после принятия решения он вдруг заявил, что хочет его отменить. В конце концов, под нажимом ряда влиятельных особ из своего окружения и даже самой королевы он "подсластил пилюлю" и предложил Албергариа отказаться от должности губернатора Индии в обмен на 20 000 крузадуш. Как свидетельствует хронист Гаспар Коррейа, Албергариа "не согласился на это предложение, сказав, что не меняет честь на деньги"[1].

Потерпев неудачу в этой первой попытке и твердо решив отстранить Албергариа от управления Индией, дон Мануэл записал во врученной ему инструкции, что его назначение губернатором Индии будет аннулировано, если, войдя в Индийский океан, он испугается эскадры "руме". В этом случае Лопу Соаришу де Албергариа досталось бы только управление регионом между Кочином и Малаккой, а губернатором бы остался Албукерки. В инструкции также было записано, что если Албергариа умрет во время путешествия, губернатором останется Албукерки. Дон Мануэл, конечно, не мог предвидеть, что в момент прибытия эс-

[1] *Correia G.* Lendas da India. Porto, 1975.

кадры Албергарии в Индию, Албукерки будет уже на своем смертном одре и немного позже умрет в Гоа.

Вскоре после своего прибытия на Малабарское побережье новый губернатор стал обсуждать вопрос о введении свободы торговли на Востоке, "дав лицензии всем, кто совершал плавания, чтобы они торговали, где хотят".

В то же время Албергариа распустил созданные Албукерки воинские формирования, аргументируя это тем, что они означают "угнетение для людей".

Проведение новым губернатором политики явных уступок интересам знати вызвало беспокойство королевского двора, чьи интересы оказались под угрозой, поскольку действия Албергариа вызвали массовое дезертирство португальских офицеров и солдат из крепостей в другие страны Индийского океана со всеми вытекающими отсюда проблемами, а различные структуры государства Индии в результате этой прагматической политики были расшатаны.

В частности, в Бенгальском заливе, где присутствие королевских чиновников всегда было очень скудным, был период смут, в том числе конфликтов между португальскими солдатами и местными правителями, которые в некоторых случаях, например в Пегу, привели к нарушению ранее заключенных договоров о торговле, подписанных представителями португальской короны.

В правление Лопу Соариша Албергариа были отправлены экспедиции в Красное море и на Цейлон. Первая экспедиция окончилась неудачей, и губернатор не смог овладеть Аденом.

Между тем, в 1515 году мамлюкский султан Египта решил завоевать Йемен, вероятно, для того, чтобы иметь базу на случай, если турки-османы захватят Египет. Кроме того, мамлюки нуждались в Йемене, чтобы противостоять португальской военной и экономической угрозе. В 1515 году отряды мамлюков во главе с Салман ал-Руми и Хусейном Турки прибыли в Камаран, а вскоре начали штурм Адена. Однако им не удалось взять город, и они вынуждены были отступить[2]. Вскоре османский султан разгромил мамлюков и завоевал Египет в 1517 году.

В том же 1517 году Лопу Соариш Албергариа предпринял экспедицию в Красное море. Лично возглавив сильную эскадру, он

[2] *Serjeant R.B.* The Portuguese off the South Arabian Coast. London. P. 16.

подошел к Адену в тот момент, когда овладеть им не составляло никакого труда, так как ослабленный и деморализованный город мог упасть к его ногам как спелое яблоко. Однако Лопу Соариш не воспользовался этим шансом, отложив взятие Адена на некоторое время и направился к Джидде. Не добившись и там никакого успеха, он вернулся на Камаран, где в течение трех месяцев от какой-то эпидемии умерло большинство его солдат. В июле 1517 году он подошел к Адену, но время уже было упущено, и город был хорошо укреплен. Лопу Соариш сжег Зейлу и отплыл в Индию[3].

Вторая экспедиция была гораздо более успешной. Командовать ею Албергариа поручил опытному военачальнику Фернау Перешу де Андраде. Эта кандидатура была выбрана не случайно.

ИЗ БИОГРАФИИ ФЕРНАУ ПЕРЕША ДЕ АНДРАДЕ. Имя Фернау Переша де Андраде неразрывно связано со всей историей португальской колониальной экспансии на Востоке на протяжении первой половины XVI века. В первый раз Андраде прибыл в Индию еще с эскадрой 1505 года. Он участвовал в захвате Момбасы, в атаках на Каликут, в завоеваниях Гоа и Малакки и в других военных экспедициях. Будучи главнокомандующим португальского флота в Малакке, он принимал участие в ряде морских сражений в восточных морях. В 1515 году ему было поручено обследовать Бенгальский залив, но он не смог этого сделать.

Экспедиция во главе с Фернау Перешем де Андраде прибыла в 1516 году на Цейлон и заключила договор о дружбе и торговле с местной правительницей, а затем добралась до Суматры и, вступив в переговоры с султаном, Андраде добился от него разрешения на строительство крепости в Пасеме[4]. 15 августа 1517 года Фернау Переш де Андраде прибыл в Китай и установил хорошие отношения с властями провинции Кантон. Он направил к императору в Пекин посла Томе Пиреша – первого европейца, проникшего в Китай, который позже был схвачен и умер в Китае.

В период правления Албергариа португальцы построили крепость в Коулане, на Малабарском побережье Индии около мыса Коморин. Город и порт Коулан были одним из главных центров экспорта перца и других специй. Дуарти Барбоза и Томе Пиреш оставили подробные описания интенсивной торговой деятельности в Коулане. Оба эти источника не оставляют сомнений в том, что первое место в экспорте Коулана занимал перец.

---

[3] *Serjeant R.B.* The Portuguese off the South Arabian Coast. London. P. 17

[4] Ibid. P. 17.

Лопу Соариш де Албергариа вернулся к политике Албукерки и разрешил всем португальцам участвовать в торговле. В результате моря наполнились торговцами, которые чаще всего были и пиратами, так как грабили все те суда, которые не могли от них защититься. Нападениям пиратов подвергались не только арабские, турецкие, но и европейские купцы[5].

В период губернаторства Лопу Соариша де Албергариа Гоа подвергся нападению могущественного раджи из Декана, которого португальцы называли Суфо Лариже. Антониу де Салданья, который в это время совершал свое четвертое путешествие в Индию и находился в Мозамбике, получил известие об отчаянной борьбе маленького гарнизона Гоа против гораздо более многочисленного войска Суфо Лариже, которое предприняло штурм крепости одновременно и с суши и с моря. Салданья поспешил на помощь с эскадрой из пяти кораблей. Но еще за 20 дней до прибытия Салданьи в Индию туда приплыл из Килвы Жуан де Силвейра с 400 солдатами и, узнав о том, что на помощь гарнизону Гоа идет подкрепление, Суфо Лариже снял осаду крепости и отступил.

Следующим губернатором Индии был Диогу Лопиш де Секейра.

ИЗ БИОГРАФИИ ДИОГУ ЛОПИША ДЕ СЕКЕЙРА. Он родился в 1466 году в Аландроале и умер там же в 1530 году. Де Секейра был членом королевского совета дона Мануэла и королевским казначеем таможни Лиссабона. Позже он занял должность алкайда-мора Аландроала. Он участвовал как офицер во многих военных кампаниях на Востоке: на Мадагаскаре, в Северной Африке и в Малакке.

В 1508 году он отплыл из Лиссабона с эскадрой из четырех кораблей для обследования острова Мадагаскар и посещения Малакки, где следовало заключить торговое соглашение с местными властями. Во время этого путешествия Секейра обследовал берега Мадагаскара, но на обратном пути его корабль был отнесен бурей к Индии и вошел в порт Кочин. Он посетил также Суматру, где заключил соглашение с правителем Педира и поставил падран в его порту. Прибыв в Малакку в сентябре 1509 года, он был сначала очень хорошо принят местными властями, которые позволили ему разгрузить товары и учредить факторию. Однако позже яванские и гуджаратские торговцы, интересам которых португальская конкуренция наносила значительный ущерб, сумели настроить султана Малакки против Секейры и вызвать недоверие к нему. Результатом этого была атака малаккцев на стоявшую на якоре эскадру Секейры. Но вовремя предупрежденные о грозящей им опасности китайскими торговцами, португальцы в основной своей массе сумели ускользнуть, хотя

[5] *Morais Carlos Alexandre de.* Cronologia geral da India Portuguesa. Macau, 1993. P. 42.

некоторые из них были схвачены, в том числе фейтор Руи де Араужу. Вернувшись в Лиссабон, Секейра был щедро вознагражден королем Мануэлем.

В 1516 году король доверил ему командовать большой эскадрой из 30 кораблей, которая должна была пойти на выручку Арсиле, осажденной войсками шерифа Феса. Прорвав осаду, Секейра оставался с семью каравеллами в Гибралтарском проливе в течение всего лета. В следующем году он вернулся в Марокко во главе флота из 60 кораблей, которые, соединившись с силами губернатора Сеуты, должны были попытаться овладеть Тарга. Однако разногласия между этими двумя военачальниками помешали осуществлению плана. После возвращения в Португалию Диогу Лопиш де Секейра был назначен королем Мануэлем губернатором Индии[6].

Ему была вручена королевская инструкция, в соответствии с которой он должен был, прежде чем направиться в Индию, войти в Красное море, чтобы, с одной стороны, помочь добраться до Португалии послу эфиопского императора, а с другой стороны, отправить оттуда португальскую миссию в Эфиопию. Во главе большой эскадры из 13 кораблей и 1300 человек Секейра отплыл из Лиссабона.

Как раз перед прибытием в Мозамбик один из его кораблей под командованием Жуана де Лима сильно ударился о риф, но, к счастью, не утонул. В Мозамбике Секейра оставил в качестве коменданта испанского дворянина Санчо де Товара, который за 20 лет до этого участвовал в экспедиции Педру Алвариша Кабрала как его заместитель[7].

Выполняя королевскую инструкцию, Секейра вошел в Красное море, и, воспользовавшись попутным ветром, благополучно прибыл в Массауа, где начал переговоры с местными властями.

К эфиопскому императору было направлено посольство во главе с Родригу де Лима, вернувшееся в 1521 году в Индию. Секретарь этого посольства падре Франсишку Алвариш оставил нам доклад, содержащий самое ценное свидетельство об Эфиопии и священнике Иоанне.

Достигнув Индии, Секейра вступил в должность губернатора. Из всех деяний Секейры на этом посту наиболее важным было строительство крепости в Чауле, завершенное в 1519 году. Это строительство было предпринято с разрешения правителя Низа-

---

[6] *Barros J.* Op. cit. Dec. V. P. 231—242; Lopes D. Historia de Arzila. Coimbra, 1925. P. 180.

[7] *Gois D.* Op. cit. Parte I. Cap. XIV; *Theal M.* Records of South — Eastern Africa. Cape Town, 1964. Vol. I. P. 99—103.

малуко для установления контроля над отрезком морского пути из Лиссабона в Камбей.

В 1519 году Антониу де Абреу во главе сильной эскадры отправился на остров Тернате и учредил там факторию. В том же году крепости в Коулане и Коломбо подверглись осаде туземцев, на помощь которым пришли войска из Гоа и Кочина.

Однако португальцам удалось удержать эти крепости в своих руках. Губернатор Диогу Лопиш де Секейра отправил из Малакки в Китай Симана Переша де Андраде на парусно-гребном корабле для того, чтобы выяснить судьбу посольства Томе Пиреша[8].

С прибытием Симана Переша де Андраде в Кантон португальско-китайские отношения стали резко ухудшаться. Опасаясь набегов пиратов, Симан Переш де Андраде решил по обыкновению португальцев соорудить укрепления на берегу, но эти его действия вошли в явное противоречие с представлениями китайцев о неограниченной власти императора. Симан Переш де Андраде вызывал растущее возмущение китайских чиновников своим расизмом и ксенофобией, а также тем, что пытался присвоить себе права, которые принадлежали только императору. В результате один из его моряков был повешен, и португальцам запретили ввозить свои товары в Китай. Симан Переш де Андраде покинул Китай в 1520 году, так и не сумев установить контакт с посольством Томе Пиреша, которое еще не вернулось из Пекина. Вскоре после этого умер император Ву Цун, и португальские купцы перестали считаться с запретом мандаринов на свою торговлю. Терпение китайцев иссякло, и португальцы в Кантоне подверглись нападению. Немногим из них удалось избежать смерти, перебравшись в Малакку. Наглое поведение Симана Переша де Андраде и алчность португальских коммерсантов обострили ксенофобию китайцев, и китайско-португальские отношения были прерваны. Португальцы потеряли контакт с Томе Пиришем и его товарищами, и их судьба навсегда осталась неизвестной. В то время как происходили эти события на Дальнем Востоке, в Португалии король Мануэл, который принял Фернау Переша де Андраде в Эворе, был убежден, что его власть распространяется до Китайского моря. У него возник план закрепления пор-

[8] *Morais Carlos Alexandre de.* Op. cit. P. 45 –46.

тугальского присутствия на берегах Китайского моря, подобный плану, который был реализован в Индийском океане.

Приступив к осуществлению этого плана, дон Мануэл приказал соорудить крепость на побережье Китая, учредить там факторию и сформировать одну эскадру для Китайского моря и другую для того, чтобы связать Суматру (остров — производитель перца) с Кантоном. Первым комендантом Китая был назначен Мартин Аффонсу де Мелу. Получив это высокое назначение от короля, он прибыл в Поднебесную империю в 1522 году, но продержался там всего лишь две недели. Его атаковал многочисленный китайский флот, и он был вынужден бежать. Начиная с этого момента, прекратились попытки португальской короны установить официальные отношения с Китаем. Начался период взаимного страха: и власти Кантона, и власти Малакки постоянно жили в ожидании вражеского вторжения извне. И китайцы, и португальцы готовились к обороне, но ни разу не предприняли попытки атаковать.

Следует подчеркнуть, что Китай был единственной страной Востока, в которой португальцы потерпели неудачу в своих попытках закрепиться. На побережье Срединной империи они не смогли использовать межрегиональное соперничество, как это им удавалось в других районах.

После инцидентов в Кантоне централизм китайской администрации привел к тому, что португальцы не нашли поддержки ни в одном другом пункте прибрежной полосы Китая.

Король Жуан III не проявлял такого интереса к закреплению присутствия его подданных на Дальнем Востоке, как его отец. Однако он написал письмо коменданту Малакки, прося его приложить все возможные усилия для того, чтобы восстановить мир с властями Кантона. В 1527 году в Малакке появились китайские джонки. Они были, однако, не из Кантона, а из более северных районов. Португальцы после этого начали тайно посещать эти районы. Официальных торговых отношений по-прежнему не было, но китайское побережье превратилось в подлинный рай для португальских авантюристов.

Такие люди, как Фернау Мендеш Пинто, автор знаменитых "Странствований", и его спутники, устанавливали все более крепкие связи с прибрежным населением, а в 1542 году сумели даже закрепиться в порту Лиампо. Впервые у португальцев появилась

постоянная база на китайском побережье, хотя и ненадежная. А в следующем 1543 году открыли Японию.

Однако ксенофобия китайцев и вызывающее поведение португальских авантюристов порождали многочисленные конфликты. Кончилось все тем, что португальские торговцы были изгнаны из Лиампо в 1545 году, а из других портов — в 1548 году.

В период губернаторства Секейры особое внимание уделялось восточноафриканскому побережью. Оно было важно для индийской политики Португалии по нескольким причинам. На восточном побережье Африки находился ряд портов, служивших местом убежища для португальцев, попавших в чрезвычайную ситуацию на пути к Индии.

Эти порты помогали португальцам противодействовать новой тактике арабских купцов. Чтобы избежать встречи с португальскими эскадрами, патрулировавшими арабское побережье, арабы начали плавать прямо на юг, через открытое море, подходя потом под прямым углом к тому пункту индийского берега, где надеялись получить специи, или к Малакке. Это продолжалось до тех пор, пока португальские эскадры не начали патрулировать побережье от Малинди до Мозамбика.

Коменданты Мозамбика не брали на себя непосредственной юрисдикции над арабами восточноафриканского побережья, которые жили в своих самоуправляющихся общинах. Однако они требовали неукоснительного выполнения двух условий: арабский правитель должен был быть другом Португалии, и установленные португальцами правила торговли должны были признаваться и соблюдаться. Таким образом, арабские купцы могли торговать в португальских форпостах на побережье.

Оставленный Секейрой в качестве коменданта Мозамбика испанец Санчо де Товар в сотрудничестве с фейтором Софалы Франсишку де Бриту сделал все возможное, чтобы побудить африканцев глубинных районов везти золото к побережью. В Боуро, Манике и Мономотапе шли нескончаемые межплеменные войны, которые мешали торговле. В это время большой корабль из Камбейи разгрузил свои товары в Килоане, в 20 милях от Софалы. Однако африканцы не хотели менять золото и слоновую кость на индийские ткани и безделушки. Для того чтобы стимулировать их везти золото и слоновую кость к побережью, Санчо де Товар решил построить на берегу Замбези деревянную баш-

ню, которая служила бы своего рода станцией на торговом пути по реке. Но каравелла, построенная специально для транспортировки стройматериалов, утонула, пройдя одну милю от Килоане к Софале. Санчо де Товар тотчас же возобновил строительство башни, но срок его службы кончился, а новый комендант Мозамбика отказался от этого проекта.

Португальцы на восточноафриканском побережье получали мало помощи от губернатора Индии Секейры, который был занят решением неотложных проблем в Малакке, Китае, Персии, Индии, на Цейлоне и в Красном море.

Фейторы восточноафриканского побережья часто жаловались на отсутствие помощи из Индии, а один из них даже признался в том, что испытывает чувство отчаяния.

В апреле 1520 года из Лиссабона вышла эскадра из 14 кораблей. 9 из них бросили якорь в гавани Мозамбика, а 4 взяли курс на Индию. Десятый корабль, которым командовал испанский капитан Луис де Гусман, стал пиратским.

Еще до того, как он подошел к мысу Доброй Надежды, на нем сломался руль. Потерявший управление галеон был отнесен ветрами и течением к берегу Бразилии, где на него напали туземцы, убив более 50 человек, в том числе и лоцмана. С помощью нескольких испанцев, которых он взял с собой, Гусман разоружил португальцев, убив тех, кто оказал сопротивление. После этого он начал совершать пиратские нападения и захватил несколько судов. Король Мануэл обратился за помощью к королю Испании. Гусман был схвачен и брошен в тюрьму в Севилье. Он пытался бежать, прыгнув с верхнего этажа, но сломал обе ноги. Подобранный и вылеченный монахами, он перебрался потом в Италию, "где кончил плохо, как и заслужил своими делами", — писал хронист. Берегу Мозамбика посчастливилось не дать убежища этому жестокому пирату, который нашел бы там благоприятную почву для своей деятельности, натравливая арабов, африканцев и португальцев друг против друга.

Один из девяти кораблей — "Санту Антониу" под командованием капитана Мануэла де Соуза, шел к Индии, но ветры прибили его к побережью Сомали в местечке, называемом Матуа. 40 человек добрались в лодке до берега, чтобы поискать воду, из-за отсутствия которой уже умерли несколько человек. Местные жители приняли их хорошо и проводили к источнику. Но когда они вернулись

к берегу, их ждали две тысячи арабов, преградившие им путь. Между тем прилив далеко отогнал лодку, и португальцы, таким образом, оказались в руках арабов, которые убили почти всех. Капитан и лоцман были в числе убитых. Когда их товарищи, оставшиеся на корабле, узнали об этом, среди них началась паника, так как самые опытные командиры и моряки были убиты.

Экипаж галеона вышел в море, но из-за неумелого управления потерпел кораблекрушение на скалах у Килвы. Там снова появились арабы, судно было сожжено, а вся команда вырезана, кроме одного юноши, которого султан Занзибара подарил своему сюзерену султану Момбасы.

Этот юноша и пушки с "Санту Антониу" через несколько месяцев были возвращены специальному уполномоченному вице-короля Индии. Однако от планов проведения какой-либо карательной операции вице-король вынужден был отказаться, так как в то время он проводил широкомасштабные и дорогостоящие военные операции в обширном географическом ареале — от Китая до Красного моря. Кроме того, султаны Момбасы, Занзибара и даже Килвы не имели эффективных средств воздействия на арабов.

Назначенный комендантом Малакки Перу Маскареньяш прибыл туда в 1525 году и обнаружил, что крепость находится во вражеском окружении. Он решил атаковать правителя Бинтана в его крепости. Оставив в Малакке гарнизон из 300 солдат, Маскареньяш подошел во главе эскадры с 600 португальцами и 400 малайцами на борту к острову Бинтан. Защитники крепости открыли по португальцам артиллерийский огонь. Их шеститысячное войско атаковало португальские суда, но два метких пушечных залпа с корабля Маскареньяша разрушили мост, вызвав панику в рядах противника. Войско Бинтана бежало, оставив много убитых и раненых[9].

Родственник правителя Бинтана правитель Паханга послал к нему на помощь флот с 2000 воинов. Однако было уже поздно. Португальцы захватили и разрушили город Бинтан. Правитель бежал в джунгли, откуда продолжал вести войну против португальцев до самой своей смерти[10].

---

[9] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 377—378.
[10] Ibid. P. 378.

Маскареньяш вернулся в Малакку, а напуганные этими событиями соседние султаны поспешили заключить с ним договоры о мире и вассалитете.

В августе 1530 года Гонсалу Перейра проплыл из Малакки к Молуккским островам, посетив по пути султана Борнео, которому он предложил свободно торговать в Малакке. По прибытии в Тернате Гонсалу Перейра сменил там местного коменданта Жоржи де Менезиша, заключившего в тюрьму султана Кациля Дажало. Мать султана пожаловалась на Жоржи де Менезиша, обвиняя его в неоправданной жестокости, и, проверив обстоятельства этого дела, Перейра согласился отпустить султана Тернате на свободу. Он освободил также султана Тидоре от чрезмерной дани, наложенной на него Жоржи де Менезишем. Затем он арестовал Жоржи де Менезиша и отправил его в Гоа, откуда его переправили в Португалию. Позже он был сослан в Бразилию, где погиб в битве с индейцами[11].

В 1525 году сильная португальская эскадра под командованием губернатора Энрики де Менезиша подошла к Каликуту и сожгла все суда, стоявшие в порту. После этого Менезиш двинулся к Кулете — городу, который защищал гарнизон в 20 000 человек. Португальцы взяли город штурмом, захватив богатую добычу, в том числе 360 пушек и большое число мушкетов[12].

После этого Энрики де Менезиш вернулся в Кочин, оставив в качестве коменданта форта Каликута Жуана де Лима. 13 июня 1525 года форт подвергся атаке саморина Каликута, подошедшего к нему во главе 12-тысячного войска. На следующий день Жуан де Лима отправил гонца к губернатору, прося о помощи, так как его гарнизон насчитывал всего 300 человек. Губернатор Энрики де Менезиш сам прибыл в Каликут с 20 судами и 1500 солдатами. Он высадился с этим войском и внезапно атаковал противника. Застигнутые врасплох индийцы стали беспорядочно отступать, оставив на поле боя 3000 убитых[13]. Саморин направил к Менезишу посла просить мира, но четырехдневные переговоры оказались безрезультатными, и в соответствии с королевскими инструкциями форт был разрушен, его стены снесены,

---

[11] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 411.
[12] Ibid. P. 375.
[13] Ibid. P. 376.

а все ценное перенесено на португальские корабли. Когда индийцы вернулись, кто-то поджег порох и в результате взрыва многие из них погибли[14].

Албукерки умер, не успев "запереть" ворота из Индийского океана в Красное море строительством крепости в Адене. Единственная атака, которую он предпринял на Аден в 1513 году, была слабой и плохо подготовленной. Дуарти Барбоза, который, вероятно, сопровождал его в этой авантюре, свидетельствует, что Аден был местом "самой большой и самой обильной торговли в мире и притом самыми богатыми товарами"[15].

Однако победа Португалии в знаменитом морском сражении у Диу в 1509 году дала ей контроль над Аденским заливом. Следствием этого явилось гибельное для Адена сокращение объема торговли и судоходства.

Другие экспедиции, отправлявшиеся Лиссабоном в Красное море, также не добились существенных результатов. В 1517 году к Адену подошла сильная эскадра под командованием Лопу Соариша, состоявшая из 37 кораблей и 1800 моряков и солдат. Когда шейх предложил Лопу Соаришу ключи от города, он отказался их взять и проследовал к Джидде, но опять не решился атаковать крепость. В 1519 году другая мощная эскадра, возглавленная Диогу Лопишем Секейра, встала на якорь у Массауа, где установила дружеские отношения с эфиопами, жившими на побережье Красного моря. В это море позже заходили эскадры Луиша де Менезиша (1523 г.) и Гейтора да Силвейры (несколько раз между 1524 и 1530 гг.).

Гейтор да Силвейра принудил шейха Адена подписать с ним договор, воспользовавшись тем, что городу угрожали турки. Этот договор превратил шейха Адена в вассала и данника португальского короля. Однако этот договор не выполнялся. В 1538 году флот султана Сулеймана I захватил Аден и включил его в состав Османской империи. После этого Сулейман отправился в Диу, надеясь заблокировать и взять его, но потерпел поражение от португальцев. Горя желанием отомстить туркам, в 1541 году в Красное море вошел флот Эштевана да Гамы, самый мощный из

[14] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 411.
[15] The Book of Duarte Barbosa. London, 1918. Vol. I. P. 57.

всех, какие там были, от страха перед которым, по словам Камоэнша, "Красное море станет желтым"[16].

Перед Эштеваном да Гамой была поставлена задача уничтожить новую эскадру, которую султан Египта подготовил в Суэце. Однако с этой задачей он не справился, так как его флот был утомлен и ослаблен долгим путешествием, а ряд больших кораблей не смогли дойти до Суэца и остались у берегов Эфиопии. Поэтому ограничившись разведкой и убедившись в существовании сильной эскадры у египетского султана, но не вступив с ним в сражение из-за недостаточности материальных и людских ресурсов, Эштеван да Гама счел за лучшее вернуться в 1542 году в Португалию. Экспедиция Эштевана да Гамы, таким образом, не дала никаких военных результатов, но имела большое научное значение, поскольку в этой экспедиции участвовал Жуан де Каштру, оставивший замечательный научный труд "Дневник Красного моря".

ИЗ БИОГРАФИИ ЖУАНА ДЕ КАШТРУ. Он родился в 1500 г. в знатной дворянской семье. В 1518 г. начал военную карьеру в Танжере, в 1535 г. участвовал в военной экспедиции Карла V в Тунисе. В 1538 г. совершил первое путешествие в Индию и участвовал в экспедиции Эштевана да Гамы в Красное море. В 1545 г. был назначен губернатором, а затем и четвертым вице-королем Индии.

Будучи крупным колониальным администратором, Жуан де Каштру был в то же время одним из крупнейших португальских интеллектуалов эпохи Возрождения. Он оставил ряд глубоких трудов философского и естественно-научного характера. В них разработаны научные основы астрономии, дана критика взглядов Аристотеля, соединена теория с практикой применительно к навигационному искусству. Особенно большую научную ценность имеет его трилогия: "Путевой дневник от Лиссабона до Гоа" (1538 г.), "Путевой дневник от Гоа до Диу"(1538—1539 гг.) и "Дневник Красного моря" (1540 г.).

Португальцы убедились в невозможности полностью закрыть для арабов торговлю специями в Средиземноморье и по примеру того, что они уже сделали в Персидском заливе, перестали чинить препятствия этой торговле, а ввели в практику режим "картажей".

"Картаж" — это пропуск или разрешение (лицензия) на право судоходства в Индийском океане для торговцев Востока. Для того чтобы получить "картаж", необходимо было уплатить определенную сумму португальским властям.

Любой корабль, независимо от размеров, должен был иметь "картаж", в котором указывались название судна, имя капитана,

---

[16] *Camoes L.* Os Lusiadas. Lisboa. Canto X. P. 8, 62.

груз, место назначения и место, откуда вышло судно. В случае отсутствия надлежащим образом оформленного "картажа" груз мог быть конфискован, а судно захвачено или пущено ко дну. Эти "картажи" (термин происходит от арабского слова "*киртас*") выдавались вице-королями и капитанами крепостей. Система пропусков ("картажей") была введена вице-королем Франсишку де Алмейдой с целью установить португальский контроль над навигацией и межазиатскими торговыми связями. Идеологической базой этой системы служила доктрина "*маре клаузум*", согласно которой государству, которое заставило уважать свою военную мощь, принадлежало абсолютное господство, включавшее монополию в торговле и навигации. Король Мануэл, многозначительно титуловавшийся "сеньор завоеваний, навигации и торговли Эфиопии, Индии, Аравии и Персии", требовал от своих губернаторов и вице-королей ввести португальскую монополию на морскую торговлю в Индийском океане, исходя из этой концепции "международного права" и прибегая для этого к мощи португальских военно-морских сил. Таким образом, все корабли, появлявшиеся в море без "картажа", рассматривались как законные военнопленные на основе "международного права".

"Из всего этого извлекалась выгода, — писал мусульманский историк Зинадим, — потому что франки (португальцы — *Авт.*), поймав корабль, не имевший "картажа", захватывали его с людьми и грузом."[17].

Вот как описывал в 1928 году систему "картажей" один из лучших знатоков этого вопроса индийский историк Сен-Сурендранат, изучивший индийские хроники и португальские рукописи в архивах Гоа и Лиссабона, а также документы в архивах Лондона и Парижа: "Обосновавшись на западном побережье Индии, португальцы легко стали величайшей морской силой в Индийском океане. Эту власть они умело осуществляли и ревниво охраняли. Они заставляли даже дружественные государства получать от них "картажи" (пропуска) перед отправкой их судов в Индийский океан. В договоре, заключенном ими с королем Бакла (раджой Чандрадвип) в Гоа 30 апреля 1559 года, было четко определено, что только четыре корабля, принадлежащие этому суверену, получат "картажи" для посещения Молукк, Ормуза и Гоа.

[17] *Zinadim*. Historia dos Portugueses no Malabar. Lisboa, 1898.

Не лучше обходились и с дружескими нациями Европы, о чем нам известно из рассказов, оставленных многими авантюристами и путешественниками, привлеченными слухами о баснословных богатствах сказочного Востока в XVI и XVII веках."[18]

Восстановление венецианской торговли, осуществленное Египтом, стало очевидным к 1550 году[19].

Что касается Персидского залива, там позиции португальцев были подорваны турками, которые завоевали Ирак в 1537 году, взяли Басру в 1546 году и угрожали португальским факториям в Персидском и Оманском заливах.

В начале XVII века португальцам пришлось столкнуться с другими конкурентами в этом регионе: с французами, англичанами и голландцами.

Временно место Адена занял Мозамбик. Его климат не был малярийным, и он смог стать вторым Лиссабоном — одним из самых посещаемых торговыми судами портов в мире.

В Восточной Африке португальцев тогда больше всего интересовали золото из Софалы, амбра и жемчуг. По современным меркам добыча золота была небольшой. Однако она была достаточной не только для того, чтобы скупать на местном рынке товары, необходимые местному населению, но и для того, чтобы позволить португальцам отправлять значительное по тем временам количество золота в Индию и Ормуз.

Первое известное нам описание примитивного метода золотодобычи, применявшегося банту, дал Диогу де Алкасова в письме из Кочина 12 ноября 1506 года. Согласно этому описанию, банту рыли землю и делали туннель длиною в "большой бросок камня", затем пускали туда поток воды, извлекая из туннеля землю, смешанную с золотом, клали эту смесь в горшок и надолго ставили на огонь. Когда эта смесь остывала, от нее отделялось "чистое золото". Никто под страхом смерти не мог добывать золото без разрешения верховного правителя, имевшего титул Мономотапа[20].

Мозамбик превратился в главный центр торговли золотом на побережье. Когда Аффонсу де Албукерки создал сильное правительство в Индии, торговля стала быстро развиваться вдоль всего восточноафриканского побережья — от Софалы до Могадишо.

---

[18] *Surendranath Sen.* Studies in Indian History. Calcutta, 1930. P. 56.

[19] *Braudel F. I.* P. 497 etc.

[20] *Theal M.* Records. Vol. I. P. 57—58.

Задолго до принятия ислама арабы в течение веков были посредниками в торговле Африки с Индией, Аравией и Персией и в определенной степени продолжали оставаться посредниками и при новых хозяевах Восточной Африки и Индийского океана.

Португальские торговые агенты (фейторы) имели свои склады в крепостях, а на расстоянии пушечного выстрела от крепости часто находилась деревня мавров, которая платила дань португаль-скому коменданту. Отношение к маврам в нюансах могло варьироваться в зависимости от особенностей этих комендантов, но главные линии политики всегда определялись в королевских инструкциях. Конечно, многое зависело и от поведения самих арабов. Стратегия Португалии состояла в том, чтобы стремиться к расширению торговли и увеличению числа рынков. Поэтому следовало хорошо обращаться с арабскими торговцами, которые готовы были повиноваться португальским колониальным властям.

На индийской стороне Индийского океана эта древняя арабская торговля Африки велась, прежде всего, с "великим королевством Камбейя".

С целью установить контроль над этим крупным центром торговли Аффонсу де Албукерки попытался получить там факторию на острове Диу. Но губернатор Диу Малик Айаз был превосходным дипломатом и сумел избежать этого. Позже слабый и безвольный вице-король Диогу Лопиш де Секейра предпринял вялую и безуспешную попытку взять Диу в 1521 году, однако она окончилась неудачей.

Поскольку Диу оставался вне контроля португальцев, здесь открылись возможности для контрабандной торговли индийских и арабских купцов с Восточной Африкой.

Гуджаратские торговцы из Диу и арабские негоцианты из Софалы, Килвы и островов образовали своего рода союз (лигу) для того, чтобы совместными усилиями обманывать бдительность португальских колониальных администраторов и фейторов.

Еще в 1501 году испанец Санчо де Товар заключил первый договор с арабскими торговцами Мозамбика, согласно которому они обменивали золото на ткани из Камбейи, бусы, безделушки и вино[21]. После такого многообещающего начала эта торговля непрерывно развивалась на протяжении последующих ста лет.

---

[21] *Theal M.* Records. Cape Town, 1964. Vol. I. P. 26.

В 1506 году Диогу де Алкасова писал из Кочина, что прибыли от золота Софалы сильно упали по сравнению с "временами мира". Он приписал этот факт племенным войнам, которые сознательно разжигали арабы, чтобы португальцы получали как можно меньше золота. Но была также и причина коммерческого характера. Арабские шейхи и султаны обложили тяжелыми пошлинами все товары, ввозившиеся в их порты. В Килве эта пошлина составляла 66% стоимости товара, в Момбасе — 50%, в Софале — 15%, кроме фиксированной пошлины в метикалах золота. Пошлины на ввозимую слоновую кость были также очень тяжелыми. Алкасова также писал, что арабов следует убедить снизить эти пошлины, причем, прежде всего, в этом необходимо убедить арабов Килвы и Софалы. Благословенные дни мира, о которых пишет Алкасова, — это, видимо, дни, предшествовавшие появлению португальцев, поскольку он говорит, что губительная война кафров за право наследования продолжается уже 12 или 13 лет[22].

В сентябре 1508 года капитан эскадры Дуарти де Лемуш информировал короля о том, что по вине его колониальных чиновников в фактории Софалы больше не было золота. К этому он добавил, что мавры с островов Ангоши способствовали ликвидации этой торговли, так как вместе со своими соплеменниками в Софале занимались контрабандной торговлей золотом. По его словам, когда португальцы прибыли в Мозамбик с товарами, "эти мавры отобрали их все за четыре курицы и отправили в Ангоши, откуда они ведут свою контрабандную торговлю с Софалой". По свидетельству Лемуша, в Мозамбике много "иностранных торговцев: одни из Ормуза, другие из Адена, а третьи — из иных мест". Лемуш рекомендовал "вышвырнуть" всех этих "иностранных мавров" со всего побережья. Так на своем грубом жаргоне моряка он сформулировал то, о чем мечтали тогда все португальцы в Восточной Африке, поскольку, как он пишет, "все люди были согласны с тем, что в Софале много золота".

Практическая трудность для португальцев состояла в невозможности создать эффективную систему контроля над торговлей арабов в таком огромном районе. В 1513 году фейтор Софалы сообщал королю о том, что контрабанда продолжала про-

---

[22] *Welch S.* Op. cit. P. 265.

цветать и что того хуже, мавры усилили враждебную и лживую пропаганду против португальцев.

Дуарти Барбоза дает нам ключ к пониманию ситуации в 1516 году. Он свидетельствует, что там, где нет португальской крепости, арабы ведут значительную торговлю. Они имеют тесные деловые связи с купцами из Гуджарата. В обмен на шелк, специи и индийские бусы они отдают им золото, слоновую кость, амбру и серу. Особенно большие прибыли получали арабы от покупки и продажи золота, так как африканцы, не имея представления о ценности этого металла, никогда его не взвешивали, а арабы, продавая золото в розницу, тщательно взвешивали его. В Килве был даже инспектор по измерению и взвешиванию товаров[23].

Любимым убежищем арабских контрабандистов, не желавших считаться с порядками, введенными португальцами и платить им пошлины, были острова Ангоши. Они привлекали контрабандистов удобством своего географического расположения: в излучине берега возле устья маленькой реки того же названия, в 60 милях южнее Мозамбика. На Ангоши был город, который по стандартам того времени можно было считать большим. Только знать говорила по-арабски, остальные жители пользовались суахили. Они были в тесном контакте с контрабандистами Мозамбика, Софалы, Момбасы и Килвы. Их соплеменники в этих местах знали, когда португальские корабли отсутствовали или были заняты, и пользовались предоставившимися возможностями для того, чтобы привозить в Ангоши контрабандные товары — золото и слоновую кость на своих замбуко.

Чтобы прекратить эти нарушения португальских таможенных правил, Антониу де Салданья ввел патрулирование побережья каравеллами. Но несмотря на эти меры и бдительность комендантов Софалы и Мозамбика, значительная часть нелегальной торговли проникала из этого гнезда контрабандистов к племенам банту и в Индию (в Камбейю).

В то время Салданья думал, что мог помешать контрабандной торговле между восточноафриканским побережьем и Индией, непосредственно договорившись с вождем "кафров", который жил на острове в устье Замбези[24] и был посредником в при-

---

[23] *Strong J.A.* Arabic History of Kilwa. London. P. 394.
[24] *Barros J.* Op. cit. Dec. IV. P. 166—167, 176.

быльной торговле золотом и слоновой костью, которыми платили арабам за их товары и продукты. Салданья рассчитывал подружиться с вождем, завоевав его расположение с помощью богатых подарков, особенно драгоценных камней. Когда, как ему казалось, удалось установить дружеские отношения, Салданья отправил к своему "другу" каравеллу, чтобы договориться об открытии на его острове португальской фактории. Опасаясь подвохов, Салданья приказал капитану каравеллы проявлять осторожность: на берег ни в коем случае не должны сходить одновременно больше одного португальца, да и в этом случае следует потребовать за него заложников. Однако, забыв об инструкциях Салданьи, капитан, фейтор, секретарь и артиллерист, который служил и переводчиком, вместе сошли на берег по приглашению вождя, чтобы подписать с ним договор о мире. Это им стоило дорого: все португальцы были убиты. Была предпринята также попытка захватить и каравеллу, но оставшиеся в живых, используя арбалеты и пушку против многочисленных замбуко, вооруженных только луками и стрелами, сумели отбить нападение.

На это предательство португальцы ответили карательной экспедицией, которую возглавил лично Салданья. Он решил, однако, применить репрессии к арабам Ангоши, так как именно в них видел корень зла. Экспедиция была успешной лишь отчасти. Город Ангоши был сожжен, но португальцы взяли в плен одного человека, чей захват значительно обесценил их военную победу. Дело в том, что пленным оказался знатный шейх, имевший репутацию друга португальцев. Следствием этой тактической ошибки явилось всеобщее волнение среди арабов побережья. Осознав свою ошибку, Салданья начал переговоры об обмене пленного на фидалгу Франсишку Ногейра и двух его сыновей, потерпевших кораблекрушение около Ангоши за несколько месяцев до этих событий[25].

Разгром португальцами огромного мусульманского флота в битве при Диу в 1509 году окончательно решил вопрос о том, кто будет в XVI веке хозяином Индийского океана. Весь торговый путь от Лиссабона до Малаккского пролива оказался в руках португальцев.

---

[25] Cartas de Albuquerque ao Rei de 30 de Setembro de 1512 e 30 de Novembro de 1513 — Alguns documentos...; Osorio. De Nobilitate Christiana. Lisboa, 1542. P. 274.

В то же время был нанесен решающий удар по могуществу арабских купцов, которые в течение многих лет держали в своих руках монополию на торговлю в бассейне Индийского океана. Существовавший в течение ряда веков арабский контроль над побережьями и водами Индийского океана перешел в европейские руки. Арабы упорно отстаивали свои права на торговлю, но после того как они потерпели поражение, португальцы не захотели уступить им даже маленькой доли участия в восточной торговле. Как писал известный исследователь истории Восточной Африки Р.Куплэнд, "португальцы на Востоке, как это часто отмечалось, были неумолимо агрессивны и нетерпимы.

В Восточной Африке, как и всюду, не было и речи о мире или сотрудничестве с другими оккупантами... Они стремились получить лишь для себя столько торговли в Индийском океане, сколько могло обеспечить им их превосходство в силе"[26].

Португальцы, вытеснив арабов, стали посредниками в торговле внутренних районов Африки с бассейном Индийского океана, импортируя миткаль и бусы из Индии и обменивая их на золото, слоновую кость и рабов. Однако долгое время португальская торговля имела меньшие масштабы, чем существовавшая до нее арабская. Арабы посылали караваны далеко в глубь континента. Португальцы же, не имея опыта в африканской торговле, не делали этого, ограничиваясь долгое время коммерческими операциями в своих прибрежных фортах и факториях. Есть сведения, что до португальского завоевания ежегодный экспорт золота из Софалы превышал 1 миллион метикалов*, в то время как в первые годы португальского контроля он был в 100 раз меньше. Например, за восемь месяцев в 1513 году он составил лишь 6—7 тысяч метикалов, причем только 1/12 его часть была получена от африканских торговцев из внутренних районов континента[27].

Погоня за золотом сконцентрировала португальскую торговую активность по существу в двух-трех прибрежных пунктах. Золото добывали во многих внутренних районах, откуда его доставляли лишь в несколько портов, где часто бывали иностранные купцы. Высокая концентрация международной торговли в двух–трех пор-

---

[26] *Coupland R.* East Africa and its Invaders. Oxford, 1956. P. 48.

* Метикал – старинная африканская монета (равна 881 рейсу).

[27] *Coupland R.* Op. cit. P. 50.

тах может служить убедительным доказательством того, что именно золото, а не слоновая кость больше всего интересовало португальских купцов в начале XVI века. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что когда португальцы знакомились с восточноафриканским побережьем, они вообще ничего не знали о ценности слоновой кости. Однако уже в 1506 году комендант Килвы восторженно писал об изобилии слоновой кости на побережье между Софалой и Килвой, об отсутствии интереса у мусульман к этому товару и об огромных доходах, которые может принести торговля слоновой костью в Индии: "что между Софалой и Килвой существует громадное количество слоновой кости, за которую платят по 15 метикалов за кинтал, и что ее можно продавать по 80—100 метикалов за кинтал в Камбеи, причем Ваше Величество может иметь слоновой кости, сколько пожелает, ибо там нет ни короля, ни белых мавров"[28].

Начиная с этого времени, слоновая кость все чаще и чаще упоминается в письмах и докладах португальских чиновников и фейторов. Количество экспортируемой из Софалы слоновой кости быстро росло, достигнув в 1545 году 26 000 килограммов[29].

Подобное развитие событий имело место и в Килве. Когда португальцы покинули этот город в 1513 году, торговля золотом там прекратилась. Но когда вскоре они вернулись в Килву, был назначен фейтор, чтобы скупать слоновую кость, которая доставлялась в город из внутренних районов караванами. Когда начался бум слоновой кости, фейторы были назначены и в Мафия, Занзибар и Ангоши. Слоновая кость экспортировалась на кораблях с островов Керимба и из устья Замбези. Для торговли слоновой костью португальцы учредили около 1530 года факторию в Келимане. Большие партии этого товара приходили в устье Замбези по соседству с Софалой. Ежегодно отправлялись торговые корабли к устью реки Саби, а в 1542 году капитан Лоуренсу Маркиш совершил первое успешное торговое путешествие к бухте Делагоа — значительно южнее тех мест, куда когда-либо доплывали мусульманские торговцы[30].

---

[28] Documents on the portuguese... Vol. I. P. 616—621.

[29] *Lobato A.* Expanção portuguesa em Moçambique de 1498 a 1530. Lisboa, 1954. Vol. 3. P. 104.

[30] *Alpers E.A.* Ivory and Slaves in East Central Africa. London, 1975.

Ясно, что торговля слоновой костью не достигла бы столь внушительных масштабов, если бы португальцы не отказались от своей первоначальной монополистической политики, принуждая купцов покупать и продавать слоновую кость только в двух-трех португальских факториях. Вначале королевский двор действительно пытался сохранить свою монополию, но позже был вынужден разрешить торговлю в многочисленных пунктах вдоль побережья, куда можно было привозить слоновую кость для продажи. Но как только торговля этим товаром была рассредоточена таким образом, исчезла всякая надежда удержать монополию на нее в руках королевского фейтора, и она стала основой быстро растущей частной торговли комендантов Мозамбика и Софалы.

В начале XVI века ответственность за положение дел в Восточной Африке была разделена между комендантами Софалы и Килвы. Однако в 1513 году капитания Килвы была упразднена, и позже северная часть побережья перешла под управление коменданта берега Малинди, а южная часть — коменданта Софалы. Последний имел также право контроля над всеми кораблями, которые осуществляли королевскую торговлю в регионе. Хотя комендант Софалы получал значительное королевское жалованье и имел право на долю от добычи в военных экспедициях, он все больше проявлял интерес к частной торговле. Поскольку в течение трех лет, пока он занимал свой пост, он имел по существу неограниченную власть над капитанией, невозможно было воспрепятствовать осуществлению его претензий на частную торговлю.

В зоне Индийского океана политическое и торговое могущество всегда были тесно связаны друг с другом. Мусульманские правители прибрежных городов (султаны, шейхи) предоставляли лицензии торговцам и сами всегда были главными торговцами и дилерами. Когда власть перешла к португальским комендантам, они стали делать то же самое. От коменданта Софалы ожидали, что он будет играть ту же роль и будет обращаться с судовладельцами, местными вождями и мусульманскими купцами точно так же, как делали это прежние шейхи. Но поскольку комендант был оплачиваемым чиновником королевской бюрократии, нарастал конфликт между интересами короны и интересами высших должностных лиц колониальной администрации. Жесткое ограничение срока комендантства тремя годами было продиктовано стремлением королевской власти превратить ко-

лониальных администраторов в послушных исполнителей своей воли и гарантировать себя от любых попыток колониальных функционеров выйти из повиновения метрополии. В то же время это ограничение срока комендантства усиливало их стремление к максимальному обогащению в столь короткий срок. Уже к 1510 году примерно три четверти португальской торговли на восточноафриканском побережье было в частных руках, главным образом, комендантов Софалы и Мозамбика.

Этому способствовало и то обстоятельство, что торговля золотом, для которой были учреждены королевские фактории, пришла в упадок, в то время как торговля слоновой костью росла и вовлекала все новые рынки. Поскольку комендантам подчинялись все, кто находился на королевской службе, а также и весь торговый флот, они имели возможность создать частную торговую сеть. Таким образом, возникли две конкурирующие торговые системы — королевская и частная. Коменданты при этом могли вознаграждать свой персонал щедрее, чем королевский двор вознаграждал за службу в фортах или факториях. Это соперничество было острым и опасным для комендантов, которые часто навлекали на себя гнев и наказания со стороны королевского двора. Однако пока комендант занимал свой пост, королевский фейтор и все королевские служащие демонстрировали ему свою лояльность.

Португальцы быстро обнаружили, что товары европейского происхождения абсолютно не пользуются спросом в Восточной Африке. Товары, которые обычно пользовались спросом на рынке в Мина, здесь никому не были нужны, так как местные жители привыкли к индийским товарам, особенно к товарам из Камбейи. Португальцы смогли начать здесь торговлю только после того, как вице-король Ф. де Алмейда послал им часть добычи, захваченной в Килве и Момбасе. Эти товары удовлетворили вкус африканцев, и португальцы стали понимать, какие товары им нужны.

Местные жители отдавали явное предпочтение индийским товарам, на которые они охотно обменивали золото и слоновую кость. Поэтому португальские купцы стали ввозить в Африку ткани и бусы, купленные в Индии. "Товары, которые здесь хорошо идут, — писал комендант Софалы королю в 1516 году, — это шелковая ткань, которая здесь стоит дороже, чем где-либо, поскольку они ("туземцы") ее очень ценят, а также бусы... и другие

товары из Индии"[31]. Эти ткани, свидетельствовал в конце XVI века Диогу де Коуту, "очень ценятся кафрами, которые делят их на куски и носят вокруг талии. Они считают их самым роскошным нарядом в мире. Они (купцы — *Авт.*) берут также для своей торговли мелкие бусы, сделанные из гончарной глины, зеленые, синие или желтые, из коих делаются ожерелья, которые кафрские женщины носят на шее так же, как наши — дорогие ожерелья"[32].

Португальцы ввозили в Африку из Индии довольно широкий ассортимент бус, о чем свидетельствует, например, расписка алкайд-мора и фейтора Мозамбика от 6 мая 1517 года в том, что они получили 800 связок синих стеклянных бус, 22 связки оловянных бус и 20 янтарных бус, "как грубых, так и изящных"[33].

Сохранились некоторые торговые счета фактории Софалы, которые дают представление о масштабах этой торговли. За 20 месяцев в 1508—1509 годах в факторию поступило около 1900 унций золота и 10 тысяч фунтов слоновой кости, купленных португальцами у коренных жителей и арабских купцов. За тот же период она получила из Индии и реализовала в обмен на золото и слоновую кость более 10 тысяч ярдов тканей и более 8,6 тысяч фунтов бус[34].

Португальская торговля была в этот период "треугольной": в Индии закупались ткани и безделушки, которые везли в Африку; там их обменивали на золото и слоновую кость, которые в свою очередь, частично вывозили в метрополию, частично — в Индию, где обменивали на специи, которые тоже попадали в метрополию и другие страны Европы. Таким образом, ничего не давая сама, Португалия получала все при помощи неэквивалентного торгового обмена между Африкой и Азией.

Рост торговли слоновой костью способствовал основанию новых поселений вдоль мозамбикского побережья. Торговые города выросли в Мома, Сангажи, Бажоне и в Ангоши. После того, как остров Мозамбик был оккупирован португальцами и превращен в морскую базу, правящая семья острова перебралась

---

[31] Documentos sobre os portugueses... Vol. IV. Doc. 16. P. 292.

[32] *Couto D.* Da Asia: dos feitos que os portugueses fizeram na conquista — Theal M. Records... Vol. VI. P. 317.

[33] Documentos sobre os portugueses... Vol. V, Doc. 21, P.156.

[34] *Tindall P.E.* A History of Central Africa. N. Y., Wash., 1967. P. 39.

в Санкул на континенте, в то время как поблизости выросли другие поселения — Кабасейра и Китангонья. Многие из них были вовлечены в торговлю слоновой костью, но еще более важным для их процветания оказалось обслуживание португальских флотов и поселений.

Поскольку португальские порты в Восточной Африке имели исключительно важное стратегическое и торговое значение как опорные базы на великом морском пути в Индию, португальский королевский двор рассматривал их, прежде всего, как ключ к Индийскому океану.

Восточноафриканские владения были в административном отношении отнесены к так называемому "Государству Индия", то есть к Восточной империи Португалии, растянувшейся от мыса Доброй Надежды до Индонезии и подчинявшейся вице-королю в Гоа. Лиссабон сконцентрировал свои усилия на создании цепи укрепленных фортов и факторий на берегах Индийского океана.

На восточноафриканском побережье португальские гарнизоны в первой половине XVI века были очень многочисленными, и число солдат часто увеличивалось с прибытием из Индии флотов, которые были вынуждены зимовать в этих портах.

В 1506 году в Килве, согласно платежной ведомости, гарнизон состоял из 85 солдат, а гарнизон Софалы насчитывал от 41 до 71 человека. Особенно многочисленным был гарнизон острова Мозамбик, причем прибытие флотов из Индии иногда увеличивало его численность в 10 раз. Например, в 1548 году Франсишку Баррету привел в Мозамбик эскадру, которая увеличила численность его гарнизона на 1000 человек, а в 1569 году он же прибыл туда с командой в 800 человек, которые оставались в Мозамбике в течение следующих 6 лет. Кроме того, каждый приходивший туда корабль оставлял в королевском госпитале на острове Мозамбик больных. Там всегда были спасшиеся в результате кораблекрушений пассажиры, ожидавшие корабля, чтобы добраться до Индии, и миссионеры, направлявшиеся "спасать души" всюду от Китая до Эфиопии[35].

К середине XVII века португальские форты в Восточной Африке были снабжены сильными гарнизонами и укреплены по

---

[35] *Newitt M.* A History of Mozambique. Bloomington, Indianapolis, 1955. P. 28.

последнему слову фортификационного искусства. Вот что представляли собой некоторые из этих крепостей в описании современника (1635 г.): "Тете — португальское поселение, расположенное на территории королевства Макаранга на берегу реки Замбези... Это поселение со всех сторон окружено стеной высотой 11/4 морской сажени с 6 бастионами, имеющими несколько пушек весом по 8 фунтов... Крепость Софала, маленькая сама по себе, построена в форме квадрата с бастионом в каждом углу. Она построена полностью из камня и извести. Стена на каждой стороне имеет 10 морских сажень в длину, 5 в высоту и 5 ладоней в толщину."[36].

Одной из сильнейших и важнейших португальских военных баз во всем "Государстве Индии" была крепость Св. Себастьяна на коралловом острове Мозамбик. Она имела 4 сильно укрепленных бастиона, водохранилище, рассчитанное на полтора миллиона галлонов воды, и могла выдержать многомесячную осаду. Гарнизон крепости, согласно инструкции, должен был состоять из 100 солдат, одного канонира и пяти бомбардиров[37].

Португальская колонизация восточноафриканского побережья оказала значительное влияние на социально-экономическую структуру региона. Торговцы золотом и слоновой костью нанимали африканскую рабочую силу для добычи и поиска этих товаров в глубинных районах, а также поощряли производство товаров, пользовавшихся спросом на международном рынке. Рост разветвленной инфраструктуры португальской морской империи привел к диверсификации экономической активности, а также увеличению спроса и предложений. Постоянно рос спрос на рабов, и они прибывали из глубинных районов в прибрежные порты во все увеличивающемся количестве. В связи с широкими строительными работами португальцы нанимали большое число рабочих-пильщиков для изготовления досок, каменщиков, носильщиков, маляров, рабочих по обжигу извести, кровельщиков, угольщиков, а также поваров, лодочников, ловцов жемчуга и губок[38]. На африканском побережье было мало мест, где можно было раздобыть хороший камень пригодный для строительных работ. Для строительства форта Иисуса

---

[36] *Theal G.M.* Records. Vol. II. P. 413, 403—404.
[37] *Axelson E.* Portuguese in South-East Africa, 1600—1700. Johannesburg, 1960. P. 2—3.
[38] Documents on the portuguese. Vol. 4. P. 296—501.

в Момбасе, завершенного в 1593 году, камень пришлось возить с Коморских островов.

Прибытие флота всегда повышало спрос на матросов для замены больных членов команды. Прибывавшие корабли также нуждались в ремонте: канаты из кокосовых волокон и смола пользовались большим спросом, что дало толчок к развитию местной промышленности, специализировавшейся на их производстве. Местные ремесленники также изготовляли и продавали португальцам шляпы, корзины, циновки, различные изделия из золота и панцирей черепах[39]. Португальцы также покупали в больших количествах местные ткани, изготовлявшиеся ткачами Софалы, нижнего Замбези, Керимба и Мадагаскара. Однако наибольшее влияние на местную экономику оказал спрос на провизию: для удовлетворения потребностей гарнизонов и прибывавших флотов закупалось большое количество продуктов питания. Например, только в течение 1513—1514 годов фактория Софалы закупила 287 000 кг сорго. Кроме того, фейтор купил также очень много риса, мяса, соли, масла, гороха и сахара[40].

Приобретение таких больших количеств провизии было постоянной проблемой. В течение 1511 года, например, рационы питания в Софале пришлось резко сократить, и фейтор сообщал, что "припасов сейчас мало и их негде взять в этой стране".

Скот, фрукты и рис в большом количестве импортировались также из Мадагаскара и Коморских островов. Эти последние стали, в частности, главными поставщиками продовольствия для острова Мозамбик.

Эта зависимость, вероятно, может служить объяснением того, казалось бы, непонятного факта, что португальцы никогда не предпринимали попыток завоевать Мадагаскар и Коморские острова.

Снабжение продовольствием и товарами местного производства явилось полезным дополнением к экономической активности португальцев, основанной на покупке золота и слоновой кости. Благодаря этому экономическому буму появлялись новые поселения на побережье, а их население быстро росло за счет иммиграции из глубинных районов. Однако экономический рост не достиг таких масштабов, чтобы произошла экономическая

---

[39] *Santos Joao dos*. Ethiopia Oriental. Evora, 1609. P. 347.

[40] Documents on the Portuguese. Vol. 3.

революция. И в промышленности и в сельском хозяйстве по-прежнему использовались традиционные технологии, существовавшие до прибытия португальцев. Единственной сферой, в которую португальцы привнесли европейскую технологию, было военное дело. До прибытия европейцев жители восточноафриканского побережья не знали огнестрельного оружия. Их вооружение состояло из луков, стрел, копий и ножей[41]. Во всех других сферах португальцы сами приспособились к местным моделям производства. Они даже пользовались местным судоходством и нанимали местных лоцманов и капитанов.

Кроме кукурузы, португальцы не ввезли других американских продовольственных культур. Растущий спрос на многие товары представлял собой потенциальную возможность для технологических изменений и для реорганизации социально-экономических отношений в Восточной Африке. Несомненно, существовали возможности для развития текстильной, судостроительной, пищевой и других видов промышленности. Однако эти возможности не были использованы португальскими колонизаторами, которые смотрели на завоеванные ими земли, прежде всего, как на источник быстрого обогащения. Их больше всего интересовали золото и слоновая кость, позволявшие им вести "треугольную торговлю" с Индией.

Более того, они нанесли непоправимый ущерб экономике Восточной Африки. Португальская колонизация разрушила издавна сложившуюся систему экономических связей и ликвидировала ряд крупных арабо-суахилийских торговых центров в Восточной Африке.

Возникшие в XV—XVI веках португальские фактории нанесли сильный удар по транссахарской торговле, которую вели арабские купцы с мусульманскими государствами Северной Африки, и позволили португальцам отвести значительную часть этой торговли на свои суда и торговые центры.

---

[41] *Serra Carlos.* Para a historia da arte militar moçambicana. Maputo, 1983. P. 45.

Глава седьмая

БОРЬБА ПОРТУГАЛЬЦЕВ С АРАБАМИ И МАМЛЮКАМИ ЗА ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Вскоре после возвращения Васко да Гамы из второго путешествия в Индию португальская корона приступила к решению трудной проблемы — изысканию финансовых средств для снаряжения новых флотов и покупки специй. Венецианцы были в состоянии оплачивать свои громадные закупки перца на Востоке благодаря диверсификации своей торговой активности и состоятельности вовлеченного в торговлю среднего класса. Однако даже Венеция вынуждена была частично оплачивать закупки перца серебром и золотом. Этот поток золотых и серебряных слитков из Европы на Восток стал главной причиной периодической нехватки благородных металлов, от которой в средние века страдала Европа. Португалии было далеко до венецианской сети торговых связей, и она могла лишь мечтать о необходимых для финансирования закупок перца масштабе или диверсификации внешней торговли.

Поскольку на рубеже XVI века из-за войны между Венецией и Турцией цены на перец были исключительно высокими, ранние португальские экспедиции финансировались германскими банкирскими домами. Однако к концу первой декады XVI века, когда цены начали падать, португальская торговля с Востоком оказалась под угрозой краха не из-за технических трудностей путешествия в Индию и не из-за вооруженного сопротивления на Востоке, а из-за отсутствия финансовых средств. Пытаясь покрыть торговый дефицит, португальцы были вынуждены продавать часть перца в Антверпене, покупая там золото и серебро. Именно в связи с этой острейшей и растущей финансовой проблемой португальская корона решила утвердить свою политическую власть и господство на Востоке. Таким образом, выдвижение идеи создать империю на Востоке, которая оплачивала бы расходы на закупку специй, было следствием того, что Португа-

лия испытывала трудности в оплате этих закупок, а стоимость снаряжения фрахта флотов превышала финансовые возможности одного из беднейших государств Европы. Португалия могла принять участие в доходной торговле, которую вели между собой страны Востока и, таким образом, положить начало многосторонней торговле, прибыли от которой могли бы покрыть основные расходы на покупку перца. Такая торговля была бы не только прибыльной, но и открыла бы Португалии доступ к источникам благородных металлов — к персидскому серебру и восточноафриканскому золоту.

Реализуя эту идею, португальцы начали во все больших масштабах торговать в Камбайе и Короманделе тканями, персидскими лошадьми, африканской слоновой костью, слонами, цейлонскими и другими товарами, не предназначенными для ввоза в Европу.

За решением вступить на эти рынки последовала попытка превратить торговлю наиболее прибыльными азиатскими товарами в королевскую монополию, использовав военно-морскую мощь Португалии для контроля над морскими коммуникациями в Индийском океане.

В основу политики Португалии на Востоке была положена оригинальная доктрина, суть которой выражала формула "Португалия является хозяйкой моря подобно тому, как короли и султаны Востока — хозяева на суше". Точно так же, как последние взимали дань и таможенные пошлины с торговцев, пользующихся их портами и покровительством, так и португальская корона претендовала на то же самое на море и начала взимать пошлины со всех грузов и выдавать "охранные грамоты" уплатившим им купцам.

Получаемые таким путем доходы позволили Португалии оплачивать расходы на военно-морской флот и на закупку перца. Другим широко распространенным способом получения доходов были грабеж и обложение данью. Суда, плававшие без португальских "охранных грамот", подвергались грабежу, а прибрежные государства принуждались платить дань продуктами, золотом и другими товарами. Однако, когда была установлена система таможенных пошлин, количество грабежей и обложений данью уменьшилось, хотя полностью они никогда не прекратились.

Эта стратегическая доктрина, имевшая своей целью установление португальского политического владычества в Индийском оке-

ане, была впервые сформулирована в королевских инструкциях, данных в 1505 году вице-королю Франсишку де Алмейде. Центральная роль в ней была отведена Восточной Африке. Португальцы рассчитывали резко увеличить масштабы закупок золота из Софалы и Килвы, за счет которого надеялись покрыть закупки перца в Индии. Восточная Африка была важна для них еще и в другом плане. Еще до прибытия португальцев Килва процветала как часто посещаемый порт и место длительной стоянки для купцов, которые не могли завершить путешествие на юг в один сезон. Португальцы стали использовать восточноафриканские порты точно так же. Суда, совершавшие далекие плавания между Индией и Европой, нуждались в портах, где они могли сделать ремонт, высадить больных членов команды, набрать свежую команду, запастись пресной водой и провизией. Именно такую роль португальцы отвели Килве и Софале. Для этого оба города должны были быть оккупированы и превращены в крепости. Там должны были быть основаны фактории скупки золота. Как видно из королевской инструкции Франсишку Алмейде от 5 марта 1505 года, кроме крепостей в Софале и Килве, которые должны были обеспечить португальский контроль над торговлей золотом, планировалось также строительство крепостей в Красном море, чтобы блокировать проливы для арабского судоходства, а в Коулоне и Анджидива — для обеспечения контроля над торговлей специями.

В отношении арабских купцов Алмейде предписывалось проводить бескомпромиссно жесткий курс: "Вы должны впредь захватывать всех купцов-мавров... и все золото и товары, которые при них найдете. Этим вы окажите нам ценную услугу, а этих мавров сделайте невольниками". Продажа оружия маврам была строжайшим образом запрещена[1].

Выполняя приказ, Алмейда с флотом из 20 кораблей подошел к восточноафриканскому побережью и 24 июля 1505 года захватил Килву.

По свидетельству Ж.Барруша, Алмейда низложил султана Абрахама, бежавшего из Килвы, и поставил на его место марионеточного правителя Мухаммеда Анкони[2].

---

[1] *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI—XVIII) М., 1976. С. 103.

[2] *Barros J.* D'Asia. Lisboa, 1945. Dec.I. Livro III. P .323—328.

Султан Софалы Юсуф, опасаясь, как бы его не постигла судьба Абрахама, принял предложение португальского военачальника Перу де Анайя о строительстве в городе фактории и крепости.

В военно-экономической системе, созданной Португалией в Восточной Африке, Софале отводилось особое место. Она должна была стать не только главным портом для вывоза африканского золота, но также и главной военной крепостью для защиты этой торговли от соперников-арабов. "Это истинная правда, сеньор, — писал королю в декабре 1506 года военачальник Перу фогаса, — что Софала относится и всегда будет относиться к лучшему из того, что Ваше Величество здесь имеет"[3].

Португальцы стремились укрепиться на восточном побережье Африки, прежде всего, чтобы монополизировать торговлю золотом. Для этого им нужно было устранить конкурентов-арабов, выступавших в качестве торговцев-посредников, и самим вступить в прямой контакт с жителями хинтерлянда, привозившими золото в прибрежные порты. Однако усилия португальцев принесли на первых порах лишь частичный успех. Арабы обосновались в Восточной Африке слишком давно и были слишком многочисленны, чтобы их можно было легко одолеть с теми незначительными военными силами, которыми располагали тогда португальцы. Один из португальских военачальников писал королю в 1511 году, что "по его мнению, мавров Софалы не следует выгонять, а лучше оставить их в покое и позволить им посещать дома кафров (африканцев — *Авт.*). И что требуется много людей, чтобы изгнать мавров. И что даже если они будут изгнаны, от этого ничего не изменится, ибо он узнал, что в стране Мономотапы находятся более 10 000 мавров, которые там всюду бывают, и изгнать их невозможно."[4].

С этого времени Индийский океан стал ареной соперничества между португальцами и арабами, принявшего форму ожесточенной вооруженной борьбы за монополию на международную торговлю специями из Индии, за обладание основными коммуникациями, портами, наиболее удобными путями для судоходства, а также за африканское золото. Понимая, что конечный результат в борьбе с арабами за обладание монополией на тор-

---

[3] Documentos sobre os portugueses em Moçambique e na Africa Central. 1497—1840. 6 vols. Lisboa, 1962—69. Vol. I. Doc. 116. P. 757.
[4] Ibid. Doc. 3. P. 16.

говлю с Востоком в значительной степени зависит от того, в чьих руках будет находиться восточное побережье Африки, португальцы предприняли в начале XVI века строительство обширной цепи фортов вдоль всего этого побережья. В 1506 г. была построена крепость Мозамбик, а несколько позже — крепости Моссуриси, Сан-Лоренсу, Санту-Антониу, Сан-Жуан-да-Ибо, Носса Сеньора да Консейсан, Сан-Жуан да Боа Виста и др.[5].

Цепь португальских портов в первые десятилетия XVI века протянулась вдоль всего восточноафриканского побережья, проходя по береговой линии современных Кении, Танзании и Мозамбика. Главными целями создания этой системы укрепленных фортов были захват плацдармов для дальнейшей экспансии на восток, получение доступа к восточноафриканскому золоту и установление контроля над великим восточным торговым путем, проходившим через Красное море и контролируемым арабами, чтобы заменить его морским путем вокруг Африки, контролируемым португальцами. Португальцы, таким образом, прилагали максимальные усилия для того, чтобы заблокировать арабскую торговлю и сохранить в своих руках морской путь вокруг Африки, что не только давало им полную монополию на торговлю с Востоком, но и освобождало от тяжелых пошлин, налагаемых на контролируемую арабами торговлю на Ближнем Востоке. Поскольку оккупация Восточной Африки была подчинена этим главным задачам, Лиссабон, учитывая недостаток материальных и людских ресурсов, сознательно стремился ограничить ее только стратегически важными пунктами вдоль побережья, избегая распространения экспансии на внутренние районы континента. Кроме того, португальцев интересовали на побережье удобные порты и гавани, через которые можно было бы вывозить из Африки золото, слоновую кость и другие ценные товары. Поэтому они основательно "прочесывали" восточноафриканское побережье, не намереваясь, по выражению одного историка, "оставить хоть одну гавань не посещенной и хоть один камень не перевернутым"[6].

Кроме того, специальная португальская эскадра патрулировала побережье между Килвой и Софалой, захватывая мусульманские суда, не имевшие лицензии на торговлю. В Килве и Со-

---

[5] Monografias das colonias portugueses. Lisboa, s.d. P. 76.

[6] *Vlahos O.* African Beginnings. York, 1968. P. 237.

фале фейторы действовали как королевские представители, покупая все золото, приходившее из хинтерланда, и продавая торговцам ткани и другие товары.

Первоначально идея португальцев состояла в том, чтобы не изгонять мусульманских купцов из торговли, а заставить их вместе с африканскими помощниками работать в качестве посредников на португальцев[7]. Однако этот план оказался трудновыполнимым. Первая трудность состояла в том, что у португальцев не было товаров, пользовавшихся спросом на африканском рынке. Европейская одежда никого не интересовала, а индийские ткани продавали и арабские купцы.

Вторая трудность заключалась в том, что контролирование Килвы и Софалы португальцами было связано со значительными сложностями. Возник конфликт между португальцами и традиционными правителями этих городов, которые прежде сами выдавали купцам лицензии на торговлю, определяли цены, собирали пошлины и контролировали сложную торговую сеть, существовавшую в Восточной Африке и в Индийском океане. В Килве португальцы надеялись решить эти проблемы, посадив на трон свою марионетку. Однако в 1506 году вспыхнули серьезные столкновения между сторонниками нового и смещенного султанов. В результате ведущие купеческие семьи стали выезжать из города, так как для них династические распри были, вероятно, не так важны, как потеря их торговли. К 1513 году купцы перестали посещать Килву, вследствие чего португальцы вынуждены были покинуть свою факторию и разрешить вернуться в Килву смещенному султану[8].

События в Софале были не менее драматическими, но имели иной результат. Обосновавшись в Софале, Перу де Анайя начал создавать широкую сеть торговых контактов, посылая подарки местным вождям, принимая их посланцев и давая в долг товары. Это создавало угрозу для статуса и власти султана Юсуфа. В августе 1505 года он бежал из Софалы и укрылся во внутренних районах. В следующем месяце союзники Юсуфа — местные арабы и народность каранга под руководством вождя Мокондо напали на форт и пытались его разрушить. Но гарнизон, возглав-

---

[7] *Newitt M.* A History of Mozambique. P. 19.
[8] Ibid. P. 19—20.

ляемый Перу де Анайя, отбил атаку[9]. Португальцы посадили на трон в Софале нового султана по имени Сулейман.

В захваченных районах португальцы ввели режим ничем не ограниченного произвола, насилия и разбоя. Даже дружественно настроенный к португальцам "союзник" короля Португалии султан Малинди по имени Али вынужден был пожаловаться ему в одном из писем: "Наша преданность вам... столь велика, что вряд ли можно найти такую другую в мире в наши дни... Когда мы видим ваших людей, мы готовы носить их на головах, но их дела и слова в отношении нас грубы, они плохо относятся к тем, кто прибывает в наш порт, и даже захватывают их... ваши люди отбирают здесь много тканей и товаров у мавров и индийцев, они отняли у них 9500 рулонов ткани"[10]. В другом письме Али сообщал: два судна "прибыли в порт Малинди, и португальцы начали его грабить, давать взятки и захватывать ткани... А когда мы потребовали, чтобы они прекратили это делать, они ответили: "Нам повелел так делать король". Они захватили суда, направлявшиеся в Малинди, и избили матросов, причинив им огромный вред"[11].

Местное население — суахили — было лишено элементарных человеческих прав, подвергалось унижениям и грабежам, для которых использовались самые нелепые поводы. В этой связи характерно следующее свидетельство португальского хрониста Ж. душ Сантуша: "Если цыпленок, принадлежащий мавру, забрел в жилище христианина, и этот мавр спросит о нем, христианин отвечает, что цыпленок пришел в его дом, так как хочет стать христианином, и поэтому он не может его вернуть. С помощью того же метода грабежа они берут коз и свиней, которых мавры выращивают для продажи португальцам. Если христианин, перешагнувший порог дома мавра, случайно ушибется или споткнется о камень, или причинит себе иной вред, несчастный мавр или мавританская женщина, которым принадлежит жилище, должны возместить этот ущерб тканями, курами или мешками риса по желанию этого христианина"[12].

Фактории в восточноафриканских городах приносили португальцам немалые доходы. В 1506 году в Индию было отправ-

---

[9] *Lobato A.* Expansão portuguesa em Mozambique de 1498 a 1530. Lisboa, 1960. Liv. III. P. 32.

[10] Documentos sobre os portugueses... Vol. VI. P. 46.

[11] Ibid.

[12] *Santos J.* Ethiopia Or iental. — Theal G.M. Records of South-Eastern Africa. Cape Town. 1964. Vol. II. Cap. XI.

лено 4000 метикалов золота (примерно 17 кг), в 1506—1509 годах за 18 месяцев было послано в Индию 8000 метикалов (34 кг), а в 1512—1513 годах за 8 месяцев — 7000 метикалов (31,75 кг)[13].

Однако произвол и насилия, чинимые португальцами, то и дело вызывали восстания местного населения. Они положили конец торговле золотом и функционированию традиционных ярмарок. Это наряду с бегством знатных купеческих семей из Килвы и Софалы привело к переориентации португальской торговой активности. Теперь ее главными центрами стали Коморские острова, Ангоши и торговые города бассейна Замбези.

К 1513 году, когда португальцы покинули свою факторию в Килве, их активность в Индийском океане все больше проявлялась в насильственном навязывании своей монополии на торговлю и своего политического контроля. Такое развитие событий отвечало интересам португальских фидалгуш, служивших на Востоке. Командиры морских экспедиций набирались из мелкого португальского дворянства. Это были люди, искавшие удачу и богатство на службе королю или одному из принцев. На родине в Португалии они могли жить только за счет подачек своего патрона и ждать, когда он назначит им постоянное содержание, в обмен за что они должны были записаться в какую-либо организуемую им экспедицию. Это был профессиональный класс воинов, жаждавших участвовать в войне, чтобы снискать славу, заработать награды и состояние. Эти надежды скорее могли сбыться на Востоке, чем в Португалии.

Вооруженные арбалетами, мечами и копьями и закованные в латы, которые они носили даже в самых жарких странах, португальские фидалгуш и их слуги были грозными воинами, хотя их число было слишком мало, чтобы установить господство над Индийским океаном, если бы они воевали только на суше. Однако в ходе проведения пиратских экспедиций в XV веке португальцы ввели технологические инновации в военно-морское искусство, что явилось одной из самых значительных "технических революций" нового времени.

В конце XV века значительное развитие в Португалии получили такие науки, как астрономия, география и картография. Португальские мореходы имели некоторые астрономические

[13] *Newitt M.* Op. cit. P. 20.

познания и научились применять их для ориентации по звездам[14]. Португальцы уделяли большое внимание изучению силы, направления и скорости ветров, морских течений, обследовали моря и приобрели значительные по тому времени познания в области метеорологии и океанографии.

Особенно большую роль в успехе ранней португальской заморской экспансии сыграло изучение картографии, в котором португальцы к концу XV — началу XVI века преуспели больше других европейцев. В Португалии работал крупный немецкий картограф Мартин Бехайм, изготовивший в 1492 году самый старый из сохранившихся глобусов ("земное яблоко"). В XVI веке в Португалии существовала целая школа картографии, выдвинувшая ряд выдающихся ученых (Педру Рейналь, Жорж Рейнель, Лопу Омень, Диогу Рибейру, Ф. Доураду и др.). Успехи картографии давали португальцам ряд преимуществ, которые они использовали в борьбе со своими соперниками. В то время как португальские капитаны, плававшие в Индийском океане и других морях, располагали сравнительно точными картами, их английские, французские и голландские конкуренты часто вынуждены были платить высокую цену за неточные (а иногда и ложные) карты и информацию, которые продавали им арабские купцы и моряки.

Успехи португальцев были обусловлены также высоким уровнем их военного искусства, выдвинувшего в то время Португалию в число сильнейших мировых держав, и наличием у них могучего военно-морского флота. Ф.Энгельс, характеризуя развитие кораблестроения и навигации в XV—XVI веках, писал: "Все усовершенствования, какие были введены, принадлежали итальянцам и португальцам, которые теперь стали самыми смелыми моряками... Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась для всех морских наций, также явилась эпохой образования крупных военных флотов для защиты только что основанных колоний и торговли с ними"[15].

Основу морского могущества португальцев составляло их высокое мореходное искусство и сравнительно высокий уровень развития судостроения.

---

[14] *Pereira Duarte Pacheco.* Esmeraldo de situ Orbis. Lisboa, 1892.

[15] *Энгельс Ф.* Военно-морской флот. К.Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 14. С. 381—382.

В конце 30—40-х годов XV века главную роль в португальском флоте стала играть каравелла: двух- или трехмачтовый корабль с треугольными парусами, которые облегчали плавание при неблагоприятных ветрах. Это так называемое косое парусное вооружение, а также заостренные формы корпуса делали каравеллу очень маневренным, легким и быстроходным судном (при попутном ветре ее скорость достигала 22 км в час)[16].

Были построены корабли, способные выдерживать многомесячные плавания, не заходя в порт, а также штормы Атлантики. Географические карты португальцев и их знания в области картографии и навигации не имели себе равных вплоть до XVII века. Однако важнейшее нововведение португальцев в военно-морском деле состояло в том, что они оснастили свой флот артиллерией. Пушки, будучи поставленными на корабли, оказывались весьма эффективными, поскольку любой город на побережье Индийского океана не был отныне гарантирован от бомбардировки и разрушения со стороны моря.

Мусульмане — главные морские противники португальцев — продолжали сражаться с помощью галер в надежде на абордаж, но в открытом море оказывались беспомощными против маневренных парусных судов противника, вооруженных артиллерией, которая была совершенно неизвестна жителям стран Индийского океана[17].

При первых двух вице-королях на Востоке Франсишку де Алмейде (1505—1509 гг.) и Аффонсу Албукерки (1509—1515 гг.) португальцы успешно подавляли вооруженное сопротивление мусульман и построили базы у входа в Персидский залив и в Малаккском проливе, а их военные флоты регулярно патрулировали западное побережье Индии и подступы к Красному морю. Эти португальские военно-морские силы обеспечивали торговую монополию королевских факторий, уничтожая соперничающие центры международной торговли в Восточной Африке. В 1506 году Триштан да Кунья, задержанный в Мозамбике встречным муссоном, возглавил рейд через Мозамбикский пролив, разграбил Сада и Лангане на северо-западном побережье Мадагас-

---

[16] *Martins A.* Historia da civilizacão portuguesa. Porto, 1952, P. 163.

[17] *Cipolla C.M.* Guns, Sails and Empires. Technological Innovaton and the Early Phases of European Expansions (1400—1700). N.-Y., 1965. P. 102—103 .

кара и вернулся только тогда, когда встречные ветры помешали его кораблям обогнуть северный мыс острова.

Одновременно португальцы укрепляли свое владычество над африканскими территориями. Исключительно важное стратегическое значение в вынашиваемых Лиссабоном планах создания всемирной колониальной империи придавалось Восточной Африке, где португальцы создали сильные и хорошо укрепленные опорные пункты в Софале, Килве, Момбасе и на острове Мозамбик.

Самым важным звеном в системе португальских укрепленных пунктов в Восточной Африке был Мозамбик. Решение учредить штаб-квартиру в Мозамбике было принято после предварительного обсуждения альтернативы Мадагаскара и поисков там порта, удобного для стоянки судов на полпути к Индии[18]. С этой целью на Мадагаскар была даже послана экспедиция Триштана да Кунья (1506 г.), но ее единственном результатом стало новое название огромной бухты напротив Мозамбика. Через несколько лет она была названа бухтой Марии да Кунья в честь невестки знаменитого флотоводца.

Вскоре в связи со слухами о существовании специй на Мадагаскаре туда был отправлен Диогу Лопиш де Секейра. Когда Секейра выяснил, что специи, найденные на Мадагаскаре, были остатками груза потерпевшей крушение малайской джонки, король поставил перед ним новую задачу: исследовать землю, называемую Малаккой, и проживающий там народ. Ему было поручено выяснить природу этой страны; расстояние до нее; какими товарами она торгует; конструкцию кораблей; богатство народа, был ли он воинственным, их обычаи и есть ли среди них христиане.

Так Секейра стал первым португальцем, посетившим город Малакка. Он увидел там множество китайских джонок, но враждебность малайцев помешала ему войти в непосредственный контакт с китайскими и сиамскими купцами. Мусульмане — давние враги португальцев — настроили малайского султана против Секейры: ему и его спутникам лишь чудом удалось избежать смерти благодаря наблюдательности одного юнги. Когда Секейра играл в шахматы на палубе своего корабля, несколько знатных

---

[18] *Barros J.* Op. cit. Dec.III. P. 6—15; *Gois D.* Op cit. Parte I. Cap. 102.

малайцев, у каждого из которых был спрятан кинжал, внимательно следили за игрой. Сидевший на марсе бизань-мачты юнга неожиданно заметил, что из дворца султана был дан сигнал малайцам, находившимся на португальском корабле. Юнга стал громко кричать, и малайцы бросились в свои лодки и в воду.

Секейра вернулся в Португалию с пустыми трюмами, но с обширной информацией о Восточной Азии. Мадагаскар оказался непригодным для устройства главной военно-морской базы, хотя многие отказывались поверить, что на таком огромном острове нет золотых сокровищ.

После этого в качестве штаб-квартиры португальских колониальных владений в Восточной Африке был выбран Мозамбик.

Основанная в 1508 году крепость на острове стала играть роль главного бастиона португальского колониального владычества к югу от мыса Делгадо. Со временем остров Мозамбик превратился и в административно-политический центр португальских колониальных владений в Восточной Африке. Это было связано, в первую очередь, с его экономическим значением. Здесь находился порт, наиболее часто посещаемый индийскими, арабскими и другими азиатскими купцами, и близко расположенный к арабо-суахилийским городам на севере. Кроме того, именно сюда стекались золото и слоновая кость из Софалы, которые в Мозамбике перегружались на суда, шедшие в Индию. В гавани Мозамбика постоянно стояли на якоре корабли из Индии и Португалии. "Через порт проезжали вице-короли, преступники, поэты, случайные иностранные визитеры — все, влекомые на восток соблазном неожиданной удачи. Порт острова процветал как склад людей и товаров и превратился в центр местной торговли, из которой португальцы в Индийском океане извлекали больше прибыли, чем из торговли между Востоком и метрополией"[19].

В марте 1509 года из Португалии в Восточную Африку вышла эскадра во главе с маршалом Т. Коутинью, которая прибыла в порт Мозамбик 26 августа[20]. В числе офицеров этой эскадры был будущий знаменитый португальский конкистадор Антониу де Салданья, которому было поручено принять на себя командо-

[19] *Duffy J.* Portuguese Africa. Cambridge, 1959. P. 33.
[20] *Barros J.* Op. cit. Dec.II. Liv. III. Cap. IX.

вание гарнизоном Софалы, а также всей капитанией Софалы. "Пожалование капитании Софалы Антониу де Салданье было своего рода премией за оказанные услуги, так как Софала тогда рассматривалась как источник золота и очень важный торговый центр", — пишет португальский историк А.Лобату[21].

В 1507 году заместитель да Куньи Албукерки атаковал Ожа и Брава на суахилийском побережье, а затем захватил Сокотру и подверг систематическим грабежам портовые города Хадрамаута. В 1509 году наступила очередь Мафия, Занзибара, Пембы. Они были разграблены и обложены данью флотом Дуарти де Лемуша[22].

Хотя эти акции помогли наполнить королевские фактории награбленными товарами и обогатили солдат, захвативших большую добычу, они, однако, мало могли помочь португальцам установить монополию в международной торговле региона. К 1511 году они пришли к пониманию того, что центром шедшей у них под носом контрабандной арабской торговли был остров Ангоши.

Изгнанные португальцами из большинства прибрежных городов, арабские негоцианты перенесли торговлю в Ангоши, где не было португальцев и где они пользовались покровительством шейха, имевшего относительно сильную армию и флот. В представленном королю Мануэлу I отчете о письмах Салданьи читаем: "Он говорит.., что узнал, что вся торговля проходит через Ангоши, и что товары везут оттуда к Маена (р. Замбези — *Авт.*)... Там находится большое поселение, где все кафрские и маврские купцы страны собираются вместе, торгуют и устраивают свои рынки, и что объем этой торговли очень велик."[23]. Салданья предложил план ликвидации арабской торговли в Ангоши. Согласно нему, португальская эскадра из нескольких каравелл должна была круглый год патрулировать побережье вблизи Ангоши, чтобы заблокировать остров и не выпускать и не впускать туда арабские торговые суда[24]. Этот план, видимо, был принят королевским двором. Но патрулирование берега не прекратило арабской торговли в Ангоши. Тогда португальцы организовали военную экспедицию, которая сожгла город и захватила шерифа. В том же году возникли волнения в Со-

---

[21] *Lobato A.* Da epoca e dos feitos de Antonio de Saldanha. Lisboa, 1964. P. 29.

[22] *Gray Birch Walter de* (ed.) Commentaries of the Great Afonso d'Albuquerque. 4 Vol. L., 1875—84; *Axelson E.* Portuguese in South-East Africa. 1600—1700. Johannesburg, 1960

[23] Documentos sobre os portugueses... Vol. III. Doc. 3. P. 14.

[24] Ibid. P. 16.

фале. Португальцы убили местного султана и заменили его другим. Даже после уничтожения Ангоши и большей части мусульманского судоходства, исторические центры Килва и Софала продолжали сохранять свой контроль над торговлей в Индийском океане. Порты и ярмарки района Замбези, как и Коморские острова, были еще свободны от португальского вмешательства. Города к югу от Софалы (Чилуане и другие) и такие районы, как острова Керимба с их текстильной промышленностью продолжали процветать. Тот факт, что португальцы сохранили нетронутой существенную часть мусульманской торговли в регионе, не должен вызывать удивление. Дело в том, что португальцы никогда не ставили перед собой цель полностью уничтожить всю мусульманскую торговую активность. Их цель была иная — подорвать монополию мусульманских шерифов и султанов на международную торговлю золотом. Ко второй декаде XVI века португальцы сумели интегрироваться в торговую сеть на восточноафриканском побережье. Их вооруженные набеги на отдельные города и поселки носили не постоянный, а спорадический характер. Более того, фактория в Софале и морская база в Мозамбике зависели от местного населения в снабжении провизией, и именно растущее вовлечение португальцев в местную экономику региона помогло избежать большего насилия.

Тем не менее, португальцы понимали, что торговля золотом, которая велась в районе Замбези, все еще ускользала от их контроля. Попытка учредить факторию в дельте Замбези была предпринята еще в 1513 году, но потерпела неудачу, а идея блокады устья реки оказалась бесполезной[25]. Во внутренние районы было отправлено большое число разведывательных экспедиций. На основе собранной ими информации в 1519 году было принято решение попытаться во второй раз учредить факторию в дельте Замбези. Было начато строительство деревянной башни, которую по частям доставляли по Замбези в выбранное место, но перевозившее ее судно потерпело кораблекрушение, и этот проект не был реализован[26].

В 1520-х годах португальцы вновь прибегли к политике репрессий. В 1522 году в связи со слухами о том, что купцы из Кил-

---

[25] *Pedro Vaz Soarez*, factor of Safala to the King D. Manuel, Sofala, 30 June 1513 — Theal M., Records. Vol. 6. P. 80—85.

[26] *Axelson E.* Portuguese in South-East Africa. P. 96.

вы и Занзибара поселились на островах Керимба, сильная военная экспедиция была отправлена в Кабу Делгаду.

"Казус белли" был найден в отказе островитян продать португальцам кокосовые волокна для изготовления канатов. В результате нападения г.Керимба был сожжен вместе с кораблями в порту и была захвачена добыча стоимостью в 60 тысяч крузадуш. В 1524 году подобной атаке и разграблению подвергся г. Момбаса.

В апреле 1528 года из Лиссабона вышла эскадра из 11 судов под командованием Ж. Нунью да Кунья. Она направлялась в Индию, где Нунью да Кунья должен был занять пост вице-короля. Через несколько месяцев плавания флот подошел к Момбасе, где Нунью да Кунья просил у султана разрешения на зимовку. Султан разрешил португальцам зимовать, но запретил высадку на берег. Нунью да Кунья ответил, что его людям необходимо жить в домах на берегу. Тогда по приказу султана португальские корабли были обстреляны из пушек. В ответ Нунья да Кунья начал готовиться к штурму крепости. Узнав об этом, султан сильно укрепил вход в устье реки и ввел в город 600 лучников. Нунью да Кунья под покровом ночи подвел свои суда к городу, обстрелял его из пушек и утром произвел высадку всех своих 800 солдат, начавших штурм крепости. Не будучи в состоянии сопротивляться превосходящим силам португальцев, султан Момбасы бежал из города, который был взят и разграблен. Позже султан вынужден был заключить унизительное соглашение с Нунью да Кунья, согласившись уплатить большой выкуп за город и стать данником португальского короля. Когда султану стало ясно, что португальцы не смогут остаться в Момбасе из-за нездорового климата, он прекратил платить выкуп. Тогда Нунью да Кунья сжег город и отплыл в Малинди[27].

С разгромом Момбасы португальское господство утвердилось вдоль всего восточноафриканского побережья, которое стало одним из четырех губернаторств, подчиненных вице-королю Индии (другими были Малакка, Ормуз и Цейлон)[28]. Начиная с этого времени, почти все арабские султаны и шейхи — прежние хозяева прибрежных восточноафриканских городов — вынуждены были признать себя вассалами короля Португалии.

---

[27] *Danvers F.* Ch. The Portuguese in India. 2 vols., L., 1894. Vol. I. P. 395—396.

[28] *Ingrams W.H.* Zanzibar. Its History and its people. L., 1967. P. 101.

За исключением султана Малинди, суверенитет которого признавался и который пользовался привилегированным статусом как союзник португальской короны, все другие правители побережья от Бравы (на территории нынешнего Сомали) до Софалы (Мозамбик), а также островов Занзибар, Пемба, Мафия либо приняли статус вассалов — данников португальской короны, либо их государства оказались на положении колоний, обреченных на ничем не ограниченный произвол завоевателей. Этой участи сумели избежать только Могадишо, Коморские, Маскаренские острова и Мадагаскар[29].

В начале XVI века португальцам удалось утвердиться также на западном и восточном побережьях Аравийского полуострова. Маскат и Ормуз были ими разграблены и оккупированы.

В мае 1503 года из Лиссабона вышел флот из трех судов под командованием Антониу де Салданья, который должен был патрулировать море от мыса Гвардафуй до Адена. Но буря рассеяла суда, входившие во флот Салданьи. Капитан одного из них Диогу Фернандиш Перейра из Сетубала стал первым европейцем после Кабрала, который достиг с юга острова Сокотра. Его описание острова произвело сенсацию в кругах европейских ученых, которые не имели личного опыта путешествий, но всецело полагались на авторитет древнегреческих и арабских ученых. Однако португальцы, обследовавшие многие земли, моря и океаны, разрушили все прежние представления о географии. Значительный вклад в изменение этих представлений внесло безостановочное путешествие Диогу Фернандиша Перейры от Кабу Верди до Килвы[30].

Наряду с оккупацией ряда пунктов на побережье в начале XVI века португальцы захватывают также прибрежные острова Занзибар и Пемба. В 1503 году Руи Лоуренсу Равашку — капитан второго судна из эскадры Антониу де Салданьи наткнулся на острова, которые он назвал "Земзи-бар". Двигаясь на север, между Занзибаром и материком, Равашку захватил и ограбил более 20 богатых судов, нагруженных слоновой костью, шелком, рисом и т.п. После этого он обогнул остров и вошел в порт, где стояло на якоре множество арабских судов — "замбуко". Все эти суда были также разграблены португальцами.

---

[29] *Strandes J.* Die Portugiesenzeit von Deutsch — und English-Ostafrika. Berlin, 1899.

[30] *Barros J.* Op. cit. Dec.I. P. 256—261; *Gois D.* Op. cit. Parte I. P. 173—176; *Castanheda.* Op. cit. T. I. P. 135.

На следующее утро к кораблю Равашку подошла замбуко отправленная султаном Занзибара. Посланцы султана заявили решительный протест против произвола португальцев. Султан предложил мир в обмен за возвращение награбленного. Однако будучи уверен в своем военном превосходстве Равашку предпочел разговаривать с позиции силы. Он потребовал немедленного подчинения султана сюзеренитету короля Португалии и уплаты ежегодной дани в размере 100 метикалов. Если султан Занзибара примет эти условия мира, "как уже сделали некоторые короли и сеньоры — его соседи, — заявил Равашку, — его владения будут, как и государства этих королей и сеньоров, жить в мире и в еще большем богатстве и могуществе, чем раньше".

Но султан Занзибара, хотя и знал о военной мощи португальцев, не испугался этих угроз и решился на открытое противостояние[31]. Он предпринял попытку захватить корабль Равашку, послав против него несколько маленьких судов. Но Равашку послал им навстречу небольшой корабль с 35 человеками на борту. Они легко захватили четыре арабские судна. По свидетельству Барруша, разгневанный султан Занзибара сосредоточил на берегу войско в четыре тысячи человек с несколькими пушками, чтобы помешать высадке португальцев. Тогда Равашку приказал двигаться к берегу двум из захваченных замбуко и одному маленькому судну с легкой артиллерией. Эти суда подошли к мысу, где португальцы предполагали сделать высадку. Четырехтысячное войско султана во главе с его сыном тотчас же устремилось навстречу, где оказалось удобной мишенью для португальской артиллерии. От первого же артиллерийского залпа погибли 35 человек, в том числе сын султана. Оставшееся войско было легко рассеяно огнем корабельных пушек[32]. Арабы и занзибарцы бежали, и Равашку высадил своих людей на пустынном пляже.

Когда султан понял, что сопротивление невозможно, он решил вернуться к дипломатии. Он узнал, что один из стоявших на якоре в его порту кораблей принадлежал султану Малинди — другу Португалии. На этом корабле было водружено королевское знамя Португалии, которое было подарено Жуаном да Нова и служило своего рода пропуском в Индийском океане. Прави-

---

[31] *Barros J.* Op. cit. Dec. I. Liv. 7. Cap. 4.

[32] Ibid. P. 271.

тель Занзибара попросил у капитана это знамя и отправил с ним своего эмиссара к Равашку просить мира. Как сообщает Барруш, португальцы "увидели мавра, бежавшего с водруженным на шест знаменем, на котором были изображены королевские гербы Португалии, и кричавшего по-арабски: "Мир! Мир! Мир!". Когда он (Равашку) узнал знамя, то, поскольку он видел священную и достойную почитания вещь, он снял с головы шлем и встал на колени, низко кланяясь, как если бы он видел своего короля, что повторили и все другие, бывшие с ним"[33].

Равашку отказался вести переговоры о мире на суше и настаивал, чтобы посольство султана прибыло к нему на корабль, где он рассчитывал произвести на него впечатление грозным видом своей артиллерии, оснасткой корабля и выучкой экипажа. Вскоре на борт корабля Равашку поднялось посольство султана, состоявшее из пяти человек. Оно было принято со всеми знаками уважения. Равашку в соответствии с местным обычаем усадил посланцев на роскошный ковер. В результате переговоров был заключен договор о мире. Султан вынужден был признать себя вассалом короля Португалии и обязался ежегодно платить дань в 100 метикалов золота и 30 баранов капитану Равашку, "который будет за ними приезжать". Такая тяжелая дань была наложена на султана, по словам Барруша, "не только потому, что тот стал вассалом короля дона Мануэла", но "и за то, что прятал у себя знамя с королевскими гербами Португалии, которое (по словам занзибарцев) Жуан да Нава дал племяннику короля Малинди для беспрепятственных плаваний"[34].

Это был один из ярких примеров режима морских захватов, которые в ту эпоху были обычной нормой международных отношений и которые колонизаторы считали столь же естественными, как и право на войну.

Вскоре после заключения договора Равашку вернул 4 захваченных судна: два принадлежавшие султану Малинди были возвращены без всяких условий, а два другие судна — в обмен на выкуп, так как их собственники происходили из Занзибара и Пате.

Успешная военная акция португальцев на Занзибаре увеличила число их факторий на берегах Индийского океана и усилила их контроль над торговлей из Индии, Персии и Африки.

---

[33] *Barros J.* Op. cit. Dec. I. Liv. 7. Cap. 4. P. 271.
[34] Ibid. P. 272.

Для того чтобы еще больше укрепить позиции Португалии в Индийском океане, Равашку позже принял меры, которые должны были продемонстрировать восточноафриканским правителям верность португальского короля своим друзьям. Равашку получил известие о том, что другу Португалии — султану Малинди угрожает султан Момбасы, двинувший против него большое войско. Равашку тотчас же принял решение прийти на помощь своему союзнику и блокировать Момбасу. Он захватил несколько торговых судов, направлявшихся в Момбасу. Среди них были корабли, принадлежавшие государству-городу Брава, которому пришлось не только уплатить выкуп за суда, но и признать себя вассалом короля Португалии с ежегодной уплатой дани в 500 метикалов.

Между тем португальская блокада произвела впечатление на султана Момбасы, войска которого уже завершили окружение Малинди. Еще больший эффект произвело прибытие с мыса Доброй Надежды португальской эскадры Антониу де Салданья. Эта новая угроза заставила султана Момбасы начать с султаном Малинди переговоры о мире.

Таким образом, все восточноафриканское побережье получило наглядный урок, обнаживший суровую правду жизни – отныне и надолго истинными хозяевами региона стали португальские колонизаторы.

Когда Антониу де Салданья прибыл в Момбасу, капитаны его эскадры услышали рассказ из его собственных уст о приключениях своего командира. Он сообщил, что потерял контакт с другими кораблями своей эскадры, когда подошел к мысу Доброй Надежды с намерением его обогнуть, из-за отсутствия на его корабле опытного лоцмана.

Для короля дона Мануэла самым важным результатом экспедиции Салданьи была информация об острове Сокотра, которую привез ему капитан Диогу Фернандиш Перейра. Из нее явствовало, что Сокотра — это естественная наблюдательная вышка у входа в Красное море. Отсюда легко можно было руководить военно-морскими операциями. Значение этой стратегической базы было особенно велико в начале XVI века, когда Индийский океан заполнили португальские военные и торговые суда. Учитывая важное значение Сокотры, король Мануэл направил туда две эскадры (11 и 5 кораблей), которые должны были соединиться в Сокотре и отнять ее у арабов. В инструкциях, ко-

торые он дал командирам этих эскадр Триштану да Кунья и Аффонсу де Албукерки перед их отплытием на Восток в 1506 году, говорилось, что "все вместе пойдут к острову Сокотра, который находится у входа в Мекканский пролив, чтобы сделать на этом острове крепость, в которой всегда будет эскадра, охраняющая этот пролив, — ибо на этот остров заходят корабли мавров, направляющихся в Индию, запасаются водой и идут дальше"[35].

По существу, это был план перехвата морской торговли в Индийском океане, находившейся в руках мусульман, с помощью установления эффективного господства над проливами. В конце апреля 1507 года Триштан да Кунья и Албукерки, имевшие под своим командованием 120 солдат, вступили в ожесточенное сражение с Коже Абрахемом, сыном султана Кашена. Через три часа жестокой битвы португальцы овладели крепостью и островом. На острове были оставлены португальский военный гарнизон из почти 120 солдат, капитан Афонсу де Норонья, алкайд-мор, фактор, два писца. Задачей гарнизона было охранять остров и его порт, считавшиеся жизненно важными для наблюдения за судоходством в Баб-эль-Мандебском проливе.

Вскоре после завоевания Сокотры началась реконструкция крепости. Мечеть была переделана в церковь.

Однако португальская оккупация Сокотры характеризовалась крайней слабостью. Этот остров не располагал значительными ресурсами. По свидетельству Дуарти Барбозы, с Сокотры вывозили амбру, красную смолу, алоэ, а также коров и баранов, из шерсти которых изготовляли особые ткани — "караболин". С другой стороны, нездоровый климат, скудость продовольствия, болезни и враждебность местных жителей не содействовали закреплению португальцев на острове. Из Сокотры в Лиссабон постоянно поступали просьбы о присылке подкреплений, но они почти всегда оставались без ответа. Когда Аффонсу де Албукерки в конце 1508 года после экспедиции в Ормуз вернулся на Сокотру, он нашел крепость в удручающем состоянии[36]. Португальское господство на Сокотре не могло длиться долго. Следует отметить, что многие высказывались против сохранения португальского гарнизона и крепости на этом острове. Такого мнения

---

[35] *Correia Gaspar*. Lendas da India. T. I. P. 1.
[36] *Gois D.* Op. cit. Parte II. Cap. XXXXI.

придерживались, в частности, Франсишку де Алмейда, Каштаньеда, Коррейа, а также Албукерки, который в письме дону Мануэлу утверждал, что от Сокотры "будет мало пользы, если не иметь там постоянно огромную эскадру" и что на все это "Ваше Величество потратит много денег"[37].

Португальцы покинули Сокотру в 1511 году. Однако порт Сокотры еще много лет после этого регулярно посещался португальскими эскадрами, курсировавшими в этой зоне. Одной из самых значительных экспедиций, побывавших на Сокотре, была экспедиция Эштевана да Гамы в Красном море в 1541 году.

Триштан да Кунья посетил Мозамбик, где получил тревожные известия с севера. Султан Малинди пожаловался, что ему угрожают арабские правители Ожа, Ламо и Брава.

Ожа давно исчез из географических карт. Он находился, вероятно, в устье реки Оси[38]. Как и Ламо, он был хорошо укреплен и процветал благодаря работорговле. Но правящая верхушка Ламо имела персидское происхождение. Еще и сегодня многие местные суахили имеют типично персидские черты лица. Оба города сдались португальцам после ожесточенного сражения, в котором участвовали Кунья и Албукерки.

Брава стала ареной более упорной и продолжительной борьбы. Это был прибрежный город, расположенный в стратегически выгодном месте, где рифы делали весьма трудным и опасным приближение атакующих судов. Тем не менее, португальцам удалось овладеть городом. С их точки зрения, это была крупная победа. При штурме Бравы было убито много арабов. Потери победоносных португальцев составили не более 100 человек. По приказу Триштана да Куньи Брава была сожжена.

После плавания в Индию (туда он прибыл 27 августа 1507 г. и отплыл из Кананора 10 декабря 1508 г.) Триштан да Кунья привез в Килву груз специй. Эскадра пришла в Мозамбик 9 января 1508 года. Триштан да Кунья запасся там водой и продовольствием для второй части своего пути в Португалию. Он отплыл с тремя судами, оставив приказы трем другим следовать за ними через некоторое время.

В 1513 году король Мануэл поручил Триштану да Кунье возглавить посольство в Рим к папе Льву I, целью которого было

---

[37] *Cartas de Albuquerque Afonso de.* T. I. P. 428—429.

[38] *Gois D.* Op. cit. T. I. P. 383.

продемонстрировать папе могущество и богатство Португалии, приобретенные на Востоке. Для этого въезд посольства в Рим был обставлен с особой торжественностью и пышностью. Оно везло с собой богатые подарки и дары папе, включая представителей народов Востока и экзотических животных (слон, носорог, ягуары и т.д.). Наряду с Триштаном да Кунья в это посольство входили также его помощники: юристы Жуан де Фариа и Диогу Пашеку, а в качестве секретаря знаменитый хронист Гарсия де Резенди, который представлял короля в "Латеранском совете", где Диогу Пашеку выступил с кратким обзором португальских географических знаний и политики Португалии в Индии.

По возвращении в Португалию Триштан да Кунья получил в 1515 году ежегодную пенсию в 250 000 рейсов. В 1527 году король Жуан III дал ему "особые привилегии и свободы". Умер Триштан да Кунья в 1539 году[39].

Король Португалии решил разделить военно-морское командование Индийского океана на две части: собственно Индия стала провинцией под властью вице-короля и, кроме того, выделялась новая военно-морская зона с отдельным командованием, компетенция которого простиралась от Софалы до г.Камбея.

О древнем великолепии Камбея еще и сегодня свидетельствуют руины дворцов и мечетей, которые украшали город. Процветание Камбея было основано главным образом на его преимущественно текстильных мануфактурах. Камбей вел торговлю не только с другими городами Индии, но и с Африкой, Персией и Аравией. Золото Софалы, жемчуг с архипелага Бахрейн в Персидском заливе, лошади и ладан с берегов Аравии ввозились в Камбей и обменивались там на местные ткани[40].

Целью короля Мануэла было отнять монополию на этот торговый район у египтян и турок. Речь не шла о том, чтобы полностью заменить арабских купцов и местных раджей, державших торговлю в своих руках, португальскими посредниками. Португальцы понимали, что это невозможно. Они требовали лишь признания господствующего положения Португалии в этой торго-

---

[39] *Banha de Andrade A.A.* Historia de um fidalgo quinhentista portugues. Tristão da Cunha. Lisboa, 1947.

[40] *Lopes D.* Historia dos portugueses no Malabar por Zinadim. P. 24, 56; *Barros J.* Op.cit. Dec. III. P. 224—228; 377—380.

вой империи, а также уплаты арабскими купцами определенной суммы для получения лицензии "картажа".

Вот что писал об этом посетивший Диу в 1565 году Цезарь Фредерик: "Диу расположен на маленьком острове в королевстве Камбайя, которое является самой сильной державой в принадлежащих португальцам Индиях. Диу, хотя и маленький город, но имеет большую торговлю, ибо оттуда идет множество кораблей с товарами в Мекканский и Ормузский проливы. Эти корабли принадлежат маврам и христианам, но мавры не могут торговать и плавать в эти моря без лицензии вице-короля португальского короля, в противном случае их захватывают и рассматривают в качестве хорошей добычи"[41].

Принятия, а главное — выполнения этих условий могла добиться только сильная военная эскадра. Именно для этого дон Мануэл и ввел отдельное командование в военно-морской зоне от Софалы до Камбея.

"Господство Индии начинается на мысе Доброй Надежды и заканчивается в настоящее время в Нанкине в Китае", — так писал в конце XVI века автор анонимной рукописи, хранящейся в Британском музее[42]. Южная Африка в то время политически считалась частью Азии. Когда португальские авторы XVI века пишут об Африке, они имеют в виду только Северную Африку.

Вице-король Индии имел власть над всем этим огромным регионом. Его власть опиралась, прежде всего, на сильный флот и осуществлялась в трех морских ареалах: Китайское море, Бенгальский залив и огромная часть Индийского океана от мыса Доброй Надежды до мыса Коморин, иначе говоря, до южной оконечности Индии. То, что мы теперь называем Восточной Африкой, тогда называлось Восточной Эфиопией и простиралось от мыса Доброй Надежды до Суэца.

Главной причиной успеха португальцев в борьбе с мусульманами за господство в Индийском океане было огромное превосходство португальской военно-морской мощи над мусульманскими флотами. Для португальцев не составляло особой проблемы разгромить арабские, мамлюкские и гуджаратские военные суда, представлявшие собой слабые непрочные конструкции с ко-

---

[41] *Surendranath Sen.* Studies in Indian History. Calcutta, 1930. P. 59.
[42] *Welch S.* Op. cit. P. 327.

мандами, состоявшими из плохообученных и малограмотных моряков.

Мусульманские правители территорий, омываемых Индийским океаном, никогда не строили достаточного количества военных кораблей, которые были бы предназначены для патрулирования региона, поскольку до появления португальцев у них не было врагов на море, за исключением пиратов. Кроме того, то небольшое число военных судов, которое они имели, не отличалось прочностью конструкции. И арабские и индийские судостроители имели обыкновение связывать деревянные доски веревками (в то время как европейцы использовали железные болты) — отличный способ избежать коррозии и экономить металл, который был дефицитом в арабском мире, но это не было наиболее эффективным методом судостроения.

Основу мусульманских флотов составляли галеры — узкие и быстрые гребные суда, которым для развития скорости необходимо было быть длинными, узкими и иметь легкую конструкцию[43].

Галеры никогда не использовались на далекие расстояния от берегов, так как легко могли быть потоплены. В морском бою они могли рассчитывать на успех только в том случае, если им удавалось взять корабль противника на абордаж. Для этого галера приближалась к этому кораблю, матросы бросали на него крюк и якоря. В носовой и кормовой частях галеры можно было поставить небольшие пушки, однако их число всегда было крайне ограниченным из-за наличия скамеек для гребцов. Подлинная сила галеры зависела не от этого, а от способности моряков внезапно и быстро запрыгнуть на борт вражеского судна и застигнуть врасплох команду.

Следует отметить, что в морских сражениях с португальцами трудно было придумать способ худший, чем этот. Пытаться взять на абордаж хорошо вооруженный и прочно построенный португальский корабль означало обречь себя на верную гибель.

Наряду с сухопутной армией важнейшей основой военного могущества Португалии в XV—XVI веках был ее военный флот.

В результате усилий Генриха Мореплавателя к моменту его смерти (1460 г.) Португалия была обладательницей самого сильного флота в Европе. Португальские корабли отличались по сво-

---

[43] *Nougarede M.P.* Qualites Nautique des Navires Arabes, Paris. S.d.

им размерам и форме от кораблей других европейских государств. Это были главным образом корабли округлой формы — караве́ллы и большие корабли, водоизмещение которых доходило до 200 т[44]. В составе первой экспедиции Васко да Гамы было два корабля водоизмещением по 90 т каждый[45].

До XVI века так называемые округлые корабли использовались в Средиземном море обычно для перевозки грузов: овощей, сушеной рыбы, дерева. Их ширина иногда достигала трети их длины. Они имели высокие борта, одну мачту и один парус. Ценные товары — шелк, специи и другие перевозились обычно на больших галерах наподобие тех, какие делали в конце XI века венецианцы. На них стоял парус, но были и гребцы в качестве рабочей и военной силы[46].

Такой округлый корабль не был хорошо вооружен. Обычно они в Средиземном море были маленькими. Крайне редко встречались такие большие и хорошо вооруженные корабли, как, например, "Роккафорте" — генуэзский корабль 1260 года, предназначавшийся для перевозки крестоносцев и их лошадей в Святую Землю. Монархи Северной Европы приказывали строить округлые корабли для усиления своих военно-морских флотов. Эти корабли были похожи на маленькие плавучие замки, увенчанные башнями и крепостными сооружениями. В морских сражениях примитивные галеры не могли нанести им ощутимый ущерб, но и сами эти корабли были слишком неуклюжи и маломаневренны, чтобы угрожать галерам.

Португальцы в своих войнах с мусульманами в Индийском океане часто использовали галеры, которые подходили вплотную к вражескому судну и брали его на абордаж.

Однако галеры никогда не были основой португальских военно-морских сил на Востоке[47]. Вместо них португальцы чаще использовали округлый корабль, в который в течение XV века были внесены существенные усовершенствования — удлиненный корпус, дополнительные мачты с меньшими, но более многочисленными парусами, гораздо более легко управляемыми. Обла-

---

[44] *Lannoy, Ch. et, Linden H.* Histore de l'expansion coloniale des peoples europeens Bruxelles. 1907. P. 118.

[45] *Хазанов А.М.* Тайна Васко да Гамы. М., 2000. С. 8.

[46] *Lane Frederick C.* Venetian ships and Shipbuilders of the Renaissance. London. S. d.

[47] Mendonca Henrique Lopes de Estudos sobre Navios portugueses Lisboa. P. 34.

давшие прочной конструкцией легко выдерживавшей шторма Атлантического и Индийского океанов, португальские военные корабли трудно было взять на абордаж. Даже в тех случаях, когда галерам мусульман удавалось незаметно подойти вплотную к большому кораблю, его высокие борта и многочисленные сооружения в носовой и кормовой частях возвышались примерно на три метра над этими галерами.

Единственно, в чем португальские военные корабли уступали мусульманским галерам — они не могли их обогнать, за исключением тех случаев, когда гребцы были истощены или крайне утомлены.

Помимо этого, был еще один фактор, который можно считать главной причиной побед португальцев в большинстве морских сражений с арабами, мамлюками, турками, саморином Каликута и гуджаратцами. Этим фактором была португальская корабельная артиллерия. Идея создания корабельной артиллерии принадлежала Жуану II. Племянник Генриха Мореплавателя Жуан II, восторженный поклонник и продолжатель дела своего дяди, много сделал для дальнейшего усиления португальского морского могущества. Он первым рискнул ставить на корабли большие пушки, что сразу сделало португальский флот самой внушительной в военном отношении силой в Средиземноморье, Атлантике и в Индийском океане. Жуан II лично занимался оснащением судов артиллерией[48].

Мы можем строить лишь догадки о количестве артиллерийских орудий, которые были на кораблях флотов Алмейды и Албукерки и об их эффективности в морских сражениях с мусульманскими галерами. Сохранилось мало документов, в которых есть упоминания о числе пушек на кораблях той эпохи, а судостроители не оставили чертежей — по крайней мере ни один из них не дошел до наших дней. Правда, сохранились зарисовки кораблей на картах или в рукописях на пергаменте, а также их упрощенные изображения на могильных памятниках.

Дело в том, что вплоть до XVII века, когда морской пейзаж стал излюбленным сюжетом голландских художников, картины с изображением кораблей не пользовались спросом и художников не интересовали ни внешний вид, ни устройство морских судов.

---

[48] *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке. С. 176.

Единственное изображение португальских судов, имеющее ценность для историков, — это находящаяся в Национальном Морском Музее в Гринвиче картина, приписываемая португальскому художнику Грегориу Лопишу. На ней изображены 5 кораблей, перевозившие свиту португальской инфанты Беатрис на ее свадьбу в Савойю в 1521 году. (Эта картина в XX в. перешла из португальской коллекции в коллекцию в Германию, а оттуда — в Англию).

Можно предполагать, что главный корабль на этой картине — это знаменитый "Санта Катарина де Монте Синай", построенный в Индии около 1512 года, которым командовал Васко да Гама, когда отправился в Индию в 1524 году в должности вице-короля.

Даже при беглом взгляде на эти корабли видно, что они вооружены большим числом пушек. Если изображенные на этой картине суда похожи на корабли Кабрала, Албукерки и Алмейды (а вероятнее всего они мало от них отличаются), это означает, что каждый из больших кораблей мог иметь 34 пушки, не считая маленьких вращающихся пушек, установленных на открытых палубах. Если действительно дело обстояло так, не приходится удивляться и задавать вопрос, почему португальцы, хотя их численность была значительно меньше, наголову разгромили своих противников в Диу в 1509 году.

В первые десятилетия XVI века европейцы очень часто вооружали свои суда большим числом пушек, главным образом короткими и легкими. Так, английский король Генрих VШ приказал построить в 1514 году корабль с 184, а в 1515 году — корабль с 217 пушками.

Огромный португальский галеон "Ботафого", предоставленный в 1535 году Карлу V для атаки на Тунис, имел 366 пушек[49]. Хотя такие корабли могут считаться исключениями, все это, несомненно, свидетельствует, что в ту эпоху не было возражений против того, чтобы поставить артиллерию на службу флоту.

Со времен правления Жуана II португальцы имели обыкновение ставить бомбарды на свои каравеллы. И Жуан II, и его преемник Мануэл I закупали бронзовые пушки у германских фабрикантов, португальских промышленников. Лучшие пушки изготовлялись в Германии, но они были очень дорогие, и даже более бога-

---

[49] *Peres Damiao* (ed.) Historia de Portugal. Lisboa. Vol. III. P. 624.

тые, чем португальский король, европейские монархи не имели достаточно денег, чтобы купить столько германских пушек, сколько они желали.

Эффективность артиллерии значительно возросла с появлением пушек из чугуна, хотя чугунные пушки были гораздо тяжелее и часто раскалывались при интенсивной стрельбе. На кораблях использовались и большие, и маленькие вращающиеся пушки. Некоторые из них стреляли каменными, другие — чугунными ядрами.

Для эффективной и точной стрельбы от канонира требовались умение, смекалка и большое мужество.

Когда первые португальские корабли появились в Индии, на них было много коротких вращающихся пушек[50]. Уже в конце XVI века европейцы начали отказываться от них в пользу более длинных и тяжелых пушек, которые имели более высокую результативность при стрельбе.

В то же время следует отметить, что короткие и более примитивные пушки, использовавшиеся вначале португальцами, были гораздо более транспортабельными и представляли собой идеальное оружие против галер.

Если принять во внимание, что даже самые большие мусульманские галеры не обладали достаточной огневой мощью, чтобы потопить португальский корабль, и поэтому всегда стремились приблизиться к нему, чтобы взять на абордаж, станет очевидно, что малые размеры и отсутствие точности при стрельбе по далеким целям у португальских пушек уже не были препятствием.

Когда мусульманские галеры приближались к португальскому судну на расстояние около 30 м или когда их заставали врасплох в порту, они неизбежно становились жертвами артиллерийского огня.

Любопытно, что пушки, с помощью которых Васко да Гама и Кабрал бомбардировали Каликут, не смогли нанести ощутимый ущерб этому городу, но когда эти же пушки вели огонь вдоль всего побережья по мусульманским и индийским галерам, результаты были совершенно иные[51].

Благодаря могуществу своего военного флота, оснащенного артиллерией, при Мануэле I и Жуане III Португалия стала под-

---

[50] *Bailey W. Diffie, g.d. Winius.* Op. cit. P. 247.
[51] *Pawy John H.* The Age of Reconnaissance. London, s.d. P. 122.

линной "владычицей морей" и крупнейшей колониальной державой. Португальские навигаторы и лоцманы приобрели репутацию лучших в мире и их услугами охотно пользовались многие королевские дворы в Европе. В 1518 году испанский король Карл V взял к себе на службу португальского капитана Магеллана, обиженного на своего государя за то, что он ничем не вознаградил его за службу на Востоке и в Марокко. В 1519 году Магеллан возглавил экспедицию, которой суждено было в 1522 году совершить первое в истории кругосветное плавание.

Офицерами во флоте могли быть только дворяне. Дворянский титул ставился выше личных способностей и военного опыта. Часто капитаном корабля или целой эскадры назначали человека, который никогда не был моряком, но зато был дворянином. Служба в королевском флоте считалась очень почетным занятием, и офицеры, участвовавшие во многих кампаниях, щедро вознаграждались королем.

В XVI веке был введен порядок, согласно которому офицер, проделавший пять кампаний в составе королевского флота, приравнивался по своим заслугам к офицеру, командовавшему в течение трех лет гарнизоном в одной из крепостей в Африке[52]. Все офицеры, кроме лоцманов, могли командовать войсками на суше так же, как и на море. В этом случае их привилегии и вознаграждения соответствовали привилегиям тех, кто служил в королевском флоте[53].

Корабли не имели постоянных экипажей. Для каждой экспедиции вербовался специальный экипаж, матросов набирали не только из профессиональных моряков, но и из людей, не имевших опыта плавания на судах. Моряки часто использовались и как солдаты на суше. Такой порядок комплектования экипажей судов приводил к тому, что они были, как правило, недисциплинированны и плохо обучены. В качестве матросов часто служили и иностранцы. Канонирами на кораблях, как правило, были итальянцы, немцы и фламандцы.

---

[52] *Lannoy. Ch. et. Linden H.* Op. cit. P. 120.

[53] Alguns documentos do Archivo Nacional da Torre do Tombo a cerca das Navegações e Conquistas Portuguezas. Lisboa, 1892. P. 177.

Глава восьмая

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПОРТУГАЛИЕЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ (XVI ВЕК)

Одной из самых драматических и в то же время малоизученных страниц в истории является война между Португалией и Османской империей за владычество в Индийском океане в XVI веке.

Источниками для изучения этой темы могут служить, прежде всего, опубликованные и неопубликованные документы португальских хронистов, среди которых на первое место надо поставить хронику знаменитого хрониста, первого хранителя архивов Гоа (назначенного Филиппом I) Диогу де Коуту[1].

Что касается турецких источников по португальско-османской войне XVI века, то по сравнению с богатой португальской документацией, они крайне скудны. Документы турецких архивов по первой половине XVI века бедны и не идут ни в какое сравнение с документами по второй половине этого века[2]. Наиболее ценным османским источником по португало-турецкой войне является сочинение османского военачальника Сиди Али, командовавшего в середине XVI века турецким флотом, воевавшим против португальцев.

Сиди Али был назначен на эту должность в 1553 году. Он привел свой флот по р. Евфрат из Алеппо в Басру и оставался там несколько месяцев, после чего 2 июля 1554 года отправился в Индию. Сочинение Сиди Али представляет собой подробный рассказ об этой экспедиции и о морских сражениях с португальцами.

---

[1] *Couto D.* De Da Asia: dos feitos que os portugueses fizeram na conquista e descobrimento — Theal G.M. (ed.) Records of south eastern Africa. Cape town, 1964. Vol. VI.

[2] *Brummett Palmira.* What sidi ali saw: The ottomans and the Portuguese in India, 1554—1556. — paper presented at conference «Evolution of Portuguese Asia», Charlestone (U.S.). March 18—20, 1999. P. 1; Sidi Ali. The Travels and Adventures of the Turkish Admiral Reis. Lahore, 1975.

Сохранился еще один ценный источник по португало-турецкой войне XVI века. Это сочинение Георгия Хуци[3], венгерского капитана, захваченного в плен турками в 1532 году. Он провел много лет на службе у османского султана, хотя неоднократно предпринимал попытки бежать. Хуци враждебно относился к туркам, считал себя "моряком" и никогда не отказывался от христианской веры. Сочинение Хуци имеет большую ценность, так как это сведения из первых рук о том, насколько турки были информированы о португальской активности в Индийском океане, о целях и намерениях султана, о настроениях и эмоциях турок при столкновении османского флота с португальским перед сражением при Диу.

Как свидетельствует Хуци, османы получали информацию о событиях в Индии от капитанов, эмиссаров и купцов[4]. Он сообщает, что был взят на службу одним "морским капитаном – арабом", прибывшим в Стамбул из Египта и привезшим султану Сулейману новости о событиях в Индии. Вернувшись со своим хозяином в Египет, они ждали окончания строительства флота в Суэце. Хуци был убежден, что султан предназначал флот для завоевания Индии.

Еще до открытия мыса Доброй Надежды контролирующий вход в Персидский залив порт Ормуз был одним из крупнейших центров мировой торговли. Ормуз принадлежал Персии, но португальцы прилагали огромные усилия, чтобы добиться от персидского шаха разрешения построить в Ормузе крепость. Они понимали, что если Ормуз попадет в руки врагов Португалии, они легко смогут перерезать главный путь португальской торговли вокруг мыса Доброй Надежды и перехватывать грузы, идущие из Индии в Европу и обратно. Кроме этой, была еще и другая причина, вызывавшая озабоченность Лиссабона — Ормуз сам по себе был международным торговым центром и крупнейшим рынком Персии. Его базары неизменно вызывали изумление путешественников, а жизнь в Ормузе казалась им верхом роскоши.

Чтобы добиться желанного разрешения на строительство крепости в Ормузе, Лиссабон использовал всевозможные дипломатические средства, ища дружбы персидского шаха. В свою очередь

---

[3] *Tardy Lajos.* Beyond the ottoman Empire, XIV—XVI century Hungarian Diplomacy in the east. Special edition of studia Uralo-Altaica. №13, Szeged, 1978. P. 150—157.

[4] Ibid.

Персия также нуждалась в поддержке Португалии, так как своим главным и самым опасным врагом считала Османскую империю.

Ормуз был слабым звеном в системе обороны Персии на морских путях в бассейне Индийского океана, который в любой момент мог стать легкой добычей турок-османов. 26 марта 1515 года Аффонсу де Албукерки вошел в Персидский залив. Ормуз легко подчинился знаменитому конкистадору, согласившись платить дань Португалии и даже уплатил дань за восемь предшествующих лет. Начиная с этого времени, таможня Ормуза в течение всего XVI века была одним из главных источников дохода португальской администрации в Индии. Как видно из письма Албукерки дону Мануэлу от 22 сентября 1515 года, португальцы контролировали в Ормузе чрезвычайно прибыльную торговлю лошадьми из Персии и из Аравии[5].

Из этого же письма видно, что власть португальцев распространялась не только на Ормуз, но и на другие территории, подчинявшиеся правителю Ормуза. Этот правитель формально сохранил свой статус и титул, но фактически Ормуз превратился в протекторат Португалии.

Наконец-то португальцам удалось осуществить свою заветную мечту — они построили в Ормузе сильную крепость и разместили в ней большой и хорошо вооруженный гарнизон. Со всех товаров брали пошлину в размере 10% . Кроме того, 1% брался на содержание флота, а также дополнительная 3%-ная пошлина взималась с купцов-мавров, евреев и армян[6].

В 1517 году португальцы начали торговые контакты с Басрой, расположенной в устье Евфрата. Хотя Басра находилась в зоне исламского влияния, португальцы наладили с ней интенсивную торговлю. Наиболее востребованными товарами были лошади, оружие, порох, дерево для строительства кораблей. Обычно торговать этими товарами с мусульманами запрещало решение папы, но для португальской короны было сделано исключение и ей было разрешено заниматься такой торговлей для выживания государства Индия.

Ормуз служил опорной базой для португальских военных экспедиций в Красном море.

---

[5] *Cartas de Albuquerque Affonso de.* Lisboa, 1910. Vol. IV. P. 220.
[6] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. II. P. 834.

В 1521 году мусульмане впервые попытались освободиться от власти португальцев в Ормузе. Правитель Ормуза отказался платить дань, ссылаясь на восстание на острове Бахрейн. Португальская карательная экспедиция из 400 солдат под командованием Антониу Коррейа завоевала этот остров, но в конце того же года крупное восстание вспыхнуло в самом городе Ормузе, совпав по времени с атаками на португальские крепости в Индии и в Юго-Восточной Азии. Оставшиеся в живых португальцы укрылись в крепости Ормуза. Лишь прибытие большого португальского флота во главе с Луиш де Менезишем помогло подавить восстание. Правитель Ормуза вернулся в город.

Вскоре имели место кровопролитные конфликты между мусульманами. Лишь в 1523 году Дуарти де Менезиш сумел подавить волнения, после чего установил ежегодную дань в 60 000 серафинов. В это время в Ормуз стали часто заходить на зимовку португальские эскадры, которые ежегодно нападали на мусульманские торговые суда у входа в Красное море, после чего в Ормузе продавались награбленные во время этих походов товары.

Португальцы поддерживали власть правителя Ормуза, нападая на его непокорных вассалов, вмешивались в другие местные конфликты, помогая своим торговым партнерам, в частности, в Басре. Торговля с этим городом росла, и уже в 1529 году там обосновался португальский фейтор.

В том же году (1529 г.) маленькая эскадра под командованием Бельшиора де Соуза Тавариша поддержала правителя Басры против правителя Гизара, принудив его к торговле. После окончания кампании правитель Басры отказался передать португальцам семь "фуста", как обещал. Тогда Бельшиора де Соуза Тавариш со свойственной португальским конкистадорам жестокостью сжег несколько деревень, в результате чего погибло 300 человек. Этот эпизод хорошо иллюстрирует типичные методы, использовавшиеся португальскими колонизаторами для утверждения своей власти на Востоке.

В 1529 году в Ормузе зимовал новый губернатор Индии Нуну да Кунья. Воспользовавшись в качестве предлога новыми антипортугальскими выступлениями местного населения, он увеличил дань, повысив ее до 100 000 серафинов. Эта непомерная сумма могла задушить казну правителя Ормуза. Ситуация продолжала ухудшаться в течение следующего десятилетия, и в 1543 году

португальцы отказались от системы взимания ежегодной дани и перешли к непосредственному контролю над таможней.

Однако вскоре над португальским господством в Ормузе нависла серьезная угроза. В 1546 году турки завоевали Басру, получив, таким образом, доступ к Индийскому океану не только через Красное море, но и через Персидский залив.

В тот период Европа не осознавала серьезной опасности тех событий, которые должны были произойти в Ормузе и которые в значительной степени касались и ее. Даже те европейские наблюдатели, которые разгадали грандиозный план султана Сулеймана Великолепного, видели в нем лишь угрозу для португальской империи на Востоке. Этот план заключался в захвате Ормуза, который затем должен был послужить трамплином для прыжка на Гуджарат в Индии. После этого для янычаров было бы детской забавой покорение индийских раджей — хозяев огромных богатств и миллионов душ. Если бы Сулейман Великолепный не потерял столько времени и денег на битвы за балканские государства и Австрию, он бы располагал силами вполне достаточными, чтобы овладеть Индией. А будучи хозяевами Индии, османские правители получили бы господство над Индийским океаном и Южной Африкой[7].

После захвата Басры турки проникли в Персидский залив. Их галеры под командованием Сафара пересекали Красное море и атаковали Маскат, а также португальские грузовые суда, выходившие из Ормуза.

Вице-король Индии Аффонсу де Норонья отправил эскадру из пяти кораблей под командованием Луиша Фигейра против Сафара. Хотя Фигейра дрался, как лев, убил 40 турок, потеряв при этом лишь 12 своих солдат, но он так необдуманно рисковал, лишился и своего корабля, и жизни. После гибели командующего, Португальцы предпочли отступить. Они вошли в порт Массауа в Эфиопии, остались там жить и окончили свои дни на службе у эфиопской знати[8].

Так турки укрепили свое господство в стратегически важном порту Басра. Из этого пункта турецкий султан Сулейман I Великолепный планировал нанести решающий удар по португальской

---

[7] *Welch Sydney R.A.* A Africa do Sul sob El-rei D. Joao III, Lourenço Marques, 1955. P. 640.
[8] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 206—209.

крепости в Ормузе. Жажда Сулеймана к завоеваниям становилась все более ненасытной по мере того, как он овладевал землями христиан в Европе и своих братьев по вере — мусульман на Востоке.

Главной проблемой султана в Индийском океане было усиление португальцев и их попытки перевести торговлю с Востоком со старых путей через Красное море и Персидский залив на новый путь вокруг мыса Доброй Надежды. К тому же португальцы вызывали гнев султана своей открытой обструкцией османской торговли. Они оккупировали остров Ормуз, контролирующий вход в Персидский залив, и стремились таким же образом захватить Аден, контролирующий вход в Красное море. К тому же португальцы вместе с другими христианскими государствами пытались захватить Тунис.

После генерального смотра флота в Бомбее в начале 1531 года губернатором Нуну да Кунья, этот флот штурмом овладел Даманом и подошел к Диу. Губернатор обещал награды трем солдатам, которые первыми взберутся на стены Диу, когда начнется его штурм. 7 февраля 1531 года Нуну да Кунья направил к берегу лодку с белым флагом для переговоров. В лодке вернулся знатный индиец, которому губернатор сообщил, что намерен взять Диу штурмом, если султан Камбеи не подпишет с ним договор о мире. Не получив никакого ответа, португальцы на следующее утро высадились на берег и подготовились к штурму города. Диу, расположенный на скалистом острове, защищали 10 000 человек и значительное число больших пушек, а вход в пролив между островом и материком был перегорожен массивными цепями, натянутыми между судами, заполненными лучниками и мушкетерами[9].

16 февраля 1531 года был дан сигнал к штурму, и весь португальский флот начал атаку на город, бомбардируя его с утра до вечера. Однако мощным стенам крепости не был причинен сколько-нибудь заметный ущерб.

На собранном губернатором совете офицеров было решено, что продолжение штурма не имеет смысла, и осада была снята. Нуну да Кунья вернулся в Гоа 1 марта 1531 года[10].

В 1534 году из Лиссабона прибыли две эскадры: одна из 12 судов с 1500 человек и другая — из 5 судов во главе с Афонсу де Соуза. Присоединив к своему флоту другие суда, находившиеся

---

[9] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 206—209. P. 402.
[10] Ibid.

в Индии, де Соуза направился к Даману. Город и форт были вторично взяты и разрушены португальцами. Почти все их защитники погибли.

После этого султан Камбеи Бахадур-шах (1529—1537) запросил мира, стремясь в то же время заручиться поддержкой португальцев против Великих Моголов. Нуну да Кунья выдвинул свои условия: Бассейн и зависимые от него земли навсегда переходят под власть короля Португалии; ни одно судно не должно направляться из Камбеи в Красное море; все корабли должны платить пошлины, в портах Камбеи не должны строиться военные корабли[11].

Нуждаясь в поддержке португальцев для войны с Могольским императором Хумайюном, который уже захватил часть его территории, Бахадур-шах направил депешу Афонсу де Соуза, предложив португальцам построить форт в Диу. В сентябре 1534 года был подписан договор, по которому король Португалии и султан Камбеи Бахадур шах вступали в военный союз, для чего должен был быть построен форт в Диу[12].

Нуну да Кунья энергично приступил к строительству форта, которое было начато 20 ноября 1535 года и закончено в 1536 году. Форт был поставлен под командование Мануэла де Соуза с гарнизоном в 900 солдат и 60 больших пушек[13].

После завершения строительства крепости в Диу португальцы почувствовали себя гораздо более уверенно и начали вести себя в Индии нагло и бесцеремонно. Португальцы вмешались в войну между раджами Каликута и Кочина в 1536 году на стороне Кочина[14].

В том же году Мартин Афонсу де Соуза по приказу губернатора Нуну да Кунья оккупировал Даман.

В Диу было начато строительство церкви Св.Фомы, которая в 1544 г. была превращена в собор Кастелу[15].

Такие действия португальских колонизаторов вызывали крайнее недовольство и возмущение Бахадур-шаха, который чувствовал, что его суверенитет ущемляется и попирается захватчиками. Сожалея об уступках, предоставленных португальцам, он

---

[11] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 406.
[12] Ibid.
[13] Ibid.
[14] *Morais C.A. de.* Cronologia Geral da India Portuguesa. Macau, 1993. P .61.
[15] Ibid.

решил избавиться от чужеземного ига и призвал правителей Малабара изгнать португальцев из Индии. Одновременно он обратился с просьбой о помощи к турецкому султану. Когда Бахадур-шах обратился за помощью к турецкому султану Сулейману I Великолепному, тот немедленно ответил согласием, так как считал, что его долг поддержать полумесяц во всех случаях, когда он приходил в конфликт с крестом.

В марте 1537 года Нуну да Кунья прибыл в Дели и сумел уговорить Бахадур-шаха согласиться на встречу с ним. Султан отправился в лодке навестить Нуну на борту его судна, сопровождаемый 30 знатными людьми. При возвращении на берег произошла стычка, во время которой Бахадур-шах был убит. Источник, написанный индийцем Абул Фаглом, рассказывает об этом так: "Султан вернулся к своей лодке, но священник преградил ему путь. Султан в раздражении выхватил меч и разрубил его пополам. Затем он прыгнул в лодку, но португальские суда окружили лодку, и завязалась битва. Султан бросился в воду и утонул в волнах. Его спутники также погибли."[16].

После смерти Бахадур-шаха один из потомков султана Дели Мир Махомед Заман собрал 5000 сторонников, которые провозгласили его султаном. Он отправил гонца к Нуну да Кунья, пообещав ему значительную часть побережья в обмен на признание и помощь в войне с Моголами. Португальцы согласились, однако Заман был разгромлен Моголами и подчинился их власти[17].

В 1538 году султан отправил из Суэца в Красное море большую эскадру из 70 судов и 7000 солдат, в их числе было много хорошо вооруженных янычар[18]. Командовать эскадрой султан поручил Сулейман-паше по прозвищу Евнух. Это был человек пожилой и настолько тучный, что, как говорили, с трудом мог встать на ноги даже с помощью четырех слуг.

Прибыв в Аден, Сулейман-паша Евнух повесил его шейха на рее своего флагманского корабля, а город отдал на разграбление янычарам, превратив его территорию в турецкий санджак[19].

---

[16] *Danvers Ch.* The Portuguese in India. Vol. I. P. 419—420.

[17] Ibid. P. 421.

[18] Ibid. P. 425.

[19] *Lord Kinross.* The ottoman centuries. The Rise and Fall of the Turkish Empire. N.-Y. 1977. P. 244; *Мейер М.С.* Османское присутствие в южных морях в XVI в. — "Востоковеды — востоковеду". М., 2000. С. 52.

Таким образом, вход в Красное море оказался в руках турок.

Поскольку индийский мусульманский союзник турок Бахадур-шах умер, Сулейман-паша Евнух послал в качестве подарка султану в Стамбул богатые сокровища из золота и серебра, которые Бахадур-шах оставил на хранение в священном городе Мекке[20].

Затем вместо того, чтобы искать португальский флот и дать ему морское сражение в Индийском океане (как приказал султан), в котором благодаря превосходству в артиллерии у него были реальные шансы на победу, Сулейман-паша Евнух предпочел воспользоваться попутным ветром, пересек Индийский океан и подошел к западному побережью Индии.

По авторитетному свидетельству венгерского капитана Хуци, Сулейман-паша очень боялся португальцев и всячески избегал встречи с ними. Хуци сообщает, что завоевание Адена "было осуществлено в соответствии с дальновидным планом паши с тем, чтобы было где укрыться в случае, если он будет разбит португальцами".

В начале сентября 1538 года он высадил 600 янычар на острове Диу, которые при поддержке нескольких огромных пушек (их волоком перетащили через Суэцкий перешеек) осадили португальскую крепость[21].

Оборону португальского гарнизона возглавил Антониу да Силвейра[22].

Солдаты гарнизона сражались отважно, причем большую помощь в обороне крепости оказывали женщины.

Когда неожиданно начался шторм, Сулейман-паша отвел свой флот к Махува, где была тихая гавань, и оставался там 20 дней. Вернувшись к Диу 28 сентября 1538 года, он подверг артобстрелу бастион, которым командовал Франсишку Пашеку. Защитники бастиона согласились его оставить при условии, что им будет позволено, сдав оружие, пройти к главной крепости. Но турки не сдержали обещание и принудили 64 португальцев стать гребцами на галере Сулейман-паши. После этого Сулейман-паша отправил записку Антониу да Силвейра, советуя ему

---

[20] *Lord Kinross.* The ottoman centuries. The Rise and Fall of the Turkish Empire. N.-Y., 1977. P. 244. *Мейер М.С.* Османское присутствие в южных морях в XVI в. — "Востоковеды — востоковеду". М., 2000. С. 52.

[21] Ibid.; *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 426; Tarday L. Op. cit. P. 156.

[22] *Welch S.* Op. cit. Vol. I P. 642; *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 426.

сдаться, так как силы слишком неравны. Но тот прислал ответ, составленный в столь оскорбительных выражениях, что это взбесило Сулейман-пашу, и он отдал приказ начать штурм крепости[23].

Португальцы оказали стойкое сопротивление. Сулейман-паша направил нескольких пленных в Диу, чтобы уговорить Антониу да Силвейра сдаться, но тот ответил решительным отказом. Тогда 4 октября Сулейман-паша начал яростную бомбардировку Диу, которая продолжалась беспрерывно 20 дней. Многие защитники крепости были убиты и ранены, порох и провизия были на исходе. Из прежнего гарнизона в 600 человек осталось только 250, способных держать оружие. Стремясь создать у защитников крепости впечатление, что он намерен снять осаду, Сулейман-паша отвел от порта несколько галер, в то время как в действительности он подготовил войско в 14 000 человек для решающей атаки на крепость[24]. После артобстрела форт был осажден со всех сторон.

В конце дня там осталось лишь 40 человек, способных носить оружие. Стены форта были разбиты, порох полностью израсходован.

Сулейман-паша Евнух потребовал от правителя Гуджарата (преемника Бахадура-шаха) снабдить его армию продовольствием, а самому лично явиться на борт его флагманского судна. Но тот не выполнил выставленные требования. Зная о трагической участи шейха Адена, он считал турок более серьезной угрозой, чем португальцев.

В этот момент к туркам пришло известие о том, что португальцы отправили из Гоа большой флот для помощи осажденному гарнизону в Диу.

Вот как описывает эти события их очевидец и участник венгерский капитан Хуци: "Через два месяца, когда появилась португальская эскадра, которая доставила помощь их людям, пашу охватил великий страх, особенно когда он узнал, что португальцы превосходят его по числу и силе. С обеих сторон уже палили пушки, надеясь запугать противника, и казалось, что вот-вот начнется кровавая битва с непредсказуемым исходом. Мы все ощутили, что столкнулись с огромной опасностью, когда паша приказал поставить

---

[23] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 427.
[24] Ibid. P. 429.

пушки на палубу и заполнить цистерны водой, как если бы мы собирались участвовать в морском сражении. Однако в действительности турки отказались от битвы и бежали. Мы участвовали в этой кампании с 50 военными судами и 4 галерами целый год от дня святого Иоанна Крестителя в 1538 году до того же дня в 1539 году"[25].

Как видно из этой цитаты, Хуци использует слова "мы" и "турки" для обозначения войск Сулеймана-паши.

Интересно, что описание этих событий во многом совпадает с рассказом Сиди Али. Оба свидетельствуют, что турки очень боялись встреч с португальским флотом. Турецкий командующий считал осторожность обязательным спутником храбрости.

5 ноября 1538 года Сулейман-паша Евнух снял осаду крепости и отступил. Его флот пересек Индийский океан и ушел обратно в Красное море. Здесь он казнил правителя Йемена (как раньше казнил правителя Адена) и поставил его землю под управление османского губернатора.

Захватив в плен в портах Аравии 140 португальцев (в том числе Франсишку Пашеку), он отрубил им головы, а затем уши и носы и, засолив их, отправил султану Османской империи. Прежде чем вернуться в Стамбул, он совершил хадж в Мекку и только после этого предстал перед султаном, который вознаградил его за преданность, сделав одним из визирей с правом заседать в Диване. После этого турки не пытались больше распространять свою власть на Индию[26].

6 ноября 1538 года в Диу прибыл из Гоа португальский флот под командованием Гарсия де Норонья, задачей которого было оказание помощи осажденной крепости. Поскольку в этом уже не было необходимости, солдаты Нороньи занялись работами по восстановлению крепости, пострадавшей во время осады[27].

Султан, однако, продолжал бросать вызов португальцам в Индийском океане. Хотя он контролировал Красное море, он наталкивался на серьезные препятствия в Персидском заливе, выход из которого был для него закрыт, так как португальцы держали в своих руках Ормуз, контролируя Ормузский пролив. В результате султан лишался возможности эффективно использо-

---

[25] *Tardy L.* Op. cit. P. 157.
[26] *Lord Kinross.* Op. cit. P. 244; *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 430.
[27] *Morais C.A.* Op. cit. P. 62.

вать в военно-морских целях обладание Багдадом и портом Басра в дельте Евфрата.

Судьба снова улыбнулась султану, когда турецкий паша Басры в 1550 году сумел овладеть важными портами Эль-Катиф и Буссора на арабском берегу Персидского залива[28].

Грандиозный план Сулеймана I требовал теперь завоевания обоих берегов Персидского залива для того, чтобы выбить португальцев из Ормуза и установить свое безраздельное господство над морскими коммуникациями Персии и Аравии. В качестве первого шага к достижению этой цели султан решил укрепить крепость Эль-Катиф, поставить там тяжелую артиллерию и защитить бухту большим числом кораблей.

Однако об этих приготовлениях скоро узнал персидский правитель Ормуза — союзник португальцев. Португальцы сохранили за ним часть его суверенитета, освободили от уплаты дани, оставили на своих местах персидских чиновников[29]. Эта комбинация устраивала обе стороны. Будучи шиитами, персы враждебно относились к туркам, что способствовало сближению католиков-португальцев и мусульман-персов.

Узнав о турецкой угрозе, правитель Ормуза послал быстроходную каравеллу в Гоа просить помощи у португальцев. С подобной же просьбой туда же прибыли посланцы шейхов островов в устье Евфрата.

Вице-король Афонсу де Норонья (1551—1554 гг.) созвал совет, чтобы выслушать всех этих посланцев и прочитать письма, которые они привезли.

Было решено послать на помощь Ормузу сильную эскадру в составе 7 галеонов, 12 боевых галер и 1200 человек под командованием племянника вице-короля Антониу де Норонья[30].

На этот раз люди были тщательно подобраны. Они получили большее жалованье, чем обычно. Эта мера была принята с учетом опыта прежнего вице-короля Жоржи Кабрала. Когда, вступая в должность, Афонсу де Норонья сделал ему замечание, что солдаты получают слишком высокое жалованье, Жоржи Кабрал ответил:

---

[28] *Welch S.* Op. cit. P. 643.

[29] Ibid.

[30] *Welch S.* Op. cit. P. 644; *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 492.

"Вам пока неизвестно, как португальские солдаты сражаются в Индии, а когда вы это узнаете, вам придется извиниться."[31].

К чести Афонсу де Норонья следует сказать, что он не стал пренебрегать советом более опытного администратора и стал проявлять особую заботу об обеспечении хорошим жалованьем солдат и экипажей кораблей.

1 апреля 1551 года эскадра Антониу де Норонья вышла из Гоа и взяла курс на Ормуз, куда прибыла в конце апреля.

Прежде всего юный Норонья созвал военный совет с участием персидского правителя и португальского коменданта крепости. Персы предложили передать в его распоряжение 3 тысячи воинов и необходимые суда для их транспортировки. Этим войском командовали Рас Шарафе и Маримашите. На подготовку транспортных судов ушло два месяца[32].

Имея большой опыт морских войн, португальские капитаны учитывали все возможные варианты развития событий и случайностей, так как от этого зависел исход кампании. Норонья послал 10 кораблей с целью заблокировать порт Эль-Катиф, с тем чтобы турки не получили подкреплений из Басры.

В конце июня весь португальско-персидский флот вышел из Ормуза и присоединился к блокаде Эль-Катифа. В то время как корабли стояли на рейде, португальцы и персы в лодках подошли к берегу. Турки на лошадях вошли в море, пытаясь помешать высадке, но в рукопашном бою были обращены в бегство. Произведя успешную высадку, португальцы и персы вырыли траншею вокруг форта. После этого они приступили к осаде крепости и в течение 8 дней вели ее артиллерийский обстрел. Турки наносили из-за стен ответные артиллерийские удары. Огонь осаждающих нанес форту столь сильный ущерб, что на девятый день 400 турок покинули крепость через потайной ход. На рассвете следующего дня осаждающие овладели фортом Эль-Катиф.

Антониу де Норонья передал этот форт Расу Шарафе, но тот сказал, что охранять его будет дороже, чем он сам того стоит. Поэтому было решено взорвать крепость.

Но когда саперы подготовили взрывчатку, с горящего дома упала искра на бочку с порохом. В результате взрыва погибли

---

[31] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 236—238; 325—332.

[32] *Delgado.* Historia de Portugal. Lisboa, 1966. Vol. II. P. 368—569.

40 португальцев. Через несколько дней турки вернулись с подкреплением из 80 кавалеристов-арабов, но стремительный натиск португальцев снова заставил их отступить.

После этого Антониу де Норонья с 18 судами вошел в Персидский залив и направился к устью Евфрата с намерением изгнать оттуда турок. Однако ночью разразилась буря, и 9 кораблей вышли из строя. Тем не менее, юный адмирал решил продолжать плавание с оставшимися 9 судами[33]. Одновременно он направил письмо бежавшему от турок султану Басры.

Но Али-паша, турок из Басры, изгнавший арабского султана, был человеком очень хитрым. Ему, конечно, очень хотелось отрубить голову юному адмиралу, но он понимал, что хитрость поможет ему больше, чем оружие. Как пишет историк С.Уэлч: "Если Восток не мог сравниться с Западом по оружию, он был стар и искушен в искусстве, сделавшем знаменитой змею из садов Эдема"[34].

Поставив под контроль все морские пути, Али-паша перехватил письмо адмирала к султану Басры. Затем он сфабриковал письмо, якобы пришедшее к нему от этого султана, в котором тот обещал передать португальскую эскадру в руки Али-паши. Собрав большую толпу, он зачитал им эту фальшивку. В этой толпе были и два пленных итальянца. На следующий день Али-паша освободил их из плена, точно зная, что они побегут навстречу португальской эскадре. Так оно и случилось. Антониу де Норонья вернулся со своей эскадрой в Гоа, решив больше не проявлять бесполезного милосердия в отношении этих "вероломных" арабов.

Уход португальского флота в Гоа не успокоил, однако, турецкого султана. Он понимал, что хитрость и коварство Али-паши помогли только отсрочить решающий удар, который Португалия неизбежно нанесет, если турецкие войска в устье Евфрата не получат подкреплений[35].

Из Венеции и Рима дон Жуан III получил предупреждение о подготовке турками большого флота.

В мае 1552 года в Ормуз пришли лодки из Красного моря с известием о том, что турки готовят атаку на крепость, но было трудно узнать подробности. Комендант Ормуза поручил одно-

---

[33] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 333—338; 404—410.
[34] *Welch S.* Op. cit. P. 648.
[35] Ibid.

му опытному моряку проникнуть под видом торговца в Аден и Оман для сбора сведений о планах султана и о силе его эскадры. Тот прекрасно справился с заданием и вернулся в Ормуз с известием, что в Суэце находились 24 корабля, готовые идти в Персидский залив. Комендант Ормуза отправил две каравеллы в Калайате (юго-восточная Аравия). В случае появления турецкого флота одна из каравелл должна была немедленно идти к Ормузу, предупредив по пути Маскат и другие португальские крепости об опасности. Если вражеская эскадра будет превышать 20 судов, другая каравелла должна была отправиться в Индию, чтобы просить подкреплений у вице-короля.

Все продовольствие и боеприпасы в Ормузе были перенесены из города в форт. Новый комендант Мозамбика Диогу де Мешкита должен был сообщать о грозящей опасности всем кораблям, шедшим из Португалии.

В середине 1552 года из Суэца вышла большая турецкая эскадра с 16 000 солдат под командованием египетского адмирала Пири-бея[36]. Это был знаменитый пират, имевший большой опыт морских сражений в Средиземном море и поступивший на службу к турецкому султану.

По сведениям Коуту, эскадра Пири-бея насчитывала 25 кораблей[37], но турецкая хроника говорит о 30 судах[38]. К счастью для португальцев, после выхода из Суэца путь турецкой эскадре надолго преградили густой туман и плохая погода. В августе корабли Пири-бея появились у южных берегов Аравии и атаковали Маскат. Одна из двух каравелл, несших там сторожевую службу, устремилась к Ормузу. В погоню за ней бросился сын Пири-бея. Капитан каравеллы стал бросать деньги своим гребцам-рабам, и она оторвалась от преследователей.

Получив известие о приближении сильного турецкого флота, комендант Ормуза приказал эвакуировать город. Самые бедные граждане, в большинстве своем персы, в том числе 300 персов-христиан, были собраны в деревне Магостан, остальные были эвакуированы на остров Кешм, имевший неприступные скалистые берега. Комендант Ормуза, португальцы, а также персидс-

---

[36] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 497.
[37] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 341—342.
[38] *Sidi Ali.* Op. cit. P. 3.

кий правитель и знатные персы предпочли укрыться за стенами форта, имевшего хорошо укрепленные фортификационные сооружения со многими бастионами. Прибытие туда 300 человек с кораблей, отнесенных бурей к Ормузу, увеличило число защитников крепости до 900[39].

В конце августа 1552 года защитники крепости неожиданно получили новое подкрепление. В бухту Ормуза вошел одномачтовый корабль индийского мусульманина, которого португальский король сделал дворянином. Он принял христианство и португальское имя Антониу де Са, получив прозвище Турок. Узнав об опасности грозившей Ормузу, он прибыл туда из Индии за 20 дней. Он взял гребцов-индийцев и приковал их цепями к веслам[40].

Одновременно Эштеван Гомиш, торговый королевский агент в Кальяте, узнав о приближении турецкой эскадры, отправился на маленьких персидских суденышках (терранкин) в Гоа, чтобы предупредить об этом вице-короля. Получив известие, вице-король стал спешно готовить эскадру для помощи Ормузу.

В конце октября 1552 года вице-король во главе огромного флота из 80 кораблей (в том числе 30—40 большого тоннажа) отплыл из Гоа. Через несколько дней при попутном ветре эскадра прибыла в Диу. Здесь их ждали письма коменданта Ормуза, доставленные быстроходной каравеллой.

Когда сын Пири-бея не смог догнать сторожевое судно, он вернулся, чтобы соединиться с эскадрой отца. Но по пути он встретил судно, эвакуировавшее женщин из Маската. Он сделал их невольницами, а двух старых капитанов заставил грести веслами как рабов. Пири-бей обрадовался добыче, привезенной сыном, так как рассчитывал получить за женщин большую компенсацию от португальцев и заслужить похвалу от султана.

Об этом Пири-бей начал переговоры с комендантом осажденной им португальской крепости в Маскате Жуаном де Лижбоа. Он направил к нему португальца, принявшего ислам, по имени Жуан де Барка, который уверял коменданта, что Пири-бей — благородный человек и всегда держит свое слово. Если португальцы сдадутся, Пири-бей предоставит им корабли, чтобы они могли вернуться в Индию.

---

[39] *Welch S.* Op. cit. P. 650.

[40] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 430—435.

В осажденном форте Маската была уже на исходе вода и практически не было продовольствия. Жуан де Лижбоа созвал офицеров и сообщил им о предложении турок. Было решено, что комендант и иезуит-капеллан лично встретятся с Пири-беем, чтобы он подтвердил свои предложения. Встреча состоялась, и на обоих произвела хорошее впечатление искренность Пири-бея. Они поверили данному им слову и приняли его условия.

После 18 дней сопротивления и непрерывной бомбардировки 50 португальцев вышли из форта[41].

Коуту рассказывает, что как только безоружные португальцы оказались в руках Пири-бея, он нарушил условия мира, "как делали всегда эти турки". По свидетельству хрониста, он заставил пленных грести на галерах, перевез на свои суда из крепости артиллерию и увез много ценной добычи. Форт был стерт с лица земли[42].

Легкость этого предприятия привела Пири-бея к заключению, что португальские крепости не были такими сильными, как об этом говорили. Кроме того, приятной неожиданностью для него было то обстоятельство, что ни один из арабских и персидских правителей побережья не поднял оружия в защиту португальцев.

Приказ султана предписывал ему перед атакой на Ормуз прибыть в Басру для получения необходимой помощи в людях и судах[43]. Однако он не выполнил этот приказ, так как считал, что наверняка возьмет Ормуз только теми силами, которыми он располагал.

Штурм Ормуза начался 17 сентября 1552 года. За несколько дней до этого защитники крепости получили ободряющее известие. Капеллан-иезуит из Ормуза, отец Гонсалу Родригеш, рассказывает, что персидский правитель распространил известие о пророчестве шерифа Мекки[44], которое гласило, что Бог прогневался на мусульман и что закон Ислама скоро закончится. Воодушевленная этим тысяча защитников Ормуза была одержима одним желанием — во что бы то ни стало продержаться до прибытия подкреплений из Гоа.

Был пасмурный и душный день, когда турецкая эскадра подошла к берегу в двух километрах от форта. Пири-бей тотчас же

---

[41] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 415.
[42] Ibid.; *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 497.
[43] *Welch S.* Op. cit. P. 650.
[44] Ibid.

начал высадку войска и артиллерии. Выяснив численность турок и их позиции, португальцы отступили, укрывшись в крепости, и стали принимать меры, необходимые для отражения предстоявшей атаки.

В порту находились под защитой форта 40 торговых судов. Все они были расснащены, а с некоторых даже были сняты мачты. Галеон "Каранжа" был пришвартован к форту, а его пушки были нацелены на турок и приготовлены для стрельбы.

Каждый бастион крепости защищала рота солдат. Самым безопасным местом считали башню над складами, и в нее были переведены комендант Ормуза Алвару де Норонья, персидский правитель Туран-шах с семьей и главный судья.

Несколько дней турецкая артиллерия вела непрерывный обстрел крепости. Однако эта бомбардировка не причинила ей вреда. Дело в том, что стены форта были построены из особого белого известняка, который служил амортизатором, и большие ядра, которыми стреляли турки, не пробивали стены, а застревали в них[45].

На четвертый день осады Алвару де Норонья отправил на одномачтовом гребном судне гонца в Гоа с просьбой о помощи. Опасаясь, что гонец погибнет, он послал через некоторое время второго курьера.

Коменданту приходилось сдерживать боевой пыл своих солдат, привыкших сражаться с врагом в открытом поле на суше или на море, которые рвались в бой, требуя от командующего более решительных действий.

Пири-бей, будучи тонким психологом, пытался использовать это обстоятельство в своих интересах. По его приказу турецкие солдаты подплывали ночью на лодках к стенам форта и оскорбляли португальцев, называя их трусливыми кроликами, боящимися открытого честного сражения вне стен крепости. "Скоро вы все будете погребены под развалинами вашего форта", — говорили турки. Эти оскорбления выводили из себя португальских солдат. Временами солдаты готовы были даже взбунтоваться, но влияние, авторитет и такт коменданта успокаивали людей. Он не уставал объяснять солдатам, что героические поступки хороши только тогда, когда они приносят пользу. "Лучший

---

[45] *Andrade I. de.* Cronica de D. Jõao III. Lisboa, s.d. Cap. 93; *Couto D.* Op. cit. Vol. VI P. 438.

ответ на наглость турок — это наша неприступная крепость, — говорил комендант. — Я не могу рисковать Ормузом — самой драгоценной жемчужиной Португалии на Востоке."[46].

В то же время и португальская артиллерия не причинила ощутимого ущерба в турецком лагере. Устав от бесполезной артиллерийской дуэли, продолжавшейся без какого-либо эффекта 16 дней, Пири-бей решил действовать иначе. Он прибег к обычному испытанному средству турок — обману.

Среди пленных, захваченных турками в Маскате, был один артиллерист по имени Балейру. Этого человека Пири-бей послал к Алвару де Норонья с предложением освободить всех пленных из Маската в обмен на большой выкуп. Не зная, верить этому или нет, комендант отослал Балейру обратно без ответа.

Но Пири-бей не собирался так легко отказываться от своего плана. Неизвестно, каким образом, но он узнал, что из Индии на помощь Ормузу уже идет большой флот. Понимая, что его 20 дневная осада Ормуза может окончиться безрезультатно, он теперь сделал ставку на получение большого выкупа, чтобы подарить султану хотя бы деньги. Для этого Пири-бей отвел турецкую эскадру на некоторое расстояние от форта, и она встала на якорь вне досягаемости португальских пушек. После этого Пири-бей предпринял последнее усилие, чтобы получить богатый выкуп за португальских пленных.

Он послал к берегу лодку с белым флагом и группой пленных. Среди них были итальянский моряк, два фидалгуш из Маската, жена коменданта Маската и еще двое пленных. Они передали Алвару де Норонья подарки Пири-бея: богато украшенный лук и седельную кобуру для пистолета. Парламентер-итальянец объяснил, что паша готов вести переговоры о выкупе всех пленных из Маската.

Первым импульсом Алвару де Норонья было желание наказать "всех этих трусов", которые сдались туркам. Два дня он держал всю депутацию под арестом. На третий день он приказал дать им новые одежды и привести к нему. Выразив свое негодование, он сказал, что готов выкупить только двух пленных, а остальных вернул туркам.

---

[46] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 423—427.

Пири-бей направился со своим флотом к острову Кешм, куда бежали самые богатые жители Ормуза. Там он оставил беспомощных пленных из Маската и потребовал выкуп у беглецов. Самым богатым из них был испанский еврей Соломон, у которого турки изъяли 80 000 крузадуш золотом и драгоценными камнями. Из 20 000 жителей Пири-бей взял пленных столько, сколько смог поместить на свои корабли, а других подверг нечеловеческим жестокостям[47].

После этого он отплыл к Басре, опасаясь скорого появления португальской эскадры из Индии. Узнав об этом, вице-король Афонсу де Норонья решил не преследовать турок, но его племянник Антониу прибыл в ноябре 1552 года в Ормуз с 32 кораблями[48].

Молодой адмирал послал два лучших корабля сторожить вход в Басру. Узнав об этом, Пири-бей решил отправиться в Стамбул, чтобы смягчить гнев султана, бросив к его ногам богатую добычу, которая оценивалась в 1 млн. крузадуш, а также закованных в кандалы невольников-португальцев. Таким способом он надеялся спасти если не свое состояние и должность, то хотя бы голову. Выйдя под покровом ночи из Басры, он подошел к арабскому берегу Персидского залива. Но около Эль-Катифа один из трех его кораблей сел на мель, но два других сумели спасти груз и рабов. Сторожевые суда в Ормузе узнали о бегстве трех кораблей, и эскадра молодого Антониу де Норонья устремилась за ними в погоню. Но в это время подули сильные ветры с севера (арабы называют их "шамала"). Они принесли с собой огромные массы песка и резко ухудшили видимость. Двигаясь только по ночам, Пири-бей сумел уйти со своей добычей, оставив основной свой флот заблокированным в Басре.

Пири-бей обманул бдительность португальцев, но не смог смягчить гнева султана. Его корабли бросили якорь в Суэце. Оттуда на верблюдах он повез сокровища и пленных через Александрию в Стамбул, надеясь произвести большое впечатление в Порте. Однако султан обвинил его в трусости и в нарушении инструкций и приказал обезглавить[49]. Невольники-португальцы были отправлены в качестве рабов на галеры, откуда позже многие бежали.

---

[47] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 465—469.
[48] Ibid. P. 465—471.
[49] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 449.

Наибольший гнев Сулеймана Великолепного вызвало то, что после неудачных действий Пири-бея позиции португальцев на Востоке усилились еще больше. Паша Басры прислал ему сообщение о том, что в восточных морях находятся две огромные португальские эскадры. Одна из них блокировала ослабленную эскадру Пири-бея в Басре, а другая появилась у входа в Красное море. Эта последняя вызывала крайнее беспокойство султана, поскольку он видел в ней угрозу "священной" Мекке.

В это время в Стамбуле жил разжалованный командующий санджака Эль-Катиф по имени Мураде-бей. Он предложил свои услуги для войны с португальцами. Получив согласие султана, он, спустившись по Евфрату, прибыл в Басру в конце июля 1553 года. Он имел приказ отобрать там 15 лучших кораблей, вооружить их лучшими пушками и выбрать лучших солдат. С этими силами он должен был пройти к Красному морю и охранять пути к "священной" Мекке.

Мураде-бей, видимо, не был предупрежден, что старший и младший Норонья были в Ормузе настороже, и у него не было плана, как от них уйти. О том, что произошло дальше, лаконично рассказывает турецкая хроника: "На рейде Ормуза Мурадебей столкнулся с эскадрой неверных. Последовала ужасная битва, в которой Сулейман Рейс, Раджабе Рейс и многие люди приняли смерть мучеников. Многие другие были ранены, а корабли были сильно повреждены пушечными ядрами. Наконец, ночь положила конец этой бойне".

Это сражение произошло 10 августа, в день Св. Лоуренсу. Португальской эскадрой командовал Диогу де Норонья. Сильный ветер погнал галеон Гонсалу Перейра Маррамаке к побережью Персии, где он был окружен всей турецкой эскадрой. Гонсалу Перейра сражался в течение многих часов, хотя от его корабля остался только корпус. Когда погиб один из артиллеристов, его место занял фидалгу, никогда в жизни не стрелявший из пушки. Наконец, ветер утих. На помощь Перейре пришли португальские корабли и спасли оставшихся в живых. Диогу де Норонья сказал, что Святой Лоуренсу оказывает помощь только тем, кто нуждается в его помощи, но не помогает тем, кто может помочь себе сам. "С молоком матери они всасывают отвагу и чувство достоинства, которые сделали возможной эту победу".

Однако Сулейман I Великолепный был не тем человеком, который мог прекратить войну на море с португальцами в то

время, когда у него оставался хотя бы один корабль. Для следующей попытки разблокировать турецкий флот, запертый португальцами в Красном море, он выбрал опытного капитана Али бен Хусейна.

АЛИ БЕН ХУСЕЙН участвовал во многих морских экспедициях, в том числе против острова Родос и пересекал Средиземное море столько раз, что, по его собственным словам, "знал в нем любой уголок". Али бен Хусейн был и выдающимся ученым, автором книг по астрономии, навигационной науке и др. Он оставил нам достаточно подробную автобиографию, в которой, в частности, сообщает: "После взятия Константинополя мой дед и мой отец отвечали за арсенал в Галата. Оба были выдающимися специалистами, и их компетентность унаследовал и я."[50].

Португальцы сообщают сведения о том, что Али бен Хусейн был одно время казначеем в Каире, был очень богат и имел хорошие отношения с египетскими пашами. Он находился с визитом в Алеппо, когда узнал, что султан доверил ему пост командующего египетской эскадрой. 7 декабря 1553 года Али бен Хусейн отправился в Багдад. Оттуда на маленьком суденышке добрался до Басры, куда прибыл в начале февраля 1554 года. В течение пяти месяцев, пока Али ждал попутного муссона, он занимался вместе с местным командующим Мустафой-пашой ремонтом кораблей и вооружал их новыми пушками. Несколько из этих пушек прислали ему из Ормуза, что свидетельствует о том, что у него были союзники среди мусульман в этом оккупируемом португальцами городе.

В это время в Гоа португальский вице-король Индии также готовился к решительной схватке с султаном за господство в Красном море и Персидском заливе. Хотя он знал, что мог рассчитывать на одобрение своей политики доном Жуаном III, он столкнулся с оппозицией некоторых кругов в Индии, опиравшихся на поддержку влиятельных советников короля в Лиссабоне. Так, корпорация ремесленников и торговцев Гоа жаловалась, что вице-король палец о палец не ударил, когда турки угрожали Ормузу, что его не интересует ничего, кроме выколачивания денег из населения и что он назначает администраторами и комендантами молодых неопытных людей[51].

---

[50] *Sidi Ali.* Op. cit. P. 5.
[51] *Welch S.* Op. cit. P. 670.

В марте 1554 года вице-король направил в Красное море военную эскадру из 6 галеонов, 25 хорошо экипированных фустас и 1500 человек. Она вышла из Гоа 6 марта и после патрулирования Красного моря должна была зимовать в Ормузе, присоединившись к уже находившейся там эскадре. В том же марте из Гоа вышла курсом на Ормуз еще одна эскадра из 5 кораблей под командованием Бернардина де Соуза. Именно с этими объединенными военно-морскими силами Португалии предстояло иметь дело Али, когда он в августе 1554 года отплыл из Басры.

Флот Али был плохо экипирован и испытывал трудности в снабжении продовольствием. Он страдал также от сильных ветров и больших волн. Высланный вперед разведчик информировал Али, что путь в Персидский залив свободен и что в Ормузе находятся всего лишь четыре португальских корабля (очевидно, принадлежавшие к эскадре Бернардина де Соуза). Однако турецкие шпионы ничего не знали о приближении португальской эскадры, вышедшей из Гоа 6 марта 1554 года.

Тщательное обследование Залива с помощью шпионов наводит на мысль, что Али стремился не столько обнаружить врага, чтобы вступить с ним в битву, сколько избежать столкновения с португальцами. Не имея конкретной информации о местонахождении противника, он осторожно двигается к Бахрейну[52]. С самого начала Али, видимо, испытывал страх перед португальцами. Он не мог их видеть, но он знал, что они где-то близко.

Ознакомившись с донесением своих шпионов и полагаясь на них, Али решил пойти к острову Кешм, взяв с собой арабского лоцмана. Но когда он обогнул мыс Мазандан, он внезапно столкнулся с португальской эскадрой, которой командовал Фернан де Менезиш.

Морское сражение продолжалось несколько дней. Согласно версии Али бен Хусейна, эта битва была триумфом турок[53]. То, что это было не так, совершенно очевидно. Обе стороны понесли потери, и битва не была решающей.

Турецкая хроника утверждает, что турки потопили один португальский корабль и вышли из боя победителями. Правда же заключается в том, что суда Али бежали в мелкие воды, где ог-

---

[52] *Brummet P.* Op. cit. P. 6; Sidi Ali. Op. cit. P. 9—10.
[53] *Sidi Ali.* Op. cit. P. 13—14.

ромные португальские корабли не могли их настичь. После захода солнца артиллерийский огонь прекратился.

Фернан де Менезиш оставил несколько легких судов наблюдать за передвижениями отступивших турок, а с остальным флотом отступил в просторную гавань Маската, где готовился возобновить наступление. Португальская эскадра оставалась там, пока сторожевые корабли не сообщили, что турецкая эскадра подошла к островам Эс-Сохар у побережья Аравии.

Фернан де Менезиш со своим флотом тотчас же устремился навстречу туркам.

Решающее сражение началось в 9 часов утра 25 августа 1554 года в день св. Людовика у прекраснейшего пляжа на восточном берегу Аравии.

План Фернана де Менезиша состоял в том, чтобы окружить и заблокировать турок, а затем уничтожить и взять их в плен. Впереди шли самые большие португальские суда, за ними каравеллы, а сзади галеры, построенные в форме широкого полукруга. "Это было очень красивое зрелище", — свидетельствует хронист.

Но как только начала действовать артиллерия, сцена стала ужасающей. "Наши галеры были утыканы мачете, которые в нас бросали с вражеских кораблей, что сделало галеры похожими на дикобразов, — сообщает сам Али. — Каменные ядра, которыми нас обстреливали из пушек, падая в воду, вздымали водяные столбы. Даже во время войны между Хайраддин-пашой и Андреа Дориа не было битвы подобной этой"[54].

ХАЙРАДДИН-ПАША (1473—1546 гг.) был знаменитым турецким адмиралом, прославившимся в ряде сражений с европейцами в Средиземноморье. Упомянув о нем и об Андреа Дориа, Али недвусмысленно дает понять, что именно он перенес османско-европейскую схватку за гегемонию из Средиземного моря в Индийский океан. Тем самым он пытается подчеркнуть не только свою роль, но и роль Османской империи и Португалии, двух титанов, сражавшихся за господство на морях[55].

Понимая, что ему угрожает опасность быть окруженным и прижатым к пляжу и попасть в плен, Али приказал своим кораблям поднять паруса и грести веслами, чтобы вырваться в открытое море. 9 его кораблей сумели уйти из окружения, но 6 были взяты португальцами на абордаж, а затем захвачены. Когда Али

---

[54] *Sidi Ali.* Op. cit. P. 14.

[55] *Brummet P.* Op. cit. P. 11.

увидел, что его эскадра уменьшилась до 9 судов, он помчался на всех парусах к ближайшему индийскому порту, преследуемый быстрыми каравеллами. В Гвадор, на берегу Белуджистана он нашел убежище у своих союзников-мусульман. Флот Али нашел убежище в Дамане. Правитель Малик Эсад принял его очень дружелюбно, а капитаны стоявших в гавани судов заверили его, что надеются, что из Египта придет турецкий флот и поможет им разгромить португальских "неверных"[56]. Затем Малик Эсад сообщил Али, что португальский флот был уже в пути и что многие из его людей из-за страха бежали. Али перевел флот в дружественный порт Сурат (также в Гуджарате)[57], где османский флот нашел гавань, но не безопасность. Али сообщает, что мусульмане Сурата встретили его с распростертыми объятиями, выражая желание присоединить Гуджарат к Османским владениям. В своем сочинении Али не делает секрета из того, что его собственной мечтой и мечтой султана было приобретение Гуджарата[58].

Правитель Гвадора, по словам Али, предложил ему "искреннюю преданность нашему покровителю-султану"[59]. Но встреча с этим правителем имела значение, выходившее далеко за рамки риторики. По свидетельству Али, правитель Гвадора обещал также снабдить османский флот людьми, лодками, провизией и всем необходимым. Это обещание показывает, что и Али, и правитель Гвадора ожидали новых экспедиций против португальцев, а также кооперации между турецким флотом и флотами местных правителей. Судя по всему, региональные правители бассейна Индийского океана предложили султану заключить торговые и военные союзы для того, чтобы нейтрализовать португальскую угрозу. Такие предложения облекались в религиозную риторику, хотя их цели были вполне земными. Нам неизвестно, выполнил или нет правитель Гвадора свои обещания помощи туркам. Во всяком случае, его изъявления преданности султану были повторены многими индийскими мусульманскими правителями. По свидетельству Али, в каждом княжестве и городе, которые он посетил, он заставлял повторять эти обязательства и обещания. Рассказ Али об этих эпизодах имел совершенно определенную цель. Он должен был побудить султана

[56] *Sidi Ali.* Op. cit. P. 24.
[57] Ibid. P. 25.
[58] Ibid. P. 27.
[59] Ibid. P. 16.

активизировать свои усилия в Индийском океане, который, по словам Али, был разделен между лояльными мусульманами, преданными султану, и еретиками, которые служили Португалии. Всячески подчеркивая, что на берегах Индийского океана и в самой Индии живет много лояльных подданных и союзников, на которых мог рассчитывать Сулейман, Али намекал на возможность новых экспедиций. Он зачислял всех индийских мусульманских правителей в лояльных подданных султана, хотя чаще всего это было далеко от их подлинной позиции.

Нельзя исключить предположение, что Али, желая оставаться "слугой султана", рассчитывал в будущем стать командующим и губернатором Индийского океана. Эти посты, кроме всего прочего, открывали путь к обогащению через торговлю. (Османские паши обогащались в Средиземноморье благодаря торговле зерном и шелком)[60].

Из Индии он отправился в Стамбул, куда прибыл через несколько дней. Он сам назвал свои описания этих приключений "историей несчастий".

Известие о победе португальцев над турками вызвало взрыв энтузиазма и принесло чувство облегчения во всех португальских крепостях на берегах Атлантического и Индийского океанов.

В 1556 году потерпела неудачу атака португальцев на Басру, но, тем не менее, там оставался португальский фейтор по просьбе самих турок еще в 1547 году. Война, таким образом, не помешала развитию торговых связей. В 1561 году португальская эскадра из 20 кораблей снова безуспешно пыталась захватить Басру[61].

В 1559 году турецкая эскадра с 1200 солдатами (в том числе янычарами) осадила крепость Бахрейна. Шейх Бахрейна Морадо просил португальцев о помощи, и те отправили к нему 10 кораблей. По прибытии в Бахрейн они обнаружили, что форт осажден турками. На совете офицеров было решено взять осаждающих в плотную осаду. Но солдаты рвались в бой и настояли на битве. Португальцы, а также гарнизон Морадо и 300 хорошо вооруженных персов атаковали турок. Те отступили, но, заманив португальцев в засаду, неожиданно атаковали их и обратили в беспорядочное бегство. Около 70 португальцев было убито

---

[60] *Brummet P.* Op. cit. P. 15.

[61] Dicionario de historia... Vol. II. P. 835.

и несколько взято в плен. Морадо отступил в крепость. Новым командующим португальскими войсками был назначен Перу Пейшоту. Он нанес туркам поражение, и они вынуждены были сдаться, отдав всех пленных, все свои пушки, оружие и лошадей и выплатив 10 000 дукатов. После этого им было позволено отступить[62].

Кончилась эпоха португальской гегемонии на морях, когда португальские корабли охотились на мусульманские суда, направлявшиеся к Красному морю. Теперь оттуда выходили турецкие эскадры, нападавшие на португальских торговцев между Ормузом и Индией. Начиная с 1561 года, корабли из Ормуза вынуждены были плавать с военным эскортом. Растущее усиление военной мощи турок в Персидском заливе заставило персидского шаха пойти на сближение с султаном, которое особенно ускорилось после занятия португальского трона Филиппом Испанским (1580 г.).

В 60-е годы XVI века Ормуз, в котором хозяйничали португальцы, в экономическом плане был процветающим городом. Он служил безопасным и надежным портом-убежищем для торговцев всех религий и наций. На улицах этого города можно было видеть и арабов, и чернокожих людей из Занзибара, и индийцев, и французов, итальянцев, испанцев, голландцев и англичан.

Здесь уместно сказать, что португальцы никогда не были расистами. Они рассматривали все человеческие расы как равные перед Богом. Ко всем людям, принявшим христианство, независимо от цвета кожи, они относились одинаково. Так, когда высший индуистский жрец Ормуза принял христианство и крестился под именем Паулу де Санта Фе, он был принят в Лиссабоне с такими почестями, как будто это был какой-нибудь знатный испанец или итальянец[63].

Хорошо вооруженный форт Ормуза на самом высоком холме острова был увенчан часовней Божьей Матери. В начале XVII века с появлением в этом регионе англичан торговля Ормуза стала приходить в упадок. Этому содействовали противодействие турок и бурное развитие караванной торговли между Персией и Индией. Когда Португалия ослабла под натиском своих европейских торговых соперников, она была больше не в состоянии удержать Ор-

[62] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 515.
[63] *Welch S.* Op. cit. P. 697.

муз. Ее трудности возросли в течение двух первых десятилетий XVII века и особенно в 1619 году, когда шах Персии заключил союз с Англией. 2 февраля 1622 года персы начали штурм Ормуза при поддержке англичан. В штурме принимали участие 110 персидских, 6 английских кораблей и около 6000 солдат.

15 мая 1622 года гарнизон Ормуза сдался[64].

Этот прекрасный торговый город постепенно прекратил свое существование. На противоположном аравийском берегу появился небольшой арабский город с узкими улочками, называемый Гамбуне.

Потеряв Ормуз, португальцы, однако, не ушли из Персидского залива и еще более четверти века сохраняли свои гарнизоны и фактории в Маскате, став главными союзниками арабов Омана и, по иронии судьбы, турок Басры.

Но с потерей Ормуза была потеряна одна из фундаментальных опор португальского Государства Индии. Прав был автор "Книги о городах и крепостях, которые португальская корона имеет в этих частях Индии", писавший об Ормузе в 1581 году: "Это самая важная крепость из всех, которые короли Португалии имеют в этих частях Индии, и если бы они ее потеряли, это была бы самая большая потеря и ущерб"[65].

Анализ финансовых документов Государства Индии позволяет довольно точно определить расходы и доходы фактории Ормуза. В 1574 году Ормуз вместе с Бассейном и Диу были городами, которые приносили наибольшую прибыль. В 1581 году доходы Ормуза составили 51 млн. рейсов, а расходы — только 11 млн. рейсов. Таким образом, положительное сальдо составило 40 млн. рейсов — самое большое из всех крепостей Государства Индии[66].

В 1607 году эта чистая прибыль достигла 172 000 серафинов. Важно отметить, что здесь речь идет о "трудных годах", когда нажим Османской империи был достаточно сильным, так что даже Диогу де Коуту свидетельствует, что "турки почти стали хозяевами этого пролива"[67] (Персидский залив — *Авт.*).

---

[64] *Welch S.* Op. cit. P. 697.

[65] Livro das Cidades e Fortalezas que a Coroa de Portugal tem nas partes da India. Lisboa. 1960.

[66] Dicionario de historia... Vol. II. P. 836.

[67] *Couto D.* Op. cit. Vol. VI. P. 10.

Глава девятая

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ПОРТУГАЛИИ НА ЦЕЙЛОНЕ В XVI ВЕКЕ

История португальской колониальной экспансии на Цейлоне достаточно хорошо известна. Она подробно рассматривалась в работах ряда российских авторов-специалистов по истории Цейлона*.

Чтобы не повторять эти работы, в настоящей монографии рассмотрим только сведения о Цейлоне, содержащиеся в источниках, которые не были использованы другими исследователями.

Колониальная экспансия португальцев на Цейлоне в XVI веке представляет собой одну из ярких драматических страниц истории колониализма в Азии.

Вместе с тем, связанная с Цейлоном страница истории португальской колониальной экспансии до сих пор еще не до конца изучена, это объясняется, прежде всего, скудостью и труднодоступностью источников.

Автору этой работы повезло: во время научной командировки в Германию он обнаружил в одной из библиотек Лейпцига раритет — изданную в Лейпциге в 1927 году книгу, содержащую коллекцию документов о португальцах на Цейлоне в XVI веке.

Остров Цейлон привлек внимание португальцев сразу же после открытия морского пути в Индию. Более или менее подробное описание этого острова мы находим в приложении к известному "Дневнику" путешествия Васко да Гамы. Как доказал немецкий исследователь Франц Хюммерих, информацию для этого приложения дал путешественник и эрудит Гаспар да Гама[1].

Эти сведения наверняка были использованы при составлении карты, которую король Мануэл послал кардиналу-протектору.

---

* *Иванов Л.Г.* Очерки экономической истории Шри-Ланки. М., 1978. С. 7—66; *Сафонова А.Л.* История Шри-Ланки в древности и в средние века. М., 1988. С. 96—104 и другие.

[1] *Хазанов А.М.* Тайна Васко да Гамы. М., 2000. С. 106—110.

Известие о существовании этого острова, который вскоре стали идентифицировать с мифическим островом, называвшимся греками и римлянами Тапробана, король поспешил сделать достоянием широкой гласности.

Экономическая, стратегическая и даже символическая важность Цейлона наряду с другими факторами, например, такими, как давление кастильской конкуренции, делают приемлемой гипотезу Г.Бюшона о том, что уже в 1501 году на Цейлоне побывала экспедиция Жуана да Нова. Во всяком случае, относящаяся к этому времени переписка итальянцев, непосредственно заинтересованных в торговле в Индийском океане, ясно показывает, что этот остров фигурировал в планах португальцев на Востоке.

Следует отметить, что на известной карте Кантино (1502 г.) очертания острова Цейлон несравненно более точные, чем на древней карте Птолемея.

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что помимо того, что он располагал описаниями Цейлона Марко Поло, Николо ди Конти и Джироламо да Санто Стефано (португальское издание Валентина Фернандиша 1502 г.), дон Мануэл продолжал получать информацию об острове из первых рук. Известно, например, что падре Жозе, чей доклад об Индии (напечатан Монталбоддо в 1507 г.) посвящает несколько строчек Цейлону, жил шесть месяцев в Лиссабоне до того, как уехал в Рим[2].

Есть основания считать, что описание второго путешествия Васко да Гамы Томе Лопиша было известно королю. В этом сочинении есть глава о Цейлоне, которую автор писал, основываясь на информации, сообщенной ему христианами Кочина. Иначе говоря, хотя португальцы не посещали регулярно Цейлон до 1506 года, они сумели, будучи на Малабарском побережье, собрать массу важных сведений о географическом местоположении и экономической жизни острова. Эти сведения несколько лет спустя (1516 г.) Дуарти Барбоза включил в свою "Книгу".

Поэтому нет ничего удивительного в том, что дон Мануэл в инструкциях Ф.Алмейде упоминает об "открытии Цейлона", а в следующем году предписывает вице-королю считать захват острова своим "главным делом".

---

[2] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. P. 229.

В это время дон Мануэл уже знал, что Цейлон, помимо того, что обладал ценными ресурсами (корица, слоны, драгоценные камни), имел еще огромное значение для установления контроля над судоходством в Бенгальском заливе и в районе Молуккских островов, которое усиливалось близостью Индии и Мальдивских островов. К материальным и стратегическим аргументам добавлялась символическая притягательность: мечтой португальцев было владеть крепостью на легендарном острове Тапробана, о котором с таким восторгом писали античные авторы.

Интерес дона Мануэла к "острову корицы" долго разделялся и теми, кто осуществлял его политику на Востоке. Однако после неудачной экспедиции Лоуренсу де Алмейда на Цейлон и его первых контактов с королем Котте в 1506 году пришлось отказаться от плана строительства крепости на острове.

Франсишку де Алмейда* — ярый противник политики завоеваний, мешавшей строительству крепостей, явно отказался от строительства крепости на Цейлоне, и влияние португальцев в Коломбо было почти нулевым. Им приходилось покупать корицу в портах Малабара у мусульманских купцов.

Ситуация не изменилась и во время правления Албукерки (1509–1515). Завоевание Гоа (1510 г.), Малаки (1511 г.) и навязывание протектората Ормузу (1515 г.) открыли широкие перспективы для португальской политики на Востоке, и Цейлон отошел на второй план. Именно поэтому Аффонсу де Албукерки в 1513 году упустил удобную возможность вмешаться во внутренний конфликт на острове и сделать своим союзником влиятельного короля Котте. Этой оплошности Албукерки не простили его противники в Индии, больше заинтересованные в мирных торговых связях, чем в завоевательных экспедициях. Так, например, Антониу Реал в декабре 1512 года посоветовал дону Мануэлу больше внимания уделять развитию торговли с Мальдивами, Цейлоном и Камбейей, чем присутствию в Гоа и Малакке — символах политики губернатора[3].

В феврале 1518 года эскадра из 17 кораблей под командованием вице-короля Лопу Соариш де Албергариа прибыла на Цейлон и с разрешения правителя Коломбо, согласившегося стать

---

*Франсишку де Алмейда правил Португальской Индией в 1505—1509 гг.

[3] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. P. 230.

вассалом и данником португальского короля, построила там крепость[4]. Это строительство было завершено в том же 1518 году — в последний год губернаторства Лопу Соариша де Албергариа. Правитель Коломбо Котте согласился платить королю Португалии ежегодную дань (400 мешков корицы и 100 слонов). Однако в последующие годы он редко ее полностью выплачивал. Португальцам пришлось считаться с огромным влиянием, которое на них оказывали мусульманские торговцы Малабара. В 1521 году португальская крепость в Коломбо подверглась осаде, а в 1524 году португальцы были вынуждены покинуть ее, будучи убеждены, что уменьшение трений — лучший способ гарантировать регулярное снабжение корицей "кораблей из королевства"[5].

Однако в Коломбо осталась португальская фактория, находившаяся под покровительством короля Котте. В 1521 году на Цейлоне вспыхнуло восстание, окончившееся убийством короля. На троне оказался его старший сын Бхуванайка Баху[6]. Но два его брата возглавили маленькие государственные образования, причем один из них — Майадуне обосновался в Ситавака, в 30 милях от Коломбо. Между тремя братьями разразилась междоусобная война. Бхуванайка Баху призвал на помощь португальцев, а Майадуне обратился за помощью к давнему врагу португальцев — саморину Каликута. Вмешательство внешних сил осложнило ситуацию на Цейлоне. В последующие годы Майадуне постоянно прибегал к помощи военно-морских сил Каликута, в то время как Бхуванайка Баху знал, что мог рассчитывать на помощь португальских эскадр. Война продолжалась около 20 лет, и только победы Мартина Афонсу де Соуза в Ведалай (1538 г.) и Мигеля Феррейра в Коломбо (1539 г.) положили конец влиянию Каликута на Цейлоне в Манарском заливе.

В письме королю Жуану III от 26 ноября 1539 года Мигел Феррейра сообщил, что получил письмо от Бхуванайка Баху, в котором он жаловался, что брат отобрал у него всю страну, не оставив ему ничего, кроме Котте (Коломбо)[7].

Прибыв на Цейлон с сильной эскадрой и разгромив шеститысячное войско Майадуне и его союзников, Мигел Феррейра

---

[4] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. P. 230.

[5] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. Lisboa, 1994. P. 230.

[6] *Pieris P., Fitzler M.* Ceylon and Portugal. Documents. Leipzig, 1927. Doc. 24, 55.

[7] Ibid. Doc. 1. P. 40.

явился в Коломбо. "Туда же пришли два сына короля, которых он послал за мной, приказав начать празднества в Котте. Когда я пришел, король расчесывал свою бороду. Он сказал мне, что не делал этого уже много дней, поскольку чувствовал себя ограбленным и лишенным королевства, и что если бы я опоздал еще на три дня, он и его сыновья погибли бы. Он сказал, что молит Бога, чтобы Ваше Величество вернули ему королевство... На следующее утро пришли жена и два командира Майадуне и вручили королю его послание о том, что он хочет мира и сделает все, что пожелает король. Король ответил, что послание должно быть передано мне, и я дам ответ ... Я сказал, что Майадуне должен прислать мне своего сына и двух главных командиров ..."[8].

Помимо сына Майадуне Мигел Феррейра потребовал выдачи ему двух мусульманских военачальников из Индии — братьев Пате Маркар и Куньяле Маркар. Через два дня Майадуне прислал ответ, что скорее умрет сам, чем выдаст тех, кто пришел к нему на помощь[9]. Тогда Мигел Феррейра увеличил свои требования, потребовав выдачи сына Майадуне, нескольких командиров и нескольких ближайших родственников. В конце концов, Майадуне выполнил эти требования. "Сын был маленький, вероятно, 8 лет, и когда король увидел его, взял его на руки и начал плакать вместе с ним... В конце концов, он приказал убить его и других родственников и прислал мне их головы"[10] (Мигел Феррейра получил 11 голов).

Майадуне вернул королю всю территорию и морские порты, которые он занял, и заплатил брату шесть тысяч парданов, компенсировав ущерб, причиненный во время войны. На этих условиях между братьями был заключен мир. "Король вернулся в свою Котте очень довольный и всячески хваля Ваше Величество за приказ вернуть ему королевство, которое он полностью потерял"[11].

В то же время, как видно из этого письма, король жаловался на произвол португальских администраторов, в частности, фейтора Перу Важ Травассуша[12].

---

[8] *Pieris P., Fitzler M.* Ceylon and Portugal. Documents. Leipzig, 1927. Doc. 1. P. 41.
[9] *Danvers Ch.* The Portuguese in India. Vol. I. London, 1894. P. 440.
[10] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 1. P. 42.
[11] Ibid.
[12] Ibid. P. 44.

Военные успехи Мигеля Феррейра сильно укрепили позиции португальцев. Бхуванайка Баху открыто объявил себя вассалом Жуана III.

В это время его дочь с красивым именем Самудра Деви (королева океана) родила сына. По совету португальского вице-короля Эштевана да Гама Бхуванайка Баху объявил его своим наследником, чтобы исключить переход трона к Майадуне. Бхуванайка Баху направил посла с портретом принца в Лиссабон, где портрет стал центром процедуры коронования королем Жуаном III, издавшим соответствующий указ от 12 марта 1543 года[13].

Не ограничиваясь установлением своего политического и военного контроля над Цейлоном, португальцы повели идеологическое наступление. Они вступили в борьбу с местными традиционными культами и начали заполнять страну католическими миссионерами, добиваясь идеологической и культурной монополии.

Прежде всего, они стали оказывать нажим на короля Бхуванайка Баху, убеждая его перейти в католическую веру. В этой связи представляет интерес письмо монаха Жуана вице-королю от 4 октября 1545 года, в котором говорится: "Король (Цейлона) по своему обыкновению с почтением принял Вашего посла. Посол заверил его в дружбе нашего короля и португальцев и сказал ему, что он должен стать христианином. Он ответил, что всегда будет верен нашему королю, но что касается его религии, он никогда не покинет ее. Это его обычный ответ, который он давал и падре Антониу и мне."[14].

В письме Андре де Соуза принцу Энрики от 15 ноября 1545 года читаем: "Когда я был на Цейлоне ... я вместе с двумя монахами-францисканцами долгое время убеждал сына короля Цейлона стать христианином. Я сумел повлиять на него и собирался вместе с ним плыть в Гоа, чтобы сделать его христианином, когда король услышал об этом и вероломно предал сына смерти. Когда тот был мертв, король приказал его кремировать со всеми почестями в соответствии с их обычаями.

...После этого король хотел убить и двух младших сыновей и меня вместе с ними. Но меня об этом предупредили. Я укрылся в

---

[13] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 3. P. 49—50.

[14] Ibid. Doc. 6. P. 59.

церкви вместе с ними и с 40 или 50 португальцами и многими христианами, которые были в стране. И там я сделал сыновей короля христианами, что очень рассердило отца. Я уехал вместе с ними в Индию."[15].

Причины, по которым король Цейлона отказывался стать христианином, он изложил в письме к вице-королю от 12 ноября 1545 года. Он пишет: "Причина, по которой я не хочу, чтобы мои люди становились христианами, состоит в том, что они становятся ими только когда убивают, грабят, или совершают другие преступления ... они становятся тогда христианами из-за страха, после чего не желают платить мне пошлины и налоги ... Я направил посла (в Лиссабон), чтобы укреплялась наша дружба, а не для того, чтобы стать христианином."[16].

В ноябре 1545 года Дуарти Барбуду, которого губернатор посылал к королю Португалии вместе с послом короля Котте и портретом принца, вернулся с докладом в Гоа. Португальский двор не одобрил укрепление дружбы между двумя братьями, рассматривая ее как возможную угрозу португальским позициям на Цейлоне. Губернатор решил проводить новую политику, занять Канда Уда Рата и превратить ее в непреступную крепость, с помощью которой можно было господствовать над Цейлоном и обеспечить бесперебойный вывоз корицы.

Это решение губернатора, видимо, было обусловлено неудачей обратить короля Котте Бхуванайка Баху в христианство. Ответ, который он прислал на предложение стать христианином, был тверд и категоричен: "Никогда в мою голову не приходила такая мысль, и я не могу быть христианином ... Никто, будь он великим или маленьким, не зовет "отцом" никого, кроме своего собственного отца, и я не могу верить в другого бога, кроме моего собственного."[17].

Фактически то же самое он написал в письме королю Жуану III 7 декабря 1548 года: "Ваше Величество пишет мне, что Вы недовольны мною, ибо мой посол, будучи в Королевстве, сказал Вам, что я собираюсь стать христианином. Такое заявление я не делал... В этом мире существуют и Ваша дружба, и мой Бог."[18].

---

[15] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 15. P. 96—97.
[16] Ibid. Doc. 12. P. 86—89.
[17] Ibid. Doc. 12. P. 89.
[18] Ibid. Doc. 51. P. 219.

Видимо, упорный отказ короля Цейлона принять христианство заставил португальский королевский двор пересмотреть свою прежнюю политику в отношении острова. Он решил ее диверсифицировать, включив в сферу своего влияния, кроме королевства Котте, также королевства Канди и Джафна.

Правителем феодального государства Канди (Канде) был Викрама Баху. Он был вассалом Бхуванайка Баху, на сестре одной из жен которого был женат. Однако в начале 40-х годов XVI века короли Канди и Джафны вышли из-под повиновения и стали проводить самостоятельную политику.

Чтобы вернуть их к прежнему статусу своих вассалов, Бхуванайка Баху пытался опереться на помощь своих покровителей — португальцев. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо брату португальского короля Луишу от 28 ноября 1543 года: "Сеньор, я решил немедленно отправить посла в Индию с приказом ехать в Португалию, если вице-король не решит вопрос. Я прошу Ваше Высочество, если он приедет в Португалию, помочь ему вместе с королем — Вашим братом ... Я довожу до Вашего сведения, что королевства Канди и Джафна принадлежали моему королевству и были моими вассалами, и поэтому я прошу Ваше Высочество вместе с королем — Вашим братом помочь мне вернуть их в свое владение, так как они принадлежат мне по праву."[19].

Однако за помощью к португальцам обратился не только Бхуванайка Баху, но и король Канди Викрама Баху.

В ответ на это обращение в Канди в марте 1543 года приехали Мигел Феррейра и Амару Мендиш, который должен был стать фейтором, но с ними было так мало людей, что они не смогли учредить факторию и ни с чем вернулись в Индию.

Тогда Викрама Баху делает еще более сильный ход, который должен был, по его расчетам, обеспечить ему поддержку португальцев.

В письме Дуарти Тейшейра губернатору от 5 октября 1545 года читаем: "Король Канде написал письма Франсишку Алваришу, овидору и мне... В них он уверяет, что он и его сын жаждут стать христианами."[20]. В дальнейшем Викрама Баху расширил свое предложение, выразив пожелание обратить в христиан-

---

[19] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 4. P. 51—52.
[20] Ibid. Doc. 8. P. 66.

ство всех своих подданных, платить дань и иметь в своей стране факторию и португальскую охрану. Об этом мы читаем в письме от 13 октября 1545 года, под которым стоят две подписи: Викрама Баху и Нуну Алвариш Перейра[21]. Последний посоветовал губернатору немедленно послать 30 или 40 португальцев на помощь королю Канди и намекнул на желательность визита губернатора на Цейлон.

Викрама Баху надеялся с помощью португальцев сбросить с себя узы вассалитета. Но Бхуванайка Баху попытался силой вернуть его к повиновению и объявил ему войну[22]. Любопытно, что в союзе с Бхуванайка против короля Канди выступил Майадуне, который таким путем надеялся вернуть себе дружбу брата и португальцев[23].

Стремясь опереться в этой войне на помощь португальцев, Викрама Баху по совету португальского солдата Нуну Алвариша Перейры написал в августе 1542 года письмо губернатору Мартину Афонсу де Соуза, прося его открыть факторию в Трикона Малай[24].

В коллекции документов, опубликованной в 1927 году в Лейпциге, есть любопытное письмо Жоржи Велью губернатору Индии от 13 ноября 1545 года, в котором говорится: "Король Канди направил меня к Вашему Превосходительству в качестве своего посла просить, чтобы Ваше Превосходительство прибыли крестить его и сделать христианином, ибо он, его сын и весь его народ жаждут стать христианами. Он говорит, что выдаст свою дочь замуж за того, кого пожелает Ваше Превосходительство."[25].

Андре де Соуза сообщал королю Жуану III в письме от 20 декабря 1545 года: "Сюда прибыли несколько монахов с письмами и приветами от короля Канди губернатору и принцам, в письмах он просит прислать ему 50 португальцев. Монахи сообщили, что он, его дети и все его королевство хотят стать христианами, и что он хочет отдать свою дочь замуж за принца, который был здесь с нами..., ибо короли Цейлона пытаются отнять у него королевство для того, чтобы укрепиться там и вести войну против

---

[21] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 10. P. 74—83.
[22] Ibid. Doc. 4. P. 51—52.
[23] Ibid. Doc. 10. P. 74—83.
[24] Ibid. Doc. 8. P. 64—68; Doc. 10. P. 74—83.
[25] Ibid. Doc. 13. P. 91.

португальцев, и что он предпочитает отдать его Вашему Величеству, чем им."[26].

О дальнейших событиях мы узнаем из письма Андре де Соуза губернатору от 27 мая 1546 года. В нем говорится: "25 апреля мы, сорок португальцев, прибыли в город короля Канде и были приняты с почтением. Король уже стал христианином тайно и ночью, ибо я написал ему с борта корабля, что он должен стать христианином. Я сделал это, поскольку португальцы боялись ехать сюда, опасаясь, что если он не станет христианином, он их не выпустит отсюда... Король внял моему совету и стал христианином 9 марта. Затем он прислал мне просьбу прибыть как можно быстрее, ибо на него наступает Майадуне."[27].

Возникает вопрос: почему король Канди стал христианином "тайно и ночью"?

Об этом очень подробно написал монах Симан де Коимбра в письме Жуану III от 25 декабря 1546 года: "Король Канде, который живет на острове Цейлон, направил посла к губернатору, чтобы сообщить ему, что он и весь его народ желают стать христианами и быть вассалами Вашего Величества, и что он желает также иметь в своей стране факторию... В это время он воевал с Майадуне — братом короля Котте, врагом Вашего Величества и гонителем нашей святой католической веры. По этой причине он также просил прислать ему некоторую помощь. Губернатор послал ему 40 португальцев и... двух монахов, я был одним из них... В Галле нам дали письма от короля Канде, в которых он писал, что уже стал христианином и взял имя Мануэл, но что это держится в секрете от народа, ибо его могут убить. По его словам, он заключил мир с Майадуне и дал ему 25000 парданов, но тот требует от него его дочь и корону, и поэтому он просит нас срочно придти на помощь... Когда он узнал о нашем прибытии, он послал всех своих знатных людей встретить нас и приказал, чтобы нас провели в одну из его главных пагод, которую мы могли превратить в церковь."[28].

Андре де Соуза со своим отрядом из 40 португальцев прибыли в столицу Викрама Баху 25 апреля 1546 года. Но вскоре им

---

[26] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 22. P. 116.
[27] Ibid. Doc. 27. P. 130.
[28] Ibid. Doc. 40. P. 175—176.

стало ясно, что они опоздали со своей помощью, так как еще в феврале того же года между королем Канди и Майадуне был заключен мир с уплатой последнему большой суммы и обсуждался вопрос о передаче единственной дочери Викрама Баху в жены Майадуне[29].

Вскоре выяснилось, что все, чего хотят португальцы, — это деньги. "Португальцы, которые были с нами, — сообщает аббат Антониу, — полностью проявили перед королем Канди всю свою вожделенную страсть к деньгам"[30]. В другом письме он рассказал: "Мы пришли навестить его в два часа ночи. Португальцы тотчас же стали требовать деньги и столь напористо, что король понял, что без этого мы не уйдем. Он согласился дать нам 3000 парданов"[31].

После этого Андре де Соуза и его люди вернулись в Индию, оставив о себе на Цейлоне недобрую память и нанеся большой ущерб престижу Португалии.

В это время губернатор Индии Антониу Мониз Баррету был занят обороной Диу, и не могло быть речи о его поездке на Цейлон. После снятия осады Диу в апреле 1547 года Баррету с сотней солдат отправился на Цейлон и был радостно встречен королем Канди. Однако вскоре он узнал, что дочь Викрама Баху, чьей судьбой он хотел распорядиться, уже отослана в Котте в качестве невесты юного Дхарма Пала. Еще большее неудовольствие губернатора вызвало требование королем Канди территориальных приращений в качестве цены за принятие христианства[32].

К этому времени, судя по всему, Викрама Баху полностью разочаровался в португальцах. Их ненасытная алчность, заносчивость и беспардонное поведение на Цейлоне превратили его из друга португальцев в их врага. Об этом мы узнаем, в частности, из письма аббата Антониу епископу Гоа от 25 ноября 1546 года, в котором он пишет, что Король Канди, "избавившись от необходимости быть христианином, игнорирует свое христианство, не имеет веры в Бога и не хочет, чтобы кто-либо, кроме рабов, был обращен, а если кто-либо тайно становится христи-

---

[29] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 29. P. 145—150.
[30] Ibid. Doc. 38. P. 172.
[31] Ibid. Doc. 29. P. 147.
[32] Ibid. Doc. 38. P. 171.

анином, он его тотчас же продает в рабство. Он не выполняет то, что обещал сеньору губернатору в своих письмах и соглашениях. Он заявил, что ничего не знает об этих письмах, ибо их писал Нуну Алвариш, а его заставлял их подписывать... Он уверяет, что Нуну Алвариш сказал ему, что сеньор губернатор приедет, чтобы короновать его, и он станет императором над всем островом, и все будут целовать его ноги и станут его вассалами и данниками. И тогда он сможет отомстить Майадуне и заставить его вернуть деньги, которые он взял у него по мирному договору."[33]

Из написанного годом позже письма португальцев — жителей Коломбо губернатору (от 27 ноября 1547 г.) мы узнаем о дальнейшем резком обострении конфликта между Бхуванайка Баху и португальцами и о сближении его с королем Канди. В письме говорится: "Этот король Котте, который известен как друг португальцев, на самом деле — наш величайший враг... Он старается создать для христианства такие трудности, какие даже трудно представить, и преследует людей, ставших христианами, в таких масштабах, что теперь никто не осмеливается стать христианином. С другой стороны, те, кто давно приняли христианство, боятся его исповедовать и посещают свои пагоды, как и раньше, ибо он и его люди подвергают их преследованиям... Нам известно, что король Канде не стал христианином именно потому, что его отговорил король Котте, это говорят многие из его людей... Король Канде послал королю Котте артиллерию, оставленную Антониу Монизом (Баррету), а также 12000 парданов, чтобы оплатить стоимость флота и солдат."[34].

Как видно из документов, ведя переговоры с королем Канди, Мониз Баррету одновременно вступил в тайные сношения с Майадуне. Об этом мы узнаем, в частности, из письма самого Мониза Баррету губернатору Индии от 11 октября 1547 года, в котором он писал: "Майадуне несколько раз присылал ко мне людей с множеством подарков. Теперь он прислал ко мне знатного человека, своего близкого родственника, с просьбой навестить его. Я поехал туда. Он спросил меня, считаю ли я его виновным в том, что король Канди не стал христианином и что он хотел бы доказать свою невиновность. Я ответил, что он мешал христианству."[35].

---

[33] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 38. P. 171.
[34] Ibid. Doc. 50. P. 216—217.
[35] Ibid. Doc. 45. P. 204.

После 20 дней бесполезных переговоров с королем Канди и с Майадуне, обеспокоенный сообщениями о возможном нападении сингалезских войск, Баррету отплыл в Индию.

Когда губернатором Индии стал Жоржи Кабрал, король Котте отправил ему большую сумму денег, прося прислать эскадру, чтобы помочь ему в войне против Майадуне. Жоржи Кабрал отправил на Цейлон отряд из 600 португальцев во главе со своим дядей Жоржи де Каштру.

Португальцы нанесли поражение Майадуне, отвоевали у него некоторые территории и передали их королю Котте[36]. После этого Жоржи Кабрал со своим отрядом вторгся в Канди, несмотря на энергичные протесты Викрама Баху. Как свидетельствовал Афонсу де Норонья в письме Жуану III от 16 января 1551 года, когда Жоржи де Каштру "вошел туда и был уже в одной лиге от столицы, военачальники Канди с людьми этой страны напали на него и разгромили, убили почти 200 его людей, многих ранили и захватили много оружия и имущества.

...Некоторые и особенно аббат Антониу, находившийся с королем Канди, придерживаются мнения, что наши люди были убиты по наущению короля Котте, который просил короля Канди атаковать их"[37].

Особенно большой интерес представляет та часть цитируемого письма, в которой перечисляются факты произвола, насилий, беспардонных требований и вымогательств, которыми характеризовалось поведение португальцев на Цейлоне. Они вели себя там как завоеватели на оккупированной территории, и это не могло не вызывать возмущения и сопротивления со стороны короля и народа Котте. Афонсу де Норонья пишет королю: "Король Котте не наказывает тех, кто снес церковь и крест, поскольку церковь была построена без его разрешения и согласия и на месте, где были их пагоды... Мой первейший долг доложить Вашему Величеству, что, как я обнаружил, португальцы так сильно потеряли свой престиж, что люди этой страны при всякой возможности говорят им, чтобы они убирались к Канди... Я потребовал от короля Котте сто тысяч парданов в уплату за провизию и жалованье людям, участвовавшим в войне. На это он мне ответил, что у него нет денег, поскольку он

[36] Ibid. Doc. 57. P. 235—236.
[37] Ibid. P. 236.

платил большие суммы губернаторам и потратил 50 000 парданов на экспедицию Жоржи."[38].

Это письмо следует считать важным и ценным источником, особенно если принять во внимание личность его автора.

Афонсу де Норонья был назначен Жуаном III 18 февраля 1550 года вице-королем Индии и занимал этот пост до 23 сентября 1554 года. Он проявил себя как умный и энергичный администратор. В период его правления был учрежден совет, который должен был помогать вице-королю решать важные вопросы. Афонсу де Норонья успешно руководил обороной Ормуза, Тернате, Малакки и Кочина[39].

Как многоопытный политик Афонсу де Норонья прекрасно понимал стратегическую и экономическую ценность Цейлона для португальской короны.

Он писал Жуану III 16 января 1551 года: "Сеньор, Цейлон — это остров в 70 лигах отсюда, страна очень здоровая, с прекрасным климатом, очень плодородная, хорошо обеспеченная провизией. Если обрабатывать пригодные для этого земли, здесь можно производить столько, сколько пожелаешь. В стране есть в изобилии лес для строительства любых судов, мачт и рей; железо, смола, кокосовые волокна, кроме того, Цейлон близок к Мальдивским островам... Там много драгоценных камней и золота, а народ здесь имеет такой характер, что легко может быть подчинен и обращен в христианство, если мы не будем обращать внимание на некоторых мавров, которые здесь есть и которых легко отсюда изгнать. Из Португалии до Цейлона можно добраться в любое время года. Он находится очень близко к Индии, откуда всегда можно послать помощь при любых непредвиденных обстоятельствах. Цейлон может быть и местом для отступления португальцев... Поэтому я полагаю, что мы должны построить очень большой и сильный форт, где можно будет в случае необходимости обороняться, в порту Коломбо — ближайшем порту к Индии."[40].

Как видно из документов, отношения между португальцами и королем Котте в это время стали весьма напряженными. Пор-

---

[38] *Pieris P., Fitzler M.* Op. cit. P. 238.
[39] Dicionario de historia. Vol. II. P. 804.
[40] *Pieres P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 57. P. 241.

тугальцы требовали от него новых субсидий, но король отказывался, ссылаясь на то, что он и так много потратил на экспедицию Жоржи де Каштру.

Воспользовавшись этим конфликтом, Майадуне объявил себя вассалом короля Португалии. От обоих братьев потребовали прислать представителей в Гоа к вице-королю для решения спора между ними[41].

Послы вернулись домой ни с чем, и Майадуне тотчас же возобновил военные действия.

В 1551 году король Котте Бхуванайка Баху приехал в Келания в сопровождении португальской охраны. В один из дней, когда он выглянул в окно, чтобы посмотреть на трапезу португальских охранников, один из них выстрелил из ружья, и он упал смертельно раненый.

На причины убийства проливает свет то, что вице-король, прежде чем уехать с Цейлона, с подозрительным предвидением дал секретную инструкцию захватить королевскую казну в случае смерти короля.

Муниципальные чиновники Гоа сообщали королю Жуану III в своем письме от 25 ноября 1552 года: "В Индии нет справедливости ни у вице-короля, ни у тех, кто должен ею управлять. Единственная их забота — это собрать деньги любыми способами и средствами. Сеньор, мы напомним Вам о смерти короля Цейлона и о тех варварствах, которые были совершены из-за его казны. Были допущены такие ужасные деяния, что доброе имя португальцев загублено и нет ни одного мавра, который бы доверял португальцу... Мы просим Вас порвать это письмо и не допустить, чтобы его увидел кто-нибудь кроме Вашего Величества, ибо они нас убьют."[42].

В 1560 году Гоа был выбран в качестве резиденции архиепископа, и первый архиепископ Гоа прибыл на судах в сопровождении первых инквизиторов, отправленных в Индию главным образом для преследования евреев.

Вице-король готовился к войне против короля Джафнапатан и хозяина острова Манал, так как он преследовал христиан и узурпировал корону своего брата, который при крещении взял имя Афонсу. Он бежал в Гоа и просил помощи португальцев.

---

[41] Dicionario de historia. Vol. II. P. 238.
[42] *Pieres P., Fitzler M.* Op. cit. Doc. 63. P. 283, 285.

Вице-король прислал в Джафнапатан войско из 1200 солдат, заставив двухтысячную армию узурпатора отступить. Португальцы легко овладели городом.

Позже вице-король Константину заключил договор с узурпатором, пожертвовав интересами законного правителя[43].

В связи с этой атакой на Джафнапатан в источниках упоминается любопытный инцидент, который служит убедительным доказательством того, что португальское проникновение на Цейлон характеризовалось чудовищным произволом, насилиями, жестокостями. Среди сокровищ, захваченных португальцами в Джафнапатане, был "Далада" или священный "зуб Будды", которому поклонялись народы Южной и Юго-Восточной Азии. В частности, правитель Пегу относился к Зубу Будды с таким почтением, что ежегодно присылал послов с богатыми подарками для этой святыни. Этому правителю астрологи предсказали, что он женится на сингалезской принцессе. В 1566 году он потребовал ее себе в жены и, женившись на ней, согласно легенде потребовал Зуб Будды, который был тотчас же отправлен к нему в Арракон[44].

Народы ряда стран Азии по традиции верят, что Зуб Будды был спасен от пламени во время кремации тела Гаутама Будды в Кисинара в 544 году до н.э. и сохранялся 800 лет в Дантапура в Калинга, откуда был перевезен на Цейлон в IV веке н.э. Как уже отмечалось, отправка Зуба Будды в Арракон к правителю Пегу — это легенда.

В действительности же португальцы, захватив Зуб Будды, надругались над религиозными чувствами и традициями народов Азии. Они отправили его в Гоа. Правитель Пегу, услышав, что эта святыня попала в руки португальского вице-короля, послал к нему гонца, чтобы предложить за нее 300 000 дукатов. Он готов был увеличить эту сумму до миллиона дукатов. Однако вице-король созвал совет знатных людей из духовенства и дворян, чтобы обсудить вопрос, что делать с Зубом Будды. После долгих и горячих дебатов было решено отвергнуть предложение правителя Пегу и уничтожить Зуб. Он был растерт в ступке в порошок и затем сожжен[45].

После убийства Бхуванайка Баху королем Котте стал его сын Дхарма Пала (1551 — 1597 гг.), при котором Котте потеряла зна-

---

[43] *Danvers Ch.* Op.cit. Vol. I. P. 518.
[44] Ibid. P. 519.
[45] Ibid. P. 520.

чительную часть своего могущества и влияния, и этим, естественно, воспользовался Майадуне. Он собрал 30-тысячное войско, во главе которого поставил своего сына Раджу. Оно осадило крепость Коломбо, комендантом которой был Балтазар Гедиш де Соуза. Несколько дней артиллерия Раджу бомбардировала крепость, но осажденные и не думали сдаваться. Тогда Раджу снял осаду и направился к городу Котта (в 2 лигах от Коломбо). Но Балтазар Гедиш с 400 португальцами прибыл туда одновременно с Раджу. Город был подвергнут осаде. Его спасло прибытие подкрепления из 400 солдат под командованием Меллу Коутинью и запаса провианта. Узнав об этом, Раджу снял осаду, потеряв две тысячи человек убитыми[46].

В 1565 году Раджу, собрав большую армию, снова двинулся на Коломбо, но чтобы застать португальцев врасплох, распространил слух, что идет к Котта. Встав лагерем между этими двумя крепостями, он сделал вид, что готовится к осаде Котта, а сам сделал неожиданный ночной бросок на Коломбо. Атака была столь внезапной и стремительной, что 2000 воинов сумели взобраться на крепостные стены, однако были сброшены вниз. Штурм не удался. Тогда Раджу обложил осадой оба форта, рассчитывая сломить их голодом. Остро нуждаясь в продовольствии, комендант Котта Перу де Атайди приказал убить и засолить 400 самых жирных жителей. Правда, этой "пищей" так и не воспользовались, так как Раджу снял осаду, а из Коломбо вскоре прислали продовольствие. Так окончилась четырехмесячная осада[47].

Королевство Ситавака в зените правления Майадуне (1521–1581 гг.) настолько расширило свои границы, что, в конце концов, поглотило государство Котте в 1565 году и ограничило власть португальцев только районом Коломбо. С начала 50-х годов главным союзником португальцев на Цейлоне стал король Канди, который благодаря португальской поддержке освободился от зависимости от соседних государств. Но на северном берегу острова в Джафна португальцы столкнулись с враждебностью местного правителя Санкили (1519–1561 гг.), для которого побережье Пескария, населенное недавно обращенными в христианство союзниками португальцев, представляло постоянную угрозу.

---

[46] *Danvers Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 525.
[47] Ibid. P. 531.

Глава десятая

ПОРТУГАЛИЯ — ХОЗЯЙКА ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА (XVI ВЕК)

После открытия Васко да Гамой морского пути в Индию в 1498 году Португалия стала владычицей Индийского океана, вытеснив оттуда арабских и индийских торговцев. Арабы вели активную торговлю в западной части Индийского океана, начиная с VIII века[1]. К XV веку арабы, гуджаратцы-мусульмане, индусы торговали по всему Индийскому океану — от Африки и до Индонезии.

Арабы были главными перевозчиками товаров только на пути от Малабара до Адена[2].

Юго-Восточная Азия была миром сложных торговых отношений между островами, охватывающих регион, сопоставимый по размерам с целым континентом. Географический ареал и масштабы этой торговли сделали практически невыполнимой задачу, которую пыталась решить Португалия в XVI веке — полностью контролировать азиатскую торговлю.

Самыми активными торговцами Индийского океана были гуджаратцы. Гуджаратские ткани, изготовлявшиеся в Ахмадабаде, Патне, Барода, Броач, Сурате составляли основу этой торговли.

М. Пирсон попытался выяснить объем торговли, проходившей через порты Гуджарата. Изучение таможенных документов за 1571 и 1572 гг. привело его к заключению, что таможенная пошлина приносила ежегодно 4 млн. рупий, а поскольку она равнялась 5%, годовой объем торговли составлял 80 млн. рупий[3].

---

[1] *Wallerstein Immanuel.* The Modern world-system I: capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the XVI century. New York, 1974. P. 54.

[2] *Pearson M.N.* Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the XVI century. Berkeley, 1976. P. 12, 14.

[3] *Pearson M.* Op. cit. P. 23.

По оценке Т.Б.Дункана, гуджаратская торговля составляла примерно 40% всей торговли Индийского океана[4].

Значительная часть этой торговли оказалась в руках португальцев. Португалию интересовала больше всего торговля специями, которую она осуществляла с помощью так называемой "Каррейра да Индия".

"Каррейра да Индия" — ежегодная морская связь между Лиссабоном и Гоа и обратно началась вскоре после открытия Васко да Гамой морского пути в Индию (1498 г.).

Обычно количество кораблей, шедших ежегодно из Лиссабона в Индию, было больше, чем тех, что шли обратно, и понятно почему: некоторые из судов, направлявшихся к Индии, предназначались для военных действий или каких-то иных целей. В Лиссабон возвращались только корабли, нагруженные специями.

Для "Каррейра да Индия" предпочитались корабли с круглым парусом ("нау") и галеоны (судно похожее на "нау", но более низкое и устойчивое, предназначенное в основном для военных, но иногда и для торговых целей). Эти суда могли перевозить большие грузы. Тоннаж галеонов постепенно увеличивался и достигал в 1570 году 600 т, но потом уменьшился до уровня от 300 до 450 т[5].

Сохранилось более 30 "отчетов", в которых приведены данные о составе эскадр, выходивших ежегодно из Лиссабона с курсом на Восток. В некоторых из них можно найти названия кораблей, указания, кто ими командовал, сведения о наиболее важных событиях и о кораблях, утонувших или потерянных в пути. Эти отчеты были изданы в Португалии в виде отдельных книг[6].

Эскадры "Каррейра да Индия" обычно выходили из Лиссабона в конце зимы или в начале весны. Они шли курсом на юг до островов Кабу Верди. Здесь начинались трудности этого путешествия, так как было необходимо маневрировать, чтобы обогнуть антициклон с центром в южной Атлантике. Для этого ко-

---

[4] *Duncan T.B.* The Portuguese Entreprise in Asia. 1500—1750. Chicago, 1986. P. 187.

[5] *Boxer Ch. R.* The Carreira of India (Ships, Men, Cargoes, Voyages) — "O centro de Estudos Historicos ultramarinos e as comemorações Henriquinas". Lisboa, 1961. P. 33.

[6] O Livro das Armadas. Academia das Ciencias de Lisboa. Lisboa, 1979; Relação das Naus e Armadas da India (texto do codice add. 20902 da British library) transcrito e anotado por Maria Herminia Maldonado. Coimbra, 1985; Sumário da Carreira da India. — "Anais do clube Militar Naval". Vol. LXIX. Lisboa, 1969.

раблям приходилось описывать большую дугу и максимально приблизиться к побережью Бразилии или даже подойти к нему южнее мыса Св. Агостиньо, ибо в ином случае они рисковали быть отнесенными течением в Антильское море, и тогда пришлось бы повторить весь маневр с огромной потерей времени. После сближения с бразильским берегом корабли брали курс на восток и шли к мысу Доброй Надежды.

Если удавалось обогнуть этот мыс в первой половине июля, рекомендовалось так называемое "путешествие внутри", то есть по Мозамбикскому проливу с галсом* до мыса Сент-Мари на острове Мадагаскар, чтобы избежать опасных отмелей в этом проливе (так называемые "индийские отмели"). Здесь начинался самый трудный и самый ответственный участок пути.

Где-то на широте Коморских островов эскадре "Каррейра да Индия" необходимо было "поймать" попутный летний муссон. Муссоны или сезонные ветры тропиков были в те времена важнейшим фактором, от которого зависел успех любого путешествия в Индийском океане. Упустить муссон означало обречь на неудачу всю экспедицию. Это случалось довольно часто в "Каррейра да Индия", поскольку многие корабли, направлявшиеся в Индию, по тем или иным причинам задерживались в порту Мозамбик. Не сумев вовремя воспользоваться летним муссоном, который позволил бы им достичь Индии, они вынуждены были зимовать в Мозамбике и ждать следующего попутного муссона[7].

Если же кораблям удавалось "поймать" в районе Коморских островов попутный летний муссон, он приводил их примерно за месяц к западному берегу Индии.

В случае же, если эскадра огибала мыс Доброй Надежды после середины июля, предпочитали "путешествие вне", то есть вокруг острова Мадагаскар. В этом случае корабли обходили остров с востока, маневрируя между опасными отмелями у его восточного побережья.

Обратное путешествие из Индии в Лиссабон начиналось обычно в конце декабря–начале января, когда можно было воспользоваться ветрами, дувшими с севера на юг. В этом путешествии "нау" суда, шедшие быстрее, предпочитали "путешествие внутри" — через Мозамбикский пролив, а отстающие — "путешествие вне", огиб-

---

[7] Dicionario de historia. Vol. I. P. 204.

бая Мадагаскар с востока. Обогнув мыс Доброй Надежды, корабли следовали в направлении островов Св. Елены и Вознесения, а потом круто на север — к островам Кабу Верди. К северу от этих островов начинался хорошо известный "просторный путь" до Азорских островов, где корабли поворачивали резко на восток и направлялись, наконец, к берегам Португалии[8].

Таким образом, пути и маршруты эскадр, совершавших ежегодные рейсы между Португалией и Индией и обратно, обуславливались, прежде всего, физико-географическими факторами (ветрами и течениями). Эти же факторы определяли и локализацию портов захода судов во время этих долгих морских путешествий.

Сохранились некоторые инструкции, выданные капитанам, а также судовые записи и дневники, из которых можно извлечь ценные сведения о том, какие порты использовались для стоянок эскадр "Каррейра да Индия"[9].

Как видно из источников, на протяжении всей первой половины XVI века велись бурные дискуссии между навигаторами (капитанами и лоцманами) по вопросу о том, сколько и где должны делать стоянки эскадры, совершающие ежегодные рейсы по маршруту Лиссабон–Гоа и обратно. В ходе этих дискуссий предлагались, в частности, проекты разделить этот маршрут на две части таким образом, чтобы скоординировать с муссонами Индийского океана плавания кораблей, которые должны были доставить из Индии товары на восточноафриканское побережье.

В 1510 году Перу Лоуренсу обращается к королю Мануэлу с письмом, в котором говорит о больших потерях Португалии в "Каррейра да Индия", а также о том, что Венеция несет большие убытки и будет мешать португальской навигации. Чтобы преодолеть эти трудности, он предлагает королю назначить человека, которому доверяет, "постоянным командующим" "Каррейра да Индия", который должен иметь в своем распоряжении людей, корабли и военную силу для того, чтобы из хорошо оснащенной крепости защищать португальскую навигацию в Индию. Такую военно-морскую базу Перу Лоуренсу предлагает создать

---

[8] Dicionario de historia. Vol. I. P. 205.

[9] *Fernandes Bernardo*. Livro de Marinharia. Lisboa, 1940; Roteiro de Lisboa a Goa de D. João de Castro. — Obras completas. Edição de A. Cortesão e L. de Albuquerque. Vol. I. Coimbra, 1968.

в порту Мозамбик, куда могли бы заходить португальские эскадры по пути в Индию и обратно[10]. Там необходимо было, по его мнению, кроме большого войска и военной эскадры, разместить специальный персонал для ремонта судов.

В соответствии с проектом Перу Лоуренсу, "Каррейра да Индия" должна была быть разделена на две части:

Первая — путь между Лиссабоном и этой базой, "куда только Ваше Величество будет посылать из королевства суда, которые в этой крепости Мозамбик, где скапливаются товары, возьмут грузы и вернутся в королевство".

Вторая — путь между Мозамбиком и Индией, который будет охраняться специальной эскадрой, которая будет также обеспечивать сохранность специй на складах Мозамбика, пока их не возьмут корабли из королевства[11].

По мнению Перу Лоуренсу, предложенное им решение облегчило бы продовольственную проблему в Мозамбике: там не скапливались бы (как это часто случалось) экипажи судов, много месяцев ожидающие попутного муссона, чтобы добраться до Индии. Кроме того, обеспечивалась бы своевременная погрузка судов без обычных опозданий, характерных для "Каррейра да Индия".

Предложение Перу Лоуренсу не было, однако, принято. Такая же судьба постигла и проект дипломата Жуана Перейра Данташа, предложившего в 1559 году создать военно-морскую базу в Южной Африке[12].

Предпочтение было отдано концепции "прямой навигации" ("Каррейра да Индия"), прерываемой только редкими заходами в порты. Их число все время уменьшалось по мере того, как совершенствовались знания в области навигационных наук и увеличивались транспортные возможности кораблей.

Погоня за прибылями постоянно заставляла стремиться к сокращению сроков доставки специй с Востока.

Для того чтобы преодолеть трудности, с которыми могли столкнуться лоцманы в столь долгих путешествиях, не заходя в порты, инструкции обычно рекомендовали судам проходить "в

---

[10] Carta de D. Pero de Lourenco. 31.01.1510. — Documentos sobre os Portugueses em Moçambique e na Africa central. Vol. II, Lisboa, 1963. P. 408—415.

[11] Ibid.

[12] *Madeira Santos Maria Emilia.* O Carácter experimental da carreira da India. Um plano de João Pereira Dantas. Lisboa, 1969.

виду" определенных островов, мысов или других пунктов, которые легко идентифицировать и которые уже нанесены на карты. Дневники свидетельствуют о том, что именно так и происходило на практике.

Как видно из документов, обычно португальские суда делали стоянки на острове Сантьягу. В инструкции, написанной Васко да Гамой для П.А.Кабрала говорилось: "После того, как выйдете из Лиссабона, направляйтесь прямо к острову Сантьягу и если в то время, когда вы к нему подойдете, у вас будет вода.., не следует останавливаться на этом острове."[13].

В инструкции, которая была дана в 1507 году Ф.де Алмейде, предписывалось сделать стоянку около современного Дакара[14].

В некоторых инструкциях рекомендовались и другие порты. Кроме того, что в них навигаторы могли запасаться водой, они служили еще и пунктами сбора кораблей эскадры в тех случаях, когда они в силу непредвиденных обстоятельств теряли друг друга из виду на длинном пути в Атлантике.

Все эти порты захода считались возможными, но не обязательными. Однако почти во всех инструкциях предписывалось делать обязательный заход в порт Мозамбик[15], который, начиная с 1510 года, стал непременным пунктом для пополнения запасов воды и продовольствия, а также ремонта судов и отдыха экипажей.

Анализ документов дает основания утверждать, что вплоть до 1610 года суда, направлявшиеся в Индию, не заходили в порт Мозамбик только в тех случаях, когда совершали навигацию "внутри" в экстраординарных обстоятельствах. (Так случилось с кораблем "Санту Антониу" в 1608 г., который не зашел туда из-за бури, отнесшей его к Керимба, и с судном "Носса сеньора де Гвадалупе" в 1611 г., навигация которого задержалась, а лоцман не захотел упускать муссон.).

На обратном пути из Индии в Лиссабон Мозамбик был первым портом, где делалась стоянка, когда навигация осуществлялась по Мозамбикскому проливу.

Следует отметить, что в нескольких инструкциях, написанных в начале XVI века для эскадр, шедших из Гоа, предписыва-

---

[13] Historia da colonização Portuguesa do Brazil. Vol. I. Lisboa, 1924.
[14] Cartas de Afonso de Albuquerque. Vol. II. P. 272; Documentos sobre os Portugueses em Moçambique. Vol. II. P. 16.
[15] Cartas de Afonso de Albuquerque. Vol. II. P. 349.

лось в случае, если встретятся трудности в Индийском океане, обязательно зайти в Мозамбик. Дальше они должны пройти "в виду" мыса Доброй Надежды и направиться к острову Св. Елены, где можно запастись водой, мясом и дровами, а также провести сбор судов.

Оттуда они должны были следовать по обычному маршруту на север к Азорским островам (почти всегда остров Терсейра), а затем — прямо к Лиссабону.

Таким образом, порт Мозамбик был самой важной стоянкой в "Каррейра да Индия". Этот порт, который Жуан де Каштру классифицировал как "один из лучших, какие он видел", был удобным и безопасным убежищем для кораблей, "упустивших" муссон и вынужденных зимовать в ожидании благоприятных условий, которые позволили бы им достичь Индии. Мозамбик имел и другие преимущества. Отсюда было относительно легко установить контакты с Софалой и развернуть торговлю с другими восточноафриканскими портами (Малинди, Килва и др.). Все это способствовало тому, что Мозамбик стал превращаться в "опорную базу" "Каррейра да Индия". Там были сооружены крепость и госпиталь для лечения больных моряков, вынужденных зимовать.

Невозможно указать точную численность экипажей и пассажиров "нау" и галеонов, так как эти цифры менялись по мере того, как менялись размеры кораблей. Для конца XVI — начала XVII веков Чарльз Боксер называет численность экипажа 120, а численность пассажиров — от 400 до 500 человек[16]. Первая цифра определенно преувеличена. В эскадре Васко да Гамы было в среднем по 60 человек на корабле. Что касается числа пассажиров (солдат), то оно превышало максимум, указанный Боксером, так как он сам указывает, что эскадра 1533 года везла 3000 солдат на пяти кораблях[17].

Санитарные условия на кораблях были ужасные. Скученность и теснота, отсутствие гигиены способствовали распространению болезней. Иногда на корабле не было врача и его заменял цирюльник. Единственным методом лечения всех болезней часто бывало кровопускание. Об этом свидетельствуют сохранившиеся дневники некоторых лоцманов.

---

[16] *Boxer Ch.* Op. cit. P. 36.
[17] Ibid.

Трудно назвать как точное число судов, совершивших плавание по маршруту Лиссабон–Индия, так и число погибших судов и людей. Судя по некоторым источникам, начиная со знаменитого плавания Васко да Гамы и до 1525 года из Лиссабона отплыл на Восток 301 корабль, из них 29 судов были потеряны. Таким образом, потери составляли примерно 10%[18].

Португальцы нуждались в процветающей торговле в Азии, поскольку значительную часть их доходов составляли таможенные сборы. Чтобы контролировать торговлю в Азии, Португалии необходим был сильный военно-морской флот, а это требовало расходов, которые невозможно было покрыть только за счет доходов, получаемых от торговли с Европой.

Именно поэтому королем Мануэлем в 1505 году была учреждена особая административная единица для португальских владений на Востоке — "Государство Индии". В нее были включены колонии Португалии в Индии, Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и в Восточной Африке. Это была огромная империя с большим числом португальских факторий. Во главе фактории стоял фейтор — деловой агент короля, который в мелких портах должен был брать на себя функции губернатора. Ему подчинялись таможни (алфондега), находившиеся под юрисдикцией судьи.

Портовые чиновники брали взятки с азиатских купцов, помогая им получать "картажи". Часто азиатские купцы прибегали к косвенному подкупу, делая португальских чиновников молчаливыми партнерами по бизнесу, отчисляя им определенный процент торговой прибыли.

Португальским морякам, обслуживавшим "Каррейра да Индия", разрешалось возвращаться из Азии с "частными грузами", которые они приобретали в Азии. Эта приманка позволяла платить морякам маленькое жалованье[19].

Однако даже при наличии этой приманки Португалия сталкивалась с острой нехваткой матросов, готовых отправиться в далекое и опасное путешествие в Индию, и часто вынуждена была формировать экипажи из преступников[20].

---

[18] O Livro das Armadas. Op. cit.

[19] *Pearson M.N.* Coastal Western India: Studies from the Portuguese records. New Delhi, 1981. P. 102.

[20] *Mathew K.S.* Portuguese Trade with India in the XVI Century. New Delhi, 1983. P. 85.

Интересы португальских чиновников часто совпадали с интересами азиатских купцов. Даже в высших слоях португальского чиновничества антагонистические отношения с азиатскими торговцами рассматривались как неприемлемые. На более низких ступенях чиновничей иерархии интересы португальцев и азиатов часто совпадали. Это хорошо видно на примере положения так называемых эшкриван (секретарей) и казаду (женатых).

Большинство должностей в "португальской" Азии занимали люди, не подвергавшиеся предварительной проверке. Повседневную чиновничью работу в "Государстве Индии" выполняли эшкриван. Многие из них были достаточно образованными, некоторые даже имели ученую степень бакалавра права. Однако подавляющее большинство португальцев, прибывших в Азию, были солдатами. Женитьба (почти всегда на азиатской женщине) освобождала человека от рутинной военной службы и превращала его в "казаду". Удачливый "казаду" мог купить должность в "Государстве Индии", но подавляющее их большинство занималось торговлей, особенно морской[21].

"Казаду", участвовавший в азиатской торговле, отличался от местных торговцев только происхождением. Вплоть до 1570 года португальским "казаду" пришлось сталкиваться с множеством ограничений на торговлю, а также с ожесточенной конкуренцией азиатских купцов. Поэтому не приходится удивляться тому, что "казаду" часто бежали в португальские анклавы в Азии, чтобы поселиться в городах, где возможности для бизнеса были лучше[22].

Определяя в "картажах" точный маршрут, португальские власти вынуждали корабли заходить в португальские порты и платить там таможенные пошлины. В целом таможенные пошлины там были такими же или чуть-чуть выше тех, которые преобладали до прихода португальцев в Индийский океан, хотя в XVII веке они поднялись. Они варьировались от 3,2% в Диу в XVI веке до 10% в Гоа в XVII веке[23].

Таким образом, система "картажей" имела две функции: контроль над торговлей и получение дохода. В первом случае она дополнялась системой конвоев. К 1560 году суда, имевшие "картажи", обычно плыли под охраной португальских военных ко-

---

[21] *Mathew K.S.* Portuguese Trade with India in the XVI Century. New Delhi, 1983. P. 85.
[22] *Duncan T.B.* Op. cit. P. 579.

рублей, хотя такой порядок стал обязательным только после 1596 года[24]. Это совмещение функций контроля и выгоды особенно четко видно в попытке сохранить королевскую монополию на торговлю перцем и не допустить транспортировку перца через Красное море (где португальцы не могли облагать его пошлинами) в Александрию, а оттуда в Венецию.

Однако все попытки Португалии отсечь Венецию от торговли перцем оказались тщетными. К 30-ым годам XVI века Венеция была достаточно сильным конкурентом Португалии на европейских рынках, а многие азиатские купцы везли перец из Малабара в Красное море без "картажа" или под прикрытием "картажа" для другого товара[25].

Способность Португалии время от времени прерывать поток перца из Малабара в Аден и Александрию вынудила азиатских купцов менять традиционные маршруты торговых судов. Они стали закупать перец не в Индии, а на Суматре. Там португальцы не имели ни фортов, ни факторий и не могли заблокировать торговлю, которая к середине XVI века восстановила место Александрии в перечной торговле[26].

Таким образом, система "картажей" была необходима португальцам, чтобы заставить азиатские суда заходить в португальские порты. При этом любая попытка ограничить азиатскую торговлю заставляла азиатских купцов менять свои маршруты, что приводило к потере португальцами таможенных пошлин, которые давали 2/3 всех доходов "Государства Индии"[27]. Во всех случаях португальцы старались направить перечную торговлю не через Аден, а через Ормуз, где они имели таможню[28].

В этом смысле широко распространенная практика взяток в "португальской" Азии работала на пользу "Государства Индии". Готовность португальцев за соответствующую цену смотреть сквозь пальцы на нарушения установленных ими правил торговли побуждали азиатов действовать в рамках системы "картажей".

---

[23] *Pearson M.* Coastal Western India. P. 40—46.
[24] Ibid. P. 46.
[25] *Braudel Fernand.* Perspective of the World. P. 150.
[26] *Godinho V.M.* L'économie de l'empire portugaise aux XVI et XVII siécles. Paris, 1969. P. 254.

Фактически, португальцы, как и азиаты, сами активно участвовали в "незаконной" торговле перцем через Ормуз и Аден, нарушая тем самым установленные Лиссабоном "правила игры".

Следствием всего этого было то, что Португалия оказалась неспособной помешать возрождению Венеции как центра перечной торговли. Португалия так и не смогла полностью перекрыть поток перца в Европу через Красное море и Персидский Залив. Торговля перцем через Ормуз в определенной мере отвечала интересам Португалии, так как приносила прибыль и была консолидирующим фактором в антиосманском союзе между Португалией и Персией. Разрешая перечную торговлю в Ормузе, Португалия тем самым помогала Персии обеспечить место в торговле перцем по маршруту Ормуз—Басра—Алеппо, конкурировавшим с путем Аден—Суэц—Александрия[29].

В результате Ормуз стал крупным открытым торговым центром, в котором венецианцы, турки, армяне и португальцы торговали самыми различными товарами[30].

Даже на Малабарском побережье португальцы были не в состоянии контролировать экспорт специй. На протяжении всего XVI века перец продолжал поступать в Аден, иногда при тайном содействии португальских чиновников.

Кроме того, перец поступал в Аден с Суматры, откуда азиатские купцы везли его сначала на Мальдивские острова, где ждали попутного ветра, и, обманывая бдительность португальцев, доставляли его в Аден[31].

Португальские купцы, не имея возможности участвовать в этой "незаконной" торговле непосредственно, часто снабжали деньгами вовлеченных в нее гуджаратских торговцев. К 30-м годам XVI века Венеция снова захватила в свои руки значительную долю европейского рынка перца. Цены на венецианский перец были выше, чем на португальский, качество его было лучше.

Венецианское возрождение ставит вопрос о конкурентоспособности морского пути вокруг Африки в сравнении с традиционными путями торговли специями. Общепринятая точка зре-

---

[28] *Godinho V.M.* Op. cit. P. 764—765.

[29] Ibid. P. 766.

[30] *Braudel F.* The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. 2 Vols N.-Y., 1981. Vol. I. P. 564—565.

[31] *Godinho V.M.* Op. cit. P. 777.

ния сводится к тому, что португальцы искусственно поддержи-
ли высокие цены в Европе, а не использовали преимущества в
ранспортных расходах, чтобы изгнать Венецию с рынка.

С чисто экономической точки зрения нельзя считать дока-
анным тезис о том, что кружной путь вокруг Африки был более
ффективным, чем прямой путь, комбинировавший сухопутные
морские транспортные средства.

Подсчеты Нилса Стеенсгарда, выяснившего транспортные
асходы из Гоа в Алеппо, показывают, что этот путь был дешев-
е, чем рейсы судов британской Ост-Индской компании вокруг
Африки в XVII веке. Допуская, что эти подсчеты, основанные на
граниченных статистических данных, могут быть неточны, сле-
дует все же признать, что транспортные расходы для Венеции и
Лиссабона были одного порядка.

Такая переоценка относительной эффективности пути вок-
руг Африки приводит к выводу о том, что общепринятое мнение
об огромной прибыльности португальской торговли специями
несколько преувеличено. Оно возникло из простого сравнения
покупных цен в Индии с продажными ценами в Лиссабоне или
Антверпене. Так, В.М.Годиньо говорит, что каждое путешествие
португальцев в Индию приносило прибыль в 90%[32].

Однако более обоснованной представляется точка зрения
Дункана, который пишет, что прибыльность португальской пе-
речной торговли во многом определялась политической борь-
бой между Лиссабоном и Гоа по вопросу об оплате расходов на
транспорт. Если Лиссабон сумел заставить Гоа нести расходы
на ремонт судов в Индии и на обратное их плавание в Португа-
лию, тогда оценка Годиньо близка к истине. Если же Лиссабон
оплачивал все эти расходы, то эта оценка неверна.

Есть основания полагать, что Гоа и Лиссабон поровну дели-
ли эти расходы. В этом случае прибыли от каждого путешествия
в среднем составляли 45%[33].

Финансирование перечной торговли порождало проблемы и
в Европе, и в Азии. В Азии специи должны были быть закуплены
между февралем и маем, задолго до прибытия португальских су-
дов с попутным муссоном. Поэтому португальским фейторам

[32] *Duncan T.B.* Coastal Western India. P. 180—186.
[33] *Godinho V.M.* Op. cit. P. 775.

приходилось покупать специи в кредит, поскольку деньги на это привозили корабли[34].

Иногда португальским фейторам удавалось получить кредиты от раджей Кочина и Кананора, иногда они рисковали собственными деньгами. Эти финансовые трудности создали португальцам в глазах азиатских торговцев репутацию бедных покупателей, и поэтому они часто продавали им специи низкого качества[35].

В Европе португальцы вынуждены были брать ссуды в счет будущих поставок специй, позволяя германским и итальянским купцам покупать их по гарантированным ценам. В результате португальские долги в Европе достигли огромных размеров. С 1522 года по 1543 год только проценты выросли с 80 тыс. до 390 тыс. крузаду, а сам долг составил почти 3 млн. крузаду — на 750 тыс. крузаду больше, чем стоимость привезенных в 1543 году из Индии специй[36].

Для повышения прибыльности перечной торговли королевский двор использовал два метода. Первый состоял в том, чтобы заставить Гоа оплачивать часть расходов Лиссабона. Второй метод заключался в продаже лицензий на участие в этой торговле частным лицам. Торговец, снаряжавший свое собственное судно для участия в "Каррейра да Индия", должен был отдать 28,75% привезенного груза королю, а остальное продать ему по фиксированным ценам[37]. Если судно было предоставлено королем, то король получал половину груза.

Со временем португальская корона полностью передала перечную торговлю в руки частных лиц, полагаясь на вышеупомянутые правила и на покупку перца по фиксированной цене.

В 1575 году перечный контракт был заключен с купцом из Аугсбурга Конрадом Роттом, который к 1580 году полностью разорился. Даже консорциум из нескольких европейских капиталистов, включая Вельсерсов и Фуггеров, получив контракт в 1586 году, не имел прибыли.

Таким образом, установив свою гегемонию в Индийском океане, Португалия столкнулась там с серьезными военно-поли-

---

[34] *Godinho V.M.* Op. cit. P. 647.
[35] *Mathew K.S.* Portuguese Trade with India in the XVI century. New Delhi, 1983. P. 181
[36] *Braudel F.* Op. cit. Vol. I. P. 566.
[37] *Duncan T.B.* Op.cit. P. 154—155; *Mathew K.S.* Op. cit. P. 85—86.

тическими, экономическими и финансовыми проблемами. Торговля специями, хотя и была весьма прибыльным делом, требовала мобилизации всех сил, напряженного труда, предпринимательского искусства и изворотливости. Португальцам пришлось интегрироваться и приспосабливаться к уже существовавшим азиатским системам торговли.

"Каррейра да Индия" была уникальным широкомасштабным предприятием, оказавшим большое влияние на исторические судьбы и Азии, и Европы.

Глава одиннадцатая

«ГОСУДАРСТВО ПОРТУГАЛЬСКОЙ ИНДИИ»

Документы свидетельствуют, что открытие португальцами побережья Западной Африки, которое началось с достижения мыса Бохадор в 1434 году, имело главной целью нахождение морского пути к Индиям (термин «Индии» использовался с древних времен, начиная с Птолемея).

Со времен крестовых походов в Португалии не умирала идея борьбы против мусульманского мира. Воинственные фидалгу, целые поколения которых выросли в беспрерывных войнах с арабами и для которых война стала главной профессией, теперь остались не у дел и требовали от королевской власти организации заморских экспедиций, с которыми они связывали мечты о богатстве и славе.

Под давлением фидалгу и купечества король Жуан I построил сильный военный флот и в 1415 году захватил Сеуту, положив тем самым начало осуществлению великого официального экспансионистского проекта по завоеванию Марокко.

Однако из-за скудности финансовых, военных и человеческих ресурсов эта задача оказалась не под силу Португалии. Убедившись в тщетности проектов фронтальной атаки на мусульманский мир, португальский королевский двор стал задумываться о том, чтобы войдя в непосредственный контакт с христианским королевством Эфиопия, заключить с ним военный союз против мусульман и одновременно наладить с ним торговые отношения. Эти отношения представлялись весьма многообещающими, ибо, как видно из сохранившихся средневековых карт, начиная со второй четверти XIV века Эфиопию идентифицировали со «страной священника Иоанна» (ранее располагаемой на картах в Центральной Азии, которая, как полагали, достигала на западе Атлантического океана, включала в себя золотоносный район Судана и доходила до р. Сенегал).

Эфиопия таким образом рассматривалась не только как потенциальный торговый партнер, но и как перспективный и надежный союзник для будущих завоеваний на мусульманских территориях.

Как видно из источников, Индия интересовала португальцев в XV–начале XVI веков не только как источник перца и других дорогостоящих специй, но и как страна, где могли быть христианские общины. Правда, либо потому, что они интуитивно чувствовали, что индийские христиане очень малочисленны, либо потому, что Индия казалась непригодной для этой цели, средневековые стратеги, которые много раз добивались союза с христианами Центральной Азии, Грузии, Нубии и Эфиопии, никогда не рассчитывали на христиан Малабара как на надежных партнеров в войнах с исламскими государствами Ближнего Востока.

Правда, в последние годы XV века король Мануэл I Счастливый вынашивал проект союза с предположительно христианскими государствами Индии против мамлюкского султаната в Египте, но эти проекты стали испаряться, когда в 1501 году Педру Алвариш Кабрал принес плохую новость о том, что индийцы в своем большинстве — «язычники», а не христиане.

После этого португальский король Мануэл I взялся за осуществление гигантской для того времени задачи — поставить под свой контроль морской путь в Индию, покончив с монополией арабских купцов, которые доставляли из Индии, Цейлона и Индонезии перец, корицу, имбирь, гвоздику в страны Ближнего Востока, откуда генуэзцы и венецианцы перевозили их в Европу. Обилие посредников — арабов, венецианцев, генуэзцев намного удорожало стоимость восточных товаров, а восточные рынки были совершенно недоступны для купцов большинства европейских стран.

Как бы то ни было, но для Жуана II и Мануэла I Индия, видимо, представляла собой объект, отличный от Эфиопии. Интерес к Индии, особенно к ее портам — Каликуту, Гоа и другим, был, главным образом, коммерческий, хотя, вероятно, нельзя исключать и военно-стратегического интереса.

Во всяком случае можно совершенно определенно утверждать, что в отличие, скажем, от Марокко и мамлюкского султаната Индия с самого начала рассматривалась португальцами как торговый партнер и союзник, а не как территория для завоевания и подчинения.

Дон Мануэл видел в Индии не объект завоевания, а прежде всего трамплин или плацдарм на пути к завоеванию Ближнего Востока, а также источник доходов от торговли специями для государства, необходимых для продолжения войн. И если так или иначе португальцам и пришлось закрепиться в некоторых пунктах побережья Индии и даже установить вокруг некоторых из них зону своего прямого управления, то это было обусловлено политико-религиозной географией Индии, где ислам доминировал больше, чем на половине территории, трудностями осуществления проекта завоевания Ближнего Востока (который был еще более утопическим, чем задача завоевания Марокко), вынуждавшими их закрепляться недалеко, но на достаточно безопасном расстоянии, междоусобной борьбой суверенов Малабара, в которую скоро были вовлечены и португальцы.

Кроме того, и в самом правящем классе Португалии не было единства мнений по вопросу о политике на Востоке.

В общих чертах можно сказать, что существовали три подхода или три концепции колониальной политики Португалии в XVI веке.

Первый подход — это экспансионистская политика дона Мануэла и его окружения. Они были одержимы мессианскими идеями, мечтали о союзе со «священником Иоанном», о военных кампаниях на Ближнем Востоке, о разрушении Мекки и о новом завоевании Иерусалима. В Индии и на Дальнем Востоке они стремились реализовать средневековую имперскую идею превращения короля Португалии в «короля королей». В этом случае, действуя как арбитр, он подготовил бы триумф христианской религии, не вмешиваясь во внутреннюю политику отдельных государств. В этот период своими главными врагами португальцы считали мусульман. В их планы не входило воевать с индийцами и отбирать у них территории. Военные кампании на Ближнем Востоке требовали огромных расходов, поэтому для аккумуляции средств в руках государства необходимо было огосударствление торговли через введение королевской монополии на международные коммерческие операции.

Второй подход к колониальной политике был представлен либерально-меркантилистской оппозицией, которая стремилась распространить на Индию в основе своей «мирную» торговую систему, эффективно функционировавшую на африканском по-

бережье, где Португалия не проводила широкомасштабных завоеваний.

Сторонники этого подхода были противниками сильной власти государства, не интересовались союзом со «священником Иоанном», а также завоеваниями на Ближнем Востоке и стремились свести к минимуму королевские монополии, предоставив частным лицам полную свободу торговать или заниматься морским разбоем, захватывая суда мусульман.

Третий подход — эта та колониальная политика, которую проводили Аффонсу де Албукерки, а затем многочисленный клан его племянников и их потомков, осуществлявших идею своего великого предка. Они поддерживали мессианские планы короля Мануэла I и разделяли его интерес к Ближнему Востоку, но будучи в отличие от него в непосредственном контакте с военно-политическими реалиями того времени, понимали, что выполнение этой программы требует длительной и основательной подготовки. В частности, они считали, что необходимым предварительным условием разгрома мамлюкского султаната в Египте является основательное закрепление португальцев на берегах Индийского океана. Они считали также, что морской путь в Индию вокруг Африки — долгий, опасный и малоприбыльный и что лучше развивать каботажную торговлю.

Под нажимом оппозиции дон Мануэл вынужден был отправить Аффонсу де Албукерки в отставку и заменить его одним из лидеров оппозиционной партии. Вступление Лопу Соариша Албергариа в должность вице-короля Индии означало победу сторонников второго либерально-меркантилистского подхода к колониальной политике, отказ от грандиозных имперских проектов, уступку короны частному торговому капиталу и превращение Португалии из супердержавы в слабое, впавшее в анархию государство, ставшее в 1580 году легкой добычей соседней Испании.

Таким образом, «партия» Албукерки потерпела поражение в борьбе с оппозиционерами, которые выступали против широкого вмешательства государства в торговлю в Индийском океане, отвергали как чересчур дорогостоящую и даже утопическую идею завоевания Египта и Иерусалима и считали бессмысленным союз со «священником Иоанном».

Можно констатировать, что только с восшествием на престол в 1521 году дона Жуана III Португалия снова повернулась

лицом к Индии. Только Жуан III стал думать о торговом пути вокруг мыса Доброй Надежды как о долговременном и стабильном источнике получения экономических выгод.

Дело в том, что для его отца Мануэла I Счастливого, мечтавшего о завоевании мамлюкского Египта, этот торговый путь не мог быть ничем иным, как временным выходом из положения. По его расчетам, после того, как мамлюкская империя попала бы в христианские руки, торговля специями естественно должна была вернуться на старый традиционный путь, по которому она всегда велась, а именно через Красное море, — путь, который был самым коротким, безопасным, экономически рациональным и рентабельным.

Навязчивой, почти маниакальной, идеей дона Мануэла была блокада пути через Красное море.

Этот план, который он много раз пытался осуществить, начиная с путешествия Педру Алвариша Кабрала, предназначался вовсе не для того, чтобы обеспечить безопасность и экономическую рентабельность пути вокруг мыса Доброй Надежды, а прежде всего для того, чтобы экономически задушить мамлюкский султанат в Египте и ускорить его крах. По сути дела это была последняя инкарнация старой средневековой идеи экономической блокады мусульманского мира, выдвинутой еще в папских буллах XIII века, когда папы поняли, что одних только военных усилий крестоносцев для этого недостаточно. Эту идею в средние века отстаивали многочисленные стратеги, но скоро стало ясно, что она представляла собой бумеранг, который, поражая Египет, Венецию и Геную, ударял и по тому, кто его запускал.

Только блокада в отношении Египта, осуществлявшаяся с помощью альтернативного пути, открытого Васко да Гамой, оказалась эффективной.

Постепенно правящий класс Португалии осознал, что открытие и особенно освоение морского пути в Индию дали ей огромные экономические, политические и военно-стратегические преимущества по сравнению с другими европейскими державами. В ее руках оказался контроль над важнейшими торговыми путями, связавшими Европу и Азию. Отныне португальцы, а не арабы, венецианцы и генуэзцы стали главными поставщиками в Европу дорогостоящих индийских товаров — перца, имбиря, корицы, драгоценных камней и ароматических растений.

Не подлежит сомнению, что португальская колониальная доктрина и практика включали в себя ряд элементов, заимствованных у колонизаторов более ранних эпох и, прежде всего, у древних римлян, арабов, генуэзцев и венецианцев.

Так у древнеримских колонизаторов португальцы заимствовали метод создания цепи укрепленных форпостов, позволявший эффективно контролировать обширные территории, а также римскую систему косвенного управления. У арабов португальцы заимствовали методы ведения торговли (в частности, бартерный обмен золота и слоновой кости, приобретавшиеся у африканцев, на безделушки и ткани, вывозимые из Индии), а также методы духовной колонизации с помощью насильственно навязываемой религиозной доктрины.

У Венеции Португалия перехватила после открытия морского пути в Индию исключительно прибыльную торговлю специями, а у Генуи заимствовала методы торговли, в большей степени свойственные новому времени, когда решающим фактором стала масса товаров, а не их исключительность[1].

Высшей административной властью «Государства Индии» был вице-король. Его резиденция находилась в Гоа, ставшем административным центром португальской империи на Востоке.

Вице-король (или Губернатор) формально считался стражем интересов короля в Азии. На практике он был предоставлен сам себе, лишь изредка получая сообщения из Лиссабона.

Вице-короли служили в Гоа три года. Лишь некоторым из них удалось пробыть на этом посту два срока и только Нуну да Кунья был вице-королем три срока (1529—1538 гг.). Вице-короли извлекали из своей должности огромные прибыли: помимо торговли, они могли присваивать себе налоги, уплачивавшиеся союзниками португальцев в Азии, и даже грабить губернаторский дворец перед возвращением в Португалию.

Некоторые губернаторы, обуреваемые жаждой разбогатеть, даже не ждали прибытия в Индию. На пути в Гоа, когда флот заходил в Мозамбик, они вкладывали деньги, выданные королем на покупку перца, в малоприбыльную торговлю золотом. Правда, торговля золотом стала весьма прибыльной после упад-

---

[1] *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость. XVI—XVIII вв. М., 1976. С. 158.

ка «Государства Индии». В XVII веке вице-король Луиш де Мендонса получил за 8 лет от 4 до 5 миллионов крузаду, главным образом от торговли в Мозамбике[2].

Вице-король пользовался почти неограниченной властью. Его ближайшими помощниками были государственный секретарь, проведормор (главный интендант), овидор-жерал (главный судья) и ведоры да фазенда (инспекторы финансов)[3].

«Государство Индии» включало в себя колонии трех типов, различавшиеся по своему юридическому статусу и административной организации:

колонии, находившиеся под непосредственным португальским управлением;

протектораты, управляемые местными правителями, признавшими себя вассалами и данниками короля Португалии;

крепости-фактории на территории других стран, предназначенные для военно-стратегических и торговых целей[4].

«Государство Индии» состояло из 12 городов и 23 крупных крепостей, из которых 3 крепости (Мозамбик, Софала и Момбаса) были расположены в Юго-Восточной Африке. Комендантты крепостей на юго-восточном побережье Африки получали приказы непосредственно от вице-короля в Гоа. Связь между этими крепостями и Гоа поддерживалась кораблями, отправлявшимися во время ежегодных муссонов, которые и облегчали и ограничивали эти контакты.

Историю «Государства Индии» можно условно разделить на четыре периода:

1. Формирование (1485—1515 гг.);
2. Стабилизация и апогей (1515—1622 гг.);
3. Упадок (1622—1739 гг.);
4. Выживание (1739—1961 гг.).

Первый период (Формирование Государства Индии) можно разделить на три фазы. В первой фазе (до 1505 г.) еще не было постоянного португальского политического присутствия. Их эскадры приходили и уходили, а с 1502 года постоянно патрулировали Малабарское побережье, используя в качестве баз порты

---

[2] New Cambridge Modern History. Vol. 5, Cambridge, 1961. P. 385.

[3] *Lannoy Ch., Linden H.* Op. cit. P. 106—107.

[4] *Martins A.* Historia da civilização portuguesa. Porto, 1952. P. 175.

своих союзников — Кананор и особенно Кочин, одновременно предпринимая неудачные попытки блокады Красного моря.

Во второй фазе (1505—1509 гг.) уже есть постоянное политическое присутствие в лице вице-короля (им тогда был Франсишку де Алмейда), а также форты и фактории в Анджедива, Кочине, на Сокотре и в Мозамбике и государства — вассалы и данники Португалии (Килва).

Совместная попытка различных мусульманских и промусульманских государств, поддержанных руме*, турками и венецианцами, изгнать португальцев из Индийского океана окончилась разгромом мусульманского флота в морском сражении у Диу в 1509 году.

Правление Аффонсу де Албукерки (1509—1515 гг.) — это третья фаза формирования Государства Индии, ознаменовавшаяся завоеванием нескольких городов с прилегающей территорией (Гоа, 1510 г.; Малакка, 1511 г.). Попытка захвата Адена в 1513 году, однако, провалилась.

В то же время Государство Индии расширяет свою территорию в направлении Персидского залива (в 1515 г. португальский протекторат навязан Ормузу). Португальское военно-политическое присутствие распространяется на Юго-Восточную Азию и Дальний Восток (первые контакты с Молуккскими островами, Явой, Пегу, Сиамом и Китаем в 1512—1514 гг.).

В это время торговля вдоль берегов Индийского океана и прилегающих морей превзошла по объему и прибылям торговлю между Индией и Европой.

Все фазы формирования Государства Индии характеризуются эскалацией насилия со стороны португальских колонизаторов. Португальская колониальная империя создавалась далеко не так мирно, как это пытаются изображать многие историки, утверждающие, что главным методом создания империи было заключение добровольных и дружественных союзов с «туземными» правителями. В действительности империя создавалась не мирными, а военными средствами: путем кровавых завоевательных войн, беспощадного подавления всякого сопротивления, карательных экспедиций. Весьма характерно, что в течение нескольких веков наиболее употребительным термином для обозначения португальских заморских владений было слово «конкистас», то есть «завоевания».

Применение этого термина в официальной документации того времени свидетельствует о том, что в ранние века колонизации португальцы признавали, что главный метод их политики на Востоке — прямой военный захват, подавление и насилие[5].

Второй период Государства Индии продолжался после смерти Аффонсу де Албукерки (1515 г.) и до 1622 года.

Государство Индии приобрело свою окончательную конфигурацию. Индию и страны Юго-Восточной Азии покрыла плотная сеть португальских крепостей и факторий главным образом благодаря соглашениям с местными правителями, которые либо исходя из своих собственных интересов, а еще чаще — под нажимом португальского оружия, разрешали их строительство на своей территории (Цейлон — 1518 г.; Чаул — 1521 г.; Тернате — 1522 г.; Диу — 1535 г.; Мозамбик — 1540 г.; Макао — 1557 г.; Даман — 1559 г. и т.д.)[6].

Так, в 1533 году султанат Камбейа или Нуджарат, которому угрожали Великие Моголы из Дели, вынужден был подписать мирный договор со своими главными соперниками на море — португальцами, по которому султанат уступил им прибрежную полосу от Дамана до Бомбея. Все деревни в этой так называемой Северной провинции с центром в Бассейне были отданы португальским фидалгу как «празу»*, которые хорошо вписались в полуфеодальную социальную структуру мусульманской Индии.

Однако главным аспектом португальской колониальной политики остается их военная деятельность. Хроники и документы наполнены сообщениями о кровавых «подвигах» португальских колонизаторов, главным и доминирующим методом которых в обращении с коренным населением было насилие.

По-прежнему продолжалась острая конфронтация между португальцами и исламским миром, во главе которого после османского завоевания Египта, Ирака и святых мест ислама (1517—1534 гг.) встали турки.

Португальцы продолжали остро конфликтовать на Малабарском побережье с Каликутом, в Гоа — с Идалканом (т.е. с Адил Ханом) Биджапура, в Гуджарате (около Диу, 1538—1546 гг.) и вокруг Малакки — с ее беглым султаном, а затем в Бинтане, Паго

---

[5] *Хазанов А.М.* Цит. соч. С. 189—190.

[6] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. Lisboa, 1994. P. 391.

и Джохоре, а еще позже с султаном Суматры, союзником турок. Следствием этой конфронтации явилась целая серия осад Малакки, предпринимавшихся португальцами (1551 г., 1568 г., 1573—1575 гг.).

Как и во времена Албукерки, португальцы опирались прежде всего на «языческие», то есть немусульманские государства: Биснага (Виджайанагар) и Кочин на юге Индии, Пегу, Сиам и в меньшей мере на Китай и Японию (куда они проникли в 1543 г.).

Захватив контроль над морским путем из Европы в Азию, Португалия сконцентрировала усилия на том, чтобы извлечь максимальные выгоды из своей монополии на торговлю с Южной и Юго-Восточной Азией. Торговля специями приносила португальским купцам и авантюристам большие прибыли. После первых же рейсов португальских купцов в Индию цены на перец в Европе поднялись в несколько раз и остановились на средней цене 30 крузаду за кинтал, в то время как в Индии один кинтал перца стоил всего 2 крузаду. Цены на специи в Европе в это время устанавливало португальское правительство, которое объявило торговлю с Индиями королевской монополией. Только с разрешения короля португальские и иностранные купцы могли торговать «индийскими товарами». Львиная доля выручки от этой чрезвычайно прибыльной торговли потекла в королевскую казну, поскольку, по словам крупного немецкого историка Циммермана, «судоходство и инициатива частных предпринимателей были почти ничтожными».

Хотя сведения, которые можно почерпнуть из источников, крайне скудны и фрагментарны, все же они дают возможность дать приблизительную оценку общей суммы доходов, которую извлекла в этот период перцового бума королевская казна из торговли с Востоком. По подсчетам бельгийских историков Ланной и Линдена, ежегодная выручка казны составляла тогда 4250 тыс. зол.фр., не считая пошлинных сборов таможни Лиссабона, которые тоже составляли значительную сумму.

В то же время анализ источников приводит к выводу, что значительная часть экспорта Индии и стран Юго-Восточной Азии в этот период шла не в Европу, а на азиатские рынки. Известно, например, что гвоздика, экспортировавшаяся в Европу, никогда не превышала 12% общего объема ее производства на Молуккских островах, а остальные 88% ускользали на азиатские рынки — от Персидского залива до Японии.

Хлопчатые ткани из Индии шли главным образом в Восточную Африку, а большая часть золота Мономотапы — в Индию для покупки специй, а также поступала к чеканщикам в Гоа и Кочине.

К 1580 году чистый доход от перевозок вокруг мыса Доброй Надежды составлял только 20% всех прибылей, получаемых купцами от торговли к востоку от Цейлона (Юго-Восточная Азия, Китай и Япония)[7].

Низкая рентабельность морского пути вокруг Африки причиняла постоянную головную боль португальской короне, которой иногда советовали уйти из Индийского океана и сконцентрировать свои усилия в Атлантике. После 11 лет острых дискуссий и столкнувшись с резким ухудшением своих позиций в Северной Африке, Жуан III в 1550 году провозглашает, наконец, новую политику — уход из Марокко и из Индии, но так никогда и не приступает к ее реализации.

За исключением Северной провинции и Гоа, где некоторое значение имело сельское хозяйство, экономика Государства Индии была чисто торговой. Наиболее важными экспортными товарами были специи, лекарства, ценные деревья, хлопчатые ткани из Индии, лошади из Аравии и Персии, золото и слоновая кость из Восточной Африки.

У богатых покупателей пользовались также спросом шелка, фарфор и другие изделия из Китая и Японии.

---

[7] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. Lisboa, 1994. P. 391.

Глава двенадцатая

"БИТВА ТРЕХ КОРОЛЕЙ"

В XVI веке маленькая Португалия владела огромной империей, в которой никогда не заходило солнце.

Опытные навигаторы — ненасытные завоеватели португальцы господствовали в Бразилии, Индии, на Молуккских островах, в Африке. Но в Марокко португальские колонизаторы столкнулись с наиболее сильным сопротивлением.

Обосновавшись в Сеуте в 1415 году, португальцы завладели в 1417 году Танжером и Арсилой, а в 1458 году — Аль-Ксар аль-Кебиром. Став хозяевами стратегически важных портов, португальцы перерезали тесные связи между Марокко и арабским государством Гранада, которое в 1492 году прекратило свое существование под ударами войск Кастилии, которая завершила реконкисту* после семи веков непрекращавшихся битв.

Португалия завершила свою реконкисту на два с половиной века раньше — в 1249 года. Восшествие на престол Ависской династии привело страну к пику могущества.

Однако Португалия была колоссом на глиняных ногах. Это ясно показал ход войны португальцев против марокканцев. Захватив Агадир (1505 г.), Могадор (1506 г.), Сафи (1508 г.), Аземмур (1513 г.), Мазаган (1514 г.), португальцы разместили свои гарнизоны в Мехдии и в Анфа. Испанцы, со своей стороны, оставили португальцам атлантическое побережье Марокко, обосновавшись в горном районе Риф и на островах Шаффарин.

Помимо европейских конкистадоров Марокко столкнулось и с угрозой с востока: это были турки, прочно обосновавшиеся в Алжире. Они попытались вторгнуться в Марокко, но были разбиты в битве при Уед Лебан в 1568 году.

Правившая в Марокко Меринидская династия всеми силами пыталась, если не отразить, то хотя бы сдержать наступление португальских и испанских завоевателей. Наследовавшая Ме-

ринидам Саадийская династия добилась больших успехов в войне с португальцами, в руках которых к 1578 году оставались всего лишь три марокканские крепости: Мазаган, Танжер и Сеута. Но этим крепостям с трудом удавалось отбивать атаки войск саадийского шерифа.

Так, в письме Алвару де Карвалью королю Себастьяну от 8 июля 1556 года сообщалось о "многочисленных сражениях с маврами, которые мы имели около города Мазагана"[1]. Бои за Мазаган шли очень долго. Тот же Алвару де Карвалью уведомил короля Себастьяна 18 января 1560 года о том, что ему приходится продолжать отбивать нападения мавров, ведя с ними "перестрелки"[2]. 14 июля 1560 года он сообщил королеве о том, что имел "сражение" с маврами[3]. 12 апреля 1561 года Алвару де Карвалью направил королеве письмо, в котором просил срочно прислать подкрепление в Мазаган, "ввиду того, что шериф готовится атаковать этот город"[4]. Судя по документам, эти опасения имели под собой серьезные основания. Уже 22 апреля 1561 года Алвару де Карвалью сообщил королеве о том, что мавры начали осаду Мазагана[5]. И вели ее долго и безуспешно. В письме от 9 апреля 1562 года Педру Паулу Волпи уведомлял королевский двор о продолжающейся осаде Мазагана[6]. О том же сообщали в письме от 12 апреля 1562 года Фернанду да Фонсека[7] и в письме от 18 апреля 1562 года Педру Гузарти Коутинью[8]. Юный импульсивный и амбициозный король Себастьян рассматривал это как оскорбление и национальное унижение Португалии. Он считал, что к 1578 году сложилась чрезвычайно благоприятная ситуация для реванша. Турецкая угроза из западной части Средиземноморья была устранена в результате битвы при Лепанто, выигранной законным сыном Карла V доном Хуаном в 1571 году. Португалия в это время была на вершине своего могущества.

---

[1] Archivo Nacional da Torre do Tombo. Corpo Cron. Doc. 122.
[2] Ibid. Doc. 82.
[3] Ibid. Doc. 36.
[4] Ibid. Doc. 106.
[5] Ibid. Doc. 110.
[6] Ibid. Doc. 106.
[7] Ibid. Doc. 112.
[8] Ibid. Doc. 114.

Дон Себастьян вынашивал план захвата Марокко и нового крестового похода, чтобы обратить в христианство народы Магриба.

Удобный предлог для вторжения, который он искал, предоставила междуусобная борьба за престол между сыновьями шерифа Мухаммеда али-Шейха в Марокко: Абделлаха, Абд аль-Малика и Ахмеда. В результате шерифом стал старший сын — Абделлах. Он умер в 1574 году и его престол унаследовал его сын Мухаммед. Отличаясь деспотическим и жестоким нравом, он быстро вызвал к себе ненависть подданных. В отличие от него его дядя Абд аль-Малик, выделявшийся государственным умом и выдающимся полководческим талантом, снискал большую славу и всеобщую любовь. Мухаммед отправил Абд аль-Малика к туркам в Стамбул, где он жил при дворе султана Мюрада I[9].

Став любимцем султана, Абд аль-Малик даже участвовал на стороне турок в морском сражении при Ла Гулетт. Это позволило ему позже получить поддержку турок. Будучи поклонником турецкой системы управления, он, став правителем Марокко, ввел административную систему, полностью скопированную с той, что существовала в Османской империи. Абд аль-Малик был весьма образованным человеком, говорил на 5 языках (арабском, испанском, итальянском, русском и армянском). Он был очень религиозным экзальтированным человеком.

В 1576 году Абд аль-Малик при поддержке турок вторгся с большим войском в Марокко, овладел троном и вынудил племянника Мухаммеда аль-Мутаваккиля бежать в Испанию. Лишенный трона аль-Мутаваккиль с остатками своего войска присоединился к португальцам, считавшим его законным правителем Марокко, рассчитывая с их помощью вернуть утерянный трон.

Будучи абсолютно убежден в полном успехе своего предприятия, дон Себастьян во главе своего многочисленного войска 25 июня 1578 года отплыл из Лиссабона и 28 июня прибыл в испанский порт Кадис, где пробыл 10 дней[10].

В июле 1578 года дон Себастьян с большим войском высадился в Танжере, где его ждал аль-Мутаваккиль с 300 солдатами. Абд аль-Малик, живший в Марракеше, вел интенсивную пере-

---

[9] Le Matin du Sahara et du Meghre. Maroco. 4. 08. 2000.
[10] Ibid. P.300.

писку с португальским королем и пытался доказать ему бессмысленность его предприятия. Будучи выдающимся полководцем, Абд аль-Малик очень умело руководил своими войсками. Он собрал их в Гарбе и приказал своему брату Ахмеду, жившему в Фесе, привести туда все бывшие в его распоряжении силы. Между тем дон Себастьян со всем войском ушел к Арсиле и 29 июля "разбил лагерь в месте, называемом Сладкой речкой"[11].

Тонкий психолог Абд аль-Малик решил сыграть на таких чертах характера дона Себастьяна, как тщеславие и амбициозность. Он отправляет ему новое письмо. "Я пересекаю всю страну, чтобы встретиться с тобой, а ты не делаешь мне навстречу ни шага, — пишет он. — Это недостойно рыцаря и христианина, а если ты отступишь назад к месту своей высадки, то ты всего лишь собака и сукин сын". Дон Себастьян угодил в эту искусно расставленную для него западню. Несмотря на возражения тех, кто хорошо знал о хитрости Абд аль-Малика, молодой король снялся с лагеря и 30 июля подошел к Аль-Ксар аль-Кебиру, где его поджидал саадийский шериф Абд аль-Малик с армией в 112 тысяч человек, главную силу которой составляла кавалерия. Этот поход утомил португальскую армию. Абд аль-Малик удачно выбрал место для предстоящей битвы: Себастьян дал завлечь себя в ловушку между рекой Луккос и ее притоком аль-Махазином, не придав значения тому, что уровень воды в этих реках сильно повышается во время прилива[12]. Он не стал ждать, когда спадет дневная жара, а тотчас начал битву. Эти ошибки стоили ему очень дорого.

Португальская армия состояла почти из 120000 человек, в ней было все лузитанское дворянство и многочисленные наемники из самых разных стран, марокканская армия имела почти такую же численность, но была чрезвычайно сильной и мобильной благодаря 70000 кавалеристов, 30000 пехотинцев, 12000 мушкетеров и 40 артиллерийских орудий[13].

Но было одно крайне беспокоящее обстоятельство, которое могло обернуться фатальным исходом для марокканской армии: шериф Абд аль-Малик был тяжело болен. По всей вероятности и

---

[11] Les Sources inedites... . Doc. CXXII. P. 334.

[12] *Жюльен Ш.А.* История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко от арабского завоевания до 1830 г. Т.2. М., 1961. С. 239.

[13] Le Matin du Sahara... . 4.08.2000.

по заключению врача-еврея, который с самоотверженной преданностью ухаживал за ним до самой смерти, шериф был отравлен ядом, который кто-то добавил в его пищу, когда он ждал брата Ахмеда в Гарбе. Несмотря на страдания, он участвовал в праздновании соединения двух армий в Гарбе и, хотя его переносили на носилках, руководил битвой при Аль-Ксар аль-Кебире.

Учитывая дислокацию войск противника, он послал Ахмеда во главе большого отряда в тыл армии дона Себастьяна. Португальская армия, переполненная фурами и вспомогательными службами, не сумела защитить свои тылы и вынуждена была построиться в огромное каре посередине равнины. Тонкий стратег Абд аль-Малик понял, что мобильность его кавалерии может стать решающим фактором. Построив свои войска в форме полумесяца, он начал охватывающее движение краев полумесяца.

"Армии сошлись на ровном поле,... на котором не было ни камня, ни дерева, — вспоминал позднее лекарь Абд аль-Малика в письме к брату... — Шериф приказал стрелять нашей артиллерии, которая состояла из 24 пушек, и они дали два залпа и нанесли урон христианам... Те ответили нам своей артиллерией"[14].

Хотя марокканские пушки, помещенные в центре полумесяца, пробили бреши в каре противника, отряд португальских кавалеристов из 500 человек атаковал марокканцев на берегу Луккоса и углубился в их ряды. Встревоженный Абд аль-Малик, несмотря на слабость и страдания, одел свой самый красивый наряд, головной убор с тюрбаном, украшенным брошью, и, не обращая внимания на увещевания лекаря и своих близких, возглавил контратаку.

Из всех известных нам современных описаний "битвы трех королей" самое обстоятельное и достоверное содержится в уже упоминавшемся "Анонимном отчете о битве при Аль-Ксар аль-Кебире", автором которого, по-видимому, был какой-то английский дипломат или купец, оказавшийся очевидцем этого события. Он так описывал битву: "На следующий день 4 августа 1578 года король Португалии разделил свое войско на четыре батальона: командующим первого, шедшего в авангарде, он назначил Дуерто де

---

[14] Les Sources inedites... T. 1. Doc. CXIX. P. 317; *Hoffman E.* Realm of the Evening Star. A History of Marocco and the lands of the Moors. Philadelphia — N.Y., 1965. P. 138.

Менезиша, второй батальон король возглавил сам. На правом фланге был со своими всадниками черный король-шериф (имеется в виду племянник Абд аль-Малика Мухаммед аль-Мутаваккиль, который был лишен трона своим дядей — *Авт.*) и на левом герцог Даверру, старший сын герцога Браганса. ...Абд аль-Малик первым начал атаку на всадников португальской армии, но они храбро защищались и в конце концов заставили аль-Малика и его мавров отступить, потеряв много людей. Но аль-Малик не был обескуражен и, снова построив людей в хороший боевой порядок, начал такую новую атаку на всадников короля Португалии, что заставил их отступить к главным силам..."[15].

Португальцы и их союзники пытались переправиться через аль-Махазин, чтобы отступить к Ларашу, но из-за прилива уровень воды в реке поднялся, и большая часть христиан, поддавшись панике, утонула или была взята в плен. "Мавры опрокинули боевые порядки португальских всадников, убили и взяли в плен всю армию, за исключением 80 или 100 человек, которые спаслись бегством. В числе других были убиты 3000 немцев, 700 итальянцев и 2000 испанцев... В битве погибли три короля. Мавры потеряли 40 или 50 тысяч человек"[16].

В разгар битвы Абд аль-Малик, несмотря на все усилия его спасти, умер в полном сознании, сохраняя удивительную ясность ума. Умирая, он приложил палец к губам, давая понять, что его смерть следует держать в секрете, чтобы не вызвать панику в войсках. Так и сделали: известие о его смерти тщательно скрывалось и отдавались приказы от имени шерифа.

Дальнейшие события развивались очень быстро. Марокканские кавалеристы устремились в брешь на правом фланге противника, другой край полумесяца также быстро двигался вперед. Португальская армия была окружена, ее артиллерия попала в руки арабов.

Неудачливый претендент на марокканский трон аль-Мутаваккиль пытался бежать, но утонул в реке Махазин.

Его труп вытащили, содрали с него кожу, набили соломой и в таком виде повезли по всей стране. Дон Себастьян, по одним

---

[15] Les Sources inedites... T.I. Doc. CXXII. P 337; *Hoffman E.* Realm of the Evening Star. A History of Marocco and the lands of the Moors. Philadelphia — N.Y., 1965. P.138.

[16] Ibid.

сведениям, утонул, по другим – "умер от двух ранений в голову и одного в руку".

На поле битвы Ахмед, брат Абд аль-Малика, был провозглашен новым шерифом и под именем Аль-Мансур (победоносный) стал править империей, протянувшейся от северных берегов Марокко до реки Сенегал.

Победа мусульман была полной и безусловной. Число убитых христиан исчислялось тысячами, число взятых в плен и обращенных в рабство — десятками тысяч. Изумленный лекарь шерифа писал тотчас же после битвы: "Великая и божественная тайна — в течение часа умерли три короля, из которых двое были столь могущественны...

Все дворяне Португалии, начиная от сына герцога Браганса и до последнего оруженосца, мертвы или взяты в плен. Это вещь никогда ранее невиданная и неслыханная!.. Убитые, которых я видел, возможно, насчитывают 15 тысяч. Пленных невозможно сосчитать... Мавры-работники теперь не должны зарабатывать деньги, ибо Фес и Виехо так наполнены пленными, что нет чиновника, который бы не имел 200 христианских невольников... для своих садов. Цена их — от 30 до 100 или 150 унций, а некоторых продают за 300, 400,500 унций"*[17].

Причин разгрома Португалии в "битве трех королей" было несколько.

Во-первых, армия дона Себастьяна, набранная главным образом из недисциплинированных и плохо обученных иностранных наемников, несмотря на свою многочисленность и хорошее вооружение, была малобоеспособна. Лучшие и наиболее боеспособные португальские войска не участвовали в походе в Марокко, так как были заняты в войнах в Индии, Анголе и Бразилии.

Руководство армией в Марокко находилось в руках бездарного и неопытного короля дона Себастьяна, который допустил ряд крупных тактических ошибок в выборе диспозиции войск и в управлении ими в ходе самого сражения.

Армия Абд аль-Малика была, напротив, хорошо обучена и имела огромный военный опыт. По своим боевым качествам она

---

*Унция равнялась двум шиллингам.

[17] Les Sources inedites de l'histoire du Maroc. Doc. CXIX. PP. 319—330.

могла быть поставлена в один ряд с лучшими армиями того времени.

Восприняв вооружение и военную тактику от турецкой армии, марокканская армия имела ту же, что и у турок, военную организацию и дисциплину. Во главе армии стоял талантливый полководец и государственный деятель Абд аль-Малик, который во время своих многолетних странствий хорошо изучил обычаи, языки и военную тактику португальцев, испанцев, итальянцев и турок.

Помимо вышеуказанных причин есть основания предполагать, что существовала еще одна причина поражения португальцев в "битве трех королей". Она заключалась в дипломатической и военной поддержке, которую оказывала Абд аль-Малику одна из могущественнейших европейских держав — Англия.

Поскольку этот вопрос обычно упускается из виду в исторических исследованиях (его не касается ни один из известных нам историков), мы позволим себе остановиться на нем несколько подробнее.

Изучение документов приводит к выводу о том, что английские правящие круги проявляли к Марокко исключительный интерес и делали все от них зависящее для того, чтобы не допустить реставрации португальского господства в этой стране.

Главная цель английской дипломатии состояла в том, чтобы обеспечить Англии определенные торговые преимущества в Марокко, которое рассматривалось как незаменимый поставщик пшеницы и превосходный рынок сбыта английских хлопчатобумажных тканей.

Как видно из документов, в начале 70-х годов XVI века английские интересы в Марокко столкнулись с португальскими, причем вспыхнувшее соперничество приняло весьма острые формы. В 1573 году состоялись англо-португальские переговоры о заключении договора между двумя странами, в ходе которых португальские дипломаты прилагали большие усилия для того, чтобы ввести в договор пункт, запрещающий Англии торговлю со странами, входящими в португальскую колониальную империю.

---

* Томас Вильсон (1525—1581 гг.) — видный английский дипломат. В 1567—1568 гг. он был британским послом в Португалии, в 1574—1575 гг. и в 1576—1577 гг. — послом во Фландрии. С ноября 1577 стал государственным секретарем. В то время, о котором идет речь, он служил посредником в переговорах между португальским послом в Лондоне и английским правительством.

Английский дипломат Томас Вильсон* в письме на имя государственного казначея Бургли 27 июля 1573 года решительно выступал за то, чтобы пункт, запрещающий Англии торговлю с Марокко, не был включен в договор с Португалией. В беседе с португальским послом в Лондоне Вильсон настаивал, чтобы общее запрещение английской торговли со странами, находящимися под контролем Португалии, не касалось Марокко. Особая заинтересованность Англии в торговле с Марокко проявилась, в частности, в том, что в качестве уступки Вильсон предложил оставить в силе запрет на торговлю Англии с Гвинеей, но снять его с торговли с Марокко.

В свою очередь, португальский посол настаивал на общем запрещении британской торговли с португальскими колониями, хотя устно обещал, что фактически оно не будет применяться к Марокко. На это Вильсон ответил (как это видно из его письма), что в этом случае положение будет неравным, так как королева Великобритании будет связана договором, а король Португалии — простым устным обещанием своего посла[18]. Через несколько дней состоялась новая встреча Вильсона с португальским послом, во время которой последний уверял, что торговля англичан с Марокко, несмотря на формальный запрет в проектируемом договоре, встретит терпимое отношение со стороны его короля. Вильсон возражал, что существует разница между подписанным документом и простыми словами. "Король Португалии и его наследники могут в один прекрасный день предпочесть запрещение, предписываемое договором"[19].

В конце концов после длительных переговоров Англия вынуждена была пойти на частичные уступки. Она согласилась ограничить свою торговлю с Марокко только тремя портами и полностью прекратить продажу оружия, на чем особенно настаивали португальцы, опасаясь усиления саадийских шерифов. Это видно из сохранившегося ответа (меморандума) английского правительства португальскому послу в Лондоне Франсисшку Жиральди* (апрель 1574 г.). В нем безапелляционно заявляется, что

[18] Les Sources inedites de l'histoire du Maroc. Doc. CLIX. PP.117—118.
[19] Ibid.

* *Франсишку Жиральди* – сын флорентийского купца Лукаса Жиральди, который, приобретя огромное состояние, обосновался в Португалии. Ф. Жиральди был послом Португалии в Англии, а потом (1579 г.) — во Франции.

королева Великобритании не может запретить своим подданным торговлю с португальскими владениями в Африке и в Индии и что она удивлена претензиями Португалии в отношении Марокко, тем более, что ей хорошо известно, что Фес, Марракеш и Сус подчинены государю, который разрешил доступ для купцов всех наций (имеется в виду Саадийская династия). Однако английский меморандум, начинающийся этим выдержанным в довольно резких тонах вступлением, кончается на гораздо более примирительной ноте. В нем говорится, что королева Великобритании согласна запретить продажу оружия в Марокко и ограничить торговлю своих купцов только тремя портами: Ларашем, Сафи и Санта Крус де Агэр (Агадир)[20].

По-видимому, на основе этих предложений и был выработан окончательный проект англо-португальского договора. Самого текста этого договора в нашем распоряжении, к сожалению, нет. Однако можно с большой долей уверенности предположить, что в основу договора легли вышеуказанные английские предложения. Основанием для такого предположения может служить сохранившийся меморандум английского правительства послу Ф. Жиральди от 2 мая 1574 года, в котором говорится, что королева принимает статьи договора, согласованного между ее советниками и португальским послом. Она согласна полностью запретить продажу оружия в Марокко и ограничить английскую торговлю лишь тремя портами (Ларашем, Сафи и Агадиром). Далее в меморандуме указывается, что контроль будет осуществляться на английских судах при их отправке и при возвращении, чтобы воспрепятствовать контрабанде оружия[21].

Таким образом, в результате заключения англо-португальского договора 1574 года Англия сумела все же выговорить для себя некоторые торговые права в Марокко, хотя и не столь обширные, как она того желала.

Однако англичане, по-видимому, рассматривали этот договор не как завершение, а как начало борьбы за экономическое господство в Марокко. Поставив перед собой цель вытеснить португальцев из страны и захватить там господствующие торговые позиции, английское правительство решило пойти по пути оказания воен-

---

[20] Les Sources inedites de l'histoire du Maroc. Doc LII. P. 124—125.
[21] Ibid. Doc LIII. P. 127—128.

ной и дипломатической поддержки Саадийскому шерифу Абд аль-Малику с тем, чтобы потом с его помощью отделаться от португальского соперника. До 1577 года Англия имела с шерифом преимущественно торговые отношения, а затем вступила с ним в прямой политический контакт. В ответ на английский дипломатический зондаж Абд аль-Малик, обладавший всеми качествами выдающегося государственного деятеля, сделал Лондону предложение о заключении англо-марокканского союза[22].

В том же 1577 году королева Елизавета направила к Абд аль-Малику своего посла Эдмунда Хогана. Как видно из соответствующих документов, Хоган был уполномочен добиться от шерифа торговых преимуществ для английских купцов и особенно для британского правительства. Но наряду с этим Э. Хоган имел еще и миссию политического характера: он должен был дать положительный ответ британской королевы на предложения шерифа о заключении союза[23].

По нашему предположению, такой союз был заключен, хотя текста соответствующего договора нам обнаружить не удалось. По всей вероятности, он не был опубликован, так как подобный договор должен был, разумеется, иметь сугубо секретный характер. Во-первых, союз между мусульманским и христианским государями мог породить сильную оппозицию против Абд аль-Малика среди марокканского населения, а, во-вторых, он мог вызвать подозрения и возмущение в Португалии, поскольку противоречил духу англо-португальского договора (1574 г.) и представлял собой явную угрозу португальским интересам в Марокко.

Можно предполагать, что на основе секретного англо-марокканского договора о союзе Англия осуществляла тайные поставки оружия шерифу и оказывала ему иную военную и дипломатическую помощь*, что и явилось, по нашему мнению, немаловажной, и почему-то не учитывавшейся в исторических исследованиях, причиной поражения Португалии в Марокко в 1578 году.

---

[22] Les Sources inedites de l'histoire du Maroc. Doc. XCIII. P.237.

[23] Ibid. Doc. XI.

* Об этом свидетельствует, в частности, тот любопытный факт, что в "битве трех королей" на стороне Абд аль-Малика сражалось несколько англичан, один из которых знатный английский дворянин Стюкли был убит.

Косвенным подтверждением этого является та бурная и восторженная реакция в Англии на "битву трех королей", которая абсолютно отчетливо и неоспоримо прослеживается по документам.

"Битва трех королей" имела огромный резонанс в Европе и особенно в Англии. Вначале там не было никакой реакции, так как в достоверность сообщений об этом событии отказывались поверить. Многие письма и депеши в течение сентября 1578 года представляли эту новость как слух, который нуждался в проверке и подтверждении. 1 сентября английский агент Дэвисон писал из Антверпена государственному казначею Англии Бургли: "В связи с сообщением, пришедшем из Испании, здесь прошел слух о поражении португальцев от мавров, слух, точность которого нуждается в подтверждении"[24].

Однако в конце сентября королева Елизавета получила из Парижа следующее сообщение: "Король был информирован 31 августа, что король Португалии разбит в Африке, большая часть его дворянства убита, и сам он мертв или находится в плену"[25].

Еще более обстоятельное письмо было получено Бургли в октябре. В нем говорилось: "При переходе через реку...произошла жестокая битва... и там умерли несчастный король Португалии и 20 000 его лучших людей, а остальные 9 000 были взяты в плен маврами..."[26]. О том, что "битва трех королей" имела огромный отзвук в Англии, свидетельствует, в частности, то отражение, которое она нашла в английской литературе XVI—XVII веках. Джордж Пиль сделал ее сюжетом одной из своих драм — "Битва при Алькасаре". Английские поэты посвятили этой битве ряд поэм и баллад[27].

Следует сказать, что англичане в дальнейшем сумели пожать плоды своей антипортугальской политики в Марокко. Они использовали поражение португальцев для развития торговли тканями в обмен на магрибское золото, сахар, кожу, пшеницу и селитру. Но острое соперничество между купцами и представителями правительственных кругов помешало осуществлению плана создания единой торговой компании (1585 г.), после чего английская торговля с Марокко быстро пошла на убыль.

---

[24] Les Sources inedites de l'histoire du Maroc. Doc. CXX. Note I. P.325.
[25] Ibid. P. 325.
[26] Ibid. P. 323.
[27] *Simpson R.* The School of Shakespeare.

Помимо экономического значения королева Елизавета отводила Марокко большую роль и в своих политических планах. Одно время она всерьез подумывала о создании союза с участием султанов Константинополя и Марракеша для разгрома Филиппа II, завладевшего Португалией. Султан Аль-Мансур поддержал эту идею, предложив Елизавете Английской план совместного завоевания и раздела Испании. "Смерть старой королевы и кончина султана, умершего от чумы, положили конец этим планам большой политики (1603 г.)" — писал Ш.А. Жюльен[28].

Последствия "битвы трех королей" были значительными. Себастьян вез в своем багаже корону, так как имел намерение провозгласить себя королем Марокко. Он стремился не к обычному завоеванию, а к крестовому походу. Став победителем, он бы сделал все для христианизации Магриба. Его разгром навсегда похоронил такие планы в Португалии и во всей Европе.

Португалия, в одночасье лишившаяся своей элиты, стала лишь бледной тенью былой могучей державы. Уже через два года Филипп II присоединил Португалию к Испании. "Испанский плен" продолжался до 1640 года. Никогда более лузитанское королевство не вернуло былого могущества и блеска, которые были потеряны на берегах Махазина.

Битва 4 августа 1578 года имела большие международные последствия для целого ряда стран, но самое значительное влияние она оказала на дальнейшие исторические судьбы двух непосредственно участвовавших в ней государств — Марокко и Португалии.

Победа при Аль-Ксар аль-Кебире сразу вывела Марокко на авансцену европейской и мировой политики. В глазах мировой общественности шерифское Марокко предстало как сила, с которой нельзя не считаться. Союза с шерифами стали добиваться могущественнейшие монархи Европы.

Брат Абд аль-Малика Ахмед, провозглашенный после его смерти шерифом под именем Аль-Мансур (победитель), воспользовался не только блистательной славой победы, но и огромной добычей. Его казна была во много раз увеличена также выкупами, полученными за португальских дворян, попавших в неволю.

---

[28] *Жюльен Ш.А.* История Северной Африки. С. 259.

Окруженное ореолом победы над Португалией Марокко стало пользоваться авторитетом одной из могущественнейших держав, в столицу которой Марракеш стали прибывать послы из многих стран, даже европейские монархи домогались займов у марокканского шерифа, столь богатого, что его называли "Золотым" (аз-Захаби).

Что же касается Португалии, то в "битве трех королей" она потеряла все — своего короля, цвет своего дворянства, армию, государственность и политическую независимость. В этой битве нашли свою гибель не только португальская армия, но и португальское государство.

Смерть дона Себастьяна фактически означала смерть Ависской династии. По словам известного английского исследователя Ф. Дэнверса, "его смертью было выковано почти последнее звено в той цепи, которая постепенно окружала богатства королевства, теперь почти полностью поглощенного алчным и тщеславным соседом"[29]. (Испанией). Король умер, не оставив прямых наследников. Трон должен был наследовать 66-летний кардинал Энрики, последний еще живший сын Мануэля Счастливого.

После его смерти прекратилась Ависская династия. Этим воспользовался испанский король Филипп II, который, с одной стороны, опирался на военную силу в лице ветеранов герцога Альбы, а с другой, — ловко использовал в своих целях трусость и продажность португальского дворянства. В 1581 году кортесы, собравшиеся в Томаре, объявили Филиппа II королем Португалии. Так Португалия потеряла свою политическую самостоятельность и вместе со всей своей колониальной империей на долгие 60 лет подпала под власть испанских королей.

Однако еще до потери своего государственного суверенитета Португалия предприняла энергичные попытки расширить свои колониальные владения в Африке.

---

[29] *Danvers F.* The Portuguese in India. Vol. II. P.22.

Глава тринадцатая

ПОПЫТКА КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ ПОРТУГАЛИИ В ЭФИОПИЮ

Еще в конце XV века португальский двор предпринял энергичные усилия, чтобы разыскать легендарную христианскую страну, которую называли "страной пресвитера Иоанна". Педру ди Ковильян, отождествляя с ней Эфиопию, проник туда в 1490 году и был с почестями принят *нгусэ нэгэстом* (царем царей) Эфиопии Искандером*. Ди Ковильян остался в Эфиопии, по-видимому, навсегда**, он женился на богатой эфиопской женщине и стал одним из советников правителей Эфиопии. Не без его участия вдовствующая императрица Илени***, фактическая правительница при малолетнем императоре Либнэ Дынгыле, направила в 1509 году армянина Матеоса (Матвея)**** в качестве полномочного посланника в Лиссабон к королю Португалии Мануэлу с приглашением прислать в Эфиопию официальное португальское посольство для переговоров.

В ответ через одиннадцать лет (1520 г.) в Эфиопию прибыло португальское посольство в составе четырнадцати человек: Родригу ди Лима, Франсишку Алвариша, Жоау Бермудиша и др. Посольство было исключительно любезно принято эфиопским правительством, так как эфиопы видели в португальцах своих единоверцев-христиан, союзников в борьбе против турок. Однако крайне вызывающее и высокомерное поведение главы посольства Родригу ди Лима привело к желанию избавиться от него, и

---

* В некоторых источниках он именуется Александром. Его другое имя — Константин II.

** Почему он остался в Эфиопии, не выяснено. Франсишку Алвариш, встретивший Педру ди Ковильяна в Эфиопии спустя тридцать лет, утверждал, что его не отпускали правители этой страны.

*** В западноевропейской литературе ее иногда называют Helena, в русской — Еленой, на эфиопских языках — Илени.

**** Матеос— торговец и монах, побывавший в ряде стран Азии и Африки и изучивший много языков. Он поселился в Эфиопии и добился высокого положения при дворе императора.

в 1526 году Либнэ Дынгыль*, ставший к тому времени единодержавным правителем Эфиопии, предложил португальцам покинуть страну. В Эфиопии остался только Жоау Бермудиш.

Вместе с возвращающимся на родину посольством Либнэ Дынгыль направил в Португалию *ликэканата* (старшего священника) Тсэга Зааба** в качестве эфиопского посла. Члены португальского посольства и Тсэга Зааб должны были передать письма императора королю Португалии и папе римскому. Все послания были примерно одного содержания. Либнэ Дынгыль обращался с просьбой прислать в Эфиопию людей ученых, ремесленников, умеющих печатать книги, резчиков по дереву, специалистов, которые знают, как добывать из недр земли золото, серебро, медь, а также врачей, хирургов и людей, сведущих в приготовлении лекарств. Император выражал желание, чтобы из Португалии приехали офицеры для обучения эфиопов военному делу, а также оружейные мастера. Он не просил прислать в Эфиопию солдат. Наоборот, он всячески подчеркивал, что у него самого есть "люди, золото и провизия", что их у него "подобно песку в море и звездам в небе". "От Вас нужно, — писал он королю Жуану III, — в первую очередь, опытных офицеров, чтобы обучить и экипировать солдат"[1]. Прямо не говоря об этом, Либнэ Дынгыль хотел получить, по всей вероятности, огнестрельное оружие, которым уже пользовались турки и их союзники.

На следующий год после отплытия португальского посольства на родину возобновились военные действия турок и их союзников против Эфиопии. Полководец мусульманского султаната Адал (юго-восточная Эфиопия) Ахмед ибн Ибрахим аль Гази (Грань), получив от турок огнестрельное оружие, двинулся на эфиопскую империю. Вначале война шла с переменным успехом, но постепенно стал явным перевес мусульман. Тогда-то Либнэ Дынгыль направил в Португалию в 1536 году Жоау Бермудиша с письмом, в котором просил прислать на помощь войска[2].

В 1541 году 400 португальцев во главе с Кристовау да Гама высадились в порту Массауа. Либнэ Дынгыля они уже не заста-

---

* У Либнэ Дынгыля были еще два имени: Вэнаг Сэгэд I, Давид II.

** Некоторые авторы транскрибируют его имя как Зага Зааб.

[1] *Hansberry L.* Ethiopian Ambassadors to Latin Courts and Latin Emissaries to Prester John. Ethiopia Observer. Vol. IX. 1965. № 2. P. 98.

[2] *Correa G.* Lendas da India. Lisboa. Vol. IV. 1858—1864. P. 138.

ли в живых. Императором Эфиопии к этому времени стал его сын Гэлаудеос (Клавдий)*. Командиры португальского отряда решили сражаться самостоятельно, без участия основных эфиопских сил. В первых двух сражениях никто не добился победы. Тогда паша, возглавлявший турецкий гарнизон в Зебиде (в Йемене), прислал Ахмеду ибн Ибрахим аль Гази значительное подкрепление. Португальцы получили сокрушающий удар. В сражении погибло более половины отряда, а Кристовау да Гама был взят в плен и обезглавлен.

Спустя некоторое время императору Гэлаудеосу удалось собрать вокруг себя значительные силы — восемь тысяч пехотинцев и 500 всадников. К ним присоединились остатки португальского отряда. 22 февраля 1543 года в решающей битве вблизи оз. Тана Ахмед ибн Ибрахим аль Гази был убит, а его воины были настолько деморализованы гибелью своего дотоле непобедимого вождя, что бежали с поля битвы. Дольше других держались турецкие отряды, но и они были разгромлены[3].

В западной историографии сильно преувеличивается помощь португальцев эфиопам. Их даже называют спасителями Эфиопии**. Конечно, нельзя отрицать того, что огнестрельное оружие, привезенное португальцами, помогло эфиопам. Однако главной, решающей силой были эфиопские воины, которые, объединившись вокруг Гэлаудеоса, сумели победить сильного и искусного врага. В последующие годы Гэлаудеос прилагал усилия, чтобы восстановить целостность Эфиопской империи. Что же касается оставшихся в живых примерно 100 португальцев из отряда Кристовау да Гама, то король Португалии приказал им "остаться в стране (Эфиопии — *Авт.*) и служить ее королю"[4]. Поселение португальских дворян в Эфиопии стало аванпостом колонизаторов.

Историки С. Р. Боксер, Э. Сансо и другие, распространяющие миф о некоей "освободительной миссии" Португалии в Эфиопии, забывают упомянуть о том, что португальцы, помогавшие эфиопам в борьбе против мусульман, стремились прежде всего

---

* Его другое имя — Аснаф Сэгэд I.

[3] *Littmann E.* Die Heldentaten des Dom Christoph da Gama in Abessinien. Berlin, 1907; *Basset R.* Histoire de la conquete de l'Abyssinie (XVI-e siecle) par Chihab ed-din Ahmed ben Abd el Qader surnomme Arab-Faquih. Paris, 1897; *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV—XVI вв. М.—Л., 1936.

** К сожалению, эту ошибочную точку зрения разделял и Б.А. Тураев.

[4] *Jones A. H. M., Monroe E. A* History of Ethiopia. Oxford, 1955. P. 85.

навязать стране свое колониальное господство. Не ограничиваясь военным проникновением, они повели идеологическое наступление. Открыто выражая недовольство тем, что, "хотя старая христианская вера сохранялась (в Эфиопии — *Авт.*) прочно, там существовала смесь предрассудков и ересей, осужденных западной церковью"[5], португальцы вступили в борьбу с эфиопским духовенством и наводнили страну католическими миссионерами (главным образом португальскими и итальянскими)[6], добиваясь культурной и идеологической монополии.

Решительный шаг для достижения этой цели предпринял добравшийся до Рима Жоау Бермудиш, который заявил там, что эфиопская церковь желает встать под управление римского папы, а эфиопское правительство просит его, Бермудиша, занять место патриарха (епископа), согласно завещанию умершего патриарха Маркоса. Иезуит сознательно прибег к заведомой лжи и мистификации ради осуществления планов португальской короны. Ни у православной, ни у католической церкви нет канонического права, согласно которому патриарх или епископ мог бы завещать свою должность другому лицу. Кроме того, поскольку Бермудиш был католиком, он не мог быть избран патриархом монофизитской церкви. Эти обстоятельства ускользнули от внимания некоторых историков, которые, обнаружив поразительное легковерие, принимают версию Бермудиша за чистую монету[7]. Король Португалии, естественно, поддержал претензии Бермудиша и направил императору Гэлаудеосу письмо, свидетельствующее о том, что Лиссабон стал рассматривать Эфиопию как свою вотчину. В сложившихся условиях Гэлаудеос был вынужден формально признать свою покорность.

В то же время из Лиссабона в Эфиопию направлялись посольства, задача которых состояла в упрочении португальского влияния на эфиопский императорский двор. Так, в 1557 году Португалия направила в Эфиопию посла Диогу Диаша и священника Гонсалу Роиза. В марте 1557 года туда прибыло большое португальское посольство во главе с Нуньесом Баррету и Андре де Овьедо. Став патриархом, Бермудиш потребовал немедленного

---

[5] *Pais Pero*, Historia da Etiopia. Livr. 1. Porto, 1946. P. XIII.

[6] *Duprey A.G.* De l'Invasion a la liberation de l'Ethiopie. Paris, 1955. P. 28.

[7] *Дересса И.* История Эфиопии XVII в. Аддис-Абеба, 1967. С. 120 (на амхар. яз.).

введения католической обрядности по всей стране. Когда Гэлаудеос отказался выполнять требования Бермудиша, произошли столкновения между португальскими и эфиопскими войсками. В августе 1559 года Бермудиш был вынужден уехать в Лиссабон[8].

Однако иезуиты остались в Эфиопии. Середина XVI века отмечена активной инфильтрацией иезуитских миссий. По свидетельству иезуита Эмануэла Баррадаша, к концу XVI века помимо столицы только в провинции Годжам существовали три миссии "Общества Иисуса". В провинции Тигре во Фремоне[9] находилась иезуитская миссия.

Португальцы вмешивались во внутреннюю жизнь страны, разжигали мятежи против центральной власти, открыто поддержали восстание правителя приморских областей Исаака. Андре де Овьедо даже пытался переправить письма королю Португалии с просьбой прислать тысячу солдат для овладения Эфиопией.

Император Сэрсэ Дынгыль (Мэлек Сэгэд, 1563—1597 гг.) предоставил португальским солдатам право селиться в пограничных районах Эфиопии, рассчитывая, по-видимому, использовать их как военную силу для отражения новых возможных атак со стороны мусульман. Он раздавал им земли на правах наследственного феодального держания. Современник событий иезуит Алмейда свидетельствует: "Император... сообщил солдатам, что они могут взять оружие и идти на войну. Он приказал давать землю только им"[10]. Ограничительные регламентации, разрешавшие португальским солдатам жить только в пограничных районах, а также налагавшие на них обязательство воевать против галласов и других мусульман, по-видимому, вызывали в их среде растущее недовольство. Как сообщает Алмейда, "они неоднократно писали Его Величеству (королю Португалии — *Авт.*), чтобы он помог им, послав суда, на которых они могли бы уехать в Индию"[11].

Лиссабон, будучи заинтересован в сохранении и укреплении своих политических, идеологических и военных позиций в Эфи-

---

[8] *Jones A.H.M., Monroe E.* Op. cit. P. 87.

[9] *Barradas E.* Tractatus tres historico-geographici — Rerum Aethiopicarum scriptores occidentales inediti a saeculo XVI ad XIX. Vol. IV. Romae, 1906. P. 21.

[10] *D'Almeida P.E.* Historia Aethiopiae. Rerum Aethiopicarum scriptores occidentales inediti a saeculo XVI ad XIX. Vol. V. Romae, 1907. P. 469.

[11] Ibid. P. 470.

опии, не только не внял просьбам петиционеров, но и принял меры, чтобы воспрепятствовать их отъезду. Из того же источника мы узнаем, что португальское правительство установило для находившихся в Эфиопии португальских подданных ежегодную субсидию в размере тысячи парданов, которая должна была им выплачиваться таможней в Диу[12].

Особенно много для укрепления португальского влияния в стране сделало посольство во главе с Педро Паисом, которое прибыло в Эфиопию в 1603 году и оставалось там до 1622 года.

Педро Паис родился в 1564 году в Кастилии. Благодаря незаурядным способностям он быстро выдвинулся на королевской службе и неоднократно выполнял различные дипломатические поручения двора в странах Ближнего Востока, где он в совершенстве овладел арабским языком. В 1603 году по заданию короля Филиппа он отправился с семью иезуитами в Эфиопию, чтобы склонить императора Зэ Дынгыля к принятию католичества и признанию верховенства римского папы[13].

Педро Паис был не только ловким авантюристом, фанатичным миссионером, но и серьезным для своего времени ученым, оставившим интересное историко-географическое описание Эфиопии. Он был таким же врагом эфиопов, как и его предшественники, но вел себя осмотрительнее и хитрее.

С огромными трудностями Паис, выдавая себя за армянина, приплыл на турецком судне в Массауа. Риск был очень велик: последний иезуит, пытавшийся проникнуть в Эфиопию за восемь лет до этого, был обезглавлен турками в Массауа. Но Паис оказался удачливее. Из Массауа он добрался до поселения португальских колонистов в Эфиопии.

Зэ Дынгыль в борьбе за власть сделал попытку опереться на помощь Португалии и иезуитов. Он пригласил к себе из Фремоны (резиденции иезуитов) Педро Паиса, направил письмо римскому папе Клименту VIII и королю Испании и Португалии Филиппу III, прося прислать солдат и ремесленников. Зэ Дынгыль предложил Филиппу выдать за его сына свою дочь. По словам Педро Паиса, "император Зэ Дынгыль... вместе со всеми грандами решил заявить о своем повиновении римской церкви и добиться того, чтобы вся его империя приняла ее святую веру"[14]. Зэ Дынгыль начал выпус-

---

[12] *D'Almeida P.E.* Historia Aethiopiae. Rerum Aethiopicarum scriptores occidentales inediti a saeculo XVI ad XIX. Vol. V. Romae, 1907. P. 470.

[13] Pais Pero. Op. cit. P. 39.

[14] Ibid.

кать декреты, запрещающие различные обряды и обычаи эфиопов. Вскоре распространился компрометирующий Зэ Дынгыля слух, будто глава его армии и он сам действительно приняли римско-католическую веру. Эфиопский патриарх *(абуна)* Петрос отлучил Зэ Дынгыля от церкви, светские и духовные феодалы подняли восстание против центральной власти. В битве, в которой на стороне Зэ Дынгыля сражались португальцы, императорское войско было разбито, а сам Зэ Дынгыль убит.

Продолжавшееся затем почти четверть века правление императора Эфиопии Сусинйоса* было периодом наибольшего влияния португальцев и католического духовенства в Эфиопии и одновременно наивысшего размаха освободительной борьбы эфиопского народа. Новый император, как и его предшественник, искал помощь у Португалии, но делал все это крайне осторожно. Паис сумел воздействовать и на Сусинйоса. Возможно, здесь играло определенную роль желание Сусинйоса найти поддержку португальцев и католического духовенства в борьбе против других претендентов на императорский трон. Активным сторонником иезуитов стал брат Сусинйоса Сахле Кристос, губернатор провинции Годжам. Он помог устроить в управляемой им провинции резиденцию для миссии Паиса.

Католические миссионеры прилагали немало усилий, чтобы вынудить императора Сусинйоса и его окружение принять католичество. Более того, это выдвигалось в качестве основного условия для получения военной помощи из Португалии, о которой просил Сусинйос. В 1621—1622 годах император Сусинйос, его брат Сахле Кристос и другие неофициально приняли католичество. Абуна отлучил императора от церкви, но Сусинйос вынудил абуну отменить это отлучение.

После смерти Паиса, с 1624 года патриархом был назначен иезуит Аффонсу Мендиш, который начал свою деятельность с запрещения "александрийской религии" (монофизитства). Он заставил Сусинйоса, его сыновей, вельмож, а также всех эфиопских священников официально признать католическую веру и торжественно поклясться наЕвангелии в повиновении римскому папе. Эфиопское духовенство было вторично рукоположено в

*Его другие имена: Мэлек Сэгэд III, Силтэн Сэгэд I.

духовный сан. Все праздники стали проводиться в соответствии с римским календарем, запрещались многие народные обычаи.

В ответ начались массовые волнения. Причиной восстаний, потрясших Эфиопию в 30-е годы XVII века, было возмущение народных масс не столько религиозными реформами, сколько тиранической и хищнической политикой португальских колонизаторов. Иезуит Алмейда писал: "Это правда, что абиссинцы вообще обнаруживали очень мало расположения к португальцам. Правда, с самого начала наши давали к этому некоторый повод насилиями, которые многие имели обыкновение учинять, мало обращая внимание на абиссинцев, причем некоторые доходили даже до того, что забирали у них жен"[15].

Один католический монах совершал богослужение в церкви, под алтарем которой был ранее похоронен настоятель монастыря Дэбрэ Либанос. Когда Мендиш узнал об этом, он заявил, что тело еретика оскверняет церковь, и отменил богослужение в ней до тех пор, пока оно не будет удалено. "Труп был поспешно выкопан и выброшен из церкви самым непристойным образом. Все, кто слышали об этом, возненавидели патриарха и его священников"[16].

Чувство оскорбленной гордости эфиопов в конкретных условиях того времени проявилось в форме защиты традиционной религии, подавляемой и преследуемой колонизаторами. По существу, это было освободительное движение, принявшее форму религиозной войны, которую возглавили эфиопская церковь и патриотически настроенные феодалы.

Стихийные восстания охватили несколько провинций. Затем к движению примкнула и высшая знать. Эммануэл Баррадаш, посетивший Эфиопию в 30-е годы XVII века, писал об опасениях многих "грандов", считавших, что, если эфиопское "королевство станет католическим, португальцы будут притязать на него, овладеют им"[17].

Императорские войска несколько раз расправлялись со своими противниками. Попавший после поражения в плен зять императора Тэкле Гиоргис и его сестра Адеро были повешены. Крупный сановник Ласка Мариам сброшен в пропасть. Импера-

---

[15] *D'Almeida P.E.* Op. cit. P. 468.
[16] *Budge W.* History of Ethiopia, Nubia and Abyssinia. Vol. II. London, 1928. P. 394.
[17] *Barradas E.* Op. cit. Vol. IV. P. 46.

тор приказал вырезать язык даже своему брату Канафра Кристосу, отказавшемуся принять римскую веру.

Самым серьезным из всех было восстание Мэлек Кристоса, другого брата императора. Собрав войско в 25 тысяч человек, он нанес несколько поражений войскам центрального правительства. Император с наличными силами двинулся в провинцию Ласта, где укрепились повстанцы. Однако в его войсках началось брожение. На вопрос Сусинйоса о причинах волнений его сын Фасиледэс ответил, что солдаты готовы сражаться только при условии, что император восстановит их прежнюю религию. Если он этого не сделает, они не пойдут в Ласту. Сусинйос вынужден был обещать армии, что он восстановит монофизитство. Мэлек Кристос был разбит, 8 тысяч его солдат убиты, а сам он спасся бегством.

Чтобы сохранить свой трон, Сусинйос издал в июне 1632 года следующий указ: "Слушайте, слушайте! Раньше мы вам дали эту веру, которую вы считали за благо. Но неисчислимо много людей погибло, в том числе Элос, Кабраэл, Тэкле Гиоргис, Серка Кристос, а теперь и эти крестьяне. Посему мы даруем вам теперь веру ваших отцов, веру королей Якоба, Мэлек Сэгэда и др. Пусть войдут в свои церкви прежние клирики, пусть возьмут свои таботы* и служат молитву, а вы возрадуйтесь!"[18]. Обращаясь к иезуиту Алмейде, Сусинйос сказал: "Пес, живущий у моря, я не хочу твоей веры". Длинная, льстивая ответная речь иезуита завершилась угрозой: за расколом начнется война, увечья, убийства и все остальное, "и в конце концов — два королевства и два короля"[19]. Таким образом, португальцы пытались оказать прямой нажим на правителя Эфиопии, шантажируя его угрозой гражданской войны, в которой они собирались принять участие против отступника-императора.

Эфиопская феодальная знать раскололась на два лагеря. Большая ее часть во главе с сыном императора Фасиледэсом одобряла разрыв Сусинйоса с португальцами; другая, связанная с португальцами политическими и религиозными узами, сохранила верность Лиссабону и Риму. Во главе католической группиров-

---

* Таботы — священные реликвии в эфиопской церкви, которые не должен видеть никто, кроме высших священнослужителей.

[18] *D'Almeida P.E.* Op. cit. Vol. VII. P. 176.

[19] Ibid.

ки стоял Сахле Кристос. В письме императору он объявил о своем решении сохранять римскую веру до самой смерти: "Короли христианские помогают своим братьям — королю Испании и Португалии, или королям Италии и Франции, или Достопочтенному отцу, который замещает Христа в соборе Св. Петра в Риме, который просит всемогущего Бога за Ваше Величество. То, что Ваше Величество лишается такой великой помощи и выгоды,— вот что больше всего заставляет меня страдать..."[20]. Католическая группировка оказалась слабой: за десятилетия своего пребывания в Эфиопии португальцы не создали (да и не собирались создавать) каких-либо местных сил, экономически связанных с метрополией. Скоропостижная смерть императора лишь отсрочила ее поражение. Однако иезуиты вступили в тайный сговор с Сахле Кристосом, пользовавшимся услугами португальских солдат. К королю Испании и Португалии был направлен гонец с просьбой прислать в Эфиопию войска из Гоа. Сын и преемник Сусинйоса Фасиледэс, узнав о связях Сахле Кристоса с иезуитами, приказал его повесить, а также сжечь все священные книги "франков", то есть иезуитов, а самих их выслать за пределы страны[21]. Первоначально император приказал иезуитам сдать оружие, а затем отправиться в Массауа, которым тогда владели турки. В условиях всенародного протеста иезуиты были вынуждены подчиниться и покинуть Эфиопию.

О настроениях народа свидетельствует иезуит Алмейда. Весть о смерти Сусинйоса "вызвала такое радостное возбуждение у населения и солдат, что каждый день ожидали приказа убивать священников. Много раз появлялись ложные слухи, что приказ уже пришел. Распускали молву, что в такой-то или такой-то день прикажут убивать". Как сообщил Алмейда, на холмах вокруг крепости, где укрывались португальцы, появились "банды крестьян с палками и мешками, чтобы участвовать в грабеже, которому, как они надеялись, будут преданы город и монастырь"*. Далее Алмейда пишет: "Начали они драться с португальцами. Больше всего было ударов камнями. Атаковали со многих сторон. Наши защищались с такой яростью, что нападающие были изумлены"[22]. Следует обратить

---

[20] *D'Almeida P.E.* Op. cit. Vol. VII. P. 198.

[21] Ibid. P. 207—208.

* Алмейда употребляет термин "villões" — "крестьяне, мужики".

[22] *D'Almeida P.E.* Op. cit. Vol. VII. P. 207.

внимание на упоминание источника об "ударах камнями". Оно не оставляет никакого сомнения в том, что против португальцев поднялись на восстание невооруженные крестьяне.

Об участии крестьян в антипортугальском движении сообщают и другие источники. Вскоре после разгрома войск Мэлека Кристоса Сусинйос писал: "Вчера я сражался с крестьянами". В письме к Сахле Кристосу Сусинйос подчеркивал: "Все люди, знатные и низкие, крестьяне и солдаты сражаются против нас"[23]. О массовом характере восстания также пишет и Педро Паис: "Но все, чего хотел император, не могло осуществиться, ибо многие монахи и священники очень упрямы, а неграмотный народ постоянно устраивает мятежи"[24].

Крестьянские массы, составлявшие основную силу восстания, были настроены гораздо более радикально, чем присоединившиеся ради сохранения своих сословных привилегий и находившиеся в оппозиции к португальцам эфиопские феодалы и придворная знать во главе с императором. Солдаты и крестьяне повсюду требовали изгнания иезуитов из страны и полного восстановления традиционной церкви. Алмейда сообщает: "Крестьяне из Ласты и весь народ говорили, что император имеет еще в сердце римскую веру"[25]. Император вынужден был начать кампанию беспощадного преследования католиков. Всех католических монахов, будь то иезуиты или капуцины, ловили, обезглавливали или вешали. Тех, кто, ища спасения, бежал в порты, схватили турки и держали их в неволе до уплаты выкупа.

Фасиледэс, опасаясь вторжения в свою страну португальского войска, послал эмиссаров в порты Массауа, Суакин и даже в Мекку, чтобы они докладывали ему о прибытии каждого судна большого размера[26]. Но его опасения не оправдались. Метрополия ничем не смогла помочь своим потерпевшим поражение солдатам и миссионерам. На специально созванном в связи с этим заседании Совета по делам Индии обсуждался вопрос о посылке войск в Эфиопию для восстановления утраченных позиций и наказания императора Фасиледэса. Однако от этого плана при-

---

[23] *D'Almeida P.E.* Op. cit. Vol. VII. P. 171—173.
[24] *Pais Pero.* Op. cit. Livr. III. P. 247.
[25] *D'Almeida P.E.* Op. cit. Vol. VII.P. 212.
[26] *Budge W.* Op. cit. P. 403.

шлось отказаться, так как Португалия была поглощена войной с турками и с могущественными индийскими и малаккскими султанами. Она не располагала людскими и экономическими ресурсами для организации новой экспедиции. Сохранился документ, в котором подробно описывается упомянутое заседание: "Казначей, государственный канцлер Антониу де Мора де Бриту, Лоуренсу де Меллу и Домингуш да Камара де Норонья заявили на нем, что поскольку это дело касается нашей святой католической веры, то следует приложить все усилия. Но в настоящее время не хватает людей. Не следует начинать новых завоеваний, особенно таких, какие встретят такого великого и могущественного врага, как турок... Прежде всего нужно помочь Малакке, Китаю и проливам... Когда будет заключен мир с англичанами, тогда можно будет подумать и об этом предприятии"[27]. Документ свидетельствует, кстати, насколько плохо было информировано правительство Португалии о положении в Эфиопии. Колонизаторов изгнали сами эфиопы, а власти считали главной опасностью турок. Между тем кульминационный момент турецких завоеваний был уже позади. А с ослаблением натиска турок-османов в эфиопском обществе исчезла почва для иллюзий о том, что от Португалии можно ждать помощи в борьбе с мусульманами, т. е. исчезла единственная объективная основа пребывания португальцев в этой стране.

Народное восстание положило конец периоду португальского политического и идеологического засилья в Эфиопии. Эфиопский народ изгнал иноземных колонизаторов и добился полной политической независимости. Эфиопия стала искать спасения и в политике изоляции от европейцев.

---

[27]Assentos do Conselho do Estado. — Documentos coordenados e anotados por P. Pissurlencar. Vol. II, Goa, 1954. Doc. XIII. P. 47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение проблем, связанных с взаимодействием Португалии с мусульманским миром в XV—XVI веках, приводит к следующим выводам.

Проложив морской путь из Лиссабона в Индию, Васко да Гама открыл новую эпоху всемирной истории — эпоху тесных контактов и постоянного взаимодействия между европейцами и народами Азии. В то же время это событие поставило важнейшие торговые пути, связавшие Европу и Азию, под контроль Португалии.

До прибытия португальцев в Индийский океан он никогда не был театром серьезных вооруженных конфликтов. Там было пиратство, но это были, можно сказать, опереточные бои и детские забавы по сравнению с теми кровопролитными битвами, которые последовали за первыми португальскими экспедициями в Индийский океан.

Во время знаменитого путешествия Васко да Гамы в Индию арабский лоцман Ахмад ибн-Маджид, показавший ему путь от Малинди к Каликуту, предупредил португальского навигатора, что война с мусульманами неизбежна. «Вы поймете, что, хотите вы того или нет, но вам придется завоевывать».

Уже в Мозамбике и Момбасе Васко да Гама натолкнулся на неприкрытую враждебность мусульман. Когда Васко да Гама прибыл в Индию, то первые слова, которые услышал там его переводчик Жуан Мартиниш, были: «Какой дьявол принес тебя сюда?»[1].

Комментируя этот диалог, французский исследователь Пьер Шону писал, что это «исполненная значения встреча. Она свидетельствует о столкновении, начиная с конкуренции, которой она положила начало, двух систем коммуникации», традиционной средиземноморской, в которой мусульмане служили посредни-

[1] *Хазанов А.М.* Тайна Васко да Гамы. М., 2000. С. 79.

ками, и новой, представленной португальцами, приплывшими по морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды»[2].

С давних времен монополия на торговлю индийскими специями принадлежала арабам, которые перепродавали их венецианцам и генуэзцам, везшим их в Европу. Арабские купцы отлично понимали, что появление португальцев в Индии таило в себе угрозу потери этой монополии. Арабы не хотели делить выгоды от прибыльной индийской торговли с новыми соперниками. Поэтому сразу же после появления португальцев в Каликуте арабские купцы начали плести интриги с целью не допустить установления тесных торговых отношений между Португалией и индийскими правителями.

Политика просвещенных правителей Каликута (саморинов) привлекла в этот важнейший порт тогдашней Индии купцов из всех стран Индийского океана. Самыми многочисленными были мусульманские купцы, которые имели там большую колонию из 15000 человек[3].

Естественно они отнеслись к португальцам крайне враждебно. Если бы это зависело от них, то ни Васко да Гама, ни кто-либо из его спутников никогда не увидели бы снова Португалию. Но поскольку саморин был против насилия, португальцы смогли вернуться на родину живыми и здоровыми. Однако у экспедиции П.А.Кабрала, которая последовала сразу же за экспедицией Васко да Гамы (1500 г.) возникли осложнения. Хотя португальцы были хорошо приняты саморином после высадки в Каликуте, они тотчас же были атакованы мусульманскими купцами. Последовала жестокая битва. Кабрал, имевший в своем распоряжении значительные военные силы — 13 кораблей и 1200 человек, потопил все арабские суда, стоявшие в порту, и бомбардировал Каликут в течение двух дней. Началась война между португальцами и мусульманами, продолжавшаяся более столетия.

Португальцам понадобилось около двух веков, чтобы открыть морской путь в Индию. Но им понадобилось меньше 15 лет, чтобы захватить все ключевые позиции в Индийском океане. Они сделали это, несмотря на активное сопротивление мусульман.

---

[2] *Fonseca L.A.* Vasco da Gama. O homem, a Viagem, a epoca. Lisboa, 1997. P. 172.

[3] *Toussaint A.* History of the Indian ocean. L., 1966. P. 101.

Португальцы отдавали себе отчет в том, что эта задача могла быть решена лишь в сжатые сроки, прежде чем турки овладеют Египтом, что и произошло в 1517 году.

Готовясь захватить плацдарм в Индии, португальцы использовали в своих целях порты Кочин и Кананор на малабарском побережье, правители которых, находившиеся тогда в состоянии войны с саморином Каликута, решили опереться на поддержку Португалии.

В 1505 году португальские войска в Индийском океане были поставлены под командование первого вице-короля Индии Франсишку де Алмейда.

В это время Софала (на территории современного Мозамбика), захваченная в 1503 году, была уже в португальских руках. Затем наступила очередь Килвы и Сокотры, а последняя контролировала стратегически важный вход в Красное море.

Охваченные паникой арабы и саморин Каликута обратились за помощью к мамлюкскому султану Египта. Венецианцы, обеспокоенные угрозой своим торговым интересам, потребовали от султана вмешательства с целью положить конец активности португальцев в Индийском океане.

В 1507 году египетский флот, состоявший из 12 каравелл, построенных в Суэце венецианскими судостроителями и поставленных под командование опытного военачальника Мир Хусейна, вошел в Аравийское море и проследовал к Диу (западное побережье Индии). К этой армаде присоединился маленький флот саморина. В первом морском сражении португальцы были разбиты. В бою погиб сын вице-короля. Франсишку де Алмейда, горя желанием отомстить за смерть сына, атаковал Мир Хусейна и на этот раз разгромил и рассеял силы противника.

Наибольших успехов в своей колониальной экспансии на Востоке Португалия добилась, когда вице-королем Индии был Аффонсу де Албукерки (1509—1515 гг.). В отличие от Франсишку де Алмейды Аффонсу де Албукерки считал, что одного сильного флота недостаточно, чтобы контролировать бассейн Индийского океана. Чтобы Португалия могла стать «владычицей Востока», он предлагал создать цепь опорных баз и крепостей на побережье Атлантики и Индийского океана.

Став вице-королем Индии, Албукерки сначала попытался взять Каликут, но потерпел неудачу. Тогда он атаковал Гоа и после жес-

токой битвы сумел его захватить. Гоа он сделал резиденцией вице-короля и столицей «Государства Индии». После этого он смог обратиться к восточному региону Индийского океана.

На Цейлоне и в Пегу Албукерки подписал договоры с туземными правителями. Но его главной целью являлась Малакка, которая была серьезным препятствием на пути португальцев к островам пряностей (Молуккским островам). В 1511 году Албукерки предпринял штурм Малакки и овладел ею. Затем послав флот исследовать Молукки, Албукерки двинулся на запад к Адену, откуда он рассчитывал начать завоевание Египта. Албукерки имел грандиозные планы, включавшие постоянную оккупацию этой страны. Однако Албукерки потерпел неудачу в своих попытках разгромить мусульманские государства в Красном море. Аден, являвшийся ключом к этому морю, отразил его атаку, и эта неудача помешала Албукерки осуществить свой план захвата Мекки, Суэца, Берберы или Зейлы.

Главной причиной неудачи Албукерки была недостаточность сил, которая явилась прежде всего результатом чрезмерного распыления португальской военной мощи на огромном географическом пространстве.

Стратегия Албукерки может быть сформулирована в трех пунктах:

1. Организация реальной колонии в Гоа, где для того, чтобы обеспечить поселение португальцев на постоянное жительство, он, не колеблясь, поощрял браки с туземными женщинами;

2. Строительство фортов или крепостей во всех стратегически важных пунктах Индийского океана (так называемая «точечная колонизация»);

3. Подписание с правителями различных территорий торговых договоров.

Эта стратегия, имевшая целью не завоевание территорий, а лишь контроль над торговыми путями, была позже почти без изменений заимствована всеми другими западными колониальными державами, которые пришли в Индийский океан после Португалии.

Укрепленный торговый пост, включавший форт и факторию, в том виде как он был задуман Албукерки, оставался классическим типом европейского поселения в Азии вплоть до XIX века. Для народов Востока этот тип поселения был инновацией. Ко-

нечно, и до португальцев в крупных портах ряда азиатских стран существовали колонии иностранных купцов, но они не были изолированы от местного населения и не образовывали отдельные миры, «государства в государстве»[4]. А португальский укрепленный пост был настоящей огражденной толстыми стенами крепостью, отделенной от той территории, которая ее окружала. Более того, эта крепость представляла собой постоянную угрозу этой территории.

Религиозная нетерпимость португальцев была абсолютно новым явлением для мира Индийского океана. До прибытия португальцев там прекрасно уживались и мирно сосуществовали самые разные религии. Только мусульмане иногда оказывались фанатичными и проявляли религиозную нетерпимость. Поведение португальцев, их неприятие других религий и жестокости, которыми сопровождалась португальская колонизация стран Востока, объективно укрепляли позиции ислама в таких регионах, как, например, Малайский архипелаг.

В то же время следует отметить, что португальцы никогда не были расистами. Они рассматривали все человеческие расы как равные перед Богом. Ко всем людям, принявшим христианство, они относились одинаково. Так, когда высший индуистский жрец Ормуза принял христианство и крестился под именем Паулу де Санта Фе, он был принят в Лиссабоне с такими почестями, как если бы это был знатный испанец или итальянец.

К середине XVI века Португалия создала огромную империю, представлявшую собой систему военно-морских баз, опоясывавших дугой Индийский океан. Однако португальцы не смогли окончательно изгнать мусульман из Индийского океана и полностью уничтожить военно-морские силы индийцев на Малабарском побережье.

Неудача попытки Албукерки взять Аден позволила туркам возобновить в 1538 году наступление и обосноваться в Адене. Таким образом, вход в Красное море оказался в руках турок. Затем турецкий флот под командованием Сулеймана — паши Евнуха пересек Индийский океан и атаковал Диу. Однако известие о том, что португальцы отправили из Гоа большой флот для помощи осажденному гарнизону Диу заставило турок отступить.

---

[4] *Toussaint A.* Op.cit. P. 106.

В 1549 году крепость Диу снова оказалась под угрозой. В 1551 и 1553 годах два турецких флота (первый под командованием Пири-бея, а второй — Сиди Али) вторглись в Индийский океан.

Оба они потерпели поражение от португальцев.

Известие о решающей победе португальского флота под командованием Фернанда де Менезиша над турецкой эскадрой Сиди Али у островов Сохар у побережья Аравии 25 августа 1554 года вызвало взрыв энтузиазма и принесло чувство облегчения во всех португальских крепостях на берегах Атлантики и Индийского океана.

Постоянные войны против турок и индийцев не помешали португальцам прочно удерживать крепости на западном побережье Индии — в Гоа, Диу, Дамане, Салсетте, Бассейне, Чауле и в Бомбее, а также на острове Цейлон, который подчинялся вице-королю в Гоа. Наряду с Гоа и Малаккой Коломбо на Цейлоне был одним из ключевых стратегических пунктов португальской колониальной империи.

Однако с наиболее сильным сопротивлением португальские колонизаторы столкнулись в Марокко. В 1578 году юный португальский король Себастьян высадился с большим войском в Танжере, где к нему присоединился свергнутый местный король аль-Муттаваккиль.

4 августа 1578 года армия Себастьяна встретилась на поле боя на берегу реки Луккос с армией марокканского короля Абд аль-Малика. В этой «битве трех королей» Португалия потеряла все — своего короля, цвет дворянства, армию, государственную и политическую независимость.

После смерти дона Себастьяна прекратилась Ависская династия. Этим воспользовалась Испания, и Португалия вместе со всей своей колониальной империей на долгие 60 лет попала под власть испанских королей (1580—1640 гг.).

«Спору нет, политика Себастьяна ускорила падение Португалии, усугубила его династическим кризисом, — пишут историки О.И.Варьяш и А.П.Черных, — но винить во всем недолгое правление юного короля было бы несправедливо.

Огромная колониальная империя стала высасывать живые силы маленькой метрополии, роскошь привозимых колониальных диковин заслоняла от глаз обнищание страны. А Себастьян был, надо полагать, во многом точным воплощением своей эпо-

хи. С этим государем, замыкающим великолепную галерею деятелей ависской Португалии, не только пришел в упадок один из самых замечательных королевских дворов Европы XIV—XVI веков, но и оказалась заросшей и затерянной одна из возможных дорог португальской истории»[5].

Одной из последних опор португальского владычества в Индийском океане оставался порт Ормуз у входа в Персидский залив. Хорошо укрепленный форт Ормуза находился на самом высоком холме острова и был увенчан часовней Божьей Матери. В начале XVII века с появлением в этом районе англичан торговля Ормуза стала приходить в упадок. Этому содействовало также активное продвижение турок и бурное развитие караванной торговли между Персией и Индией.

Португалия ослабла под натиском своих европейских соперников и она была больше не в состоянии удержать Ормуз. Ее трудности особенно возросли, когда в 1619 году персидский шах заключил союз с Англией. В 1622 году персы начали штурм Ормуза при поддержке англичан. 15 мая 1622 года гарнизон Ормуза сдался. С потерей Ормуза была потеряна одна из главных опор португальского господства в Индийском океане.

Административная организация португальских колоний была достаточно сложной. В 1505 году португальское правительство создало особую административную единицу для своих владений на Востоке — «Государство Индии». В нее были включены колонии Португалии в Индии, на Ближнем и Среднем Востоке и в Восточной Африке. Это была огромная Восточная империя Португалии, растянувшаяся от мыса Доброй Надежды и до Индонезии.

Высшей административной властью «Государства Индии» был вице-король, резиденция которого находилась в Гоа.

Что касается экономической организации португальской колониальной империи, то, как хорошо показали в своих работах Ван Лер и Ф. Бродель, португальцы мало изменили структуру восточной торговли, которая продолжала сохранять свою традиционную форму, хотя и испытывала серьезные трудности из-за постоянных битв между христианами и мусульманами.

Объем торговли значительно не увеличивался на протяжении всего XVI века. Фактически торговля оставалась той же, что

[5] *Варьяш О.И., Черных А.П.* Португалия: дороги истории. М., 1990. С.106—107.

и в предыдущие столетия. Это была торговля специями и предметами роскоши и украшениями, строго контролируемая государством. Ее фундаментальные характеристики, происхождение которых уходит корнями к Византии и халифату, были привнесены в саму Португалию еврейскими и итальянскими купцами. Введя новые экономические элементы в торговлю Индийского океана, португальцы лишь усилили ее прежний характер. Они это сделали в такой степени, что португальский период, хотя и был первой фазой европейской экспансии на Востоке, все же больше связан с восточной историей Индийского океана, чем с последующими фазами европейской колонизации.

Торговая буржуазия, которая уже начала формироваться в других европейских странах, в Португалии еще не существовала. Господствующим классом были фидалгуш (дворяне). В отличии от Голландии и Англии Португалия осуществляла феодальную колониальную политику, которая не содействовала развитию производительных сил метрополии.

Как справедливо пишут О.И.Варьяш и А.П.Черных, «огромные богатства колоний, открывавшиеся Португалии, не могли найти себе достойного вложения и применения, как это случилось впоследствии в Англии, и не способствовали дальнейшему развитию страны. Богатства утекали сквозь пальцы португальских королей и дворян... Привозимые из колоний ценности и диковины продавались в другие страны, попадая в руки услужливых перекупщиков, которых было полным — полно в Лиссабоне, с давних времен являвшемся центром международной торговли. Золото шло на приобретение товаров повседневного спроса или предметов роскоши, в производстве которых Португалия отставала. Страна, через которую струился золотой поток, оставалась бедной. Не зря современники называли ее «оборванцем в золотой короне»[6]. Поэтому впоследствии Португалия вынуждена была уступить свои позиции на Востоке более передовым капиталистическим странам.

---

[6] *Варьяш О.И., Черных А.П.* Цит. соч. С. 92—93.

Приложение

Источники по истории португальской колониальной экспансии в XVI веке

Изучение истории португальской колониальной экспансии связано со значительными трудностями ввиду скудности данных, которые могут быть почерпнуты из заслуживающих доверия источников. Письменных источников, сохранившихся до наших дней, сравнительно немного. Кроме того, следует иметь в виду, что почти все эти источники европейского происхождения, то есть португальские, голландские, итальянские и т.д. Для них характерна тенденциозность, вследствие чего они нуждаются в очень осторожном и критическом подходе. Ими можно пользоваться только тщательно проверяя все данные и сопоставляя их со сведениями, содержащимися в других источниках.

Все имеющиеся источники по интересующей нас проблематике можно условно разделить на три группы:

1. Сборники архивных документов;
2. Хроники;
3. "Сообщения".

Рассмотрим эти основные группы источников.

Сохранившиеся документальные источники по истории португальской колониальной экспансии крайне скудны и фрагментарны.

Многие документы, относившиеся к ранней стадии колонизации и хранившиеся в ангольских архивах, погибли во время португальско-голландской войны в 40-х годах XVII века. Когда в 1641 году голландский флот появился в бухте Луанды, губернатор Анголы приказал эвакуировать крепость, и гарнизон отступил в Массангано на реке Кванзе. Архивные документы были погружены в несколько лодок и отправлены вверх по реке Бенго. Но лодки были перехвачены голландцами. Как сообщает хронист О. Кадорнега, "с помощью нескольких черных рекрутов гол-

ландцы убили тех, кто был в лодках, украли самые ценные вещи и выбросили в реку документы архива Луанды, а также книги и бумаги Сената и Муниципалитета, так что много информации об этом королевстве было потеряно". Большая часть документов португальских архивов, относящихся к XV—XVIII векам, погибла во время землетрясения в Лиссабоне в 1755 году.

Автору настоящей монографии удалось поработать в португальских архивах, старейшим и важнейшим из которых является Национальный архив Торре ду Томбу, ведущий свое происхождение от королевских архивов. В одном из отделов этого архива, так называемом "Корпо хронологико", хранится коллекция документов по колониальной истории, насчитывающая 82902 единицы хранения, охватывающие период с 1169 по 1699 годы (бóльшая часть документов относится к XVI веку).

Часть из этих документов была опубликована в сборниках, выходивших в разное время в XIX—XX веках. Много ценных документов по истории португальских колоний хранится в Историческом архиве заморских территорий ("Аркиво историко ултрамарино" в Лиссабоне), который до недавнего времени был практически недоступен для исследователей. В Историческом архиве Анголы хранятся более 200 ящиков документов, еще никем не изученных. В Ангольском музее в Луанде и в музее в Дундо начиная с конца 30-х годов XX века ведется сбор документов, касающихся истории страны. Много ценных материалов об этом может быть найдено (и в будущем безусловно будет найдено) в архивах Луанды, Бенгелы, Мапуту.

Автору настоящей монографии посчастливилось поработать в Историческом архиве Мозамбика в Мапуту. Весьма ценным подспорьем для исследователя служит опубликованный Коэлью сборник документов по истории колониальной политики Португалии (за 1416—1554 гг.) под названием "Некоторые документы Национального архива Торре ду Томбу о португальских мореплаваниях и завоеваниях".

Большую ценность представляет изданная Фелнером коллекция документов, касающихся первых португальских поселений в бассейне реки Конго.

Весьма высокой оценки заслуживает монументальный труд А. Бразиу "Памятники африканского миссионерства" ("Монумента миссионериа африкана"). Это наиболее полная сводка до-

кументов, почерпнутых из португальских, испанских и римских архивов по истории португальского проникновения в Западную Африку. В настоящее время вышло девять томов первой серии и три тома второй серии этого издания, но в наших библиотеках можно найти лишь шесть томов первой серии. В них содержится богатейший материал по истории Конго, Анголы и других африканских государств и их взаимоотношений с португальцами.

Опубликованные источники по истории завоевания португальцами Восточной Африки весьма скудны. Изучение этого вопроса связано с большими трудностями вследствие того, что большая часть источников документального характера до сих пор не опубликована.

Из опубликованных источников самыми ранними по времени написания являются письма участников первых португальских экспедиций. Так, например, вице-король Индии Франсишку де Алмейда в письме королю Мануэлу от 16 декабря 1505 года сообщал о том, что он захватил несколько пунктов на восточном берегу Африки, построил крепость в Килве и отправился в Момбасу, где он "бросил якорь в гавани, в которой побывал Васко да Гама" и т.д.

Неоспоримую научную ценность представляет девятитомная коллекция документов, изданная неутомимым южноафриканским исследователем Джорджем Макколом Тилом. В результате многолетних научных поисков в архивах и библиотеках различных европейских стран Дж.М. Тил сделал доступными для исследователей огромное количество документов, хроник, писем и других исторических материалов (многие из которых были опубликованы им впервые), касающихся истории португальской колонизации Восточной Африки. Помимо ранее не публиковавшихся документов, Тил включил в свою коллекцию и многие опубликованные прежде исторические источники, полезные для исследователей истории португальской заморской экспансии, в том числе такие известные сочинения как хроники Жуана де Барруша, Жуана дос Сантуша, Диогу де Коуту и другие.

Изучение истории португальских попыток завоевания Марокко (XVI в.) очень облегчается благодаря наличию в наших книгохранилищах обширной коллекции документов, изданной А. де Кастри. Это 20-томное издание под названием "Неизданные источники по истории Марокко" явилось результатом мно-

голетних поисков, предпринятых полковником А. де Кастри в европейских библиотеках и архивах. Благодаря этому изданию в распоряжении историка находятся самые разнообразные документы и другие источники, секретные договоры, переписка послов и купцов, мемуары, описания путешественников и т.д. Многие документы относятся к так называемому "португальскому периоду" в истории Марокко. Авторами ряда из них являются португальские короли, министры, губернаторы, послы, купцы и т.д. Эти документы содержат богатую и разнообразную информацию, которая дает возможность реконструировать основные этапы португальского проникновения в Марокко, понять главные движущие пружины экспансии и причины ее конечного провала. Издание снабжено обстоятельными вводными статьями и ценными примечаниями, написанными А. де Кастри.

Кроме архивных документов, бóльшая часть которых не опубликована и потому остается практически недоступной для большинства исследователей, существует другая группа источников — опубликованные свидетельства ранних португальских хронистов, писателей, путешественников, купцов, миссионеров, участников военных экспедиций.

Важнейшим источником для изучения португальской колониальной экспансии в Азии являются "Письма Аффонсу де Албукерки". Впервые они были изданы в 7 томах в Лиссабоне в 1884—1935 годах. Эти письма великий португальский конкистадор писал королю Мануэлу I. В них он подробно описывал военные действия, планы военных операций, вносил рекомендации и предложения относительно будущих завоеваний. Из писем Албукерки можно составить представление о тех жестоких методах, которые он использовал. Так, например, в одном из писем он сообщает, что приказал отравить правителя индийского государства Каликут. В письме от 22 декабря 1510 года Албукерки говорил о своих "подвигах", и, в частности, сообщал: "Я сжег этот город (Гоа) и предал всех мечу, в течение нескольких дней Ваши люди выпускали из них кровь, где бы ни находили, ни одному мусульманину не сохранили жизнь, а их мечети были заполнены ими и преданы огню. Я приказал не убивать только земледельцев и брахманов".

"Письма Албукерки" служат для исследователей бесценным источником и содержат много информации об эпохе португальских колониальных захватов в Азии.

Важным источником являются также "Комментарии великого Аффонсу де Албукерки", написанные сыном великого завоевателя Бразом де Албукерки и впервые опубликованные в 1557 году. Они были переизданы в Лиссабоне в 1973 году в двух томах. Эти комментарии составлены Бразом де Албукерки на основе писем отца и по существу представляют собой их краткий пересказ.

Большой интерес для изучения истории колонизации португальцами Африки представляют четыре хроники Гомиша Зурары. Это наиболее полный, а иногда и единственный источник информации о португальской экспансии в первой половине XV века. Для нашей темы наиболее важна "Хроника взятия Сеуты".

Зурара был назначен хронистом королем Афонсу V в 1454 году и оставался в этой должности до своей смерти (1474 г.).

В 1505—1508 годах португальский путешественник Дуарти Пашеку Перейра написал труд, названный им "Изумрудная книга о строении земли". До этого он совершил много плаваний к западным берегам Африки. В 1488 году он едва не погиб в результате кораблекрушения, но был подобран возвращавшимся в Португалию Бартоломеу Диашем.

В его книге приводится множество сведений о мореходном искусстве португальских навигаторов, о первых путешествиях и открытиях в Африке (до 1460 г.), о географии и этнографии открытых португальцами участков побережья. По мере того как португальцы продвигались все дальше к югу, появлялись все новые свидетельства о жителях Африки, с которыми им приходилось вступать в контакт. В 1509 году один из спутников Васко да Гамы Людовик де Бартема издал книгу, содержавшую первые сведения о готтентотах, немного позже Франсишку Алвариш опубликовал отчет о португальском посольстве в Эфиопию в 1520—1527 годах.

Что касается португальского завоевания Восточной Африки и взаимоотношений португальцев со знаменитой империей Мономотапа, то для изучения этих вопросов большую ценность представляют хроники Ж. Барруша, Ж. Сантуша и др.

Самыми ранними из изданных источников по этим проблемам являются два текста, опубликованные еще в середине XVI века, которые послужили основой для многочисленных сочинений на ту же тему в XVII и XVIII веках, благодаря которым названное государство Мономотапа стало знакомым всем культурным европейцам.

Одним из них является труд Дуарти Барбоза*, который служил в Индии в штате чиновников при вице-короле. Он был участником ряда экспедиций и в 1518 году написал книгу, в которой дал подробное описание известных португальцам районов бассейна Индийского океана. Книга состоит из 127 параграфов, из которых 25 посвящены Африке. Сам Дуарти Барбоза не бывал в юго-восточной Африке, но он собрал огромное число географических, исторических, этнографических и других сведений об этом регионе, а также о деятельности там первых португальских колонизаторов. В своей главе о Мономотапе, которую он впрочем называет "Бенамотапа" или "Бенаматакса", Барбоза вероятно использовал отчет знаменитого португальского путешественника Антониу Фернандиша о его экспедициях в юго-восточной Африке в 1514—1515 годах. По-видимому, Фернандиш побывал в столице могущественного правителя Мономотапы, находившейся в 15 км к северу от современного города Сиполило. Дуарти Барбоза писал об этом короле, что он — "величайший государь, имеющий под своим господством много других королей..."

Труд Дуарти Барбозы, служившего агентом португальской фактории в Кананоре (Индия) и записавшего многочисленные сведения современников о юго-восточной Африке, оказал значительное влияние на многих португальских авторов, писавших позже об этом регионе.

Фернан Лопиш де Каштаньеда родился в Сантарене предположительно в 1500 году. Сын судьи, Каштаньеда отплыл в Индию в 1528 году вместе с отцом, назначенным судьей в город Гоа. В январе 1531 года он принимал участие в военной экспедиции, которую описал как очевидец. Эта экспедиция, организованная губернатором Нуну да Кунья для взятия Диу, не достигла цели. 3 февраля португальцы атаковали остров Бетел, на котором правитель Камбейи возвел крепость. После битвы этот остров получил название Остров мертвых, так как его жители предпочли погибнуть, но не сдались. В Прологе к третьей книге своего сочинения, в котором он формулирует свою концепцию истории, Каштаньеда пишет, что героизм бесполезен, если он остается неизвестным и если его не прославляют историки и поэты по

---

* Впервые книга была издана на итальянском языке в 1563г., затем была переведена на многие европейские языки. Издание на португальском языке появилось в 1867 г.

примеру Тита Ливия и Гомера. Критикуя историков, небрежно излагающих факты, Каштаньеда подчеркивал свою приверженность исторической правде, заявляя, что его работа потребовала двадцать лет, чтобы написать "все, как было, прежде всего правдиво". Действительно, 10 лет, в течение которых Каштаньеда был на Востоке, он всеми доступными ему способами собирал документальный материал и свидетельства очевидцев о португальском присутствии на Востоке. Неизвестно, какие должности занимал Каштаньеда в Индии, но мы знаем, что он путешествовал по различным районам страны, что он знал многих людей и собирал свидетельства и что его целью было написать историю португальцев в Индии, начиная с первого путешествия Васко да Гамы. Его "История" поэтому охватывает период от первого путешествия Васко да Гамы и до окончания правления губернатора Гарсия де Менезиша в 1540 году. По невыясненным причинам в 1540 году Каштаньеда вернулся в Португалию, где занимал вначале должность инспектора в колледже искусств, а затем хранителя архива и библиотеки университета в Коимбре. Хотя Каштаньеда не имел ученой степени бакалавра, магистра или доктора, он часто присутствовал на торжественных церемониях присуждения ученых степеней в Коимбрском университете. Здесь в Коимбре, использовав богатый материал, собранный на Востоке, и источники, имевшиеся в Португалии, Каштаньеда написал свою "Историю открытий и завоеваний португальцев в Индии". Автор разделил свой обширный труд на 10 книг. Первая книга увидела свет в 1551 году и затем в переработанном виде снова — в 1554 году. В 1552 году были опубликованы 2-я и 3-я и в 1553 году — 4-я, 5-я, в 1559 году — 6-я и 7-я и в 1561 году (посмертно) — 8-я книга. Две последние книги «Истории» никогда не были опубликованы из-за возражений регентши доны Катарины, несмотря на усилия сыновей хрониста. Ныне из этой части работы известна только 31 глава из 9-ой книги, переведенная на итальянский язык итальянским иезуитом Джованни Пьетро Маффей.

Каштаньеда считал, что для написания истории необходимо составить возможно более полный перечень всех событий. Главным для него было не допустить, чтобы исчезла память о подвигах португальцев в период правления дона Мануэла и дона Жуана III, что могло, по его мнению, случиться, если бы "История

открытий и завоеваний португальцев в Индии" не была написана. Его пребывание в Индии дало ему непосредственный контакт с восточными реалиями[1].

"История" Каштаньеды является чрезвычайно важным историческим источником как потому, что она написана на основе недоступных для современных исследователей и часто неопубликованных документов, так и потому, что автор опирался на свое знание жизни Востока и мест, где происходили описываемые им события. Знание источников, игнорировавшихся другими хронистами, и забота о детальной реконструкции исторической правды позволили Каштаньеде ввести в свою работу также эпизоды, которые выставляют отнюдь не в лучшем виде некоторых знаменитых португальцев, участвовавших в восточной экспансии. Именно это обстоятельство побудило португальский королевский двор чинить препятствия публикации и распространению его работы. Хотя "История" Каштаньеды не получила единодушного одобрения его соотечественников, она была немедленно переведена на основные европейские языки. С исторической точки зрения, работа Каштаньеды — один из наиболее важных и полных источников по истории португальской колониальной экспансии.

Важным источником для изучения истории португальской колониальной экспансии является фундаментальный труд знаменитого португальского хрониста Жуана де Барруша (1496—1570 гг.).

Жуан де Барруш был прозван своими соотечественниками "португальский Тит Ливий". Трудно установить, кто впервые его так назвал, но уже Антониу К. де Мелу во введении к книге М. де Соузы-и-Фарии "Португальская Африка", опубликованной в Лиссабоне в 1681 г., сравнивает Ж. де Барруша с Титом Ливием[2].

Жуан де Барруш родился в 1496 году в городе Визеу и умер 20 октября 1570 года в своем имении в окрестностях Помбала, куда переехал в 1567 году.

Будучи очень молодым, он начал служить у будущего короля Жуана III. В 1522 году он совершил путешествие в Африку в кре-

---

[1] *Menino Avelar Ana Paula.* Fernão Lopes de Castanheda. Historiador dos portugueses na India ou cronista do Governo de Nuno da Cunha? Lisboa, 1997. P. 74.

[2] *Faria y Souza M.* Africa Portuguesa. Lisboa, 1681. P. 1.

пость Сан Жоржи да Мина. С 1525 года началась его чиновничья карьера. Вначале Жуан де Барруш был казначеем, а с 1533 года — администратором "Каза да Индия", где работал до 1567 года.

В 1534 году дон Жуан III, стараясь привлечь колонистов в Бразилию, разделил ее на капитании, одну из которых — Мараньян — даровал Жуану де Баррушу, который снарядил флот в составе 10 кораблей и с командой около 900 человек. Сам Жуан де Барруш не участвовал в экспедиции, поскольку занимал высокую должность в Португалии и не мог надолго уехать. Командование экспедицией он поручил Айресу да Кунья. Ее участниками были два сына Жуана де Барруша — Жуан и Жероним — в качестве его представителей.

Флот отплыл из Лиссабона в ноябре 1535 года и благополучно прибыл в Пернамбуку, откуда отправился на север в капитанию Мараньян.

Однако в пути корабль да Куньи потерпел крушение, а другие капитаны решили основать капитанию на одном из прибрежных островов. Вскоре начались вооруженные стычки с индейцами, в ходе которых погибло много португальцев. Оставшимся в живых пришлось покинуть страну, их корабли в районе островов Пуэрто-Рико и Сан-Доминго были захвачены испанцами. Лишь с большим трудом Жуан де Барруш добился возвращения своих сыновей[3]. Он оказался в очень трудной финансовой ситуации. В 1539 году Жуан де Барруш обратился к королю Жуану III с просьбой поручить ему написать книгу об истории португальских открытий и завоеваний на Востоке. Учитывая то обстоятельство, что к этому времени Жуан де Барруш имел уже большой опыт литературной работы и был автором ряда книг, в том числе рыцарского романа "Хроника императора Кларимунду", посвященного Жуану III, последний решил удовлетворить просьбу Жуана де Барруша и поручил ему написать историю португальских открытий и завоеваний.

Жуан де Барруш написал огромный труд, который разделил на три части: Завоевание, Мореплавание и Торговля. Такую структуру книги он объяснил тем, что эти три слова входят в титул португальского короля[4].

---

[3] *Varnhagem F.A. de*. Historia Geral do Brasil. T. I. São Paulo, 1956. P. 196.

[4] "Король Португалии и Алгарве, как по эту сторону моря, так и за морем, в Африке, Повелитель Гвинеи и завоевания, мореплавания и торговли, Эфиопии, Аравии и Индии".

"Завоевание" в свою очередь делилось на 4 части: 1. Европа; 2. Африка; 3. Азия; 4. Санта Круз (Бразилия).

До нас дошла только "Азия". Остальные не были опубликованы. Возможно, их публикации воспротивилась инквизиция, и они были уничтожены.

О том, что он написал всемирную историю, говорит не только он сам, но и его современник Афонсу Ульоа во введении ко второму изданию "Азии" на итальянском языке: "Жуан де Барруш написал не только всемирную историю своего времени по поручению и приказу Жуана III, но и историю прошлого"[4].

Над "Азией" Барруш работал 9 лет. Это произведение охватывает период с 1419 по 1539 годы и делится на 4 декады (а каждая декада — на 10 книг).

С точки зрения нашей работы, наиболее интересна первая декада, так как ее центральная тема — путешествия Васко да Гамы и Педру Алвариша Кабрала.

В предисловии к "Азии", обращаясь к королю дону Жуану III, Барруш говорит о том, что он первый, кто пишет о португальских открытиях, за исключением Гомиша Эанниша де Зурары[5].

Занимаемые Баррушем должности дали ему доступ ко всем важнейшим документам, касающимся португальских завоеваний в бассейне Индийского океана. На основе этих документов и написана в большей своей части его хроника "Азия", что придает ей исключительную ценность. Кроме того, источниками для Барруша послужила "Хроника открытия и завоевания Гвинеи" Зурары, "Хроника дона Жуана II" Руи де Пина и книга "Достоверные сведения о землях пресвитера Иоанна", написанная Франсишку Алваришем и опубликованная им в 1540 году. Многие факты, по свидетельству самого Барруша, он узнал непосредственно от участников описываемых им событий.

В целом хроника "Азия" — ценный и достоверный источник по истории португальских открытий и завоеваний на Востоке в XV—XVI веках. Жуан де Барруш был первым, кто подробно и последовательно изложил события этой истории. Факты, приведенные в его книге, подтверждаются другими источниками (правда, есть исключения, но их сравнительно мало). Труд Ж. де Бар-

---

[4] Barros J. Del l'Asia. Venezia, 1562. P. 4.

[5] Ibid. P.5.

руша получил широкую известность. Еще при жизни автора он был переведен на итальянский язык. Крупнейшие историки, изучающие эпоху Великих географических открытий, использовали и используют хронику "Азия"[6].

О целях, которые ставил перед собой Жуан де Барруш при написании своего труда, он сам говорит в посвящении королю Жуану III, которое он предпослал своей книге. Барруш сообщает, что написал книгу "Азия" для того, чтобы "не стерлись в памяти людей, которые будут жить после нас, столь славные подвиги"[7]. Ж. де Барруш намеревался написать эпопею подвигов португальцев, где они выглядят как "настоящие герои", и из этого вытекают оценки, даваемые автором описываемым событиям.

Однако несмотря на апологетический характер труда Барруша и тенденциозность его суждений и оценок, фактический материал, приведенный в книге, часто почерпнутый из источников, ныне недоступных для исследователей, имеет большую историческую ценность. Разумеется, Жуан де Барруш, будучи приближенным короля и крупным колониальным чиновником, писал историю с определенных классовых и идеологических позиций. Он был сыном своего класса и своей эпохи. Но его знаменитый труд, содержащий многочисленные и разнообразные сведения по истории португальских географических открытий и завоевательных войн в Африке и Азии, является одним из наиболее ценных источников для изучения этих событий.

Выдающимся хронистом, дипломатом и ученым был Дамьян де Гоиш (1502—1574 гг.). Начиная с 9-летнего возраста он жил при дворе короля Мануэла I, где был очевидцем настроений, порожденных великими географическими открытиями. Когда ему исполнился 21 год, он переехал в Антверпен (1523 г.), где стал секретарем португальской фактории. В Антверпене он окунулся в атмосферу великих надежд и ожиданий, вызванную известиями об открытиях, которая привлекла в этот город, служивший конечным пунктом морского пути Лиссабон-Каликут, многочисленных писателей, художников и купцов, рассчитывавших из-

---

[6] *Пешель О.* История эпохи открытий. М., 1884; *Харт Г.* Морской путь в Индию. М., 1954; *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1963; *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. М., 1957 и другие.

[7] *Barros J.* Op. cit. P. 4.

влечь для себя пользу из этого нового центра товаров и новостей. Благодаря этому Дамьян де Гоиш познакомился со многими выдающимися людьми своего времени, с которыми потом много лет поддерживал дружеские отношения. Контакты Дамьяна де Гоиша с известными современниками не ограничивались, однако, только Антверпеном. Жуан III поручал ему важные дипломатические миссии, что помогло ему установить контакты со многими передовыми людьми того времени[8]. Он выезжал с дипломатическими миссиями в Данциг (1529 г.), а также в Северную Европу и в Польшу (1531 г.), где имел возможность познакомиться не только с новыми районами и обычаями, но и с известными писателями и финансистами. Во время этого путешествия Дамьян де Гоиш посетил также несколько немецких городов, в том числе Витемберг, где встречался с Лютером, что позволило ему получить более полное представление о новых реформаторских идеях. Царившая в Европе атмосфера конфронтации с новыми интеллектуальными течениями не встречала у него понимания. Он всегда был открыт для новых идей и интересовался различными сторонами жизни человечества. Стремление расширить свои знания и контакты подтолкнуло его к изучению латыни, знание которой позволило бы ему контактировать со всеми выдающимися фигурами своего времени. Блестящим учителем латыни и близким другом стал для него известный поэт и гуманист Корнелиус Графаеус. В течение одного семестра в 1532 году Дамьян де Гоиш учился в Лувенском университете, где тесно познакомился с рядом просветителей-гуманистов, повлиявших на формирование его мировоззрения. В том же году он вернулся в Португалию, но в 1533 году снова покинул ее, отказавшись от предложения Жуана III занять пост казначея "Каза да Индиа". В 1534 году Дамьян де Гоиш поселился на некоторое время во Фрибурге для того, чтобы иметь возможность беседовать с Эразмом Роттердамским. После этого он отправился в Италию, где посещал лекции в университете в Падуе. В Италии он начал работать над переводом Цицерона. После четырех лет пребывания в Италии (1534—1538 гг.) он снова вернулся в Лувен, город, который всегда занимал особое место в его образовании. Дамьян де Гоиш

---

[8] *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI—XVIII вв.). М., 1976. С. 14.

не ограничивался, однако, только усвоением чужих идей, но и сам вносил большой вклад в обмен идеями. Он представлял страну, которая только что получила новые данные о мире и о населяющих его народах. Великие географические открытия были не только одной из тем его бесед, как видно из переписки его современников, но и главным побудительным мотивом для публикации его собственных работ. В 1532 году Дамьян де Гоиш опубликовал латинский перевод отчета, составленного эфиопским послом Матеосом о его визите в Лиссабон. В 1539 году он опубликовал брошюру об обороне Диу против турок. В "De Bello Cambaico commentariitres" он описал ситуацию, в которой оказались португальцы в Индии при губернаторе Жуане де Кастру. Обе эти работы имели своей целью прославить подвиги португальцев в Индии и рассказать о различных событиях так, чтобы удовлетворить любопытство европейцев в отношении португальской активности на Востоке. В этом контексте Дамьян де Гоиш попытался также ответить на критику некоторых гуманистов, утверждавших, что заморская экспансия преследовала всего лишь коммерческие цели. Возражая критикам, Дамьян де Гоиш писал, что путешествия, которые привели к открытиям, имели евангелический характер, а монополия на специи служила источником материальной поддержки миссионерской деятельности.

Дамьян де Гоиш опубликовал несколько работ на латинском языке о португальском присутствии на Востоке. В 1540 году он опубликовал в Лувене сочинение об эфиопской религии "Fides, Religio, Moresque Aethiopum sub Imperio Preciosi Joannis", посвятив его папе Павлу III. В этой работе Демьян де Гоиш использовал доклад посла Эфиопии Загазааба, с которым он встречался в Лиссабоне. На основе этого источника он попытался выявить особенности христианства в Эфиопии. В тексте можно найти концепцию об универсальности христианства и идею о необходимости примирения всех направлений христианства. Эти идеи Дамьяна де Гоиша вызвали гнев инквизиции, которая внесла его сочинение в список запрещенных книг.

Публикация этих работ вызвала большой интерес в Европе, тем более что в эпоху Реформации интерес к теологическим вопросам был особенно велик. Помимо всего прочего, все эти публикации отвечали потребности узнать как можно больше о подлинной конфигурации мира. Географические открытия прино-

сили мало-помалу информацию, которая обнаруживала существование других земель и других народов и которую следовало изучать для постижения внешнего мира. О важности этих публикаций свидетельствовал тот интерес, который они вызвали в различных уголках Европы. По всей Европе работы Дамьяна де Гоиша многократно издавались, в ряде стран были изданы их переводы. Кроме того, Дамьян де Гоиш стал одним из наиболее известных авторов, работы которого постоянно цитировались, особенно когда речь шла об Эфиопии. Дамьян де Гоиш уделял большое внимание публикации оригинальных источников. Так, он переслал текст Франсишку Алвариша итальянцу Рамузио для того, чтобы он включил его в свою коллекцию путешествий. Описание Иберийского полуострова в "Космографии" немецкого автора Себастьяна Мюнстера вызвало негативную реакцию Дамьяна де Гоиша. В своей работе "Испания" он подверг критике неточность и поверхностный характер приводимых Мюнстером сведений, что заставило его внести коррективы в последующие публикации. Таким образом, пребывание Дамьяна де Гоиша за границей было весьма плодотворным. Он содействовал своими работами и своей деятельностью удовлетворению общественной потребности в знаниях.

В 1545 году Дамьян де Гоиш вернулся в Лиссабон, где, начиная с 1548 года, был главным хранителем королевского архива Торре ду Томбу. Ему было поручено составить хронику правления Мануэла I Счастливого, и, несмотря на 56-летний возраст, Гоиш взялся за этот труд в 1558 году и закончил его через 9 лет (1567 г.). "Хроника короля дона Мануэла Счастливого" во многом является весьма вольным пересказом Барруша. Но в то же время многие главы обширной хроники написаны на документальной основе и представляют собой незаменимый источник для изучения этого периода португальской истории. Это была первая работа Гоиша, опубликованная на португальском языке, хотя он был известен как историк в Европе с 1539 года благодаря своим работам на латыни. Хроника состоит из четырех частей. В Прологе Гоиш так определяет свою концепцию истории: "Самое существенное, что требуется при написании хроник, — это правдиво воздать каждому ту хвалу или вынести то порицание, какого он заслуживает". Верный этому принципу и основываясь на документах архива Торре ду Томбу, он старается писать бес-

пристрастно, судя о людях по их поступкам, а не по социальным признакам, что вызвало критику кичащихся своим благородным происхождением фидалгуш[9].

В хронике Гоиша мы находим многочисленные и разнообразные сведения по истории португальских географических открытий и колонизации в Азии и Африке, а также описания стран и народов, населяющих их. Первая и вторая части хроники были опубликованы в 1566 году (эта публикация вызвала критику, особенно со стороны семейства Брагансов, и была переиздана в следующем году с некоторыми изменениями). В 1567 году Гоиш издал также "Хронику принца дона Жуана", которая была им закончена еще в 1557 году.

Будучи выдающимся просветителем, Дамьян де Гоиш за свои философские взгляды был арестован (1571 г.), предан суду инквизиции и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Выдающийся португальский гуманист умер в 1574 году на своей родине в Аленкере[10].

Важным источником для изучения деятельности португальцев в Индии является сочинение Гаспара Коррейа "Легенды Индии". Гаспар Коррейа (1495 — после 1561 г.) был секретарем Аффонсу де Албукерки в последние три года его жизни (1512—1515 гг.). О жизни Гаспара Коррейа известно очень мало. Он служил при королевском дворе с 1506 года и в 1512 году отправился в Индию, где поступил на службу к Аффонсу де Албукерки, благодаря чему получил возможность собрать информацию о присутствии португальцев в Индии. Гаспар Коррейа гордился своей должностью секретаря Албукерки, которая требовала честности, умения сохранять тайну, физических и моральных сил, поскольку секретари должны были постоянно сопровождать губернатора, который "подписывал приказы, сидя в седле и двигаясь пешком"[11]. Гаспар Коррейа занимал различные должности (надзиратель за работами в Гоа, кладовщик на складе в Кочине, фейтор в Софале), что дало ему возможность близко познакомиться с различными сторонами жизни португальцев на Востоке. Он участвовал в ряде военных экспедиций, в том числе в захвате губер-

[9] Literatura dos descobrimentos. e de expansão portuguesa. Lisboa, 1933. P. 87.
[10] Dicionario de historia dos descobrimentos portugueses. Vol. I. Lisboa, 1994. P.464—466.
[11] Literatura dos descobrimentos. P. 83.

натором Нуну да Кунья Бассейна (январь 1533 г.). Неслучайно он описывает разрушение этой крепости в манере репортера: "И я увидел камень, огромный, как бочка...".

Первой работой Гаспара Коррейа были "Хроники королей Португалии и итогов их жизней", в которых он собрал работы известных тогда хронистов, скомпилировав и обобщив те моменты, которые он счел достойными внимания. Главный же его труд — "Легенды Индии" — был написан, когда уже Гаспару Коррейа было за 60, и охватывает период от открытия морского пути в Индию до губернаторства Жоржи Кабрала. Деятельности каждого губернатора посвящена отдельная "легенда". Труд Гаспара Коррейа — это, таким образом, сборник "легенд" обо всех португальских губернаторах Индии до 1550 года. Типичная для своего времени по концепции истории, соединяющей веру в божественное провидение и практицизм, работа Гаспара Коррейа представляет особый интерес, начиная с описания правления Аффонсу де Албукерки, поскольку здесь в тексте работы начинаешь чувствовать личный опыт самого автора. В других частях работы он полагается главным образом на косвенные свидетельства и допускает много неточностей из-за того, что не всегда может понять своеобразие и особенности восточных цивилизаций, а также потому, что часто заменяет нехватку достоверной информации работой собственного воображения. Тем не менее "Легенды Индии" — это ценный исторический источник, поскольку он написан человеком, который прожил в Индии 40 лет и был не кабинетным ученым, а участником событий как солдат и чиновник, который знал "Государство Индия" (Эстаду да Индия) изнутри, будучи функционером колониальной административной системы. Помимо того, что Гаспар Коррейа был непосредственным очевидцем многих событий (о чем свидетельствуют его частые выражения типа "я видел", "я видел много раз", " я знал"), он был знаком со многими письменными источниками и упоминает работы Дуарти Барбозы, падре Франсишку Алвариша, Мигеля де Кастаньозо, тем самым подтверждая, что его работа базируется на тщательно отобранной документальной базе.

Точная дата смерти Гаспара Коррейа пока не установлена.

Томе Пириш родился в неизвестном месте (возможно в Лейриа) около 1465 года. Если верить Каштаньеде, он был аптекарем единственного законного сына Жуана II — принца Афонсу, трагически погибшего в 1491 году. В 1511 году он поступил на службу на

одно из судов, которое в составе флота из 6 кораблей под командованием Гарсии де Норонья отплыло в Индию. По сведениям его биографа А. Кортезана, Т. Пириш прибыл в Кананор 10 сентября 1511 года. Там он в течение короткого периода был фейтором фактории, продававшей лекарства, пока в начале 1512 года Аффонсу де Албукерки не пригласил его в Кочин (мы не знаем с какой целью). В том же году или в начале 1513 года Т. Пириш отправился из Кочина в Малакку. Письмо, отправленное им брату из Малакки, датировано 7 февраля 1513 года. Из этого письма известно, что во время его плавания из Кочина в Малакку разразилась буря и значительную часть груза, в том числе и багаж Т. Пириша, пришлось выбросить за борт. Однако это не слишком его огорчило. В письме брату Т. Пириш сообщает, что за короткое время пребывания в Индии он имел возможность скопить достаточное количество денег. Несмотря на это, Пириш потребовал от губернатора возмещения потерь и должность секретаря с жалованием в 50 тысяч реалов в год. Неизвестно, были ли удовлетворены его требования, но ему было поручено помочь Руи де Араужу и Руи де Бриту доставлять королевские приказы колониальным администраторам и комендантам крепостей. Благодаря этим обязанностям Томе Пириш посетил многие португальские колонии и крепости. Он оставался в Малакке с начала 1513 до начала 1515 года, побывал на Яве с флотом из 4 кораблей под командованием Лопиша де Алвина (март 1513 г.), выполняя обязанности счетовода и фейтора. Через полгода флот вернулся с грузом гвоздики в Малакку. Там Томе Пириш в течение полутора лет писал и редактировал свою знаменитую книгу "Сума Ориентал (Сущность Востока)", совмещая это с другими занятиями, в том числе, возможно, с торговлей.

В начале 1515 года Т. Пириш вернулся в Индию. Его намерением, судя по всему, было возвращение в Португалию, так как сохранилось письмо Жоржи де Албукерки Мануэлю I, в котором говорится, что некий ботаник подробно проинформирует короля о географии региона, причем эта информация будет предоставлена в устной форме. Видимо Т. Пириш собирался отправиться в Европу в начале 1516 года, но неожиданные события изменили его планы. В сентябре 1515 года в Индию прибыл Лопиш Соареш де Албергария, который должен был сменить великого Аффонсу де Албукерки на посту губернатора. Одно из поручений, которое король дал новому губернатору, состояло в том, чтобы подготовить большое

посольство, которое должно было посетить китайского императора. Фернан Переш де Андради был назначен командовать эскадрой, которая должна была доставить посла в Китай, а трудную миссию посла новый губернатор решил возложить на Томе Пириша. Этот факт вызывал удивление у историков, поскольку Т. Пириш не был дворянином, но не следует забывать, что этот аптекарь наверняка был богат, заработал много денег на Востоке. Кроме того, он был на редкость эрудированным и пожилым человеком, а старость всегда очень уважалась восточными народами, и португальцы об этом хорошо знали.

Эскадра с послом отплыла из Кочина в начале 1516 года и после многих приключений достигла берегов Китая. Китайские власти разрешили части эскадры подойти к Кантону в июле 1517 года, то есть через полтора года после отплытия из Кочина! Несмотря на настойчивые просьбы Пириша и его спутников разрешить им поездку ко двору императора, им пришлось ждать в Кантоне до января 1520 года. В то время как Т. Пириш добивался разрешения посетить императора или вернуться на родину, резко ухудшились португало-китайские отношения вследствие действий Симау де Андради, который прибыл в Кантон летом 1519 года. Привыкший действовать военными, а не дипломатическими методами, этот португальский конкистадор игнорировал местные традиции и, не получив на то разрешения властей, возвел форт в устье Жемчужной реки. Как бы то ни было, когда Томе Пириш, наконец, отплыл из Кантона 23 января 1520 года, его посольство не имело шансов на успех. Помимо неосторожных действий Симау де Андради, неудача посольства была обусловлена также отсутствием хороших переводчиков, недостаточной ценностью подарков, посланных королем Португалии китайскому императору, и неуважительным отношением португальских купцов к местным властям (они не подчинились распоряжению мандаринов о временном прекращении торговли в Кантоне в связи с кончиной императора Ву). Разумеется, португальцы не знали об огромных размерах империи, с которой хотели установить торговые отношения, и не имели ни малейшего представления о характере китайцев. Не получив разрешения императора, Томе Пириш и его спутники вернулись в Кантон. Незадолго до этого, когда Диогу Калву вошел в этот порт, он натолкнулся на враждебность китайцев, которые схватили несколько членов его

команды, в том числе брата капитана Вашку Калву, который позже умер в Китае. После того как посольство Томе Пириша вернулось в Кантон, все его члены были схвачены, осуждены и приговорены "к смерти в колодках как мелкие морские разбойники", как говорится в письме одного из пленников Кристована Виейра[12]. В этом письме есть упоминание о том, что приговор был утвержден 23 сентября 1523 года. Это дает основание предположить, что спустя некоторое время после этого Томе Пириш и его спутники были казнены. Не лишена оснований и версия о том, что его конец был не столь трагическим. В том же письме Виейры имеется намек на то, что Т. Пириш умер от болезни в 1524 году. В то же время Фернан Мендиш Пинту упоминает, что Томе Пириш еще много лет жил в Китае, обзавелся там семьей и оставил дочь Инеш де Лейриа. (Это дало основание предполагать, что аптекарь был родом из этого города). Все эти сведения противоречивы и неопределенны. Поэтому можно сказать, что мы не знаем, когда и как умер Томе Пириш, и точно так же можно утверждать, что неизвестно, каким образом его ценнейший труд уцелел и достиг Европы. О важности "Сущности Востока" говорит уже перевод части этого труда, который привел в своем сочинении Джованни Баттиста Рамузио (1-е издание 1550 г.)[13]. Но предположительно полный текст Т. Пириша, снабженный тщательно выполненным английским переводом, появился лишь в 1944 году. Это прекрасное издание для Хаклюйт Сосайети подготовил Арманду Кортезан, который в 1978 году переиздал португальский текст с примечаниями[14]. Замечательный труд Томе Пириша охватывает три аспекта Востока: физическую географию, экономическую географию и антропологию, а также касается ряда культурных и социальных проблем. Точно так же, как и его современник Дуарти Барбоза, Томе Пириш приводит массу подробностей, описывая различные народы, связи между ними, их обычаи и восточную торговлю, особенно товары из Аравии и их циркуляцию. Интересно, что работы Пириша и Барбозы совпадают в свидетельствах об интенсивной торговле, которая шла

[12] Arquivo Nacional da Torre do Tombo. Fragmentos. № 24.

[13] *Ramusio Giovanni Battista*. Navigationi e Viaggi. 1550.

[14] *Pires Tome*. Summa Oriental. Coimbra, 1978; *Cortesão Armando*. The Summa Oriental of Tome Pires and the book of Francisco Rodrigues. 2 vols. London, 1944.

через Красное море (Мекканский пролив). Все это дает основание считать "Сущность Востока" Томе Пириша одним из самых ценных источников для изучения жизни Востока в первой половине XVI века.

Диогу де Коуту — знаменитый хронист португальской Азии родился в Лиссабоне в 1542 году. Получив хорошее образование, он вынужден был после смерти отца в поисках средств к существованию поступить в армию. Отправившись, по одним сведениям в 1556, а по другим в 1559 году в Индию, он провел там около десяти лет. В начале 1569 года он отправился в Лиссабон и во время стоянки в порту Мозамбик встретил Камоэнша, который жил тогда в нищете. По просьбе поэта Д. де Коуту начал писать комментарии к "Лузиадам", которые довел до конца V песни, но потом прекратил работу. Рукопись комментариев была утеряна. Вернувшись в Индию в сентябре 1571 года, Коуту попытался заняться коммерцией и приобрел продовольственный магазин. Он интересовался историей народов Востока, записывал все, что ему удавалось об этом узнать, и копировал документы, которые попадали в его руки. После провозглашения Филиппа II Испанского королем Португалии (1580 г.) Коуту начал писать современную хронику Азии, взяв это событие за исходную точку. В конце 1589 года он написал письмо королю, попросив у него сразу две должности — его хрониста в Азии и главного хранителя архива, который он предлагал создать в Гоа по образцу Торре ду Томбу для того, чтобы избежать дальнейшего рассеивания и потери документации. Не получив ответа, он повторил просьбу в конце 1593 года. На этот раз король удовлетворил просьбы Коуту, направив ему в 1594—1595 годах письмо и соответствующие инструкции. Король указал ему точную дату, с которой должна начинаться хроника (это была дата, до которой довел свои "Декады" Жуан де Барруш), и предписал, чтобы он подчинил свою хронику той же структуре, что и Барруш (периодизация по декадам).

Коуту пришлось прервать свою современную хронику, хотя он выполнил уже значительную часть работы, и обратиться к истории. Работая над своей грандиозной хроникой, Коуту, будучи главным хранителем архива "Государства Индия", одновременно должен был заниматься регистрацией и систематизацией всех бумаг, корреспонденции, документов, приходивших из

Португалии, а также всех договоров и переписки между вице-королем Индии и восточными правителями. Кроме того, он был в определенном смысле советником короля по вопросам, связанным с историей Востока и с документацией.

Понятно, что это не нравилось вице-королю Матиашу де Албукерки, который попытался уменьшить роль Коуту. Поэтому королевскому двору стала поступать информация, компрометирующая хрониста: в некоторых письмах даже содержались утверждения о его иудейском происхождении.

Коуту женился на Луизе де Мелу, принадлежавшей к семье зажиточных гоанских буржуа. Таким образом, он сам стал местным буржуа, интегрировавшись в социальную группу так называемых "семейных людей" Гоа. Среди защитников его интересов выделялся его шурин — монах-августинец Адеодату да Триндади, который, вернувшись из Индии в Португалию, сыграл выдающуюся роль в пропаганде сочинений Коуту и активно выступал за публикацию его рукописей. Он говорил, что вице-короли приходят и уходят, а Коуту, сильный своими знаниями, опытом и корнями, остается в столице португальской Азии. Его интересы слились с интересами Гоа. Колония значила для него больше, чем метрополия. Эту "тройную" проблему хрониста, архива и истории Азии король попытался решить сменой вице-короля, назначив на этот пост потомка великого навигатора Франсишку да Гама. По приказу нового вице-короля Коуту вынужден был написать "Трактат о роде да Гама". Но в то же время он продолжал работу над своей хроникой, начинавшейся с провозглашения королем Португалии Филиппа II... Самым продуктивным в работе историка был 1601 год, когда Коуту написал и закончил свою Декаду 7 и послал ее в Португалию. С этого времени его авторитет при дворе упал. Двор стал скуп на депеши и инструкции благоприятные для хрониста. Филипп II проявлял к нему не меньшее уважение, чем Филипп I, умерший в 1598 году. Постоянно задерживалось издание трудов хрониста. Декада 4 была опубликована только в 1602 году. Но еще до того, как экземпляр Декады 4 попал в руки Коуту, пришло известие о том, что рукопись Декады 7 украли зеландские моряки. Но хронист сохранил копию. Он ее значительно обновил и исправил, а затем послал рукопись вновь в Португалию. В своих полных горечи письмах к Франсишку да Гама Коуту жаловался на некоторых людей, выражая опасения за судьбу "Государства Индии", которому угро-

жали голландцы, сообщал о том, что его работа над Декадами 8, 9, 11 и 12 продвигается медленно и с большим трудом, протестовал против скудного выделения ему денежных средств и угрожал прекратить работу и даже сжечь все черновики, ибо он чувствовал, что умрет, если не получит от королевства средств и почестей, которых он заслуживал. Франсишку да Гама председательствовал в Совете Индии и мог, конечно, походатайствовать за Коуту, но практически ничем ему не помог.

Лишь в 1610 году, когда, наконец, была опубликована исправленная автором рукопись Декады 7, Коуту обрел второе дыхание. В следующем 1611 году хронист завершил свою "Жизнь дона Паулу де Лима". В том же году Диогу де Коуту написал половину Декады 10, которая охватывала период управления "португальской Индией" Франсишку да Гамой в последние годы XVI века. В том же 1611 году Коуту обменялся письмами с церковным регентом в Эвора Мануэлем Северином де Фариа. В одном из этих писем Коуту рассказывает, как он встретил Камоэнша на острове Мозамбик и как поэт просил его сделать уже упоминавшиеся комментарии к "Лузиадам".

В этот период жизни хронист был осыпан королевскими милостями. 13 марта 1610 года король предоставил ему дом для жилья. Через год король принял решение поручить Коуту составить инструкции об архиве Гоа.

В ответ на жалобы Коуту на то, что его книги не публикуются, а рукопись Декады 5, ожидавшая издания, стала объектом плагиата, 14 августа 1612 года было дано последнее разрешение на издание Декады 5 и даже была установлена цена на книгу. Первые экземпляры поступили в продажу в том же году. Коуту с горечью писал Франсишку да Гаме, что "триста мужчин" за услуги, гораздо менее важные, чем те, которые представил он, уже получили милости, пенсии и дворянские титулы. Он пишет, что "не просит Его Величество сделать его фидалгу или наградить орденом Христа, ибо мир наполнен такими людьми, и должен же быть хотя бы один известный человек, не имеющий такого ордена". В письме 1608 года он просит да Гаму использовать свое влияние, чтобы включить его, Коуту, в число советников короля. Ответ да Гамы неизвестен. Но известно, что король удовлетворил часть его претензий и назначил ему пенсию в 100 парданов (ответ короля на рекомендацию Совета Индии от 10 марта 1609 г.) Кроме того были обещаны выгодные должности его родственникам. Коуту писал об этих обещанных

милостях, которых надо "ждать сто лет", в одном из фрагментов своего труда "Солдаду практику".

Коуту пришлось собирать многочисленные бумаги, свидетельства, проводить изыскания, чтобы доказать чистоту крови своих предков. Однако ему так и не удалось получить дворянский титул.

Зато 22 июля 1613 года инквизиция одобрила Декаду 7 его хроники. В 1614 году он завершил Декады 8 и 9. Стимулом к работе над этими Декадами послужили циркулировавшие тогда слухи о том, что французы и немцы до такой степени заинтересовались его историческим трудом, что собирались перевести его. Но были моменты, которые мешали его работе. Начиная с 90-х годов XVI века Диогу де Коуту страдал от подагры. Иногда эта болезнь причиняла ему ужасные мученья и превращала его в инвалида. В один из таких периодов Франсишку да Гама прежде, чем покинуть Индию, написал в письме королю, что его преемник на посту вице-короля должен позаботиться о больном хронисте. При этом преемнике Коуту для публичных выступлений приносили в кресле, так как он был не в состоянии ходить и стоять. Мануэл Северин свидетельствует, что , когда хронист занимался отправкой в Португалию рукописей Декад 8 и 9, "он так тяжело болел, что опасались за его жизнь". И добавляет: "Именно тогда из дома исчезли эти два тома (Декады 8 и 9), взятые кем-то, чтобы позже использовать в чужих трудах".

Зная об ударах судьбы, обрушившихся на хрониста, король в письме вице-королю от 21 февраля 1615 года назначил Коуту ежегодную пенсию в 500 серафинов и предписал оплачивать услуги двух переписчиков, помогавших ему в работе. Судя по всему, обрадованные этим королевским приказом переписчики помогли старому хронисту быстро восстановить украденные черновики ("фрагменты" и "воспоминания", как пишет Коуту). В результате уже 28 января 1616 года Коуту написал посвящение на восстановленных рукописях Декад 8 и 9. В сентябре он попросил, чтобы его должности хрониста и главного хранителя архива после его смерти перешли к Домингушу де Кастилью — мужу его племянницы, которую он воспитывал как дочь. 10 декабря 1616 года великий хронист Диогу де Коуту умер.

Посмертное издание труда Коуту включало:

— пять полных Декад: 4, 5, 6, 7 и 10;

— половину (книги 1 и 5) Декады 12;

— Резюме, разделенное на главы предполагавшейся Декады 8;

— Резюме, разделенное на главы, предполагавшихся книг 1 и 4 Декады 9.

— Резюме, разделенное на главы, предполагавшейся Декады 11, было опубликовано в 1788 году в книге "Декады Азии".

Эти Декады, резюме, фрагменты и неполные резюме собраны в факсимильном издании Библиотеки Св. Карлуша "Декады" (Лиссабон, 1973). В него включены три издания труда Коуту, начиная с издания XVII века.

Следует заметить, однако, что Декада 7 содержит существенные отличия от сохранившихся оригинальных рукописей. Так называемая Декада 12 была еще в рукописи жертвой цензурных исправлений. В частности, из нее была изъята цензурой целая глава, представлявшая собой ценный рассказ о городе и Храме Ангкор, а последняя цензурная правка, которая имела место после "реставрации" 1640 года, изъяла из нее существенные фрагменты, которые сочли лестью и подхалимством перед испанской династией. Нельзя быть уверенным в достоверности текста Декад 4 и 6, так как не сохранилось рукописи, предшествовавшей первому изданию.

Что касается неполного резюме Декады 9, оно идентично оригинальной рукописи. На нем нет подписи Коуту. Текст явно не подвергался цензуре. Но в нем много опечаток и имеются различия между различными изданиями. Что касается резюме Декады 11, печатный текст базируется на рукописи, хранящейся в Библиотеке Визеу. Все отрывки этого текста, которые указывали, подсказывали или позволяли установить авторство Коуту, были изъяты или заменены издателем.

В 1937 году Университет Коимбры опубликовал полную версию Декады 5, существенно отличающуюся от прежних изданий.

При нынешнем состоянии исследований о Коуту невозможно утверждать с уверенностью, что когда-либо существовали вторая часть Декады 12 и полные и организованные тексты Декад 8, 9 и 11. Негативная гипотеза представляется наиболее вероятной.

Словарь терминов

алкайд, алкайд-мор — комендант крепости (порт.).

амбела — ткань, покрывало, в которое можно завернуться, чтобы спать, но оно может служить также и одеждой.

аркебуза — тяжелое ружье, заряжавшееся с дула каменными пулями (XV век).

арроба — португальская мера веса, равная 15 кг.

бомбарда — одно из первых артиллерийских орудий, применявшихся при осаде и обороне крепостей в XIV—XVI вв.

веедор — финансовый и налоговый инспектор.

галеон — старинный корабль с высокими бортами, служивший для военных или транспортных целей.

галеры — длинные, узкие и быстрые гребные суда.

галс — линия пути корабля от поворота до поворота.

"Государство Индия" — особая административная единица, включавшая в себя колонии Португалии на Востоке.

Замбуко — гребное судно водоизмещением до 50 т., сооруженное из связанных кокосовыми волокнами древесных стволов, с парусами из сухих пальмовых листьев.

камара — муниципалитет, избиравшийся белыми горожанами из числа наиболее состоятельных граждан.

каноэ — лодка из целого ствола дерева или деревянный каркас, обтянутый кожей с однолопастными веслами.

капитания — административно-территориальный округ в португальских колониях.

капитан-мор — командующий, комендант (порт.)

каравелла — морское парусное судно с одной палубой и высокими бортами и надстройками в носовой части и на корме, распространенное в странах средиземноморья в XIII—XVII вв.

"Каррейра да Индия" — ежегодная морская связь между Лиссабоном и Гоа и обратно, осуществлявшаяся с помощью кораблей с круглым парусом и галеонов.

картаж — введенный португальцами в начале XVI в. пропуск или разрешение (лицензия) на право судоходства в Индийском океане для торговцев Востока.

конкиста (исп., порт.) — завоевания.

крузаду — старинная португальская монета.

лига (или легуа) — мера длины, равна 5 километрам.

мавры — так европейцы называли мусульман (синонимы: сарацины, мориски).

Магриб — район, охватывающий Марокко, Алжир, Тунис.

мамлюки — воины — рабы тюркского, кавказского или европейского происхождения, обращенные в ислам и воспитанные как мусульмане.

метикал — старинная монета и мера веса.

морская сажень — 182 см.

нау — корабли с круглым парусом.

падран — каменный столб, который устанавливали португальские мореплаватели на открытых ими землях.

парау — судно с 20 скамейками и 6 гребцами на каждой их них.

пардан — старинная монета португальской Индии, равная 1000 рейсов.

празу — аренда земли на три поколения.

празу — земельные концессии, предоставлявшиеся без права отчуждения и передававшиеся по наследству в течение трех поколений.

рейсы — старинные мелкие португальские монеты.

"руме" — так в Индии называли мамлюков — отобранных в младенческом возрасте у родителей мальчиков, обращенных в ислам и обученных военному делу.

саморин — (порт.) династический титул (самутири, самури) правителя государства Эрнад на Малабарском побережье со столицей Каликут.

санджак — основная административно — территориальная единица в Османской империи, составная часть вилайета.

серафин — старинная португальская монета.

султан Вавилона — так называли в Европе мамлюкского султана в Египте.

терранкины — маленькие персидские суденышки .

фактория — торговый пост.

фейтор — администратор (управляющий) факторией.

фидалгу — дворянин (порт.)

фустас — суда того же класса, что и парау, но меньших размеров и более маневренные.

Хафсиды — династия, правившая в Тунисе в 1229—1574 годах. Названа по имени шейха Абу Хафса. Была низложена в 1574 г. турками Османской империи.

шериф ("благородный") — так называли арабских правителей.

эшкриван — секретарь (часто выполнял функции нотариуса).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава первая. Португальская колониальная экспансия в Марокко 7
1.1 Португальцы в Марокко в XV веке 7
1.2 Португальская экспансия в Марокко в начале XVI века 26
Глава вторая. Второе и третье путешествия Васко да Гамы Португальцы на Малабарском побережье Индии 36
2.1 Второе путешествие 36
2.2 Третье путешествие 63
Глава третья. Кто стоял за "черной меткой" мамлюкского султана? 68
Глава четвертая. Первый вице-король Индии Франсишку де Алмейда 79
Глава пятая. Аффонсу де Албукерки – архитектор португальской колониальной империи 106
Глава шестая. Португальская колониальная экспансия после Албукерки 131
Глава седьмая. Борьба португальцев с арабами и мамлюками за Индийский океан 160
Глава восьмая. Конфликт между Португалией и Османской империей в Индийском океане (XVI век) 189
Глава девятая. Колониальная экспансия Португалии на Цейлоне в XVI веке 217
Глава десятая. Португалия — хозяйка Индийского океана (XVI век) 234
Глава одиннадцатая. "Государство португальской Индии" 248
Глава двенадцатая. "Битва трех королей" 259
Глава тринадцатая. Попытка колониальной экспансии Португалии в Эфиопию 273
Заключение 285
Источники по истории Португальской колониальной экспансии в XVI веке 293
Словарь 317